СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXVI

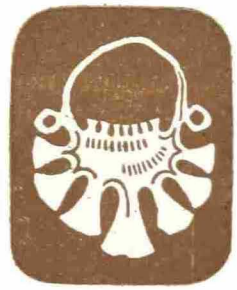
2 экз

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXVI



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор
Б. А. Рыбаков

Заместитель ответственного редактора
А. Я. Брюсов

Ответственный секретарь
И. Т. Кругликова

Члены редколлегии:
А. Л. Монгайт, Б. Б. Пиотровский, Д. Б. Шелов

СТАТЬИ

А. Я. БРЮСОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ[1]

Вопрос о соотношении археологических культур и этнических общностей является одним из наиболее острых и спорных вопросов[2]. Исходя из положения, что язык является основным признаком этнической общности, и из того факта, что некоторые племена, обладающие якобы одной и той же материальной культурой, говорят на разных языках, многие лингвисты и этнографы оспаривают право ставить знак равенства между археологической культурой и этнической общностью[3]. Выраженное в такой категорической форме положение подтверждается, по их мнению, некоторыми этнографическими наблюдениями[4]. Но стоит ограничить эту проблему неолитической эпохой и условиями существования этнических общностей того времени, как вопрос предстанет в несколько ином виде, а выставляемое лингвистами и этнографами положение не таким уже бесспорным, каким оно кажется с первого взгляда.

Еще более сложной окажется эта проблема, если мы примем во внимание, что язык является только одним из признаков этнической общности, весьма существенным, но не единственным, и что поэтому нельзя подменять историей языка историю народа или, в отношении неолитической эпохи, историю племени.

Несомненно, что в неолитическую эпоху были случаи, — и, вероятно, неоднократные,— языковой ассимиляции одного племени другим, но это еще никак не приводит к заключению, что археологические культуры нельзя

---

[1] Глава из монографии «Некоторые теоретические вопросы археологии (неолитическая и бронзовая эпохи)»; см. также СА, XXV, 1956.

[2] Ср. результаты дискуссии на совещании по методологии этногенетических исследований, проведенного четырьмя институтами Академии наук СССР — Языкознания, Истории, Этнографии и Истории материальной культуры — в Москве 27 октября—3 ноября 1951 г. См. изданные тезисы докладов и выступлений (М., 1951).

[3] Ср. тезис 11-й доклада на совещании по методологии этногенетических исследований Б. Б. Горнунга, В. Д. Левина и Н. К. Сидорова на тему «Проблема образования и развития языковых семей». В этом тезисе говорится: «...Прослеживаемая археологами преемственность в развитии материальной культуры на какой-либо территории не может служить решающим доказательством существования непрерывной языковой традиции на этой же территории...» или еще резче—в тезисе 13-м доклада С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова на тему «Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания»: «Сходство характерных форм материальной культуры (керамики, украшений и пр.) в пределах определенной археологической «культуры» отнюдь не везде означает, что носители этой «культуры» представляли этническое единство».

[4] См. тезис 10-й упомянутого доклада С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова.

считать поэтому признаками этнической общности. Такое отрицание могло бы иметь место в том случае, если бы можно было доказать, что в неолитическую эпоху языковая ассимиляция не сопровождалась культурной ассимиляцией, т. е. что по археологическим данным нельзя установить факта ассимиляции одного племени другим.

Для того чтобы внести ясность в эти вопросы, обратимся сначала к археологическим фактам и их наиболее вероятным истолкованиям. Картина, которую мы видим в неолитическую эпоху, может быть коротко описана следующим образом.

В раннем неолите или в самом конце эпипалеолита, а может быть, и ранее, слагаются локальные образования, которые можно считать археологическими культурами в точном понимании этого термина. В каждом таком районе наблюдается известное своеобразие в технике обработки камня и в формах некоторых типичных каменных орудий. Весьма вероятно, что эти местные формы материальной культуры можно считать признаками сложения племенных общностей, так как размеры охватываемого ими пространства слишком велики, чтобы считать их за области расселения рода.

С III тысячелетия до н. э. археологические культуры выступают уже вполне явственно и в большом числе выделены, определены и описаны за последние десятилетия. Во многих случаях эти культуры охватывают сравнительно ограниченное пространство. При охвате обширных территорий, преимущественно на Юге, в этих культурах прослеживаются локальные варианты, некоторые из которых, после более детального изучения, придется, возможно, считать особыми культурами.

Целый ряд неизменно повторяющихся характерных явлений, наблюдаемых в этих археологических культурах в процессе их развития, и изменений, позволяющих видеть в этих явлениях материальное отражение различных связей между коллективами людей, дает право считать эти археологические культуры материальными остатками быта древних племенных организаций. В ряде случаев наблюдается непрерывная антропологическая и археологическая преемственность форм в одном определенном и резко ограниченном районе.

При наличии в районе распространения какой-либо археологической культуры одного и того же (по антропологическим данным) населения, с одинаковой во всем районе формой хозяйства, однородными формами поселений, одинаковыми погребальными обрядами и т. д., мы можем, думается, поставить знак равенства для определенного исторического периода между археологической культурой и этнической общностью. Допустимо, конечно, считать, что за такой археологической культурой кроется не одно, а несколько родственных племен, но это не меняет дела по существу

В таком случае вопрос, который мы должны разрешить, не может быть выражен обычной, слишком общей формулой: «Имеем ли мы право поставить знак равенства между археологической культурой и этнической общностью?», а должен быть расчленен на два вопроса:

1. Могло ли население, представленное археологической культурой, говорить на нескольких разных языках?

И если для отдельного момента существования археологической культуры можно признать наличие единого языка у представленного ею населения, т. е. можно поставить в таком случае знак равенства между археологической культурой и этнической общностью, то вторым вопросом будет:

2. Можно ли поставить этот знак равенства не только для одного, отдельно взятого момента, но и для всего периода существования данной археологической культуры?

Археологическое изучение культур неолитического периода всегда и без исключения устанавливает, что внутри этих культурных общностей существуют самые тесные связи (собственно, по этому признаку и выделяются археологические культуры), в противоположность отношению этих культурных общностей к другим им подобным. Связи между такими культурами и соседними, а тем более, отдаленными, оказываются ограниченными узкими рамками проникновения из одной археологической культуры в другую только некоторых типов бытовых вещей, обычно в незначительном количестве, и еще менее — керамических форм и орнаментов. Эта типичная для неолита крайняя замкнутость отдельных археологических культур делает сомнительным предположение о существовании у населения, представленного такой культурой, двух или более неродственных языков, допуская, конечно, различия в диалектах. Поэтому в качестве весьма вероятной гипотезы мы можем, как я говорил, принять, что археологическая культура в отдельный момент своего существования служит показателем существования в данном районе этнической общности — племени или нескольких родственных племен.

Центр тяжести разногласий между сторонниками и противниками отождествления археологической культуры с этнической общностью лежит, следовательно, на втором вопросе: может ли это население — племя или группа племен — изменить язык (например подвергнуться языковой ассимиляции другим племенем), сохранив при этом свою прежнюю материальную культуру; может ли ассимилированное в языковом отношении племя перестать быть тем племенем, которым оно до тех пор было, при сохранении прежней материальной культуры?

Ведь если ассимилированное племя вместе с языком изменит и свою материальную культуру, то это тотчас же отразится на археологическом материале, и археолог, естественно, не назовет новую культуру прежним именем. Но тогда отпадет возражение, что под одной и той же археологической культурой может скрываться в разное время племя (или племена), на каком-то этапе своего существования изменившее свой язык.

Необходимо прямо сказать, что никаких неопровержимых доказательств того, что ассимилированное племя (или племена), приняв чужой, неродственный язык, сменяет свою материальную культуру на материальную культуру ассимилировавшего племени,— нет. Поэтому такая проблема всегда будет оставаться дискуссионной. Дискуссионными будут также этнографические и лингвистические примеры из фактов современности или сравнительно недавнего прошлого, так как условия существования неолитических племен, несомненно, были совсем иными. Однако некоторые предположения на основании этнографо-лингвистических примеров мне кажутся заслуживающими внимания. Так, например, не лишены значения этнографические наблюдения Б. О. Долгих в отношении истории северосибирских племен за последние столетия[1]. Он указывает, что долгане, образовавшиеся из частей нескольких эвенкийских племен и перешедшие на якутский язык, представляющие по своему быту смесь эвенкийских, русских и якутских черт, называют себя «соха», т. е. якутами, но *сами себя якутами не считают*.

Б. О. Долгих утверждает, что в данном случае образовалась новая народность — долгане. С точки зрения сторонников определения этнической общности только на основе языковых признаков долган следовало бы считать якутами *вопреки их самосознанию*.

---

[1] Доклад Б. О. Долгих на совещании по методологии этногенетических исследований 3 ноября 1951 г.

В другом приведенном Б. О. Долгих примере эвенкийское племя ванядыр, в результате неудачных войн с другими эвенкийскими племенами, принуждено было переселиться из бассейна р. Хатанги на север. Миддендорф характеризует их потомков как настоящих самоедов по языку и быту.

В первом приведенном примере мы видим, что не всегда язык определяет этническую принадлежность. Надо полагать, что самосознание долган, не признающих себя якутами, является более действительным показателем, чем формальный языковый признак. Очевидно, что иной быт, сложившийся у долган, имеет в этом отношении не меньшее значение.

Второй случай дает классический пример полной ассимиляции, выраженной не только в смене языка, но и в смене всего бытового уклада.

Оба эти примера показывают, что самосознание людей при родо-племенной организации общества оценивает свою этническую принадлежность не только по одному языку и что бывают случаи, когда при смене языка племя меняет и весь свой бытовой уклад. Решать, что́ при этом является главным, было бы по меньшей мере рискованным.

Таким образом, проблема совпадения и несовпадения археологических культур и этнических общностей оказывается далеко не так просто разрешимой. Надо, кроме того, полностью учесть, что для разных эпох этот вопрос может быть решен по-разному. В данном случае речь идет только о неолитической и бронзовой эпохах и о родо-племенной организации общества. Едва ли можно сомневаться в том, что прочность традиций бытового уклада — тип одежды, украшений, орнамента, применяемых в домашнем производстве орудий, утвари, обстановки жилища и т. д.—должна была проявляться с большой силой в эпоху, когда отсутствовало нивелирующее влияние ремесленного производства и развитых путей сообщения. Продолжительность этой преемственности в формах орудий труда, керамики, украшений и оружия в границах любой археологической культуры неолитической эпохи охватывает столетия и даже тысячелетия и свидетельствует об упорной, не поддающейся сторонним влияниям традиции.

Подобная культурная традиция, конечно, должна была существовать не только у ассимилирующего, но и у ассимилируемого племени. И так как совершенно невероятно думать, что языковая ассимиляция могла действовать на расстоянии без физического соприкосновения ассимилирующего и ассимилируемого племен, то в археологическом материале в области заселения ассимилируемого племени неизбежно должны оставаться следы таких связей в виде хотя бы некоторых предметов, характерных для культуры ассимилирующего племени. Изучая археологический материал, нельзя не заметить поразительного совпадения многих фактов с изложенными предположениями. Так, например, во 2-й половине II тысячелетия до н. э. можно наблюдать странное на первый взгляд явление в области среднего течения р. Оки — в юго-западной части территории распространения волосовской культуры и в юго-восточной части территории распространения рязанской культуры: сложение здесь преемственно не связанной с обеими этими культурами поздняковской (подборновской) культуры. Еще до этого, с середины II тысячелетия до н. э., в комплексах вещей со стоянок волосовской культуры появляются отдельные предметы южного типа: обломки баночных сосудов (на Волосовской стоянке, на Старшем Волосовском могильнике), бронзовое тесло и бронзовый двулезвийный нож (на Панфиловской стоянке). Но до поры до времени такие вещи не нарушают общего облика комплексов находимых предметов, как не нарушают его и другие привозные вещи (валикообразные топоры, черешковый ка-

менный топор и др.). Однако вскоре в этом районе появляются стоянки поздняковской культуры, которые представляют собой уже совершенно иное явление: это, несомненно, один из вариантов южной срубной культуры или какая-то очень родственная ей культура.

Еще ярче подобное же явление наблюдается на юге Среднего Зауралья, где в комплексах предметов шигирской культуры (по В. М. Раушенбах — горбуновской культуры) появляются элементы южной андроновской культуры, особенно хорошо представленные в орнаментике глиняных сосудов. Позднее там постепенно распространяются типы вещей, характерные для ананьинской культуры.

Оба эти примера могут быть истолкованы как признаки проникновения с юга скотоводческих племен срубной и андроновской культур (позднее — ананьинской культуры, и притом с севера), ассимилировавших часть волосовских, рязанских и шигирских племен и как бы навязавших ассимилированным ими племенам свой бытовой уклад и свою родовую и племенную символику, а возможно, и свой язык. Видеть в этих примерах прямое завоевание или оттеснение местного населения не приходится. Враждебные отношения между племенами в неолитическую эпоху выражены в археологическом материале обычно иначе и достаточно отчетливо. Так, на пути продвижения фатьяновских племен со Среднего Поднепровья стоянки местных племен с инвентарем, резко отличающимся от фатьяновского, прекращают свое существование, и на их местах появляются иногда могильники фатьяновского типа (Большое Буньково, Вщиж, Мыс Очкинский); несмотря на длительное соседство фатьяновцев и племен с ямочно-зубчатой керамикой, окружавших их, между ними не намечается никаких связей. Еще характернее смена андроновской культуры на Алтае карасукской культурой, никак преемственно не связанной с первой.

Напротив, в приведенных случаях предполагаемой ассимиляции части среднеокских и зауральских племен мы наблюдаем непрерывное в течение долгого времени просачивание южных культурно-бытовых признаков, доказывающее постоянные сношения между теми и другими, и притом сношения, очевидно, мирного характера.

Можно также наблюдать по археологическому материалу внедрение в чужую область какого-либо племени при сохранении на месте части аборигенного населения. В этом случае происходит временное резкое смешение разнородных комплексов вещей, как, например, в усатовской и городской культурах; в комплексах с поселений этих культур нетрудно различить господствующие восточностепные элементы наряду с абсолютно чуждыми им типами поздней трипольской керамики.

Но нередко в археологическом материале наблюдается более сложное явление, требующее подробного объяснения.

Явление это состоит в смешении разнородной керамики в комплексах некоторых стоянок. Так, например, нетрудно заметить, что на поздней ступени развития беломорской культуры в ее керамике появляются сосуды с так называемым воротничком и довольно широким вертикальным горлом, украшенным оттисками шнура. Как отметила М. Е. Фосс, подобный тип сосудов характерен для начала I тысячелетия до н. э. в Камском Приуралье. В других случаях типичная для какой-либо археологической культуры керамика или ее орнаментация распространяется на сопредельную или близкую к области распространения этой культуры территорию: такой случай мы наблюдаем, например, в проникновении керамики с ромбическим орнаментом, характерной для белевской культуры, на запад, в область, занятую памятниками рязанской культуры. Несколько шире распространяется своеобразная по составу глины, толщине стенок и

орнаменту керамика волосовской культуры; мы находим ее на Верхней Клязьме (Большое Буньково) и даже в Заволжье (стоянка Станок). Таких примеров можно привести много. Надо ли объяснять все такие случаи причинами одного порядка, или тут действовали причины разного характера?

В основу попытки объяснения таких явлений я кладу принятое многими советскими археологами и достаточно хорошо мотивированное М. Е. Фосс[1] положение, что орнамент на неолитических глиняных сосудах является в своей основе повторением родовых и племенных знаков, а следовательно, связан с этнической общностью владельцев этих сосудов. Ввиду хрупкости этих сосудов и невозможности допустить более или менее широкий обмен этими сосудами в неолитическую эпоху, мы вправе предполагать во всех этих случаях, что распространение типичных сосудов означает вместе с тем движение населения, изготовлявшего такие сосуды. В одних случаях это могло быть движением значительного количества людей и даже всего племени, в других—части племени и, наконец, отдельных лиц.

Когда керамика определенного типа оказывается вне области обычного своего распространения на большем или меньшем удалении, но без примеси другой керамики, это можно рассматривать как явление, характеризующее расселение какого-либо племени или группы племен. Таково, например, заключение М. Е. Фосс о заселении Летнего берега Белого моря из Волго-Окского междуречья; таково заключение И. К. Цветковой о расселении волосовских племен на восток; таково мое предположение о заселении Карелии племенами, пришедшими частью с верховьев Оки, частью с запада и т. д. Совпадение типа древнейшей керамики в этих предположительно заселяемых областях с типом керамики того же времени в областях, из которых предположительно происходило заселение, повидимому, оправдывает такие гипотезы.

Иное дело, когда керамика, характерная для какой-либо археологической культуры, примешивается к керамике другой культуры, составляя ее меньшую часть или не распространяясь на всю область, занятую памятниками изучаемой культуры. Такие случаи бывают наиболее частыми. Объяснения их могут быть различны. Гипотеза некоторых археологов о том, что культурные слои многих неолитических стоянок содержат смешанный разновременный материал, что при анализе материала такого рода содержащаяся в нем керамика должна быть разделена типологически, а не стратиграфически, и что случаи такого рода свидетельствуют о многократном заселении разными племенами одного и того же места,— такая гипотеза кажется мне неприемлемой[2].

Обратим внимание на то, что подобного рода случаи наиболее часто встречаются вблизи границ соприкосновения двух разных археологических культур, более или менее близких по своему облику. При территориальном соприкосновении двух совершенно разнородных культур такие случаи, как правило, не наблюдаются или носят совершенно иной характер (наличие в составе керамики только немногих чуждых ей образцов). Поэтому я ищу объяснения таким фактам в обычае экзогамных браков и предполагаю, что привнесение в какую-либо археологическую культуру керамических типов соседней культуры надо объяснять экзогамными браками между представителями родственных племен. Такое толкование гораздо более удовлетворительно объясняет эти явления, чем гипотеза о заимствовании. Заимствование в области орнаментики глиняных сосудов

---

[1] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, гл. 6.

[2] Основания моего несогласия см. СА, XVIII, 1953, стр. 23 и сл.

в неолитическую эпоху вообще мало вероятно, так как трудно предположить, чтобы в это время могли заимствоваться родовые и племенные знаки. А о завоеваниях в этих случаях говорить не приходится, потому что одного наличия относительно небольшого количества чуждой керамики явно недостаточно для таких предположений.

Если мое объяснение правильно, то оно означает процесс достаточно интенсивного и длительного смешения различных неолитических племен путем экзогамных браков.

Однако случаи, подобные случаю появления в беломорской культуре характерных камско-приуральских типов глиняных сосудов, едва ли могут быть подведены под эту категорию. Повидимому, здесь имело место какое-то другое явление, характер которого определить еще очень трудно. Возможно, что здесь приходится считаться, действительно, с переселением на берега Белого моря части камско-приуральского населения, как полагает М. Е. Фосс[1].

И, наконец, не следует забывать, что в неолитическую эпоху уже сложились междуплеменные пути сообщения и что нет никаких оснований предполагать, что каждое племя жило абсолютно изолированно от своих соседей и даже более отдаленных племен. Самые разнообразные причины и поводы, установить которые по большей части невозможно, могли побуждать группы населения или отдельных лиц к посещению области чужого для них племени. Напомню прежде всего,что залежи нужного для производства камня имеются не повсеместно, и этнографические наблюдения убедительно свидетельствуют о периодических поездках за нужным материалом; междуродовые и междуплеменные конфликты почти всегда требовали (опять-таки мы можем судить об этом на основании этнографических наблюдений) предварительных переговоров с целью разрешить спор мирным путем или объявить об открытии военных действий. Большое значение для рассматриваемых нами случаев имеет существующий кое-где обычай, который запрещает нападающей стороне пользоваться водой с чужой территории и обязывает запасать воду (очевидно,— в сосудах) на все время военных действий[2]. Не исключаются, конечно, и случаи посещения чужого поселения отдельными людьми по поводам личного характера.

Было бы неправдоподобно, чтобы во всех этих случаях люди шли или ехали с пустыми руками. И вполне естественно, что черепки от взятых ими сосудов с пищей или чем-либо иным окажутся на месте их посещения. К сожалению, при обработке материалов из раскопок на это обстоятельство редко обращают внимание. Но в тех случаях, когда это делается, как, например, при раскопках в Кёльн-Линдентале[3], подтверждается наличие на стоянках чуждой для данной культуры керамики, обычно в единичных экземплярах. Такие случаи «перемешанности» керамики, очевидно, не будут указывать ни на вторжение чужого племени, ни на мирное смешение разных племен. А тщательный анализ не только формы и орнамента, но и состава глиняного теста сосудов или их обломков позволил бы сделать интересные и важные выводы о междуплеменных отношениях.

Все эти примеры и соображения показывают, что разногласия, которые возникают по вопросу о соотношении археологических культур и этнических общностей, вызваны главным образом терминологической

---

[1] М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 131 и сл.

[2] См., например, Л. Я. Штернберг. Семья и род. Л., 1933, стр. 44 и сл.

[3] См. W. Buttler. Ein Hinkelsteingefäss aus Köln-Lindentahl und seine Bedeutung für die Chronologie der rheinischen Bandkeramik. «Germania», 1935, № 3, стр. 193 и сл.

путаницей в понимании термина «племя» и недостаточной осведомленностью о тех признаках археологического материала, на основании которых делаются заключения об этнической общности.

Под термином «племя» можно подразумевать и подразумевают различные понятия, в зависимости от того, о каком времени идет речь и с какой точки зрения рассматривается этот вопрос. Но если мы вернемся к исходной проблеме, т. е. к выяснению отношения археологических культур к племенам неолитической эпохи, то очевидно, что под термином «племя» мы должны подразумевать самоуправляющуюся первобытную общину, возникшую на основе общего владения средствами производства и на основе родственных отношений. Разумеется, что такая община объединяла не всех этнически родственных между собой людей и не всех, говоривших на одном и том же языке. Племя охватывало только часть их, часто весьма незначительную, но единство языка и этническое единство являлось обязательным признаком племени. Численность племени определялась не единством языка, не культурной общностью, не антропологическим единством, а хозяйственными условиями. Племенное самоуправление могло освоить только ограниченное пространство, иначе оно превратилось бы в фикцию. Если бы племя было разбросано на слишком большой территории, то не все члены племени могли бы осуществить свои права на участие в общеплеменных делах. Племя не могло защищать слишком большую территорию при относительно редком населении, что было результатом экстенсивного охотничье-рыболовецкого хозяйства. Вряд ли мы ошибемся (исходя из значительно более поздних фактов — этнографических данных о племенах Северной Азии, североамериканских индейцах и др.), если предположим, что число взрослых людей в племени не превышало в среднем нескольких сот человек, в редких же случаях — одну-две тысячи.

При таком количестве людей в самоуправляющемся племени, конечно, нельзя думать, что племя охватывало все население, говорившее на одном и том же языке или объединенное культурной общностью. И несомненно, что при возрастании численности племени и его сегментации отделившаяся группа в течение долгого времени сохраняла свой язык, а вместе с тем и культурное единство с материнской группой.

Отсюда следует, что в тех случаях, когда племена, отделившиеся от основного племени, занимали земли вблизи от его территории, археологический материал только в очень редких случаях может дать указания на то, что мы имеем дело не с одной самоуправляющейся организацией, а с несколькими родственными племенами. С этим приходится мириться и только с такой оговоркой признавать соответствие между неолитической культурой и существовавшим в древности «племенем», т. е., вероятнее всего, группой близко родственных племен.

В связи с этим необходимо рассмотреть одно явление, которое дает иногда повод к неправильному, как мне представляется, истолкованию. Речь идет о том, что ареалы распространения керамики, типичной для какой-нибудь археологической культуры, оказываются нередко гораздо уже, чем ареалы распространения ряда встречающихся в памятниках той же культуры каменных и костяных орудий. Чрезвычайно соблазнительно приписать это обстоятельство однородности природной среды на всей территории, на которой эти орудия встречаются, обусловленной этой средой однородности способов охоты и рыбной ловли и т. д. Для охоты в лесу нужны, мол, определенные типы наконечников стрел, в лесостепи — другие, для рыбной ловли на морском побережье — одни типы гарпунов и скребков, на берегах рек — другие и т. п. Иными словами, типы орудий труда ставятся в зависимость от характера природной среды, в результа-

те чего эти типы орудий исключаются из числа признаков, характеризующих этническую общность, и такими признаками считаются только формы и орнаменты глиняных сосудов[1]

Действительно, во многих случаях можно наблюдать распространение некоторых типов орудий на значительно большем пространстве, чем тип керамики. Совершенно верно, что, например, шигирского типа наконечники стрел с веретенообразной головкой встречаются на огромном пространстве и были найдены, помимо Среднего Зауралья, почти по всему Северу, в Волго-Окском районе и даже в Закавказье[2]. Но, во-первых, такое широкое их распространение уже само по себе исключает влияние на создание этой формы условий природной среды, так как природная среда в Среднем Зауралье, в Вологодской области, в Прибалтике, на берегах Оки и в Закавказье никак не может считаться однородной. Во-вторых, охота у населения этих различных областей играла совершенно различную роль в хозяйстве. И, в-третьих, при ссылке на широкое распространение этого типа наконечников стрел не учитывается, хотя иногда и отмечается, количество найденных экземпляров, т. е. не используется статистический метод.

Можно отметить ряд аналогичных случаев: фатьяновского типа сверленые каменные молотки на окских стоянках; волосовского типа кремневые долота в районах распространения рязанской и белевской культур; русско-карельского типа каменные долота, встречающиеся далеко к востоку от области распространения карельской культуры, и т. д. Сходные явления представляют находки в Карелии типичных североскандинавских шиферных угловых ножей или наконечников стрел, узких без шипов и широких с шипами; верхневолжских типов кремневых орудий — в Прибалтике; черешкового каменного топора, характерного для района городов Борисова и Лепеля, — в окрестностях г. Орхуса в Дании и т. п. Иногда это может быть объяснено привозом данных вещей, в других случаях — подражанием чужим типам, в виде исключения — совпадением форм; в случае, подобном находкам на Оке топоров фатьяновского типа,— захватом чужого оружия при военных столкновениях.

В общем такие факты могут зависеть от множества разнообразных причин, и выяснение этих причин составляет задачу археолога. Но при этом метод статистического анализа играет значительную роль.

Рассматривая подобные факты, мы видим, что при одной и той же природной среде в одно и то же время слагаются различные типы орудий, очевидно, в разных этнических обществах. Так, например, население окских неолитических стоянок находилось в одинаковых природных условиях и жило в одно и то же время с племенами фатьяновской культуры. Между тем в комплексах вещей из фатьяновских могильников никогда не встречаются предметы, характерные для окских неолитических культур. И хозяйство тех и других, как известно, носило совершенно разный характер. При аналогичных природных условиях, в одно и то же время, при одних и тех же занятиях населения в собственно Дании и на острове Борнгольме мезолитические орудия значительно отличаются друг от друга по форме (хотя имеются и сходные формы орудий).

И, наконец, беря более обширную область, можно указать, что каменные боевые сверленые молотки, имевшие, очевидно, повсюду одно и то же назначение, совершенно различны по форме в разных археологических культурах, хотя бы и имевших распространение в сходных природных условиях.

[1] Ср. М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 27—29.

[2] См. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, табл. 2.

Все это доказывает, что влияние природной среды и занятия населения, конечно, должны быть приняты во внимание, но это никак не означает, что типы орудий целиком зависят от этих факторов и не должны учитываться при решении вопроса об этнической общности. Более того, эти типы орудий, распространение которых, действительно, обнимает более широкие области, чем районы распространения определенного типа керамики, могут быть использованы и в другом отношении. Выше я говорил о том, что археологический материал дает возможность выделить, скорее всего, не отдельные племена, а группы родственных племен. Возможно, что анализ типов вещей, имевших более широкое распространение, позволит установить некоторое этническое родство и между этими группами, как, например, между окскими неолитическими племенами.

Этот необходимый экскурс несколько отвлек нас от вопроса о тех выводах, которые можно сделать из характеристики неолитического племени. Возвращаясь к этому вопросу, можно сказать, что второй вывод заключается в том, что при поселении вновь образовавшегося племени вдали от территории материнского племени можно по сходству в материальной культуре установить область, из которой произошло выселение.

Третьим выводом будет то, что исследования, основанные на археологическом материале, не позволяют сделать заключение о всем массиве населения, говорившего на родственных языках. Можно только утверждать, что племя или племена, представленные одной археологической культурой, говорили на одном и том же языке. Но нельзя сказать, что племена, представленные разными археологическими культурами, обязательно говорили на неродственных языках. Впрочем, в последнем отношении существует вероятность того, что резко отличающиеся друг от друга культуры характеризуют неродственные и разноязычные племена, или наоборот, что близкие по формальным признакам археологические культуры характеризуют племена, имевшие в прошлом родственное происхождение и, вероятно, близкие по языку.

И, наконец, как я старался показать всем предшествовавшим изложением фактов, археологический материал может служить достаточным показателем изменений, происходивших в отношениях племен между собой. Делая такое заключение, следует оговориться, что оно не может носить безусловного характера для всех случаев. Особенно это относится к археологическим культурам, охватывающим большие территории, т. е., собственно говоря, еще не разделенным на локальные группы, чего, безусловно, следует ожидать в будущем

Итак, археологические культуры неолитической эпохи характеризуют не только культурную общность населения, но, повидимому, за немногими исключениями, и этническую общность. Изменения, наблюдаемые в археологических культурах, позволяют делать заключения об изменениях, которые происходили в этнических общностях в неолитическую эпоху. Сопоставление сделанных на археологическом материале выводов относительно истории неолитической эпохи с данными сравнительно-исторического языкознания и палеоантропологии, несомненно, позволит внести в эти заключения необходимые поправки и дополнения. Но, вместе с тем, такое сопоставление, может быть, окажется небесполезным для проверки некоторых выводов, сделанных сравнительно-историческим языкознанием.

Заканчивая, я хотел бы указать на одно существенное явление, которое не должно остаться без внимания.

Несмотря на совершенную недостаточность работы по выделению отдельных археологических культур неолитической и бронзовой эпох, несмотря

на то, что некоторые из выделенных археологических культур занимают явно слишком большие территории и, вероятно, будут в дальнейшем разбиты на несколько культур, — несмотря на все это, мы располагаем в настоящее время достаточным количеством фактов, чтобы видеть неравномерность площадей, занимаемых этими культурами. Разница эта настолько велика, что ее нельзя свести целиком к ошибкам исследователей. Как правило, археологические культуры на Севере занимают ограниченные территории, за исключением Крайнего Севера, где некоторые из выделенных культур, как, например, карельская, подлежат, повидимому, разделению на несколько вариантов. Напротив, синхронные с ними южные скотоводческие археологические культуры неолитической и бронзовой эпох охватывают относительно большие пространства. Это не означает, очевидно, того, что племена скотоводов были много крупнее по численности членов племени, чем охотничьи племена, а только то, что более тесные связи между скотоводческими, этнически близкими племенами способствовали большей однородности их материальной культуры. Поэтому по археологическому материалу мы не имеем возможности отличить отдельные племенные объединения в массе этих родственно близких скотоводческих племен. Явление это, вероятно, имело причиной более быстрый рост населения среди скотоводческих племен, вызванную этим более усиленную сегментацию и, как следствие, расселение на более обширной территории.

* * *

Существенной частью археологического анализа фактов является методика кабинетной работы над уже собранным и, по возможности, датированным материалом. К сожалению, в этой области еще многое остается неустановленным и даже невыясненным. Не достигнуто еще соглашение об определении самого понятия «археологическая культура». В этом отношении следует отметить существование в археологической литературе двух тенденций: с одной стороны, придание этому термину широкого объема в смысле культуры и быта населения значительной области, как, например, неолитического населения всей Франции или Южной Италии и т. д.; с другой стороны, придание этому термину более узкого объема в смысле археологического своеобразия памятников, локально отграниченных от других подобных групп, как, например, волосовская культура, культура Питерборо, бернбургская культура и т. д. Различие это сложилось исторически.

Когда были сделаны первые шаги в отношении периодизации археологических памятников и вся древняя история человечества была разделена на каменный, бронзовый и железный века с их подразделениями, уровень знаний и количество накопленного археологического материала не позволяли еще выделить внутри этих подразделений территориально обособленные группы, получившие много спустя название «археологических культур» в узком смысле слова. Вместе с тем так же естественно, что в пределах каждой страны памятники классифицировались не в мировом масштабе, а только соответственно тем материалам, которые находились в местных музеях, т. е. памятникам с территории данного государства. Исключением с самого начала был палеолит, поскольку количество и территориальное распространение известных тогда палеолитических памятников было ограничено. Эта традиция сохранилась до нашего времени.

Еще О. Монтелиус в своих классических трудах по хронологии бронзовой эпохи суммарно рассматривал «бронзовый век Италии», «бронзовый век Северной Германии» и т. д. Еще сейчас археология неолита и

эпохи бронзы Франции по большей части рассматривается суммарно, как и эпоха бронзы Англии, неолит Италии или Пиренейского полуострова. Иногда, впрочем, допускается более дробное деление, как, например, на Южную, Среднюю и Северную Италию. Очень часто современные государственные границы служат роковой чертой, за которую археологические культуры не переступают.

Между тем уже с начала XX в., преимущественно в русской и германской археологической литературе, стали выделять археологические культуры неолита и бронзы. Так, В. В. Хвойко была выделена трипольская культура, В. А. Городцовым — ямная, катакомбная, срубная, волосовская и другие культуры. И одновременно с этим сохранялись по традиции такие термины, как шелльская, ашельская и другие палеолитические культуры, которые должны были характеризовать этапы общечеловеческого культурного развития. Совершенно очевидно, что эти расхождения в понимании термина «археологическая культура» вносят в археологическую литературу большую долю несогласованности. Однако даже при таком положении дела введение понятия «археологическая культура» открыло перед археологами широкую перспективу возможности исторических выводов. Сопоставление этих культур в отношении их территориального распространения и времени их существования давало возможность установить соотношение между синхроничными культурами и перемены, происшедшие в этих культурах с течением времени, позволяя, таким образом, судить о различных изменениях в среде населения, от которого до нас дошли памятники соответствующих культур.

В небольшой брошюре, напечатанной в 1953 г., М. Ян приписывает Г. Коссине честь открытия и применения специального метода подобных исследований — siedlungsarchäologische Methode, как его назвал (весьма неудачно) Г. Коссина[1]. По словам М. Яна, этот метод расширил кругозор, поставил новые проблемы и придал предистории значение в общей системе наук. Но М. Ян значительно преувеличил значение трудов Г. Коссины и напрасно попытался даже сравнивать их с разработкой типологического метода О. Монтелиусом. Не случайно ему пришлось сознаться, что «Коссина, к сожалению, не смог изложить свой метод так подробно и доказательно, как это сделал О. Монтелиус в отношении типологического метода»[2]. Нового в этом методе было сравнительно немного, а использовал его Г. Коссина, как известно, крайне тенденциозно.

Действительно, в чем, собственно, заключался метод Г. Коссины? Исследуя на большой территории различные типы вещей разного времени, Г. Коссина составлял карты распространения этих типов и затем выделял «культурные археологические провинции», т. е. области распространения аналогичных комплексов вещей одного и того же времени. Иными словами, Г. Коссина намечал таким образом границы распространения археологических культур в разное время. Накладывая затем эти карты одну на другую в их хронологической последовательности, он выяснял изменение границ этих культурных провинций. Опираясь на выставленный им тезис — «резко отграниченные археологические культурные провинции соответствуют во все времена определенным народам или племенам»[3],— Г Коссина пытался установить движение населения.

---

[1] M. J a h n. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völker in der Vorgeschichte. Berlin, 1953.

[2] Там же, стр. 16.

[3] G. K o s s i n a. Die Herkunft der Germanen. Mannus-Bibliothek, № 6, Würzburg, 1911, стр. 3.

Но типологические карты независимо от Г. Коссины составлялись в то время — время крайнего увлечения типологическим методом — во множестве. Этим картам и комментариям к ним посвящены были сотни страниц в таких, например, журналах, как «Zeitschrift für Ethnologie». Деление на культурные провинции было уже в ранних трудах О. Монтелиуса, и в этом не было ничего нового. Попытки проследить по археологическим данным движение населения были только переносом того же метода из работ лингвистов; в частности, по вопросу о расселении древних германцев, занимающему большое место в трудах Г Коссины, еще в 80-х годах прошлого века вел работу Ф. Энгельс[1].

Если Г Коссина внес что-то новое, то это — шовинистическое и тенденциозное утверждение о всемирно-исторической роли германской расы и антинаучная схема воинственных завоевательных походов германцев, в угоду которой факты им подтасовывались и искажались. Поэтому понятно, что метод Г. Коссины не был оценен даже в Германии, а его выводы оспаривались многими археологами, пока фашистский режим не использовал труды Г. Коссины в качестве одного из своих опорных пунктов для доказательства превосходства германской расы над всеми остальными народами.

Теоретически метод картографирования мест находок типичных для данной археологической культуры вещей, а затем наложение этих карт в хронологическом порядке друг на друга, конечно, должны показать изменения границ распространения данной культуры, а сопоставление подобных карт, изготовленных для различных культур на большой территории, должно показать отношения между различным населением на этой территории. Таким образом, теоретически рассуждая, можно установить многообразные мирные и враждебные связи между различными группами населения, изменения границ их расселения, культурное развитие, появление у населения новых элементов производства и многое другое. Однако следует установить прежде всего, что̀ надо понимать под археологической культурой или археологической культурной провинцией, так как именно такие культуры будут представлены на картах и от этого зависят все дальнейшие выводы.

В советской литературе имеется целый ряд различных определений понятия «археологическая культура». На первый взгляд, все эти определения почти совпадают друг с другом, хотя и выражены различными словами. В качестве примеров можно привести следующие.

«Археология устанавливает последовательную смену археологических культур. Под археологической культурой мы понимаем исторически сложившуюся на данной территории, более или менее устойчивую на протяжении известного периода времени совокупность вещественных памятников, объединенных общими признаками, отличающуюся от других устанавливаемых в археологии культур. Археологическая культура отражает развитие производительных сил и производственных отношений, а также ряда надстроечных явлений, характеризующих в совокупности общественное целое, и является источником для восстановления определенного этапа в истории того или иного народа и его культуры (в общеупотребительном смысле)...

В пределах широких археологических категорий можно отметить такие особенности быта, одежды, жилища, утвари, орудий труда, орнамента, деталей погребального обряда и т. п. той или иной локальной группы

[1] Ф. Энгельс. К истории древних германцев.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.

населения, которые дают основание характеризовать эту группу уже как этническую, выделить ее в отношении материальной и частью духовной культуры из общей массы населения данной территории и определить как племя или народность...»[1].

М. Е. Фосс считает, что под археологической культурой «подразумевается совокупность археологических памятников, объединенных одним временем, общей территорией и характеризуемых общими чертами. Эти черты могли бы рассматриваться как возникшие в связи с этническим единством населения лишь в том случае, если бы можно было представить себе, что население существовало вне времени и пространства. В действительности же любая материальная культура населения имеет отпечаток, налагаемый теми конкретными условиями существования, в которых протекала жизнь населения и в которых создавалась эта культура. Поэтому было бы ошибочным считать, что общие черты, характерные для той или иной археологической культуры, возникали только в связи с этническим единством, и на этом основании определять этнические общности по археологическим культурам. Общие черты появлялись и при одинаковых занятиях, и при сходных географических условиях, и в связи с другими подобными же причинами».

Поэтому М. Е. Фосс приходит к выводу, «что в сложении материальной культуры (а следовательно, и археологических культур) участвуют не только факторы социального характера, но и хозяйственно-географические». «Только особые черты, — пишет М. Е. Фосс, — отмечаемые в облике материальной культуры, появлявшиеся без непосредственной связи с хозяйственно-географическими факторами, позволяют судить об этнических образованиях в неолите. Такие черты обнаруживаются в орнаментике предметов, среди которых главное место занимает керамика, покрытая в эпоху неолита сплошными узорами»[2].

Несмотря на довольно значительное расхождение этого определения М. Е. Фосс с тем определением археологической культуры, которое дается мною[3], А. П. Окладников в одной из своих последних работ[4] счел возможным солидаризироваться с обоими нами. Может быть, это объясняется тем, что М. Е. Фосс до выхода в свет работы А. П. Окладникова хотя уже склонялась к преувеличенной, по моему мнению, оценке роли географического фактора, однако не высказывала еще так решительно своего мнения, как в той своей работе, из которой мною приведена цитата.

А. П. Окладников писал: «Термин «культура», однако, археологи часто употребляют также в качестве обозначения культуры определенного этнографического целого, например культуры народа или племени на всем протяжении его истории. Именно в этом культурно-этническом смысле термин «культура» употребляется в настоящее время советскими исследователями, занимающимися изучением неолитических памятников и памятников раннего бронзового века Европейской России (М. Е. Фосс, А. Я. Брюсов). В этом же смысле рассматриваются автором настоящего исследования те большие локальные группы неолитических памятников Сибири и Дальнего Востока или «провинции» неолита Северной Азии,

---

[1] А. Д. Удальцов. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 14, 15.

[2] М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 6.

[3] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 20.

[4] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 10.

которые могут быть прослежены в настоящее время на территории Сибири и Дальнего Востока».

С. В. Киселев в своей монографии по археологии Южной Сибири[1] почему-то отказался от применявшегося им прежде термина «культура» и заменяет его в тексте словом «эпоха» («афанасьевская эпоха», «андроновская эпоха» и т. д.), а в подписях под картами — словом «племена» («афанасьевские племена», «андроновские племена», «волосовские племена» и т. д.). Отсюда можно сделать вывод, что С. В. Киселев ставит знак равенства между археологической культурой и этнической общностью. В некоторых местах своей работы С. В. Киселев применяет, впрочем, термины «афанасьевская культура», «андроновская культура» и пр. Кое-где эти термины заменены словами «население» («афанасьевское население») и даже совсем неудачным выражением «остатки» («афанасьевские остатки»)[2]. Ничего нового это смешение терминов в определение понятия «археологическая культура» не вносит.

Некоторые авторы используют прием выделения археологического своеобразия на территории, на которой они предполагают существование ряда племен, как, например, Д. Я. Телегин, который в автореферате своей диссертации пишет о «неолитической культуре Донеччины» или «неолитической культуре населения Среднего Донца»[3]. Однако, обрисовывая общие признаки неолитических культур, с одной стороны, степной и, с другой стороны, лесостепной полос Восточной Европы, автор утверждает: «Неправильно было бы думать, что вся лесостепь и Южное Полесье в неолитическое время составляли единый культурный массив. Различие в составе материальной культуры населения, обитавшего в пределах бассейнов различных рек этой территории, свидетельствует о наличии здесь, повидимому, племенных культур неолитического периода»[4].

Автор другой диссертации Р. М. Мунчаев анализирует явления культурного развития древнего населения только в границах Дагестана, не делая попытки определить этнический состав этого населения на более широком фоне[5]. Речь идет о «племенах Дагестана», хотя автор отмечает, например, что «совокупность приведенных признаков не оставляет сомнения в хронологическом единстве и историко-культурной принадлежности Каякентского поселения к закавказскому энеолиту»; это, по его мнению, означает, что в это время «Дагестан втянулся в общее культурное развитие всего Кавказа, в особенности Закавказья»[6]. Здесь мы видим ту боязнь выйти за современные государственные границы, которая характерна для многих археологов.

Все подобные определения понятия «археологическая культура», как мы видим, во многих отношениях сближаются друг с другом. И тем не менее между ними существуют значительные различия. Главным расхождением служит различие в определении принципа отбора тех признаков, которые могут характеризовать археологическую культуру или, как более обще выразился А. Д. Удальцов, «совокупность вещественных памятников, объединенных общими признаками». Понятно, что это расхождение в принципе отбора признаков, характеризующих археологическую

---

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949.
[2] Там же, стр. 27, 28, 29, 55 и др.
[3] Д. Я. Телегин. Неолитические памятники на Среднем Донце. Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1953, стр. 5 и 9.
[4] Там же, стр. 10, 11.
[5] Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953.
[6] Там же, стр. 7.

культуру, может привести к совершенно различным результатам при составлении тех археологических карт, о которых говорилось выше.

Так, например, М. Е. Фосс исключает из этих признаков многие типы орудий труда и оружия, которые, по ее мнению, возникают исключительно в зависимости от историко-географической среды и характера хозяйственной деятельности населения. Она соглашается с выставленным мною положением, что определяющими признаками для выделения археологических культур должны служить не такие черты сходства в типах орудий труда, оружия, украшений и т. д., которые нередко возникают в силу близости ступени развития производительных сил общества и формы хозяйства и отчасти вследствие однообразия окружающей природной среды, но «такие черты, которые выражаются в деталях форм вещей — орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники»[1].

Однако даже при таком совпадении взглядов на принцип отбора признаков, характеризующих археологическую культуру, на практике возникают большие расхождения в вопросе о том, что же надо считать признаками, не связанными с трудовыми процессами. Так, например, я считаю костяные наконечники стрел шигирского типа характерными для определенной культуры и наличие их в другой культуре — свидетельством этнической родственности племен, которым принадлежат эти культуры. М. Е. Фосс полагает, что шигирский тип наконечников стрел возник из специфических потребностей охоты в определенных географических условиях, а следовательно, отрицает возможность использования карты распространения таких наконечников стрел для выяснения этногеографии неолитической эпохи.

Считая важнейшим признаком этнической общности характер орнамента, а по типичному составу неолитических коллекций, следовательно, орнаментацию керамики, М. Е. Фосс, по существу, примыкает к точке зрения германских археологов, которые выделяют археологические культуры неолитической эпохи преимущественно, а иногда даже исключительно, по типам керамики. Каменные орудия привлекаются ими, как и М. Е. Фосс, только в исключительных случаях, когда это касается таких резко выраженных форм, как, например, колодкообразные топоры, фасетированные каменные молотки и т. п. Но керамика и ее орнамент являются хотя и, несомненно, одним из главнейших, но не единственным признаком этнической общности в неолитическую эпоху; вместе с тем внутри этой общности тип керамики мог изменяться не только путем последовательных уклонений от первоначального типа, обязательно сохраняя преемственность на всем протяжении своего развития, но в одной и той же культуре в разные периоды ее существования могли возникать и возникали, получая затем широкое распространение, типы керамики, не имеющие прототипов в составе керамики предшествующего периода. Особенно следует отметить при этом нередко возникающую спорность определения принадлежности той или иной группы сосудов к определенной археологической культуре, а тем самым и спорность отнесения к этой культуре исследуемого памятника. Признание возможности считать за признаки, определяющие принадлежность к той или иной культуре, не только керамику и ее орнаментику значительно уменьшает эту опасность: совпадение ряда

[1] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 20. Ср. у М. Е. Фосс: «Только какие-либо детали в орудиях, не связанные с трудовыми процессами, могут быть приняты во внимание, наряду с другими признаками, по которым представляется возможным судить не только об общности быта, но и об общности происхождения населения» (Указ. соч., стр. 55).

признаков (если даже некоторые из них могли бы считаться характерными для нескольких археологических культур) придает большее вероятие правильности отнесения данного памятника к определенной культуре.

Характерным примером расхождения в определении археологической культуры по признаку сходства керамики является отношение разных исследователей, например, к вопросу о фатьяновской керамике.

«Из всех категорий вещей, входящих в состав инвентарей фатьяновских погребений, — пишет О. А. Кривцова-Гракова [1],— одна лишь керамика дает полное представление о непрерывном развитии форм, начиная с древнейших времен вплоть до эпохи Балановского могильника». Далее О. А. Кривцова-Гракова дает подробный анализ фатьяновской керамики на всем протяжении ее развития, устанавливая преемственность формы и орнамента. Она утверждает, что «все основные моменты фатьяновского орнамента возникают очень рано и сохраняются на всем протяжении развития посуды» [2].

О. Н. Бадер, напротив, находит, что «балановская керамика в значительной своей части отличается хорошим, частью черным лощением, что не характерно для фатьяновской культуры, наличием огромных сосудов с проухами по бокам и в особенности со своеобразным орнаментом в виде крупного, составного зигзага, треугольников и пр., нередко нарезным, часто многозонным, изображающим при взгляде сверху сложную фигуру вертящегося солнечного диска; особенности орнамента частью сближают балановскую керамику с северокавказской, с андроновской и карасукской, а наличие плоскодонных форм — со срубной» [3].

Мы видим, таким образом, что недостаточно одной словесной ссылки на возможность выделения археологической культуры по характерным типам вещей или преимущественно по типам керамики, ибо отнесение этих типов вещей к определенной культуре осложняется субъективной оценкой признаков. Впрочем, надо сказать, что в практике работ археологов такие разногласия встречаются не часто. Чаще возникают, особенно в западноевропейской археологии, споры относительно временной последовательности и продолжительности бытования того или иного типа либо относительно преемственности одного типа керамики от другого. Полностью избежать этого, конечно, нельзя, так как невозможно установить единый принцип для определения так называемых ведущих типов вещей, характеризующих археологическую культуру. В этом отношении следует только подчеркнуть необходимость особенной осторожности в выборе таких типов, а главное,— необходимость согласования границ области распространения какой-либо культуры по всем характеризующим ее признакам: ведущим типам орудий труда, оружию, украшениям, керамике, техническим приемам, топографии и характеру поселений и жилищ, отчасти по погребальному обряду.

Значительную долю субъективности может внести в составление археологических карт спорный вопрос о том, где надо проводить границу (во всяком случае — условную) распространения изучаемой археологической культуры. Известно, что самые типичные для многих археологических культур предметы иногда оказываются далеко от области их преимущественного распространения вследствие обмена, дарения, войн и т. д. Всем ясно, конечно, что места находок таких единичных предметов не могут быть включены в область распространения данной культуры. Но как быть в том

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 25.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 28.

[3] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. СЭ, 1950, № 1, стр. 65.

случае, когда мы имеем дело с находками комплекса таких вещей далеко от области их преимущественного распространения, а иногда даже с целым поселением или могильником? Большое затруднение возникает, например, при попытке набросать карту распространения абашевской культуры, памятники которой — по преимуществу, погребения — разбросаны на огромном пространстве и обнаружены около Магнитогорска, в Чувашской АССР, в районе г. Калуги.

Такого рода археологические «загадки» далеко не так уже редки, как можно было бы предполагать на основании только опубликованных данных. Их число значительно увеличится, если привлечь неопубликованные материалы, хранящиеся в музеях, и краткие упоминания в литературе, не получившие дальнейшего движения. Так, в своих статьях я писал неоднократно о находках в Москве, за Краснопресненской заставой, выпавших из подмытого рекой и обрушившегося кургана нескольких каменных орудий, характерных для карельской культуры и совершенно несвойственных неолитическим культурам Московской области,— сланцевого топора русско-карельского типа, обломка каменного песта и двух шиферных ножей углового типа[1]. По условиям находки речь может идти только о неолитическом подкурганном погребении, что опять-таки совершенно несвойственно неолитическим погребениям этой области[2]. Я объясняю этот факт существованием непосредственных связей между племенами карельской культуры и племенами Волго-Окского междуречья, обусловленных единством происхождения. Если принять такое объяснение, то данный памятник, конечно, надо исключить из карты распространения карельской культуры.

Известно, что некоторые типы орудий, характерные для волосовской культуры,— шлифованные долота узкого и широкого типа, скребки из крупных и широких отщепов и др.— и даже волосовского типа керамика (не только по орнаменту, но и по специфическому составу глиняного теста, по толщине стенок и т. д.) встречаются иногда в довольно значительном количестве на неолитических стоянках других окских культур во 2-й четверти II тысячелетия до н. э., как, например, в Большом Бункове, на стоянке Николо-Перевоз и др. Явление это подводится обычно под категорию «связей» волосовских племен с соседними племенами. Возможно, конечно, что некоторые типы волосовских вещей находили себе подражания у соседей. Но чем объяснить, что далеко за пределами распространения волосовской культуры, на берегу оз. Станок в Костромской области, В. И. Смирновым было обнаружено неолитическое поселение с типично волосовским инвентарем?

Еще более странными кажутся находки в хорошо обследованных археологически областях памятников или ряда вещей, которые нельзя отнести ни к одной из известных там археологических культур. Так, в 1953 г. в Государственный Исторический музей было доставлено геологами, работавшими в районе Верхнего Донца, довольно большое количество черепков от орнаментированных сосудов. По характеру орнамента эта керамика не походит ни на какую из известных нам в этом районе. Между тем район этот был хорошо изучен В. А. Городцовым и другими археологами.

---

[1] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 47; его же. Очерки по истории племен..., стр. 109.

[2] Осмотр этого места О. А. Кривцовой-Граковой и мной показал, что курган, из которого выпали вещи, был насыпан на древней поверхности берега реки, на галечнике, что отчетливо было видно в разрезе кургана. К сожалению, к моменту осмотра кургана от него осталась только незначительная часть.

Такие факты остаются обычно вне поля зрения археологов и не находят отражения на археологических картах. Но в таком случае эти карты не могут считаться вполне полноценными для исторических выводов. Необходимо, чтобы на картах распространения археологических культур отмечались не только места нахождения памятников данной культуры, но и (конечно, другими значками) места нахождения памятников других культур того же времени.

Не следует думать, что сделанные замечания относительно составления археологических карт имеют только — или главным образом — частный характер и что расхождения археологов по этому вопросу могут вызвать лишь частные разногласия и легко поправимые ошибки. Практика показывает, что последствия этих разногласий могут приводить и приводят иногда к принципиально различным выводам по наиболее острым и существенным проблемам древней истории народов. Весьма показательна в этом отношении упоминавшаяся выше брошюра М. Яна по вопросу о «разграничении культурных групп и народов в доисторическое время», главным образом — вторая ее половина, посвященная полемике с Г Коссиной.

М. Ян справедливо возражает против одного из трех выставленных Г. Коссиной требований, которые необходимо соблюдать при выделении археологической культурной провинции,—против тезиса о том, что эта культурная провинция должна иметь резко очерченные границы[1]. Он указывает, что в силу культурных связей между племенами и народами на гранях их соприкосновения часть вещей, типичных для одной культурной провинции, заходит за границы соседней культурной провинции. Поэтому установление такого факта при составлении археологической карты не должно истолковываться таким образом, что это означает вторжение каких-то племен на чужую территорию. В этом состояла, по его мнению, ошибка Г. Коссины, который, обнаружив на территории Северной Тюрингии, заселенной, по его мнению, германскими племенами, вещи, характерные для кельтских (по Г. Коссине) племен середины I тысячелетия до н. э., сделал заключение о временном захвате кельтами части германской территории. Накопление большего количества фактов показало, однако, что в это время не только кельтские погребения и вещи проникают к северу, но и германские погребения и вещи проникают к югу и что фактически в этом районе мы имеем дело, по мнению М. Яна, со «смешанной» или «пограничной» зоной.

«Систематическое изучение подобных смешанных или промежуточных зон между провинциями,—пишет он, [2] — имеет, как мне кажется, методическое значение». В качестве доказательства им приводится следующий пример. Как известно, Г. Коссина различал во втором периоде бронзового века три культурные провинции в Средней и Северной Германии: на севере — так называемую германскую, на востоке — северо-иллирийскую, на юго-западе — кельтскую. Границы этих культурных провинций на карте Г Коссины соприкасаются[3]. М. Ян утверждает «на основании новых материалов», что между этими культурными провинциями, сложившимися в результате крупных передвижений народов в конце неолита (конец III тысячелетия до н. э.), — передвижений, закончившихся сложением

[1] «Строго ограниченные, резко выделяющиеся, замкнутые археологические провинции, безусловно, совпадают с областями, занятыми определенными народами или племенами». G. K o s s i n a. Ursprung und Verbreitung der Germanen in frühgeschichtlicher Zeit. Berlin, 1926, стр. 21. Ср. с цитатой на стр. 16.

[2] M. J a h n. Указ. соч., стр. 17, 18.

[3] G. K o s s i n a. Ursprung und Verbreitung..., стр. 40, рис. 48.

больших этнических массивов, оставались еще значительные промежуточные полосы. В этих промежуточных зонах находились мелкие группы древних автохтонных племен, подвергавшиеся культурным воздействиям со стороны их соседей. Когда же недостаток земли принудил племена больших этнических образований (Hauptvölker) расширить занятую ими территорию, они продвинулись в эти промежуточные области и ассимилировали (впитали в себя, по выражению М. Яна) местные небольшие племена. Но при этом смешение населения, проникавшего в эти области из двух и более соседних больших культурных провинций, приводило к образованию смешанной культуры. Вследствие этого «крайне трудно, а часто невозможно решить с достоверностью, к которой из двух культурных провинций принадлежит такая смешанная зона (Mischsone)». В ней смешиваются характерные формы двух соседних культурных провинций и наряду с ними существуют еще свои особые формы. В противоположность Г. Коссине, М. Ян видит в этом смешении доказательство мирного сосуществования древних племен.

Я не собираюсь давать здесь критику гипотезы Г. Коссины с поправками М. Яна о сложении в Средней и Северной Германии в начале бронзового века больших этнических массивов из иллирийских, германских и кельтских племен. Вопрос об этнической принадлежности археологических культур бронзового века в Средней Европе много сложнее, чем это полагал Г. Коссина, и в этом отношении М. Ян прав[1]. Нас в данном случае интересует другая сторона дела — общий вопрос о составлении археологических карт и их интерпретации.

Обращаясь непосредственно к археологическому материалу, мы, действительно, можем видеть, что до эпохи развитого неолита на археологических картах нигде не заметно определенных локальных различий того рода, которые мы могли бы сопоставить с более поздними, относительно довольно отчетливо вырисовывающимися, археологическими культурами позднего неолита и эпохи бронзы. Локальные отличия существуют[2], но они охватывают обычно очень значительные области; границы их весьма расплывчаты и, надо сказать, исследованы они далеко не достаточно[3].

Наиболее отчетливо неолитические культуры выделяются повсеместно в Европе во II тысячелетии до н. э. Позднее такие археологические культуры, уже культуры эпохи бронзы, обнимают довольно значительную территорию, как, например, андроновская, срубная, трипольская — на Юге СССР, культура колоколообразных сосудов или унетицкая культура — в Западной Европе, свидетельствуя о длительном периоде консолида-

---

[1] «Если бы исследователи доистории больше, чем в настоящее время, считались с существованием промежуточных зон, то они отказались бы от простых и ясных карт доисторических культур и заменили бы их более запутанными картами с менее резкими очертаниями. И, по моему мнению, это не было бы никакой ошибкой или отходом исследователя от правильного пути. С молодой наукой часто случается, что она сначала слишком просто смотрит на обстоятельства и считает, что она дальше продвинулась на пути своих исследований, чем это есть на самом деле. Только дальнейшее развитие этой дисциплины показывает ей, по мере увеличения ее знаний, что эти обстоятельства гораздо сложнее, чем предполагалось ранее». (M. J a h n. Указ. соч., стр. 18).

[2] В последнее время некоторыми археологами поднят вопрос о локальных различиях в верхнем и даже в нижнем палеолите. См. С. Н. З а м я т н и н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Труды ИЭ, 1951, № 16; В. С. С о р о к и н. О локальных различиях в культуре нижнего палеолита. СЭ, 1953, № 3.

[3] Помимо отдельных замечаний о локальных различиях в раннем неолите (эпипалеолите), которые можно найти в общих трудах, см. А. А. Ф о р м о з о в. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954.

ции и расселения племен, носителей данной культуры. Вместе с тем, судя по археологическому материалу, по изменению границ этих культур, мы можем предполагать за изменениями подобного рода какие-то, нередко значительные, передвижения этих племен.

В упомянутой работе по неолиту Европейской части СССР я изложил свой взгляд на процесс расселения людей по окончании ледникового периода так, как он мне представляется на основании археологических данных. Рост производительных сил и улучшение условий существования в послеледниковый период повели к значительному увеличению количества населения, расселившегося по освобожденным ото льда пространствам. В процессе этого расселения складывались относительно крупные племенные единства, группы родственных племен. Некоторые мелкие племена, попадавшие в окружение какого-либо большого племенного массива, постепенно ассимилировались последним и включались в его состав.

Характерным примером из археологических фактов, позволяющих выставить гипотезу об ассимиляции малочисленных племен расселявшимися крупными племенными объединениями, может служить известный Оленеостровский могильник на Южном Оленьем острове на Онежском озере в Карелии. Датировка этого могильника атлантическим периодом[1] позволяет сделать заключение о существовании в Заонежье довольно большой группы населения до расселения по Карелии окских и западных племен. Типы многочисленных вещей, найденных при раскопках этого могильника, особенно изделия из кости, позволяют отнести население, оставившее этот огромный могильник, к древнейшим племенам, заселившим Север Европейской части СССР с востока. Разновременные стоянки этого населения, с атлантического (или конца бореального) периода и вплоть до начала II тысячелетия до н. э. мы видим в таких памятниках, как Ягорбская стоянка в г. Череповце Вологодской области, стоянка Нижнее Веретье на оз. Лача в Архангельской области, Первая Погостищенская стоянка на р. Модлоне в Вологодской области и некоторые другие. Типы вещей со стоянок заонежского варианта карельской культуры носят уже иной характер, сохранив только своеобразную форму шиферных треугольных и овальных ножей с просверленными отверстиями для прикрепления к рукоятке. Позднее исчезают и они.

Мне представляется, что эти факты иллюстрируют процесс постепенной ассимиляции пришлыми с юга и запада многочисленными племенными группами[2] сравнительно редкого и немногочисленного более древнего населения Карелии.

К таким же памятникам, характеризующим следы существования на Севере более древних племен, ассимилированных в конце III тысячелетия или начале II тысячелетия до н. э. расселявшимися с юга племенами, можно отнести стоянку Нижнее Веретье, которую М. Е. Фосс вполне справедливо выделяет из комплекса более поздних памятников каргопольской культуры[3]. Имеются на Севере и другие аналогичные памятники.

Процесс ассимиляции (а в некоторых случаях, возможно, истребления) мелких племен получил особенно большое развитие в III и II тысячелетиях

---

[1] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956.

[2] Обращаю внимание на наличие в Карелии даже среди самых ранних памятников карельской культуры сравнительно большого количества как бы внезапно возникших поселений.

[3] «...Нижнее Веретье рассматривается нами как стоянка, существовавшая в период, непосредственно предшествовавший появлению в этом районе племен, занесших сюда традиционные узоры, характеризующие волго-окскую керамику». М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 53.

до н. э., когда вся территория Европы была уже заселена, кроме некоторых участков Крайнего Севера. Несмотря на редкость населения, мы должны принять во внимание крайне экстенсивную форму хозяйства того времени, требовавшего большой площади для пропитания даже небольшого племени.

Особенно резко этот процесс должен был протекать в среде скотоводческих племен, у которых относительно более быстрый рост населения и не в меньшей мере рост поголовья скота влияли на производительные силы и требовали постоянного увеличения племенной территории. Вместе с тем, именно на Юге, где население существовало с древнейших эпох и территория уже давно была поделена между различными племенами и более густо заселена, чем на Севере, расширение племенной территории должно было нередко сопровождаться столкновениями между различными племенными группировками.

Можно согласиться с гипотезой М. Яна о сложении к началу эпохи бронзы на территории Европы крупных этнических массивов и о существовании наряду с ними в разных местах мелких племен, постепенно поглощавшихся, ассимилировавшихся или истреблявшихся расселявшимися все шире и шире крупными племенными группировками. Вполне правдоподобно, что эти мелкие племена по большей части занимали области, составлявшие то, что М. Ян называет промежуточными областями.

Следует, однако, сказать, что точно установить при существующем состоянии археологических знаний, какой этнической группе, известной по позднейшим данным, принадлежит та или другая археологическая культура или группа близких друг другу археологических культур даже бронзового века, мы почти не в состоянии. Отнесение Коссиной выделенных им культурных провинций к иллирийцам, германцам, кельтам, балтийцам весьма произвольно. Но общую идею о том, что среди этих больших археологических культур, ясно выделяющихся уже с конца неолитической эпохи, должны находиться ставшие известными позднее племена славян, германцев, кельтов и другие, можно считать правильной и в этом направлении вести археолого-этногенетические исследования.

Такая работа не должна приводить к далекому от действительности схематизму, против которого вполне справедливо возражает М. Ян. В то же время, едва ли можно согласиться с картиной, которую рисует М. Ян, характеризуя так называемые промежуточные области и смешанные зоны (по его терминологии). От крайности гипотезы о фантастических походах, проектировавшихся Г Коссиной, М. Ян переходит к другой крайности, объясняя образование смешанных зон смешением местной археологической культуры с элементами, характерными для соседних больших археологических культурных провинций. Смешение элементов двух и более археологических культур, дающее начало новой «самостоятельной» культуре, как это допускает М. Ян, так же мало вероятно, как марристская гипотеза об образовании нового языка из смешения двух или более различных языков. Можно и должно допустить в полосе соприкосновения между двумя явно родственными по типу (а следовательно, вероятно, и по языку) археологическими культурами подобное временное смешение элементов материальной культуры. Но совершенно невозможно себе представить такое смешение между археологическими культурами «провинций», которые Г. Коссина и М. Ян называют «иллирийской» и «германской».

Недостатком в картографировании археологических культур и в анализе этих карт является то, что еще недостаточно обращается внимания на захождение памятников одной археологической культуры на территорию распространения синхроничных им памятников другой археологиче-

ской культуры. А те немногие отдельные памятники, которые затруднительно или невозможно отнести к какой-либо из известных нам археологических культур, чаще всего на такую карту вовсе не заносятся.

Между тем ставшая в настоящее время перед археологами одна из крупнейших и актуальнейших задач — содействовать вместе с лингвистами и антропологами решению проблемы происхождения народов, в частности, проблемы происхождения индоевропейцев и расселения индоевропейских племен, заставляет обратить особое внимание на эту сторону дела.

Сравнительное языкознание показывает, что распространение индоевропейских языков происходило в течение длительного времени, путем многократного деления и расселения племенных групп. Поэтому необходимо решительно отказаться от всяких упрощенных схем, тем более, что то же сравнительное языкознание показывает наличие в индоевропейских языках признаков заимствования из других, неиндоевропейских языков, не оставивших после себя других следов,— очевидный результат ассимиляции разраставшимися и расселявшимися индоевропейскими племенами различных мелких племенных групп.

Возможно, что отметки на картах распространения археологических культур, синхроничных им, но имеющих иной характер археологических памятников помогут решению этого сложного вопроса.

Только по возможности точно датированные и картографированные археологические данные о всех,— от крупных до мелких,— археологических культурах, о их возникновении, исчезновении, перемещении и, в некоторых случаях, смешении могут образовать канву и основу для этногенетических выводов. Эта большая и крайне трудоемкая работа, конечно, займет много времени и может быть выполнена только коллективом археологов. Но эта работа будет иметь также огромное значение для выяснения, в какой мере археологические культуры соответствуют этническим общностям. Этот спорный до сих пор вопрос имеет первостепенное значение для археологии как исторической науки.

П. П. ЕФИМЕНКО

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа)

Еще в конце XIX в., главным образом французскими учеными во главе с Г. де Мортилье, было доказано, что не только состав древнечетвертичной фауны в слоях, содержащих остатки первобытной, палеолитической культуры, позволяет наметить определенную последовательность в изменениях, претерпеваемых такими остатками в четвертичных отложениях Западной Европы. Этим исследователям удалось,— что еще важнее,— показать, что и сам археологический материал обнаруживает подобную же закономерность, давая тем самым вполне реальную возможность проследить общее направление и основные этапы развития палеолитического человечества и его культуры.

Это оказалось возможным, в частности, и для той эпохи, которой заканчивается древний каменный век, — для эпохи позднего палеолита, где местонахождения (остатки поселений) более ранней поры в условиях Западной Европы обнаруживают, как правило, ряд существенных признаков отличия от более поздних и, конечно, в еще большей степени от позднейших памятников этого типа. Большое усложнение культуры в эпоху позднего палеолита давало возможность широко использовать для подобных наблюдений, кроме того, не только обработанный камень, но и изделия из кости и произведения палеолитического искусства.

В реальности изменений, происходивших в культуре первобытного, кроманьонского населения Европы на протяжении тех огромных промежутков времени, которые охватываются поздним палеолитом, вряд ли, конечно, можно было бы сомневаться.

На такой основе в конце XIX — начале XX вв. была разработана общепринятая хронологическая схема позднего палеолита в виде хорошо известных археологических эпох — солютрейской, мадленской, азильской, к которым вскоре, в виде особой, начальной ступени, была присоединена ориньякская эпоха.

Нельзя не признать, что для своего времени это был, действительно, чрезвычайно важный шаг вперед в деле изучения древнейшей истории Европы. Он давал возможность по крайней мере внести определенный, хотя бы элементарный, порядок и необходимую систему в постоянно накапливаемый наукой все новый и новый фактический материал, поступавший

главным образом из многочисленных раскопок пещер Франции, Бельгии и других стран Западной Европы.

Однако действительное содержание и значение позднего палеолита как важнейшего этапа в развитии первобытного общества на территории нашего материка в работах буржуазных ученых в сущности продолжает оставаться и по сей день совершенно не раскрытым и не объяснепным. Не случайно, что западноевропейские ученые, занимающиеся вопросами палеолита, вообще, как правило, никогда не шли и не идут теперь дальше чисто формального определения возраста подобных памятников, их принадлежности к тому или другому типу культуры или какой-либо археологической эпохе.

Если что в подобных работах и рассматривается в более широком и общем плане, то это только палеолитическое искусство.Однако поскольку изобразительное творчество людей позднего палеолита в этих исследованиях берется в полном отрыве от исторической среды, от действительного характера и содержания позднего палеолита как исторической эпохи, подобные работы всегда и совершенно неизбежно в большей или меньшей степени носят формальный, поверхностный, по большей части совершенно неубедительный, спекулятивный характер.

С другой стороны, как сам А. Брейль, признанный вождь и крупнейший авторитет современного западноевропейского палеолитоведения, так и все остальные следующие за ним авторы в смене типов палеолитических памятников еще с древнейших эпох палеолита склонны видеть лишь отражение непрерывного нарастания и постоянных смен новых и новых волн человеческих рас и культур, надвигавшихся на Европу разными путями, по различным направлениям — то из Африки, то из глубин Азии.

Подобные, в большинстве случаев совершенно гипотетические, не имеющие никакой опоры в действительных фактах, переселения больших масс древнейшего человечества для современных буржуазных археологов,— в той мере, в какой они вообще склонны задумываться над подобными вопросами, — составляют в сущности единственное объяснение первобытной истории Европы, поскольку только эти переселения якобы делают понятным появление здесь различных новых форм палеолитической культуры.

Как хорошо известно нам, советским палеолитоведам, настоящее богатое, многообразное содержание того, что в археологии носит название позднего («верхнего») палеолита, подлинное значение позднепалеолитического времени — как определенной ступени в развитии первобытного общества и его культуры—начало раскрываться для науки в сущности сравнительно очень недавно, лишь в результате исследований, которыми мы непосредственно и в полной мере обязаны советским ученым.

Особенно большое значение в этом отношении, несомненно, имело предпринятое советскими археологами-палеолитоведами, начиная с 30-х годов, широкое, планомерное и детальное изучение всей той обстановки, в которой дошли до нашего времени остатки позднепалеолитических стойбищ — Костенок I, Гагарина, Пушкарей I, Александровки (Костенок IV) и многих других. Лишь в ходе этих работ в течение 2—2 $^1/_2$ последних десятков лет впервые стала постепенно выясняться для нас та замечательная картина хозяйственной деятельности, равно как и разных иных сторон жизни и быта позднепалеолитических родовых общин, которая так изменила ранее существовавшие представления археологов и историков первобытного общества относительно этого столь далеко от нас стоящего исторического периода.

Все же, если достижения советской археологической науки в данной

области палеолитоведения всем достаточно хорошо известны,— и здесь нет никакой нужды дальше останавливаться на этом, — они касаются только одной, хотя и важной стороны вопроса. Нельзя отрицать, что существует ряд других, достаточно серьезных проблем, тесно связанных с той же эпохой позднего палеолита, изучение которых едва лишь начинается в нашей науке и которые, однако, настоятельно требуют от всего коллектива советских палеолитоведов самого пристального внимания, самой углубленной и тщательной разработки.

Можно быть уверенным, что без разрешения подобных стоящих перед нами задач вряд ли сейчас вообще было бы возможно большое движение вперед в вопросах, касающихся позднего палеолита, в частности, и нашей страны, если к этим вопросам подходить с требованиями и интересами историка, а не только археолога-вещеведа.

Это относится в первую очередь к тому, что можно назвать конкретным, подлинным содержанием исторического процесса в эпоху позднего палеолита: к вопросу о том,что́ могли представлять собой, как должны были реально выглядеть первобытные родо-племенные группы, оставившие нам памятники позднего палеолита; к происхождению этих общественных образований, их судьбам, их историческим взаимоотношениям и т. п. Такие и подобные вопросы, вне сомнения, нелегко разрешимы силами и средствами одной лишь археологической науки. Ее возможности в этом отношении мы не можем слишком преувеличивать. Однако никаких иных источников, которые позволили бы нам непосредственно и с достаточной уверенностью подойти к пониманию того, что́ происходило на нашей территории несколько десятков тысяч лет назад, мы, к сожалению, не имеем. Уже одно это обстоятельство обязывает археолога к особой осторожности, осмотрительности и терпению на пути к достижению намеченной выше цели.

В данной области советская историческая наука мало что, очевидно, могла бы заимствовать из современного зарубежного палеолитоведения, из трудов ученых даже таких, казалось бы, передовых в данном отношении стран Европы, как Франция, где изучение палеолита имеет почетную давность, родившись впервые в трудах исследователей вроде Буше де Перта, Э. Ларте и др. не менее века назад, где сами памятники палеолита разного возраста насчитываются уже многими тысячами.

Серьезное отставание в постановке и разработке указанных выше общих вопросов, имеющих, вне всякого сомнения, исключительно большое значение для понимания первобытных эпох, можно объяснить разными причинами. Отчасти, и немало, в этом, несомненно, повинны вульгаризаторские идеи марризма и, в связи с этим, прочно укоренившееся среди советских палеолитоведов представление, что любое первобытное общество, даже самое небольшое, всегда развивается на месте, само из себя, в замкнутом прямолинейном процессе, переходя без всяких внешних воздействий из одного состояния в другое, от одной ступени развития к другой, более высокой. Подобные взгляды, естественно, никак не могли стимулировать особый интерес к конкретной истории отдельных общественных образований, поскольку задачи исследования сводились в этом понимании для тех или иных территорий, их первобытного населения — если иметь в виду каждый, отдельно взятый период,— лишь к установлению последовательных этапов, ступеней или стадий. Здесь, конечно, не могли не сыграть свою роль и обстоятельства более случайного характера, в частности отсутствие у нас почти до самого последнего времени таких материалов, таких палеолитических памятников, которые можно было бы относить к ранней, начальной поре позднего палеолита (прежде всего — в равнинной части Восточной

Европы), а отсюда — большая фрагментарность общей картины исторического процесса в отношении позднего палеолита территории СССР в целом.

В этом смысле достаточно показателен уже тот факт, что в сущности только после открытия (в 1937 г.) Тельманского палеолитического поселения в Костенках, а затем (после войны) нижнего культурного слоя на стоянке Костенки I, т. е. сравнительно совсем недавно, вообще впервые у нас стало возможно говорить (для восточноевропейской равнины) о позднепалеолитических памятниках такого относительно раннего времени, как «развитая» солютрейская культура.

Однако особенно большую остроту в нашей научной литературе все эти и подобные вопросы приобрели в самые последние годы, после открытия (в 1949—1950 гг.) нижних, еще более древних культурных горизонтов на Тельманской стоянке, верхний горизонт которой, как было отмечено выше, дал нам впервые представление о вполне, казалось бы, архаическом памятнике с инвентарем типично солютрейского облика в западноевропейском понимании этого термина.

Базируясь, в частности, на материалах Тельманской стоянки, ее нижнем горизонте, и исходя из некоторых своих теоретических построений, исследовавший этот интересный памятник А. Н. Рогачев в своих статьях, посвященных позднему палеолиту Костенок, приходит, как известно, к ряду совершенно неожиданных для нас заключений.

Так, он считает возможным утверждать, основываясь на материалах Костенок, что история позднепалеолитического общества как такового, т.е. как единого, взятого в широком плане, исторического образования, например для той же территории приледниковой Европы, — является в сущности научной фикцией, что говорить о периодизации позднего палеолита, предполагать существование каких-то закономерностей в развитии первобытного населения Европы и его культуры несовместимо с требованиями подлинной научности, требованиями марксизма. Подобные мысли в представлении А. Н. Рогачева — плод марризма и буржуазного идеализма.

История позднепалеолитического времени в понимании А. Н. Рогачева — это история отдельных первобытных общин, из которых каждая в течение долгих веков должна была жить своей совершенно самобытной и замкнутой жизнью[1]. Отсюда он полагает невозможным в общеисторических вопросах, касающихся позднего палеолита, исходить из идеи развития первобытного общества, предлагая, вполне последовательно со своей стороны, строить систему позднего палеолита не на археологическом материале, а на данных четвертичной геологии, т. е. в первую очередь на стратиграфии четвертичных отложений[2].

---

[1] Ср., например, такую его мысль: «К каким ошибочным выводам приводит предубежденный взгляд, что форма кремневых орудий и состав инвентаря верхнепалеолитических стоянок сами по себе могут служить основанием для датировки». А. Н. Рогачев. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV. СЭ, 1955, № 1, стр. 31. Подобного рода крайний скептицизм можно было бы с тем же основанием распространить на весь древний каменный век. Вряд ли такие формулировки, пытающиеся отрицать всю позитивную историю изучения палеолита, заслуживают того, чтобы серьезно заниматься их опровержением. Достаточно вспомнить, например, какой огромный путь всестороннего развития должно было пройти человеческое общество, хотя бы лишь в рамках позднего палеолита, от трансформации примитивного неандертальца в кроманьонца, имевшей место в глубинах четвертичного периода, и кончая началом современной геологической эпохи, которым завершается палеолитическое время.

[2] Ср., например, А. Н. Рогачев. Раскопки Тельманской стоянки в Костенках в 1950 г. и некоторые вопросы хронологии верхнепалеолитического времени. Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме ИИМК, посвя-

Такая точка зрения, естественно, встретила решительное и, нужно признать, вполне справедливое осуждение со стороны других советских палеолитоведов[1].

Мы, однако, были бы совершенно неправы, если бы усматривали в положениях, развиваемых А. Н. Рогачевым, одну лишь бросающуюся в глаза отрицательную, слабую и совершенно неприемлемую сторону, не учитывая того вполне положительного и здорового зерна, которое они, несомненно, содержат.

Следует признать, что при всей уязвимости, часто просто парадоксальности его теоретических построений, А. Н. Рогачев все же в действительности оказал несомненную и очень большую услугу советскому палеолитоведению.

Как бы там ни было, только он заставил нас впервые, исходя из материалов своих раскопок и своих наблюдений, обратить самое серьезное внимание на важнейшие факты, которые до того оставались почти совершенно вне поля зрения большинства советских палеолитоведов.

Хорошо известно, насколько важно для понимания тех или иных интересующих нас палеолитических памятников правильное и точное определение их возраста, их отношения к другим памятникам, их размещения во времени. Но такие и подобные вопросы в прошлом всегда решались слишком прямолинейно, абстрактно и, тем самым, конечно, чрезмерно односторонне — в рамках все той же общепринятой и во многом, несомненно, устаревшей хронологической схемы[2]. При этом часто вовсе не принималось во внимание, что самая постановка подобной задачи неотделима, с другой стороны, от вопроса о возможном сосуществовании на одной и той же территории различных типов и локальных вариантов позднепалеолитической культуры, хотя без этого было бы в сущности совершенно невозможно сколько-нибудь верное понимание действительной картины процесса развития первобытного общества. Об этом, собственно, и говорит А. Н. Рогачев[3]. Это является его основной и, конечно, совершенно правильной мыслью.

В настоящей статье, учитывая все исключительно большое значение указанных выше проблем, автор имеет в виду изложить, хотя бы в общих и предварительных чертах, некоторые свои наблюдения и соображения по данному вопросу. Автор считает, что главная ошибка А. Н. Рогачева, приведшая его к ряду совершенно неприемлемых выводов, заключается (вместе с ничем не оправдываемым нигилизмом в отношении археологического материала) в преувеличении значения отдельных видов орудий, как признаков археологической культуры, в чрезмерном типологизме,

щенных итогам археологических исследований 1946—1950 гг., М., 1951; его же. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита. СА, XVII, 1953, стр. 149, и другие статьи. Вообще последние хронологические схемы А. Н. Рогачева, поскольку они абсолютно не считаются с археологическим материалом и основаны исключительно на стратиграфии палеолитических поселений, их отношении в разрезах к прослойкам гумированного (заболоченного) лёсса, носят в целом, с точки зрения археолога, какой-то совершенно фантастический характер.

[1] Взгляды А. Н. Рогачева критически рассматриваются, например, в содержательном труде П. И. Борисковского «Очерки по позднему палеолиту Русской равнины и Центральной Европы», подготовленном им к печати, с которым я имел возможность ознакомиться благодаря любезности автора. См. также А. А. Формозов. Новые работы по каменному веку СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 101.

[2] В последнем издании книги «Первобытное общество» (1953 г.) автор уже вполне учитывает это обстоятельство, например, в отношении проблемы ориньяка и солютре.

[3] Повторим еще раз, что было бы несправедливо и неправильно, с нашей точки зрения, в отношении взглядов, развиваемых А.Н. Рогачевым, ограничиться лишь целиком критической, отрицательной оценкой его заключений.

который, наряду с плохо понятыми фактами геолого-стратиграфического порядка, лежит в основе всех его построений[1].

Вместе с тем А. Н. Рогачев полностью недооценивает то обстоятельство, что в отношении позднего палеолита, история которого охватывает все же десятки тысячелетий, совершенно невозможно говорить, не отрываясь от реальной действительности, об исторических судьбах каких-то самостоятельных, отдельно взятых, выделяемых А. Н. Рогачевым первобытных общин, в его представлении являющихся единственными носителями исторического процесса.

В то же время, как это мы ставим своей целью показать в данной статье, учет в более широких рамках культурных и технических традиций, своеобразия этих традиций, отличающих отдельные, то более крупные, то более мелкие, группы первобытного населения Европы,— прежде всего в отношении приемов обработки и характера использования кремня и других аналогичных каменных пород, — дает нам ту нить, с помощью которой, как мы увидим дальше, удается разобраться иной раз в очень сложных явлениях исторического порядка. Это может иметь для нас тем большее значение, что обработанный камень (кремень, кварцит и т. п.), как известно, составляет обычно основную массу находок на местах позднепалеолитических поселений. Можно высказать уверенность, что лишь на таком, пока в сущности почти вовсе не использованном нами, пути найдут свое разрешение многие вопросы, касающиеся истории складывавшихся в ту эпоху достаточно многообразных общественных образований.

Для нашей цели мы должны будем рассмотреть две группы местонахождений позднего палеолита: памятники Чехословакии[2] и позднепалеолитические поселения Костенок. Такое сопоставление, как мы увидим дальше, во многих отношениях оказывается весьма интересным и поучительным.

Выбор наш не является случайным: если материалы, полученные из многочисленных местонахождений района Костенок, до сих пор составляли основную фактическую канву для наших представлений о позднем палеолите Восточной Европы, то позднепалеолитические памятники Чехословакии дают сейчас наиболее полное и законченное представление об этапах развития культуры этой эпохи в условиях Средней Европы.

В археологической литературе уже довольно давно установился взгляд на поздний палеолит Средней Европы (главным образом Венгрии и Чехословакии, отчасти Польши) как на явление не совсем обычного порядка, не вполне укладывающееся в общепринятую для Европы археологическую схему. Считается более или менее доказанным, что здесь, в отличие от Западной Европы (собственно, — Франции), позднепалеолитическое время начинается не с ориньякской, а с раннесолютрейской (селетской) ступени культуры.

Такое представление, несомненно, не лишено основания.

---

[1] Так, А. Н. Рогачев придает особенное значение кремневым клинкам треугольной формы (см. ниже), встречающимся, наряду с подобными же орудиями листовидных и других очертаний, в наиболее ранних палеолитических поселениях района Костенок. Присутствие таких клинков он считает решающим для заключения о непосредственной связи стоянок типа нижнего горизонта Костенок I и мустьерских памятников вроде Ильской. Однако нам сейчас хорошо известно, что те и другие разделяет длительный этап развития первобытного общества, этап предшествующий в Центральной Европе поселениям типа нижнего горизонта Костенок I и соответствующий так называемой раннеселетской культуре (см. ниже).

[2] С ними автор имел возможность довольно обстоятельно ознакомиться на месте осенью 1954 г.

Первое, что останавливает на себе внимание в отношении позднего палеолита Чехословакии, это то, что здесь он, действительно, прямо и непосредственно связан с предшествующей ему эпохой мустье. Мустьерские местонахождения здесь естественно и почти незаметно сменяются памятниками позднего палеолита. Такой факт, если говорить не о переживании тех или других элементов мустьерской эпохи, а именно о непосредственном перерастании одной культуры в другую, до сих пор не наблюдался нигде в Европе, по крайней мере, в такой отчетливой, не оставляющей сомнения форме.

Зарегистрированные более или менее на всем пространстве Средней Европы — от Польши на востоке до Швейцарии на западе — памятники мустьерского типа хорошо известны в настоящее время и в Чехословакии. Здесь к этому периоду относятся, например, древнейшие культурные слои Препоштской пещеры в верховьях р. Нитры (Словакия), находки в пещере Шведов Стул (Охос) недалеко от Брно (Моравия) и др. Их особенностью является то, что всюду здесь мустьерский человек для своих надобностей использовал лишь грубые местные породы камня — андезит, кварцит, плотный известняк и т. п.

Естественно, что в таких условиях обработанный камень, сохраняя свои характерные черты, в мустьерских местонахождениях Чехословакии отличается вместе с тем в общем известной грубостью и примитивностью. Животный мир тут представлен в одних случаях преимущественно пещерным медведем (например, Охос), в других — мамонтом, сибирским носорогом, пещерным львом (Препоштская пещера).

Некоторые из подобных поселений, описанных в литературе, следует отнести, очевидно, к более ранней поре — к раннему мустье. Такова, например, лёссовая стоянка в Седлеце, под Прагой.

Очень интересно, однако, что на территории Чехословакии нередки памятники, которые от собственно мустьерских отличаются наличием некоторых лишь им присущих черт. Это так называемые местонахождения типа Шипки. В их инвентаре, где главное место еще занимают те же грубые отщепы кварца, кварцита, изверженных пород и т. п., иногда с некоторой подправкой, придающей им вид остроконечников и скребел,— всегда наряду с ними все же присутствуют, хотя и в небольшом числе, удлиненные пластинки, сколотые с призматических нуклеусов. Что еще важнее, с нашей точки зрения,— здесь уже встречаются и отдельные экземпляры характерных наконечников примитивного солютрейского типа.

Такие памятники «преориньякского», по определению некоторых чехословацких археологов, или шипковского типа, известные нам по Исловой пещере (к северу от Праги) и ранним культурным отложениям пещеры Шипка в Моравии (где в свое время К. Машкой был открыт фрагмент челюсти ребенка, сохраняющей, по мнению антропологов, еще некоторые неандерталоидные признаки), — если оставить в стороне самый термин «преориньяк»,— очевидно, действительно, начинают собой новый, позднепалеолитический этап в развитии первобытной культуры.

Кроме названных выше, сюда относятся, например, пещеры Кульна и Чертова дыра в Моравии (их нижние горизонты), пещера Над Качаком у Бероуна в Чехии[1], лёссовая стоянка Горки над р. Иезером и ряд других, в том числе и знаменитая стоянка Пржедмость в Северной Моравии, где

[1] В культурных отложениях пещеры, кроме грубых отщепов и таких же орудий, были подобраны заостренные осколки трубчатых костей животных, несущие характерные следы заглаживания, очевидно, в результате их использования для каких-то бытовых или производственных целей.

подобные остатки недавно были обнаружены ниже ее основного культурного слоя.

Не менее важен для нас, с точки зрения общеисторической перспективы, следующий, уже собственно позднепалеолитический этап в древней истории Чехословакии, который обычно именуется здесь раннеселетским (от пещеры Селета в Венгрии). Весьма показательно то, что и в данный период древняя культура сохраняет в этих условиях — по крайней мере наполовину, а то и больше, если судить по изделиям из камня,— те же свои прежние мустьерские черты. Даже на удлиненных пластинках, не так уже редко встречающихся в инвентаре поселений этого времени, в некоторых случаях удается обнаружить характерную забитость крупной ударной площадки, что, как известно, обычно отличает технику мустьерской эпохи.

Вместе с тем остальной каменный инвентарь в поселениях раннеселетского типа — концевые скребки, простейшие резцы, нуклевидные формы, орудия, изготовленные способом так называемой плоской затески, и т. п.,— хотя и не является обильным, но все же может рассматриваться как прямое и несомненное свидетельство в пользу позднепалеолитического возраста данной культуры.

Но особенно характерными для памятников раннеселетского типа справедливо считаются обработанные плоской солютрейской ретушью различные так называемые клинки и наконечники, отличающиеся то более правильной, листовидной, то, часто, асимметричной формой. Уже то обстоятельство, что только в раннеселетскую пору для изготовления орудий вместо прежнего местного грубого материала (главным образом кварца и кварцита) начинают широко использоваться гораздо более пригодные для этой цели цветной кремень и яшма, говорит о тех успехах в развитии первобытной техники, которыми отмечено раннеселетское время.

Во всяком случае для нас важно еще раз подчеркнуть, что не только сказанное выше, но и ряд других фактов позволяет прийти к заключению о сравнительно не таком уже раннем возрасте раннеселетских памятников. Можно показать, что при наличии внешних черт архаизма в обработке камня раннеселетская культура все же не может рассматриваться как какой-то начальный этап в истории позднего палеолита Средней Европы.

В этом отношении для нас особенно показательны такие поселения, как поселение Барца II у Кошиц (в Восточной Словакии, примерно в 70 км от границы советского Закарпатья), которое считается обычно одним из наиболее ранних памятников селетского типа в Чехословакии[1]. При его исследовании (в 1951 и 1953 гг.) на всей площади, занятой поселением, были открыты многочисленные остатки обширных жилых сооружений, имевших вид довольно глубоких, округлых в плане камер, соединенных внутренними переходами.

Подобный план жилища, поскольку он ближайшим образом напоминает хорошо известные многокамерные жилища Костенок IV (Александровки), Пушкарей I и др., вряд ли, по нашим представлениям, может быть приурочен к какой-то очень ранней, самой начальной поре позднего палеолита. Вместе с тем каменный инвентарь Барца II имеет тот же вполне выдержанный раннеселетский облик, что и иные памятники данного типа, причем среди других, обычных для них, видов орудий тут представлены и овальные массивные пластинки с круговой отделкой, обнаруживающей все признаки раннесолютрейской ретуши.

---

[1] См. Fr. Prošek. Výzkum paleolitické stanice Barca II. Archeol. rozhledy, V, 1953, стр. 3.

Остатки поселений со сходным инвентарем известны и в Западной Словакии, в долине р. Ваг: одни — севернее, в окрестностях г. Тренчина (Ивановцы и Замаровцы), другие—южнее, у г. Пьештяны (Длга, Банка I и II). Судя по многочисленным находкам орудий, отличающихся прекрасной солютрейской ретушью, последняя группа памятников, нужно думать, захватывает, — по крайней мере, отчасти, — уже несколько более позднее время.

Прекрасную параллель находкам данного типа можно указать вблизи Дуная у г. Братиславы, в пещере Дзерава Скала (Палффи), где, помимо характерных раннеселетских орудий из кремня и яшмы, было обнаружено много наконечников дротиков, тонко выточенных из кости[1]. Учитывая подобный факт, и этот памятник трудно было бы отнести к самому началу позднего палеолита.

Следующий этап, собственно селетское (или позднеселетское) время, в смысле характера вещественных остатков не отделено какой-либо определенной границей от только что нами описанной предшествующей раннеселетской поры. Представляя собой по всей совокупности признаков расцвет техники обработки камня, позднеселетские памятники Чехословакии вполне соответствуют тому, что в условиях Западной Европы обычно носит название типичного солютре, типичной солютрейской культуры. Здесь все большее значение начинают приобретать позднепалеолитические виды орудий, хотя элементы мустьерской техники, что также важно подчеркнуть, продолжают занимать в их инвентаре (добавим, как и в инвентаре соответствующих памятников в районе Костенок) еще очень значительное место.

Мы не будем останавливаться на чисто местных особенностях культуры, которые как будто можно различить в отношении отдельных групп селетских памятников Чехословакии. Главным признаком в этом случае является то большее, то меньшее количество встречающихся здесь характерных солютрейских наконечников из кремня и яшмы, однако при совершенно одинаковом, что также существенно, общем характере всего набора изделий из камня.

Таковы, например, группы остатков поселений в окрестностях г. Кошице, в Восточной Словакии (Кехнец, Милгост, Сенья и др.) и в районе Брно в Моравии (Лишень, Тварожна и пр.). Последние отличаются особенным обилием разнообразных солютрейских наконечников — от обычных крупных лавролистных до совсем маленьких в форме листа тополя. Затем особая группа памятников известна в северной части Моравии— Отославице и Ондратице, где, наряду с вполне типичными для эпохи солютре видами изделий, основную массу находок составляют грубые кварцитовые отщепы, на первый взгляд придающие названным памятникам еще вполне мустьерский или во всяком случае очень ранний облик.

Сходные находки отмечены и в нижнем горизонте известной пещеры Бычья Скала у Брно.

Однако своего полного расцвета древняя культура достигает в Чехословакии — совершенно так же, как и на Востоке Европы, в СССР — лишь к концу ранней поры позднего палеолита, т. е. к концу ориньяко-солютрейской эпохи. Этот факт в какой-то степени, несомненно, был связан с определенными дальнейшими достижениями в области обработки камня и его применения для различных производственных нужд. Во вся-

[1] Fr. Prošek. Výzkum jeskyně Dzeravé skaly v Malých Karpatech. Archeol. rozhledy, III, 1951, стр. 293. Такие костяные наконечники известны и из других мест в тех же комплексах раннеселетского типа.

ком случае одним из наиболее ярких и, без сомнения, очень важных показателей того нового, что́ приносит с собой позднесолютрейское время, является широкое использование первобытным населением Чехословакии нового материала — высококачественного темноцветного мелового кремня.

Такой кремень, балтийского происхождения (кстати, совершенно неотличимый от кремня, употреблявшегося палеолитическими обитателями Костенок), мог добываться, по мнению чешских исследователей, только среди ледниковых валунов, принесенных скандинавским оледенением. Распространение его ограничивается лишь северными окраинами страны, поэтому такой кремень почти и не применялся в предшествующие эпохи: здесь он или полностью отсутствует, или находки его на местах более древних поселений имеют совершенно случайный характер.

Трудно сказать с уверенностью, как могли быть организованы добывание и связанная с ним первичная обработка такого ценного материала, как меловой кремень, на местах его залегания. Все же, исходя из практики первобытных охотничьих племен недавнего прошлого, можно предполагать, что это имело характер ежегодных, регулируемых обычаем и сложившихся в определенные формы, предприятий больших первобытных коллективов, может быть, целых племен. Такие экспедиции, вероятно, совершались в определенные, твердо установленные времена года, будучи связаны с сезонами охоты.

Вряд ли здесь можно думать о систематическом обмене северных и южных племен: это было бы трудно себе представить для столь ранней эпохи. Естественно, что организация подобных экспедиций в условиях уже достаточной заселенности страны была возможна только при давно установившихся связях и добрососедских отношениях между группами первобытных охотничьих общин. Это был, таким образом, вполне определенный этап в дальнейшем развитии и укреплении родоплеменного строя.

В работах чехословацких археологов описываемому времени обычно присваивается весьма условное и едва ли для этого вполне подходящее название «поздний ориньяк» или «граветтьен». Такое определение возраста и исторической принадлежности подобных памятников здесь столь же, очевидно, мало применимо, как и в отношении хорошо известных нам памятников СССР типа Костенок I, Гагарина, Авдеева и др.

Не входя в особые подробности, что и не нужно для нашей цели, отметим только, что известные нам поселения Чехословакии этой поры, такие, как Дольни Вестонице, Павлов, Пржедмость и некоторые другие, во всем комплексе связанных с ними находок обнаруживают, действительно, замечательную близость к соответствующим памятникам Восточной Европы. Это можно сказать не только в отношении характера жилищ, но и особых, изредка встречающихся здесь, погребальных сооружений. То же относится и к набору разнообразных изделий из кости, большинство которых в то же время обычно не имеет никаких близких аналогий в палеолитических памятниках Западной Европы. Вообще вещественный инвентарь в виде обработанной кости и различных произведений первобытного искусства на местах подобных поселений в Чехословакии, как и в СССР, поражает своим обилием и разнообразием.

Назовем лишь некоторые из находок этого рода. Среди многих других изделий из кости, известных в этих поселениях, можно указать, например, предметы вроде лопаточек или ножей с характерной довольно тонкой пластиной, расширяющейся и закругленной к концу, «веслообразной» формы, и головчатой рукоятью. Вероятнее всего, они служили для сдирания шкур с убитых животных и поэтому имеют довольно различные размеры, иногда достигая очень большой величины (почти размера палицы).

Совершенно подобные им оригинальные «веслообразные» головчатые ножи открыты и среди культурных остатков палеолитического поселения Костенки XIII (стоянка Городцова), а также среди многих других вещей в составе находок, сопровождавших обнаруженное здесь погребение ребенка.

Другую интересную категорию таких изделий представляют различные рубящие орудия, как, например, большие кайла или тесла из кости, которые отмечены пока, кроме Чехословакии, лишь в Восточной Европе (Костенки I, Елисеевичи и др.).

Среди дошедших до нас остатков древней культуры в тех же поселениях Чехословакии, как и в Костенках I, значительное место занимают различные украшения и традиционные для этой эпохи скульптурные изображения женщины-матери, а также целые фигурки и головки различных животных, например мамонта, медведя и т. п. Интересно, что для изготовления, наряду со слоновой костью, здесь применялась и обожженная глина. Но на этом нам придется остановиться несколько ниже.

Слоновой костью, как и повсюду в Европе в позднесолютрейское время, широко пользовались и для разнообразных украшений, например для изготовления головных полуобручей (диадем) костенковского типа, различных подвесок и т. п. Среди них особо следует отметить (в Дольних Вестоницах) большое число однотипных странных вещиц, небольших по размерам, иногда совсем крохотных, изображающих массивные женские груди и заканчивающихся вверху придатком в виде конического острия — шипа.

Таким предметам в других стоянках (Павлове и Пржедмости) по своему значению, видимо, отвечают подобные, но уже совсем маленькие поделки, также из слоновой кости, изображающие нечто вроде двойных вздутий или бусин, но уплощенные с одной стороны и с перехватом — с другой.

Подобные вещи, особенно типа Дольних Вестониц, легко выдают свое происхождение, если их сопоставить с находками, сделанными в Костенках I, где среди многих других фрагментов очень обычны обломки небольших статуэток, представляющие собой часть торса женщины с объемистой грудью. Изготовлявшиеся в большом числе, как и в поселениях Чехословакии, маленькие женские фигурки из плотного мергелистого мела в Костенках I всегда встречаются разбитыми, несомненно, намеренно, обычно на три части. Поперечными сильными ударами у них бывают отбиты верхний конец и нижняя половина, примерно от поясницы; остаются соответствующая часть торса и огромные свисающие груди. Преднамеренность такого приема вполне очевидна.

Превращение реального изображения женской груди в нечто более или менее условное, вроде амулета, представляется в эту эпоху явлением вполне закономерным. Оно вполне отвечает воззрениям первобытного человека и находит свое полное объяснение в идеях, связанных с почитанием женщины-матери, женского начала, в древнем родовом обществе матриархального склада.

Такое толкование описанных выше находок получает интересное подтверждение в другой категории вещей из тех же Костенок I. Это также небольшие поделки из мягкого камня, в целом нечто вроде половины толстого чечевицеобразного диска, с глубокой поперечной чертой вверху на лицевой стороне и коротким вертикальным желобком под ней [1]. Они

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 431 и табл. XII, *1*.

всегда имеют очень выдержанную форму. Подобные «медальоны», несомненно, передают, хотя и несколько условно, но в совершенно определенной и очень выдержанной манере, нижнюю часть женского торса.

Заметим, кстати, что той же цели — передаче женского образа по принципу «часть вместо целого» — в Костенках I служила еще одна деталь того же традиционного изображения — ее характерная безликая голка. Такие головки часто встречаются здесь, то отбитые от статуэток, то в виде подражающих им шариков, обычно несколько уплощенных, на тоненькой шейке. Но иногда подобные вещи воспроизводят настоящую головку, даже с характерной прической.

Нам кажется нелишним отметить еще одну группу находок, которая, уже в силу своей необычайности, может указывать на существование каких-то жизненных и глубоких связей в позднее ледниковое время, в эпоху позднего солютре, между населением Чехословакии и Восточной Европы. Это любопытные не то украшения, не то, скорее, очевидно, амулеты, в виде двояковыпуклой линзы, иногда со сквозным отверстием в центре. Они бывают сделаны или из слоновой кости, или из мягкого, но прочного камня (глинистого сланца) и всегда тонко заглажены и заполированы. В значительном числе подобные «линзы» встречены среди иных предметов при известном палеолитическом погребении в Брно II, а также на месте поселения Костенки IV (Александровка), в так называемых круглых жилых комплексах,вместе с инвентарем позднейшего солютрейского типа.

На одном из таких маленьких дисков из Брно имеется характерный вертикальный желобок, идущий от центра: это то, что всегда, как мы говорили, отличает «медальоны» в Костенках I. Кроме того, в Костенках I известны и кружки, вырезанные (правда, значительно более грубо) из плотного мела, с подобным же знаком. Все это позволяет прийти к заключению, что названные диски или «линзы» типа Костенки IV — Брно в своем происхождении имеют какое-то определенное отношение к кругу тех широко распространенных идей и представлений, в центре которых в эту эпоху стоит высоко почитаемый древний образ женщины-матери, женщины-родоначальницы.

Не менее интересную категорию находок в поздних ориньяко-солютрейских поселениях Чехословакии составляют фигурки из обожженной глины. Иногда для связи в такое глиняное тесто прибавлялась мелко истолченная кость. Интересно, что в Дольних Вестоницах был обнаружен очаг, где изготовлялись подобные вещи[1]. Здесь, помимо обломков различных маленьких пластических изображений (главным образом в виде оснований упрощенно трактованных женских фигурок, напоминающих конусовидные столбики), была собрана масса (около 2500) комков обожженной глины, иногда со следами пальцев[2].

Среди иных подобных находок здесь все же имеется одна более крупная фигурка женщины, достаточно типичная по своему общему характеру для этого рода изображений, хотя и переданная несколько схематизированно: у нее наблюдается круговой желобок в области поясницы. Голова у этой статуэтки, как обычно, отсутствует (отбита).

Много небольших женских фигурок того же характера происходит из культурного слоя поселения в Павлове. Помимо изображений женщины, часто встречаются небольшие фигурки животных, например часть

[1] В этой связи стоит упомянуть, что в Костенках I нами также был открыт очаг, специально предназначенный для обжигания железной руды (сферосидерита), шедшей на изготовление красной краски (охры).

[2] B. K l i m a. Druhy sídelní objekt a paleolitická keramická pec v Dolních Věstonicích. Archeol. rozhledy, IV, 1952, стр. 193.

туловища и головка, видимо, волка, головка медведя (в Дольних Вестоницах), фигурка мамонта, головка носорога и т. п. (в Павлове). Отдельные подобные обломки фигурок из обожженной глины отмечены и в других поселениях этого времени (Петржковице, Лопата, Неславицы).

Подобные произведения палеолитического искусства, помимо их чисто художественной, изобразительной стороны, представляют для нас большой интерес и в другом отношении. Как и в Костенках I, где для этой цели обитатели поселения пользовались мягким камнем, фигурки женщин из обожженной глины, изготовлявшиеся, насколько можно судить, периодически и в большом числе, говорят о каких-то первобытных обрядах, скорее всего связанных с сезонами охоты, в которых свое определенное место должны были занимать и изображения женщин, и изображения животных [1]. Во время таких обрядов фигурки женщин всегда разбивались, а их обломки использовались, вероятно, главным образом в качестве амулетов (оберегов). Иногда, как мы видели, особенно почитавшиеся части подобных фигурок служили прототипом для намеренно изготовлявшихся условных изображений.

Для нас важна бросающаяся в глаза близость всего комплекса подобных явлений в позднепалеолитических поселениях Чехословакии и СССР. К такого рода фактам относится, как мы говорили, в частности, массовое изготовление маленьких женских фигурок, то из глины, то, как в Костенках I, из легко поддающегося обработке плотного мергелистого мела.

Ввиду несомненной необычности материала для таких поделок — обожженной глины и своеобразного плотного мергелистого мела, — естественно полагать, что первоисточником подобных изображений в среде многочисленных охотничьих племен, обитавших к западу от Дона на обширных лёссовых пространствах Восточной и Средней Европы до Одера, среднего течения Дуная (Виллендорф) и, может быть, Рейна (Майнц), были фигурки, для изготовления которых, очевидно, первоначально должно было применяться нечто иное. Таким материалом, вероятнее всего, могли служить, например, мягкое дерево, сырая глина, а также просто любая оказавшаяся под рукой подходящая минеральная порода (известняк, мел, песчаник и т. п.).

Мы рассмотрели выше, и то лишь в очень кратких чертах, только одну область фактов, относящихся к поселениям Чехословакии и СССР позднесолютрейского времени.

В этом смысле не менее важно и то, что̀ дают наблюдения в отношении других сторон и явлений первобытной культуры, в частности в отношении первобытной техники и ее наиболее известной нам отрасли, связанной с использованием и разнообразным производственным применением твердых пород камня, в первую очередь кремня.

Наиболее естественный путь, по которому должно было осуществляться снабжение страны меловым кремнем, проходит на севере Моравии через Моравские ворота, где по долине Одры открывается широкое и удобное сообщение с территорией, ранее занятой скандинавским ледником и приледниковыми областями Польши.

---

[1] П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 404. Примесь толченой кости в тесте многих подобных фигурок может иметь свое объяснение в обычае, например, ранних трипольских племен примешивать в глину, из которой лепились традиционные женские изображения, зерна хлебных злаков. Весьма вероятно, что подобные обрядовые действия являлись пережитком тех идей, возникших еще во времена позднего палеолита, которые связывали в первобытном мировоззрении с женщиной, женским началом представление о плодородии земли, полей, тогда как раньше, в условиях охотничьего хозяйства,— представление об обилии животных, служивших предметом охоты, рыб и т. п.

По этой дороге в течение многих поколений постоянно передвигались группы первобытных охотников не только, очевидно, в поисках высококачественного кремня. Здесь, по лёссовым равнинам Прикарпатья, проходили, заканчиваясь где-то очень далеко на востоке, в направлении Волги, те традиционные пути перекочевок, которые связывали такой глубокой и прочной связью культуру позднесолютрейского населения, с одной стороны, Чехословакии, с другой,— Десны, Сейма и Среднего Дона. Об этом говорят уже самый характер и весь набор орудий труда, для изготовления которых использовался меловой кремень.

По сравнению с предшествующей, собственно селетской эпохой интересующее нас время (если иметь в виду богатый кремневый инвентарь многочисленных поселений Чехословакии типа Дольних Вестониц, Павлова и др.) приносит, как в этом нетрудно убедиться, много новых явлений.

И все же во всем наиболее важном этот инвентарь замечательным образом вполне отвечает тому, что мы знаем для Костенок I (верхнего горизонта стоянки). Это относится и к характеру исходного материала в обработке кремня, который здесь теперь представлен крупными, довольно правильными кремневыми пластинками, и к основному подбору орудий труда, изготовлявшихся главным образом из таких пластинок и их фрагментов.

Стоило бы отметить, что характерные для позднесолютрейских поселений Восточной Европы кремневые наконечники «с боковой выемкой» в стоянках Чехословакии типа Дольних Вестониц и Павлова по большей части представлены иной формой — наконечником в виде крупной, естественно заостренной кремневой пластинки, обычно с легкой подправкой ретушью по концам, реже по краю.

Тот же, очень выдержанный по своему составу, кремневый инвентарь известен и в ряде других поселений Чехословакии — Ржевнице у Праги, Енералка в пределах самой Праги, Лубна в Центральной Чехии и пр. Из них особенный интерес представляет Лубна, где раскопками Я. Бема еще в 1932 г. были обнаружены остатки наземного жилища с сохранившимися очагами. Основным объектом охоты обитателей этого поселения, в отличие от моравских, где на первом месте всегда стоит мамонт, был северный олень.

Поскольку, однако, в некоторых поселениях вроде Пржедмости, Мораван-Подковице и других на территории Моравии и Словакии все же встречаются в большем или меньшем числе упомянутые нами выше наконечники «с боковой выемкой», вполне сходные с орудиями этого типа из Костенок I,— трудно сказать с полной уверенностью, имеем ли мы здесь, в Дольних Вестоницах и Павлове, дело с памятниками несколько более поздней поры, или это лишь чисто местные и частные варианты той же поздней солютрейской культуры. Последнее нельзя целиком считать исключенным уже в силу того, что эта культура, несомненно, должна была существовать в Средней и Восточной Европе в течение очень долгого времени.

В том плане, в каком мы в нашем обзоре излагаем главнейшие факты, касающиеся палеолита Чехословакии, нам следует только в самых общих чертах остановиться на памятниках мадленской поры.

Подобные памятники нетрудно сразу различить среди иных местонахождений позднего палеолита по ряду особых, лишь им присущих признаков. Это прежде всего относится к изделиям из кости, представленным здесь явно своими поздними типами. Но это можно сказать и относительно обработанного кремня, где на первый план выступают теперь такие характерные мадленские орудия, как очень правильные узкие кремневые

пластинки, отделенные приемом отжимания от тщательно обработанных, хорошо ограненных нуклеусов. Их здесь сопровождает и различный, также вполне типичный набор орудий из кремня — небольшие концевые скребки (часто короткие, двойные), небольшие правильные резцы, разнообразные проколки, миниатюрные острия в форме клинка перочинного ножа, микропластинки с притупленным краем и т. д. Часто к ним присоединяются (скорее, видимо, в несколько более ранних памятниках) отщепы и фрагменты пластинок с характерной плоской затеской на концах.

П. И. Борисковский правильно отмечает[1], что верхние культурные горизонты в ряде пещер Чехословакии, — таких, как Бычья Скала, Кульна, Нова Дратеничка и др.,— которые часто относят к ориньяку, в действительности, на основании всей совокупности отличающих их особенностей, должны быть датированы мадленом.

Со своей стороны, исходя главным образом из материалов, происходящих из более новых раскопок, мы к этому списку можем добавить верхние горизонты пещер Кржижа, Дзеравой Скалы, пещеру у Конепрус, стоянку Гостим, Мораваны-Жаковску и др. Из них наиболее интересные находки связаны с раскопками пещеры Пекарна (Костелик), где поколениям исследователей до самого последнего времени удавалось добыть целые собрания прекрасно обработанной кости, в том числе — помимо обычных гарпунов и выпрямителей из рога северного оленя, наконечников дротиков, костяных рукоятей с сохранившимися в них кремневыми резцами, игл и т. п. — также некоторые предметы того же характера, но с различными выгравированными на них изображениями, например изображениями рыб. В той же вполне типичной мадленской манере выполнены изображения мамонта и других животных на кости из палеолитического поселения в Северо-Западной Чехии, в Гостиме.

Палеолитическое время в Чехословакии сменяется многочисленными эпипалеолитическими памятниками, главным образом в виде стоянок на открытом воздухе, расположенных на песчаных побережьях рек, с типичным микролитическим кремневым инвентарем.

Подведем краткие итоги.

I. Существенную особенность позднего палеолита Чехословакии, если его рассматривать с точки зрения обработки камня, составляет бросающееся в глаза непосредственное перерастание мустьерского инвентаря в инвентарь позднего палеолита. При этом мустьерские приемы и навыки в использовании твердых пород камня, мустьерские формы орудий удерживаются здесь до самого конца описываемой нами ранней поры позднего палеолита, постепенно лишь уменьшаясь в количественном отношении. Только в мадленское время они окончательно исчезают.

II. Начинаясь «шипковским», т. е. еще почти целиком мустьерским по своему характеру каменным инвентарем, поздний палеолит в последующее время представлен здесь раннеселетскими и собственно селетскими памятниками, знаменующими прогрессирующее нарастание новых явлений. Две эти ступени позднепалеолитической культуры в памятниках Чехословакии отвечают тому, что вполне можно назвать по специфическим приемам обработки камня ранним и развитым солютре.

III. Своего расцвета рассматриваемая так называемая селетская культура позднего палеолита на территории Чехословакии достигает в конце солютрейского времени. В эту эпоху культура первобытных племен Че-

[1] П. И. Борисковский. Очерки по позднему палеолиту Русской равнины и Центральной Европы.

хословакии, охотников на мамонта, во всех своих проявлениях — технике обработки кремня, изделиях из кости, характере поселений и жилищ, изобразительном искусстве — обнаруживает замечательную близость к культуре палеолитических обитателей Восточной Европы.

Направление, по которому шло снабжение первобытного населения Чехословакии меловым кремнем, является в то же время частью того пути, по которому происходили, нужно думать, на протяжении целых тысячелетий перекочевки охотничьих групп с запада на восток и с востока на запад. Из Чехословакии этот путь через Моравские ворота, как мы видели, вел на север. Из района Костенок (среднего течения Дона) он указывает на запад (долина р. Оскола), где также находился очень важный и постоянный источник получения мелового кремня. Следует полагать, что именно такие места, где имеются залежи высококачественного кремня и где, очевидно, он только и мог добываться палеолитическими общинами (для Восточной Европы это Оскол — Десна — Западная Волынь — Верхний Днестр), разделенные более или менее значительными пространствами, совершенно лишенными подобного материала, и должны были являться основными звеньями той цепи, которая в позднесолютрейское время, как мы говорили, протягивается между Чехословакией и Доном.

IV. Говоря о том же пути, нельзя забывать, что в указанном направлении (приблизительно вдоль южной окраины современного право- и левобережного Украинского Полесья) простирается широкая предледниковая полоса, отмеченная отложениями лёсса и лёссовидных суглинков с характерной так называемой поздней фауной мамонта, в состав которой входят такие млекопитающие, как северный олень, песец, овцебык и др. Очевидно, это были прежде всего пути обычных передвижений палеолитических обитателей северных приледниковых пространств Средней и Восточной Европы, время от времени оставлявших свои зимние поселения для поисков новых, еще неиспользованных охотничьих угодий. Главной их целью, судя по огромным скоплениям костей на местах стойбищ, были стада мамонтов, затем лошадей, в других случаях — северных оленей и иных подобных животных.

О таком же, несомненно, очень древнем, пути передвижений, который, как можно предполагать, существовал в эту эпоху у южных охотничьих общин, будет сказано несколько ниже.

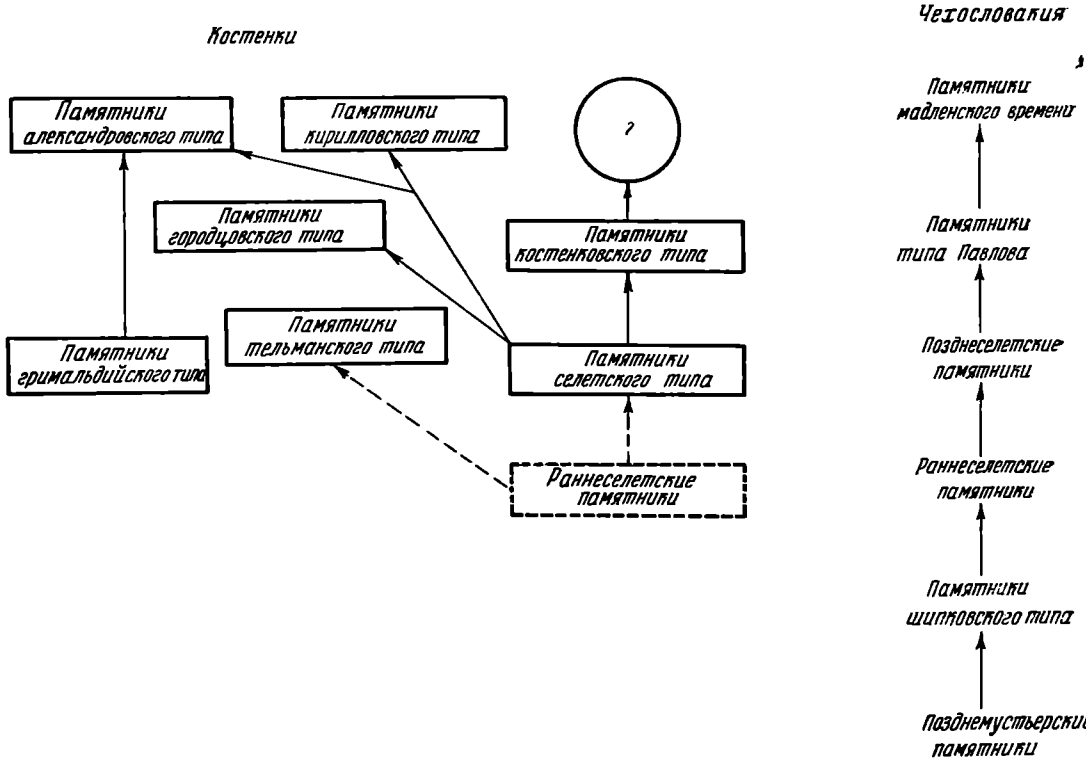
С точки зрения общеисторической перспективы для нас особенно важна та полная и ясная преемственность в развитии культуры, которая отличает поздний палеолит в условиях Чехословакии, поскольку в других местах подобный процесс обычно удается проследить лишь в отдельных звеньях. Отметив этот факт, значение которого будет яснее, когда мы рассмотрим позднепалеолитические памятники Костенок, перейдем к этим последним. В свете изложенного выше станет понятным многое из того, что до сих пор не поддавалось объяснению в отношении позднего палеолита Восточной Европы.

Мы остановимся здесь на позднепалеолитических местонахождениях района Костенок, поскольку нигде до сих пор, ни у нас, ни в Средней Европе, подобные памятники не открыты в таком большом числе на сравнительно ограниченном пространстве (в пределах очень узкой полосы на протяжении всего около 10 км вдоль высокого правого берега Дона), нигде они не изучались так систематично, как в районе Костенок, нигде они не дают такой сравнительно полной общей картины.

Результаты раскопок, проводившихся в Костенках А. Н. Рогачевым и П. И. Борисковским в последние годы, пока не опубликованы; поэтому

в настоящей статье нам было бы затруднительно охарактеризовать добытый материал сколько-нибудь подробно. Да это и не является нашей целью: для нас важнее дать представление о наиболее существенных особенностях открытых здесь памятников. За все сведения, представленные в наше распоряжение А. Н. Рогачевым и П. И. Борисковским, приношу им свою искреннюю благодарность.

Схема, изображенная на рисунке, может непосредственно ввести читателя в круг рассматриваемых ниже вопросов. В ней учтены главным образом памятники более ранней поры позднего палеолита, известные в районе Костенок.



Основные группы палеолитических памятников района Костенок и Чехословакии.

Что же касается более поздних памятников, относящихся уже к эпохе мадлена, то при несомненном общем сходстве этой культуры на территории Чехословакии и Среднего Дона, тут можно говорить и о существенных чертах различия, указывающих, нужно думать, на то, что мы имеем здесь дело с населением, в историческом (этнографическом) отношении далеко не однородным. Поэтому мы должны будем только отчасти и в меру необходимости коснуться памятников, принадлежащих собственно мадленскому времени.

Наша схема показывает, что позднепалеолитическая культура, общий ход ее развития, как они представлены в стоянках воронежской группы, в целом отражает значительно более сложный процесс, чем то, что мы раньше отмечали для Чехословакии.

Кроме некоей основной линии, главного направления в общем изменении и усложнении кремневого инвентаря, здесь имеется и ряд побочных явлений, значительно затемняющих, на первый взгляд, общую кар-

тину. Однако каждое из подобных отклонений, если к ним подойти в историческом плане, представляет, как мы увидим, свою специфику, свой особый интерес и значение.

Заметим еще, что в Костенках мы можем наблюдать ту же, столь характерную для Чехословакии, устойчивость тех элементов культуры, которые приходят сюда еще от мустьерской эпохи: действительно типичные мустьерские виды орудий, хотя и уменьшаясь в числе, тем не менее удерживаются во всех подобных памятниках до самого конца ориньяко-солютрейской поры.

Наш обзор мы начнем с наиболее ранних уже известных здесь местонахождений, которые на нашей схеме обозначены как собственно селетские (типичные солютрейские).

1. Памятники селетского типа. В Костенках к числу подобных памятников относятся остатки 4 поселений: это Костенки I (самый древний, 5-й культурный слой), затем Стрелецкая 2-я в устье Александровского лога, наконец, Квасовская стоянка (Костенки XII, ее 3-й, нижний горизонт) и, по соседству с ней, Квасовская, пункт А.

Всем этим местонахождениям присущи одни и те же, постоянно повторяющиеся признаки и особенности. Несомненно, мы здесь имеем дело с остатками позднего палеолита: на это указывает постоянное присутствие в составе их инвентаря такого вполне типичного набора орудий, как небольшие концевые скребочки, иногда резцы, проколки, а также рубящие или раскалывающие орудия типа топориков и «дисков» и т. д. С другой стороны, в них всегда хорошо еще представлены элементы мустьерской техники обработки камня.

Но наиболее характерными для всех этих памятников, как и для позднеселетских культурных горизонтов Чехословакии, являются орудия, тщательно отделанные типичной солютрейской отжимной ретушью: то в виде крупных листовидных наконечников, то таких же ножей с «обушком» (участок грубо оббитой поверхности, оставленный в основании клинка, несколько сбоку)[1], то совсем маленьких, чрезвычайно тонко выполненных треугольных орудий, ближе всего напоминающих кремневые наконечники стрел позднего неолита и раннего металла.

Во всяком случае, как мы видим, во всех подобных поселениях костенковского района представлены изделия из камня, полностью повторяющие формы, свойственные селетской культуре Чехословакии.

Интересно, что и сам материал, использовавшийся первобытными обитателями Костенок для подобных целей, очень сходен с подобным же пестроцветным материалом, типичным для селетских стоянок Чехословакии: это цветной валунный кремень, добывавшийся здесь же, на месте, в ближайших окрестностях древних поселений, в отложениях ледниковой морены, и кварцит или сливной песчаник различных оттенков. Таким образом, в эту эпоху первобытное население Среднего Дона, оставившее памятники селетского типа, еще, очевидно, почти не пользовалось меловым кремнем, требовавшим для своего добывания сравнительно далеких экспедиций.

Довольно большая глубина залегания и уже само стратиграфическое положение названных 4 памятников — в нижних отложениях лёссовидных суглинков — свидетельствуют об их значительно большей древности по сравнению со всеми иными палеолитическими местонахождениями Костенок.

---

[1] Совершенно подобные ножи происходят из стоянки Замаровцы, в Западной Словакии, в окрестностях Тренчина. Материал хранится в местном музее.

Полную тождественность по составу находок данной группы памятников Костенок и селетских местонахождений Чехословакии нельзя не расценивать как замечательный факт, представляющий для нас огромный интерес, прежде всего, с точки зрения генезиса позднепалеолитической культуры в условиях Средней и Восточной Европы.

Такое обстоятельство делает несомненным общность происхождения селетской или, что то же, солютрейской культуры той и другой территории и позволяет с уверенностью утверждать (как это показано на нашей схеме), что описанным выше поселениям типа нижнего горизонта Костенок I здесь должны были предшествовать по времени, как и в Чехословакии, поселения, характеризующиеся вещественными остатками раннеселетского типа (см. схему на стр. 44).

Имел ли место такой процесс в пределах самого Среднего Дона или он был связан с эпохой, предшествовавшей заселению этой территории после ее освобождения от максимального оледенения, решить сейчас, за отсутствием каких-либо определенных данных, не представляется возможным. Однако последнее, т. е. возможность видеть в появлении подобных памятников прямой результат притока населения из иных, притом, очевидно, более западных областей страны, на наш взгляд, весьма вероятно. Отсюда, исходя из того, что мы видели раньше, можно считать более или менее очевидным, что селетская (солютрейская) культура в ее известных нам формах сложилась первоначально в среде той части кроманьонского населения, которая занимала в эту эпоху широкие пространства Средней Европы, включая сюда, вероятно, и Украинское Прикарпатье, и соседние области.

Если учесть, что те же характерные особенности отличают солютрейскую культуру, как она нам известна и на западе Европы (главным образом, во Франции и на севере Испании), если учесть факт отсутствия здесь памятников, соответствующих ее начальным фазам развития, как они представлены в Средней Европе, или, например, странное пристрастие обитателей подобных поселений (во Франции) к ярко окрашенным и вообще необычным породам камня для изготовления своих замечательных клинков, приходится считать вполне правдоподобным, что и сюда первобытные племена, создавшие солютрейскую культуру, распространились из более северных и более восточных районов Европы. Как известно, вопрос о вероятном восточноевропейском происхождении солютрейской культуры не раз уже ставился и в работах западноевропейских ученых.

В решении данной проблемы, при всех условиях, нельзя не считаться с тем фактом, что солютрейские поселения, как это давно установлено, полностью отсутствуют во всей более южной полосе нашего материка: их нет ни на Кавказе, ни в Крыму, ни на севере Балканского полуострова, ни на территории Италии, хотя повсюду здесь остатки времени позднего палеолита многочисленны и хорошо известны. Только на крайнем западе Европы, вдоль Атлантического побережья, памятники солютрейского типа прослеживаются довольно далеко на юг — до Кантабрийских гор на северо-западе Испании.

Такой факт не мог остаться незамеченным западноевропейскими археологами, выдвинувшими для его объяснения гипотезу то венгерского, то даже центральноазиатского происхождения солютрейской культуры и последующего движения солютрейских племен в конце ориньякской эпохи на юго-запад Европы.

Мы указали выше на связь распространения характерных позднесолютрейских памятников типа Костенок I — Пржедмости с определен-

ным приледниковым лёссовым ландшафтом Средней и Восточной Европы, в условиях и границах которого были естественны и неизбежны постоянные перекочевки охотников на мамонта, лошадь и северного оленя. Подобные передвижения в поисках новых, удобных районов охоты должны были, судя по широкому распространению соответствующих памятников, начаться здесь еще значительно раньше — по крайней мере, в собственно селетское время.

Нельзя не учитывать, что те же древние степи и тундры, отмеченные отложениями лёссовидных суглинков с обильными находками остатков северного оленя, овцебыка, мамонта и иных подобных млекопитающих, от верховьев Дуная и среднего течения Рейна простираются в обход Альп прямо на юг, связывая Среднюю Европу с областью Пиренеев. Естественно думать, что именно такие природные условия представляли собой особую притягательную силу для охотничьих общин солютрейской эпохи.

2. Памятники гримальдийского типа. Другая группа палеолитических памятников Костенок и притом, что очень интересно, также, несомненно, очень ранняя, близкая по времени к только что нами описанной, дает уже совершенно иную картину. Это остатки тех поселений, которые мы условно можем назвать гримальдийскими, памятниками гримальдийского типа.

Как это уже нами было отмечено в печати[1], такие местонахождения, значительно отличаясь от всего, что до сих пор было известно для позднепалеолитических памятников Костенок, действительно, поразительно напоминают по своему набору орудий из камня известные гроты Гримальди в Ментоне. В этом смысле особенно, конечно, ярок и показателен 2-й горизонт Тельманской стоянки, поскольку происходящий отсюда инвентарь значительно богаче и разнообразнее инвентаря всех других подобных поселений. Однако к нему близки по составу находок и некоторые иные местонахождения описываемого района—такие, как 3-й и 4-й культурные горизонты Тельманской стоянки и отчасти, может быть, 2-й и 3-й культурные слои Костенок I.

Уже из стратиграфического положения только что названных остатков поселений нетрудно прийти к заключению о их значительно большей древности в сравнении, например, с такими, несомненно, все же ранними памятниками, как Костенки I и в особенности Тельманская стоянка (их верхние культурные слои). Вместе с тем их инвентарь, как на это указывал А. Н. Рогачев, не содержит совершенно никаких признаков примитивности, архаичности, не дает ни малейшего намека на обычные в данную эпоху приемы обработки камня (отжимная ретушь, двусторонняя обработка и т. п.), отличающие памятники солютрейского (селетского) типа.

В этом инвентаре — и это еще поразительнее — абсолютно нет никаких признаков переживания мустьерской техники обработки камня, что так характерно для всей ранней поры позднего палеолита в Чехословакии и районе Костенок.

Основным элементом в составе изделий из камня здесь оказываются, в противоположность ранее описанным памятникам селетского (солютрейского) типа, не массивный широкий пластинчатый отщеп, а узкие, длинные пластинки, отделенные от призматического, хорошо ограненного нуклеуса, а также изготовленные из подобных пластинок и их фрагментов такие орудия, как концевые скребки на длинных узких пластинках, резцы, пластинки с зазубренным краем и т. д.

---

[1] П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 325.

Не менее характерны для данной группы памятников орудия микролитического облика, которые представлены здесь не только обычными пластиночками «с притупленным краем», но и иными их разновидностями, в частности «микроостриями». Но, пожалуй, наиболее замечательно присутствие среди других обработанных кремней во 2-м горизонте Тельманской стоянки небольших наконечников геометрической формы — в виде правильных трапециевидных сечений кремневой пластинки, один скошенный конец которой образует острие, а другой — несколько оттянут и превращен в черешок для насада.

Ничего подобного не знает инвентарь других поселений этой ранней поры, кроме ранее названных южных памятников типа гротов Гримальди.

Интересно, что в противоположность первой группе, основным материалом для изготовления орудий здесь служил уже не цветной, а темный меловой кремень.

Происхождение «гримальдийской» группы позднепалеолитических памятников Костенок не вызывает сомнения. По всему своему облику их кремневый инвентарь обнаруживает ближайшее и непосредственное сходство с обработанным кремнем так называемой капсийской позднепалеолитической культуры, распространенной на всей территории Средиземноморья. Однако он имеет и определенные черты отличия, например, от соответствующих памятников Черноморского побережья Кавказа или таких же местонахождений Болгарии и Югославии, прежде всего, ввиду полного отсутствия в нем каких-либо мустьерских элементов, наличие которых составляет постоянное и непременное явление в эту эпоху и в данной части Европы.

Только значительно дальше, в Западном Средиземноморье, например в древних слоях гротов Ментоны, обработанный кремень носит тот вполне выдержанный характер, который присущ 2-му горизонту Тельманской стоянки. Тот факт, что именно в этой культурной среде, далеко от берегов Дона, следует искать происхождение тех групп первобытного населения, которые оставили памятники «гримальдийского» типа в окрестностях Воронежа, находит интересное подтверждение в древнем погребении, открытом в Костенках в 1954 г. Это погребение, обнаруженное недалеко от хорошо известного поселения Костенки I, в том же Покровском логу, на месте стоянки Костенки XIV (Маркина гора), на значительной глубине (ниже 3-го культурного слоя этой стоянки), содержало хорошо сохранившийся костяк, по утверждению антропологов (Г. Ф. Дебец), с явными чертами того негроидного типа, который уже был описан по известным погребениям в одном из гротов Ментоны[1].

Такая находка, при всей, казалось бы, своей неожиданности, может служить ярким подтверждением существования, помимо северного пути, о чем мы говорили выше, еще одного, южного пути переселений первобытных охотничьих общин, шедшего, очевидно, вдоль северного побережья Средиземного моря. С этим путем может быть связано проникновение на территорию Восточной Европы тех, тоже очень ранних, южных элементов позднепалеолитической культуры, которые условно могут быть названы ориньякскими в отличие от северных, солютрейских или селетских. Если же говорить лишь о проникновении в Европу представителей упомянутого выше негроидного типа, нельзя, может быть, целиком отрицать возможность их переселения в ином, обратном направлении, например из-за Каспия, из глубины Средней Азии, где этот антропологический тип мог иметь распространение еще в очень раннее время.

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические находки в Костенках. СЭ, 1955, № 1, стр. 43; см. там же статью А. Н. Рогачева.

3. Памятники тельманского типа. В свете всего того, что было сказано выше, получают историческое объяснение памятники следующей, третьей группы, которые мы можем назвать памятниками собственно тельманского типа (поселение, отвечающее верхнему горизонту стоянки). Они нам известны пока только в одном этом пункте, но богатые материалы, собранные здесь при исследовании остатков хорошо сохранившегося жилища, дают возможность составить достаточно полное и наглядное представление о характере культуры, отличающем стоянки подобного типа.

Не имея возможности и необходимости входить в описание вещественного инвентаря Тельманской стоянки (верхнего горизонта), все же укажем, что здесь присутствуют все основные элементы, отличающие памятники позднеселетского времени[1]. В этом инвентаре прежде всего, как всегда в этих случаях, органически сочетаются мустьерская и характерная солютрейская техника обработки кремня; последняя — главным образом в виде многочисленных наконечников лавролистных очертаний, которые представлены здесь наряду с такими распространенными позднепалеолитическими формами орудий, как резцы, острия и пр. Как явление совершенно необычное приходится отметить, вместе с тем, наличие тут большой группы довольно разнообразных по своему внешнему виду орудий, которые, однако, в целом представляют собой по способу изготовления как бы различные варианты так называемых пластин с круговой ретушью. Этот совершенно особый прием оформления изделий из кремня главным образом характеризует некоторые раннеориньякские стоянки Франции.

Такое обстоятельство, а также полное отсутствие здесь такого обычного и распространенного орудия позднепалеолитической техники, как концевой скребок (что тоже очень показательно), свидетельствуют с достаточной убедительностью в пользу того, что кремневый инвентарь Тельманского поселения (его верхнего горизонта), видимо, сам по себе не такой уже ранний, во всех своих основных признаках вырос на какой-то самобытной основе, притом, судя по всему, непосредственно на почве неизвестного нам варианта раннеселетской культуры.

4. Памятники костенковского типа. За местонахождениями селетского, гримальдийского и тельманского типов на территории Костенок следуют по времени памятники собственно костенковской палеолитической культуры, которые известны нам в этом районе в первую очередь по замечательному стойбищу Костенки I (стоянка Полякова, верхний горизонт), затем по несколько более поздней стоянке Боршево I (Кузнецов лог) и по целому ряду еще недостаточно исследованных остатков поселений, расположенных в ближайшем соседстве со стоянкой Полякова.

Объединяет такие памятники, помимо всего иного инвентаря, присутствие в его составе такой характерной позднесолютрейской формы, как наконечник из мелового кремня, изредка из кварцита, типа «с боковой выемкой». В целом же данная группа поселений в условиях Среднего Дона, как и в Чехословакии и вообще в лёссовой приледниковой полосе Европы, знаменует высший расцвет позднепалеолитической культуры на ее раннем, ориньяко-солютрейском этапе развития. Полное тождество памятников типа Костенок I (верхнего горизонта) и древних стойбищ Чехословакии—Павлова, Дольних Вестониц, Пржедмости и др.—во многих сторонах быта оставившего их населения нами было отмечено выше.

[1] П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 326.

Здесь же следует особо отметить, что та же очень своеобразная и относительно высоко развитая позднепалеолитическая культура, если судить по таким ее характерным проявлениям, как постоянные находки женских фигурок — традиционных изображений женщины-матери (центральный образ общественного мировоззрения данной эпохи), должна была пользоваться широким распространением и дальше на западе Европы, по крайней мере, во Франции.

К сожалению, из-за крайне неудовлетворительной методики раскопок культурные остатки этой эпохи на Западе остаются нам почти неизвестными в их бытовой стороне.

Пути, по которым должно было, очевидно, происходить распространение позднесолютрейской культуры во всей лёссовой, приледниковой полосе, из одного конца Европы в другой, нами были обрисованы раньше.

5. Памятники городцовского типа. В Костенках, среди иных памятников, имеется сравнительно значительное число очень интересных палеолитических стойбищ, которые по времени могут считаться близкими к только что нами охарактеризованным местонахождениям типа Костенок I (верхний горизонт). Из них две такие стоянки — Городцовская (Костенки XV) и Александровка (Костенки IV, округлые жилые комплексы) — исследованы более или менее систематически, тогда как две другие, представленные Маркиной горой, ее 1-м и 2-м культурными горизонтами, известны нам лишь по предварительным, но более или менее значительным зондажам. Их позднесолютрейский возраст и соответствующая культурная принадлежность не вызывают сомнений, в смысле же более точного положения их следует относить по ряду признаков, как и некоторые подобные стоянки Чехословакии, частью, вероятно, ко времени Костенок I, частью — ко времени непосредственно после них.

Все эти памятники объединяет ряд характерных особенностей, прежде всего постоянное присутствие среди обработанного кремня орудий, отделанных солютрейской ретушью, в сочетании с такими, казалось бы, архаическими формами изделий, как типичные мустьерские остроконечники и скребла. Вместе с тем настоящие солютрейские наконечники как таковые здесь встречаются сравнительно редко: их место занимают главным образом (как это наблюдается и в некоторых селетских поселениях Чехословакии) орудия, скорее напоминающие остроконечники, но с той же характерной солютрейской отделкой.

При таком, казалось бы, примитивном по своим внешним признакам и особенностям кремневом инвентаре, сохраняющем еще собственно «селетский» характер, то, что его сопровождает (обработанная кость и т. п.), говорит все же в основном о времени, скорее следующем за Костенками I. Об этом свидетельствуют, например, находки костяных игл позднего типа (с ушками) и «весловидных» ножей с головчатыми рукоятями на Городцовской стоянке[1], «чечевицеобразных» маленьких дисков из глинистого сланца, о которых мы упоминали выше (совершенно подобных встреченным при погребении в Брно II, в Чехословакии),— в Александровке (Костенки IV) и др.

В то же время, если, с другой стороны, судить по присутствию в составе иных комплексов таких вещей, как примитивные иглы без ушек или характерные, часто орнаментированные костяные проколки — острия с широкими плоскими шляпками (они известны по материалам Авдеева

[1] В Костенках I сходные «ножи» с головчатыми рукоятями представлены иными, гораздо более тонко и искусно выполненными орудиями, притом предназначенными, очевидно, для совершенно других, чисто бытовых целей.

и Костенок I [1]), то некоторые памятники этой группы, как, например, Маркина гора (2-й горизонт), могут относиться и к несколько более ранней поре солютрейской эпохи, чем сама Городцовская стоянка.

В целом же палеолитические поселения городцовского типа в составе костенковских палеолитических местонахождений по общему характеру своего кремневого инвентаря (маленькие скребочки, часто полное отсутствие резцов, наличие многочисленных отщепов с характерной плоской затеской по концам и т. п.), если их сравнить с Костенками I, представляют собой явление особого рода. Корни данной культуры, видимо, скорее приходится искать в более раннем, уже собственно селетском, времени, чем в памятниках так называемого позднесолютрейского типа.

От описанных выше пяти более ранних групп поселений в Костенках, как и на территории Чехословакии, переходим непосредственно к стоянкам, относящимся уже к мадленской эпохе. Показателем перехода в новые исторические условия является здесь известный перелом в преемственности развития первобытной культуры, в особенности если иметь в виду наиболее массовый материал палеолитических остатков — обработанный кремень.

Одним из существенных признаков такого перелома может служить полное исчезновение именно с этого времени в культурных слоях палеолитических поселений мустьерских приемов обработки кремня, а также характерных солютрейских типов орудий и солютрейской техники ретуши.

6. Памятники кирилловского типа. Группа стоянок типа Костенки II—Костенки III. Памятники этой поры, т. е. собственно уже раннемадленские, не раз описывались в литературе, поскольку они имеют весьма широкое распространение на всей территории Восточноевропейской равнины, главным образом, видимо, в ее более южной, лесостепной и степной полосе. Хорошо известны они и в районе Костенок, где эта группа позднепалеолитических местонахождений и была нами впервые охарактеризована. На материалах Костенок и была определена ее культурно-историческая принадлежность. До этого подобные остатки стойбищ по большей части относились обычно к «ориньяку», благодаря отпечатку определенной примитивности и своеобразия, лежащему на их кремневом инвентаре, и бедности находок обработанной кости [2].

Важно указать, что весь набор обработанного кремня в поселениях типа Костенки II — Костенки III разительно отличается своей простотой и чертами архаизма от сравнительно богатого и достаточно разнообразного кремневого инвентаря предшествующих ему по времени Костенок I и аналогичных памятников «костенковской» культуры; таким образом, он не может быть выведен из этих последних.

В то же время такие признаки, как относительно малые размеры и вообще нехарактерность представленных здесь кремневых пластинок и, наоборот, полное и явное преобладание массивных отщепов кремня, из которых здесь бывает изготовлен значительный процент орудий, поражающее преобладание в составе находок грубых резцов и различных нуклевидных орудий, затем то место, которое занимают тут затесанные плоской ретушью отщепы, наряду со многими иными подобными, явно весьма архаическими особенностями кремневого инвентаря,— позволяют прямо и непосредственно связывать названные памятники с теми

[1] П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 437, 438.

[2] В последнем, третьем издании «Первобытного общества» (стр. 318 и 532) местонахождения этого рода названы нами памятниками «кирилловского» типа, по нижнему горизонту известной Кирилловской стоянки в Киеве.

древними традициями, которые лежат в основе обработки кремня, в частности, и в инвентаре описанных выше позднесолютрейских памятников городцовского типа[1].

7. Памятники александровского типа (Костенки IV—удлиненные жилища). В Костенках известны остатки поселений, где среди изделий из камня, наряду с обычными видами орудий того же характера, что и в только что нами описанных стоянках Костенки II — Костенки III, имеются другие элементы, им не свойственные. Это главным образом различные микропластинки, часто с притупляющей ретушью по краю, и такие же небольшие острия.

Поскольку подобные наборы микропластинок и микроострий очень характерны, как мы видели, для поселений гримальдийского типа, можно вполне допустить, что они представляют собой здесь пережиток в ранней мадленской среде древней технической традиции, восходящей еще к этой южной культуре.

Таким образом, сопоставление палеолитических местонахождений района Костенок и таких же памятников Чехословакии дает возможность утверждать, что основное направление в развитии позднепалеолитической культуры на Среднем Дону — если исходить прежде всего из кремневого инвентаря — вполне совпадает по своему характеру с тем, что мы видели в условиях Средней Европы. Это то, что соответствует различным ступеням развития культуры селетского или солютрейского типа. Для Чехословакии мы могли указать 4 последовательных этапа этой культуры: шипковский, раннеселетский, собственно селетский и позднесолютрейский. В Костенках нам известны пока лишь 2 последних этапа.

Но, как показывает приведенная схема, палеолитическое население Костенок не было однородным. На этой территории в течение ряда тысячелетий должен был происходить процесс перемещений, передвижений и неоднократной смены занимавших ее первобытных охотничьих групп, зачастую довольно значительно различавшихся по складу культуры.

Намеченный нами путь наблюдений дает возможность, основываясь на инвентаре позднепалеолитических поселений (главным образом исходя из тех или иных присущих им особенностей в технических традициях), перейти от общих представлений о палеолитической культуре к более углубленному и более конкретному изучению самого хода исторического процесса.

Первым результатом нашего анализа является установление того факта, что́ то, что̀ обычно носит название ориньяка и солютре (мы здесь имеем в виду известные нам памятники соответствующего типа на территории Восточноевропейской равнины), является лишь двумя вариантами позднепалеолитической культуры населения нашего материка: северным — приледниковым и южным — средиземноморским. Все, что мы знаем в отношении Западной Европы, позволяет думать, что и там развитие первобытного общества в раннюю пору позднего палеолита шло по тем же двум главным путям, причем, как и на востоке Европы, основным в этом процессе было развитие солютрейских элементов культуры, складывавшейся, видимо, первоначально в более северных районах.

Более глубокое исследование материалов, происходящих из палеолитических поселений района Костенок, позволяет вместе с тем поставить вопрос о месте и значении в историческом процессе того, что можно назы-

[1] Нужно заметить все же, что такая характерная особенность данных памятников, как значительное численное преобладание резцов, притом часто грубо оформленных, наблюдается в известной мере уже в некоторых поселениях позднекостенковского типа — таких, как Боршево I и Пушкари I.

вать локальными, частными типами и вариантами поздней палеолитической культуры. Основными же типами позднепалеолитической культуры или «культурами» в более широком смысле слова, если применять археологическую терминологию, здесь прежде всего являются: на раннем этапе — собственно селетская культура, а позже — костенковская.

Наряду с ними как параллельное явление здесь складываются и развиваются тельманская и городцовская культуры. В то же время как явление уже совершенно особого порядка следует расценивать гримальдийскую («ориньякскую») культуру, занимающую, как мы видели выше, вполне обособленное положение в ряду других культур, представленных в памятниках Костенок.

В раннее мадленское время население, оставившее поселения типа Костенки I, которое следует рассматривать как творца и носителя замечательной костенковской культуры, на данной территории, видимо, уже не сохранилось. Дальнейшие судьбы его нам пока остаются не вполне ясными, если не считать поселений типа Боршева I, Гагарина, Пушкарей I, которые представляют для данной территории, видимо, последний, заключительный этап в развитии костенковской культуры. Во всяком случае, в более позднюю эпоху мы здесь находим только памятники, отвечающие вариантам своеобразной восточноевропейской мадленской культуры.

Значение намеченных выше различных групп и типов позднепалеолитических памятников и соответствующих им культур, место их носителей в судьбах Подонья в позднеледниковое время, как следует полагать, не было и не могло быть вполне одинаковым. Это вопросы, возможность разрешения которых в значительной степени зависит от дальнейшего накопления необходимого фактического материала.

Замечательные открытия, которых мы привыкли уже почти ежегодно ожидать от продолжающихся раскопок в Костенках, несомненно, обещают внести очень много нового в набросанную выше картину, хотя вряд ли смогут существенно изменить наши основные выводы. То, что изложено нами в этой статье, следует, естественно, рассматривать лишь как первый опыт разрешения на материале Костенок некоторых вопросов, связанных с древним периодом в истории СССР, в свете того, что мы знаем сейчас для территории Средней Европы, в частности — Чехословакии.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ПРИМОРЬЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

(По материалам поселений с раковинными кучами)

В каждой стране имеются памятники прошлого, которые составляют характерную черту ее археологического ландшафта и первыми обращают на себя внимание исследователей. На нашем Дальнем Востоке такое положение разделяют две совершенно различные группы остатков культуры его древних обитателей.

Первую группу составляют монументальные укрепления, величественные надгробные сооружения и памятники, древние городища, рудники и дороги, относящиеся к Бохайскому царству и чжурчженям. Их заметили уже первые русские путешественники в Приморье.

Вторая группа состоит из менее эффектных, но столь же многочисленных памятников совершенно иного рода — раковинных куч. Они стали известны в то же самое время, что и памятники средневековой государственности Приморья, в конце 60-х годов. Первые сведения о раковинных кучах относятся к 1868 г.

В своей работе «Некоторые сведения о 49 древних урочищах в Амурской стране» Иннокентий Лопатин писал об этом открытии: «На оконечности полуострова, разделяющего бухту экспедиции от бухты Новгородской, весною (в апреле — марте) 1868 года копали от плоского морского прибрежия и далее в материк канаву, и на глубине $1^1/_2$ —3 фут. от поверхности земли и от моря в 70 саж. и на высоте над его уровнем около 12 ф. в слое, состоящем из полуистлевших раковин, песку и камней, найдены обломки глиняной посуды из очень грубой глины, сделанной двух форм. Первая форма подобная низкому бокалу, вторая вроде отломанного днища от глиняного русского горшка. (Хотя г. Кунст, предприниматель раскопок, и говорит, что видел в музеях каменные топоры, но вполне на его свидетельство о нахождении вместе с этими глиняными черепками каменных орудий нельзя положиться). Костей он также не видел. Китайцы около Посьета говорили г. Кунсту, что в очень древние времена корейцы имели чашки бокалообразной формы. Надо заметить, что глиняные горшки эти сделаны из очень грубой глины, каковой ныне не употребляют на изделия ни в пределах Российских владений, ни в Китае — сколь мне известно. Они совершенно не обтерты, а только сломаны частью. Сведения о местонахождении этих черепков сообщены мне г. Кунстом 21—22 ноября 1868 г. в Владивостоке»[1].

[1] Архив ЛОИИМК, д. № 34/1869. лл. 3—32.

Спустя 12 лет, в 1880 г., были произведены первые систематические раскопки раковинных куч с научной целью, предпринятые одним из пионеров освоения Приморья М. И. Янковским, который обнаружил на северо-восточной стороне Славянского полуострова кучу раковин окружностью 18 м, толщиной около 0,2 м, объемом до 14 куб. м. Тщательная разборка одной кучи раковин показала, что так же, как в кучах раковин, отмеченных И. А. Лопатиным, здесь имеются обломки глиняных сосудов «самой грубой лепной, без станка, работы», а также изделия из кости и шлифованные каменные орудия, в том числе долото и топор[1].

Найденные здесь же кости животных и каменное грузило показывали, что люди, оставившие раковинные кучи, существовали охотой и рыбной ловлей, причем первостепенное место в их пище занимали морские моллюски. Судя по процентному отношению количества костей ко всей массе раковин, писал М. И. Янковский, «видно, что эти последние составляли насущный хлеб приморского жителя каменного века, а продуктами охоты он лакомился лишь изредка». Публикуя результаты своих раскопок, исследователь писал, что это было, насколько ему известно, «первое открытие кухонных остатков каменного периода на сибирском взморье». М. И. Янковский, широко образованный по тому времени человек, рассматривал эти памятники в духе господствовавших в то время эволюционистических представлений. Он указывал, что находки раковинных куч каменного века в Приморье «получают еще более значения в смысле параллели, для сличения этих кухонных остатков с таковыми же, найденными на датских берегах». Он считал бесспорным сходство раковинных куч Приморья с кьеккенмеддингами Дании и видел в нем доказательство единства путей эволюционного развития культуры человека на ранних этапах. Он полагал, что «проявления жизни столь отдаленных друг от друга и принадлежавших разным племенам народов» по необходимости должны были иметь аналогичный характер, ибо «одинаковая степень культурного развития должна была выработать одинаковые привычки и сложить одинаково жизнь человека, без различия у Тихого и Атлантического океанов».

Поэтому главный интерес находок в Приморье состоял, с точки зрения М. И. Янковского, не в уровне развития найденной им чрезвычайно примитивной, казалось, культуры каменного века, а в ее хронологическом положении, в абсолютном возрасте. Это мог быть, как он думал, или памятник отдаленной эпохи, времени пещерных медведей и тигров четвертичной эпохи, или, напротив, он принадлежал «сравнительно новейшей эпохе». Наиболее вероятной М. И. Янковский считал последнюю точку зрения[2].

Работы М. И. Янковского продолжил В. П. Маргаритов, известный своими этнографическими исследованиями народов Приморья. Раковинные кучи, исследованием которых занимался В. П. Маргаритов, по его описанию, были расположены к северу от места раскопок Янковского, вдоль берега протока, соединяющего оз. Лебяжье с морем на северной оконечности п-ова Янковского. Высота места, где располагались кучи, равна была примерно 12 саженям, т. е. около 25 м над уровнем моря.

Кучи были расположены, по словам В. П. Маргаритова, «повидимому, без всякого порядка вдоль всего берега протоки, одни почти на самом

---

[1] М. И. Янковский. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива. Известия Вост.-Сиб. отд. РГО, т. XII, № 2—3, 1881, стр. 92, 93.

[2] Там же.

берегу, другие на некотором расстоянии. Величина их приблизительно от 10—25 метров в окружности и от $^1/_2$—1 метра толщины при центре. В настоящее время они покрыты слоем чернозема толщиною в $^1/_2$—$^3/_4$ аршина; подстилающая почва — твердый суглинок»[1].

К этому описанию, точность которого в общем была подтверждена нами при осмотре этих остатков древности на месте в 1953 г., следует, однако, добавить, что размеры скоплений раковин бывают и значительно более обширными. На том же п-ове Янковского, неподалеку от места раскопок 1880 г., обозначенного на плане Маргаритова звездочкой, к северу от него, на низменном мысочке-косе, около обособленного скалистого холмика имеется большое количество таких скоплений, сливающихся друг с другом и образующих сплошной массив площадью в сотни квадратных метров.

Кроме того, на п-ове Песчаном, к северу от мыса Песчаного, вдоль возвышенного обрывистого берега, на протяжении почти километра прослеживаются мощные нагромождения раковин, образующие местами как бы сплошной вал, окаймляющий берег. Мощность раковинного пласта и протяжение его здесь таковы, что молодые геоморфологи отметили сначала его при своих наблюдениях как составную часть морских отложений полуострова.

Отвечая на вопрос, поставленный М. И. Янковским, о возрасте раковинных куч, В. П. Маргаритов писал, что они должны быть значительно древнее не только цзиньского времени, но и Бохайского царства. «Место нахождения наших куч со всех сторон окружено,— писал он,— памятниками высшей культуры и притом, как я уже сказал выше, периода Бохай,— вот почему, мне кажется, наши остатки надо отнести ко времени раньше Бохая»[2].

С тех пор были собраны новые материалы по раковинным кучам Приморья. Таковы главным образом материалы раскопок В. К. Арсеньева на полуострове Песчаном, против г. Владивостока, на противоположном, восточном берегу Амурского залива, а также А. И. Разина[3] на берегах Амурского и Уссурийского заливов, сборы Л. Н. Иваньева и других исследователей в тех же местах[4].

Все эти исследования только лишь подтверждали, казалось, общий вывод о примитивности культуры и отсталости населения Приморья в эпоху раковинных куч по сравнению с населением других соседних стран. Значение этого вывода не ограничивалось, впрочем, одними только хронологическими рамками каменного века; он имел и более широкое общеисторическое значение для Приморья. Контраст между примитивной культурой эпохи раковинных куч, с одной стороны, и блестящим расцветом культуры населения Приморья в средние века,— с другой, был настолько резким, что оба эти исторические периода отрывались друг от друга и разделялись какой-то пропастью. Можно было подумать, что высокая средневековая культура Приморья в бохайское и цзиньское время не имеет никаких местных корней и предпосылок для своего развития в прошлом местных племен, что она является в истории Приморья каким-то

[1] В. П. Маргаритов. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива, близ р. Сидеми. Изд. Об-ва изуч. Амурск. края. Владивосток, 1887, стр. 2.
[2] Там же, стр. 6
[3] А. И. Разин. Стоянка каменного века на берегу Уссурийского залива. «Советское Приморье», 1926, № 3—4, стр. 55—69; его же. Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива. «Советское Приморье», 1925, № 8, стр. 59—72.
[4] Л. Н. Иваньев. Археологические находки в окрестностях Владивостока. СА, XVI, 1952, стр. 289—298. Библиографию этих работ см. в статье Л. Н. Иваньева «Литература по археологии советского Дальнего Востока», СА, XVIII, 1953.

исключительным и случайным эпизодом, не имевшим никаких последствий для будущего. Культура Бохая и чжурчженей, с этой точки зрения, была для Приморья всего лишь только эффектным чужеродным растением, случайно оказавшимся на дикой, невозделанной до этого почве. Тем интереснее результаты наблюдений, осуществленных в процессе работ Дальневосточной археологической экспедиции ИИМК в 1953 г. Работы эти, в сочетании с ранее установленными фактами, существенно меняют положение дела, так как дают возможность по-новому понять культуру эпохи неолита в Приморье, и в том числе «культуру раковинных куч», яснее определить ее характер и значение в истории нашего Дальнего Востока [1].

Конечно, и сейчас не все еще ясно в сложной проблеме перехода древнего населения Приморья от первобытно-общинного строя к классовому обществу и государству и одновременно от каменного века к металлу. Здесь имеется еще много пробелов, которые надлежит заполнить в дальнейшем. Но уже сейчас ясно, что одним из важных прогрессивных этапов этого длительного процесса, растянувшегося более чем на тысячелетие (раковинные кучи конца II тысячелетия — I тысячелетия до н. э., время илоу и мохэских племен в I тысячелетии н. э.), как раз и было на территории Приморья то время, к которому относятся поселения с раковинными кучами. Во всяком случае, именно к такому выводу приводит пересмотр наличного материала о так называемых раковинных кучах Приморья, что я и намерен показать ниже.

Что же представляют собой эти памятники в целом и какое место занимает их время в культурно-историческом прошлом Приморья?

Раковинные кучи в собственном смысле этого слова составляют группу археологических памятников, неразрывно связанных с морским побережьем. Самые западные и вместе с тем южные из них обнаружены в районе залива Посьет. Отсюда они могут быть прослежены далее на восток вдоль всего побережья Амурского залива и в районе Владивостока, а затем — по берегам Уссурийского залива, где их основным средоточием являются участки морского побережья около устья р. Майхэ, в особенности у бухты Майтун. Раковинные кучи известны отчасти и далее к востоку, где, однако, они почти не исследованы.

Особый интерес представляет наличие раковинных куч по берегам Сахалина. В этих кучах на берегах Сахалина, судя по коллекциям, собранным И. С. Поляковым и хранящимся в МАЭ (если здесь нет путаницы), имеется керамика, по технике ее изготовления, характеру поверхности и орнамента совершенно такая же, как в Приморье, у Владивостока. Существенно то обстоятельство, что если не на всем этом пространстве, то, по крайней мере, у Владивостока, т. е. по берегам Амурского и Уссурийского заливов, «культура раковинных куч» представляет собой нечто целостное и выдержанное. Для того, чтобы получить представление о ней в целом, достаточно взять за основу хотя бы наиболее характерные находки на классическом местонахождении п-ова Янковского, сравнивая с ними материалы с остальных местонахождений [2].

Первая и наиболее важная в этом плане группа находок — обломки глиняной посуды. Как у заимки Янковского в 1880 г., так и на северной

---

[1] Некоторые результаты работ Дальневосточной археологической экспедиции отражены в научно-популярной статье автора «У истоков культуры народов Дальнего Востока» (см. сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана». М., 1954, стр. 227—260).

[2] Материалы раскопок В. П. Маргаритова и более поздние сборы в Приморском краеведческом музее, а также сборы Дальневосточной археологической экспедиции 1953 г.

оконечности полуострова, у оз. Лебяжьего, были найдены обломки сосудов, изготовленных от руки, без применения гончарного круга. Цвет черепков обыкновенно желтовато-красный, иногда темнобурый, почти коричневый. Часто встречаются черепки с тщательно заглаженной, лощеной поверхностью. При внимательном осмотре видно, что лощение производилось, всего вероятнее, гладким камнем с узкой рабочей поверхностью, оставившим характерные параллельные друг другу полосы. Такие камни, употреблявшиеся, повидимому, для лощения поверхности сосудов, иногда встречаются в древних поселениях Приморья; они обладают характерным образом зашлифованной рабочей частью.

О форме сосудов в деталях уверенно судить нельзя, но по уцелевшим фрагментам ясно, что сосуды в большинстве случаев имели плоское, довольно массивное дно (рис. 1, *2—4*, *6*). Часто встречаются днища очень узкие, около 6—8 см в диаметре (рис. 2, *3*). Стенки сосудов сильно выпуклы в верхней трети, иногда почти приближаются к стенкам сосудов шаровидных форм. Венчики их всегда имеют округленное ребро и часто отогнуты наружу в виде неширокой полоски, обычно почти под прямым углом по отношению к стенкам. Иногда имеется четко выраженный уступ шейки сосуда. Важной особенностью таких сосудов является наличие налепных ушек, снабженных поперечным сквозным отверстием. Форма и размеры ушек различны. Обычно ушки имеют вид полушаровидных выпуклостей или плоскоовальных выступов, расположенных вертикально (рис. 4, *2—5*, *7*). Очень характерны для сосудов из раковинных куч орнаментальные налепы-шишечки овальной или круглой полусферической формы. Имелись, повидимому, и сосуды баночной формы с почти прямыми, равномерно расширяющимися вверх от днища стенками и слегка отогнутым наружу венчиком. Встречаются также обломки сосудов иного, специфического типа — в виде невысоких кубков на узком коническом поддоне (рис. 1, *1*, *5*, *7*). Такие кубки, судя по уцелевшим фрагментам, были небольшого размера и имели вид как бы двух конусов: более узкого и короткого — внизу и широкого — вверху. Их можно поэтому назвать биконическими сосудами. По характеру днища биконические кубки разделяются на две группы; в первую входят сосуды с более узким, удлиненным поддоном, иногда украшенным одним или двумя кольцевидными валиками (рис. 1, *5*, *7*), во вторую группу — сосуды с более низкими и широкими поддонами (рис. 1, *1*).

Несомненно и наличие широких чаш (или крышек для больших сосудов) типа пиалы с плоским донышком (рис. 2, *1*), в том числе — судя по наличию овальных донышек — низких овальных, напоминающих некоторые чаши, характерные для ханьского времени в Китае (рис. 2, *2*).

Отдельно должен быть описан уникальный предмет, обнаруженный В. К. Арсеньевым на п-ове Песчаном (рис. 3, *2*). Он имеет вид массивного цилиндра, заканчивающегося вверху чашевидным расширением, напоминающим цветочную чашечку. Резервуар чашечки переходит в узкий канал длиной 7 см. Диаметр чаши — 12 см, длина предмета — 26,5 см. Это мог быть, скорее всего, светильник. Единственная аналогия ему, хотя и не очень близкая,— сосуд с цилиндрической ножкой из поселения Кураваноси в районе Канто, относимый по возрасту к культуре омори[1].

Замечательной чертой некоторых фрагментов керамики является наличие на их внешней стороне тонкого слоя красной краски, близкой к ангобу, обычно с тщательным лощением раскрашенной стороны. Такая раскраска придает этим сосудам особенно эффектный и нарядный вид.

[1] G. J. Groot. The prehistory of Japan. New York, 1951, табл. XLVII, *d*.

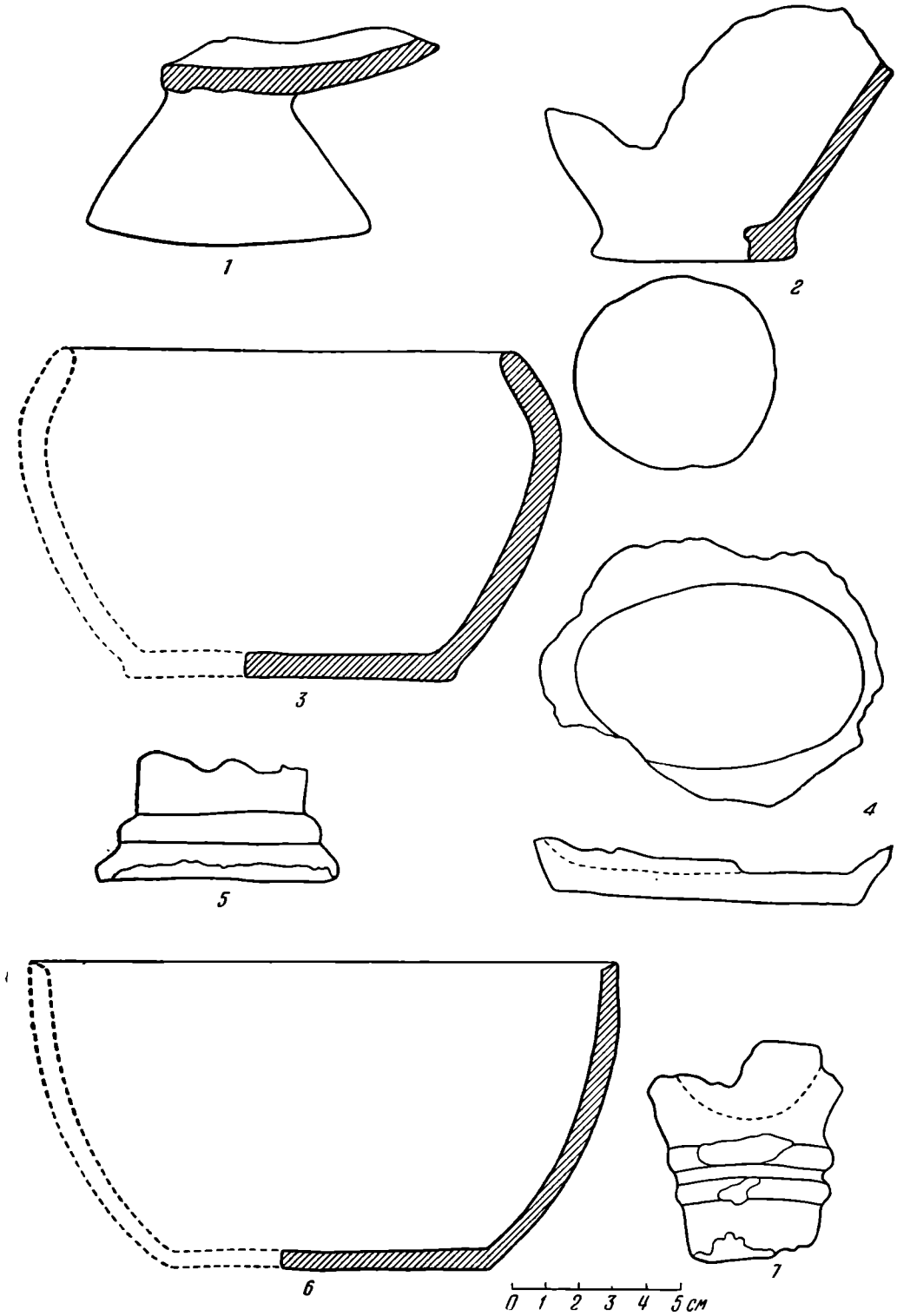


Рис. 1. Фрагменты сосудов.

1 — фрагмент чаши на ножке, бухта Седими; *2* — днище сосуда, п-ов Янковского, мыс Бринера; *3*— чаша, п-ов Песчаный; *4* — днище овальной чаши, мыс Поворотный, бухта Шипало; *5* — ножка чаши, п-ов Песчаный; *6* — низкая широкая чаша, п-ов Песчаный; *7* — ножка чаши, по-в Песчаный.

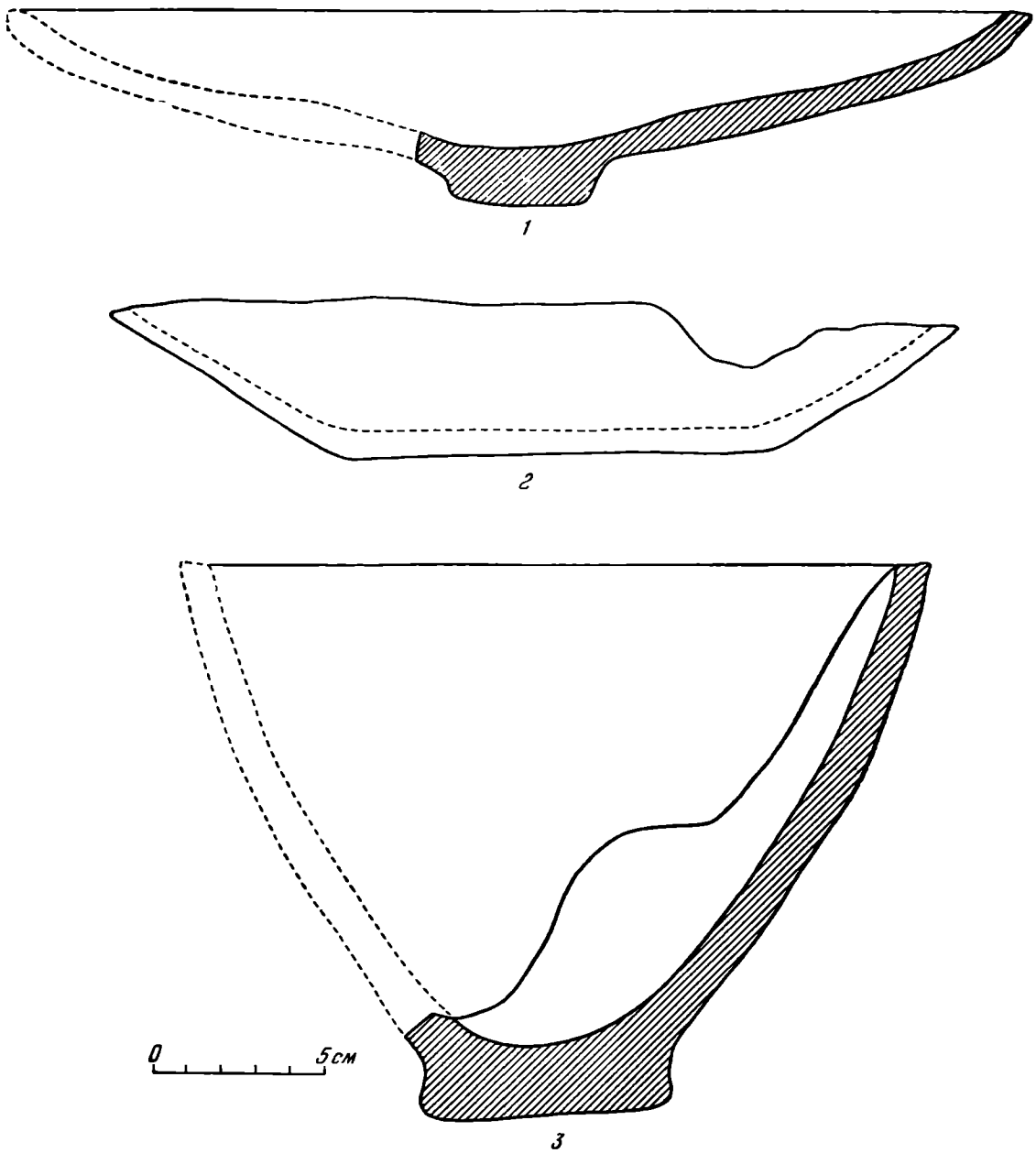


Рис. 2. Фрагменты сосудов.

1 — широкая плоская чаша с узким поддоном или крышка глиняного сосуда, о-ов Песчаный; *2* — широкая овальная чаша, Виноградный мыс; *3* — сосуд, бухта Козьмина, Уссурийский залив.

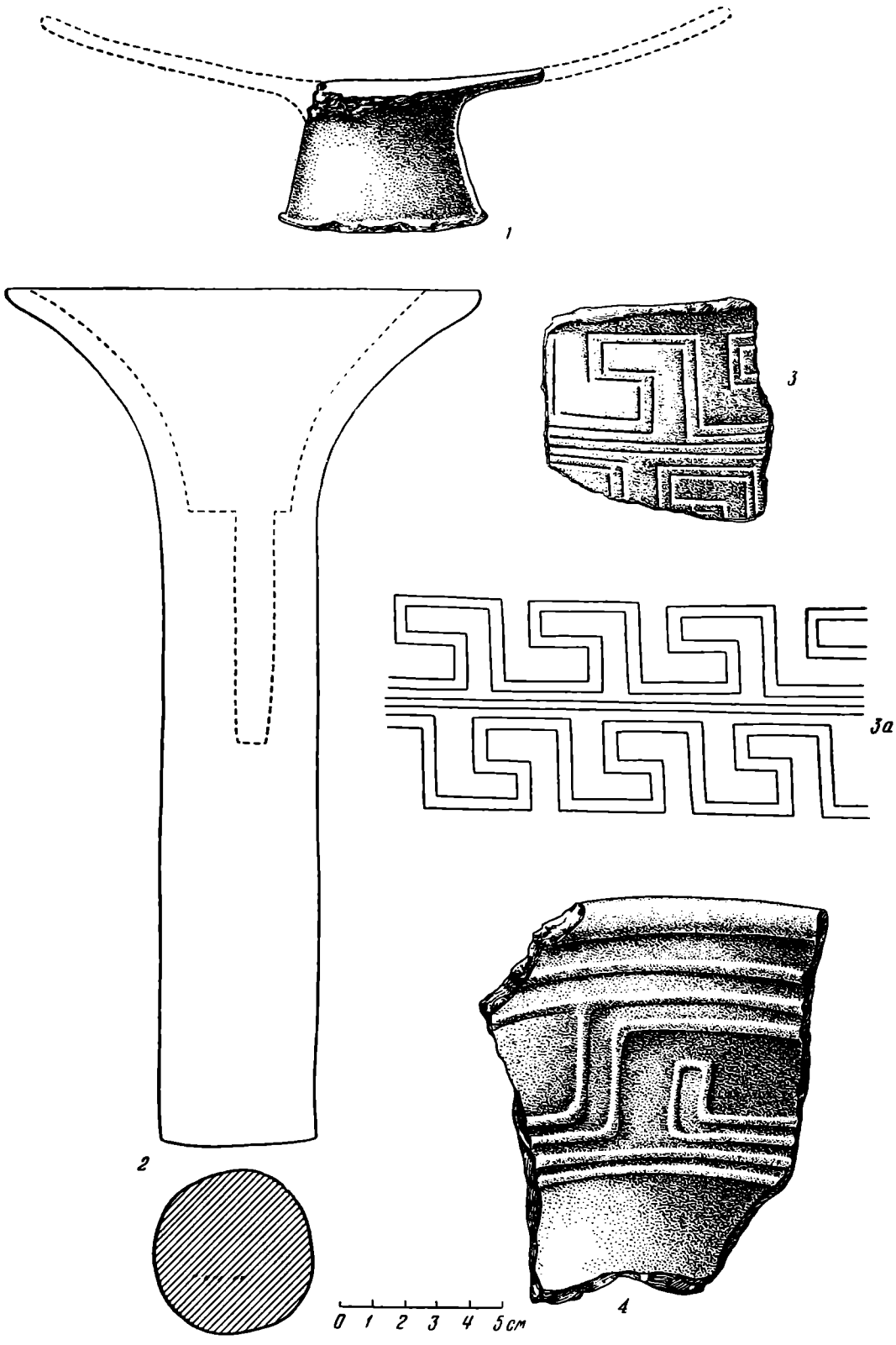


Рис. 3. Фрагменты сосудов и светильник.

1 — чаша с поддоном, о-в Попов; *2* — цилиндрический стержень с раструбом (светильник), черный камень, п-ов Песчаный; *3*, *3а* — фрагмент сосуда с резным меандровым узором, Тавричанка; *4* — фрагмент широкой плоской чаши с налепным узором в виде меандра, Тавричанка.

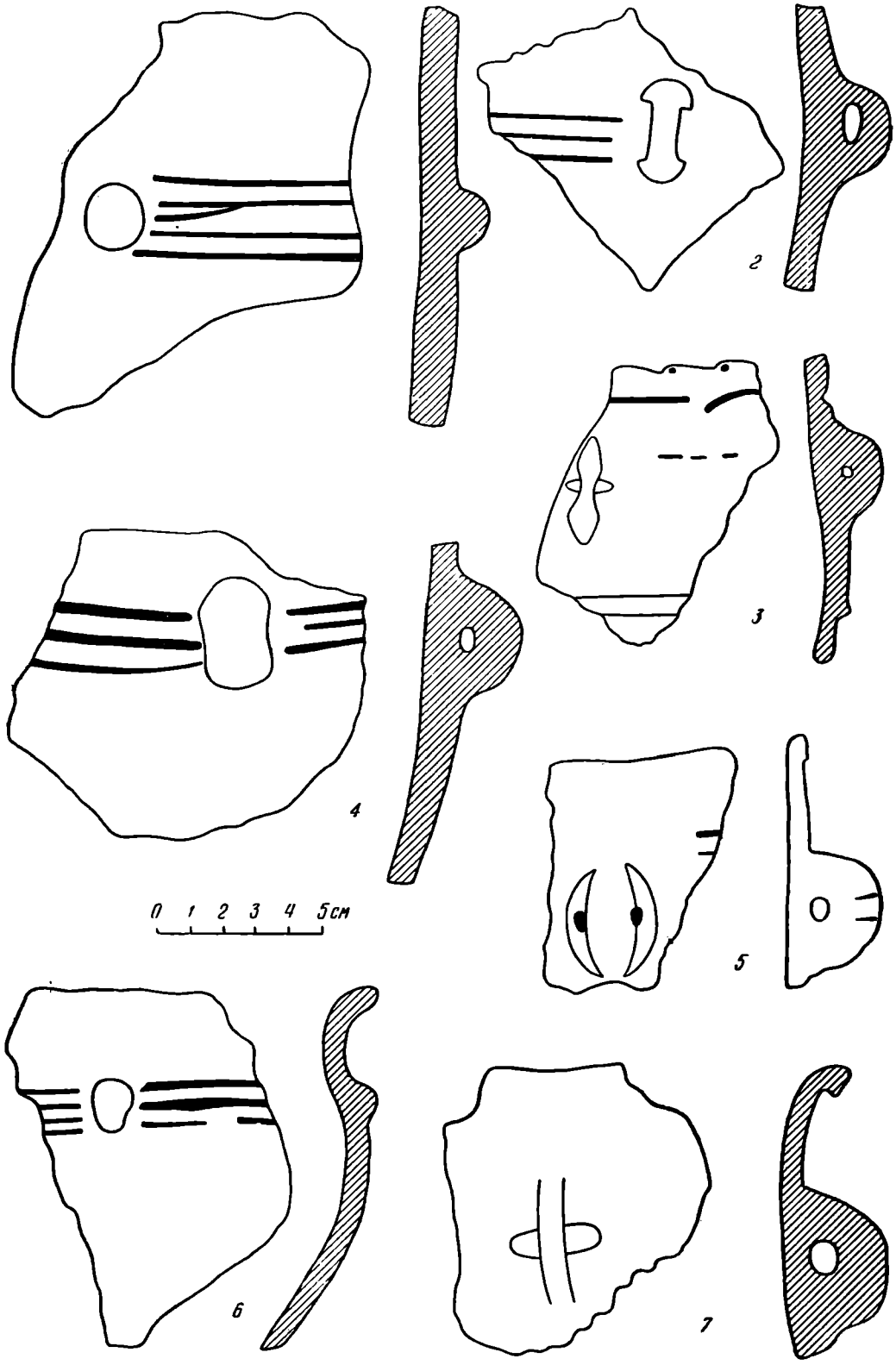


Рис. 4. Фрагменты сосудов с налепными ушками.

1, *4* — п-ов Песчаный; *2* — хутор Украинка, Уссурийский залив; *3*, *5* и *7* — мыс Виноградный *6* — п-ов Янковского, мыс Бринера.

Следует кстати заметить, что такие фрагменты отличаются тонкостенностью. Кроме того, в ряде случаев обнаруживаются и специфические особенности формы сосудов, частями которых эти фрагменты являются. Один из таких фрагментов, принадлежавший, должно быть, широкой чаше, имеет внизу глубокий поперечный желобок, возможно, имитирующий вдавление на металлической чаше [1].

Орнамент сосудов из раковинных куч весьма характерен и единообразен в общих своих чертах и по технике выполнения, и по композиции. По технике выполнения украшения на сосудах из раковинных куч делятся на следующие группы:

1. Валиковый орнамент, представленный налепными рельефными валиками, иногда довольно широкими и массивными, отчетливо выдающимися на поверхности сосуда. Валики почти всегда ребристые, не гладкие, без каких-либо насечек или ямок на них. Особенностью техники выполнения таких валиков является отмечаемое в ряде случаев обыкновение проводить сначала на поверхности сосуда специальную узкую углубленную полоску, на которую затем накладывался валик. Это обеспечивало, очевидно, более прочное скрепление накладного валика с телом сосуда (рис. 5, *1—6*; рис. 6, *1—4*, *6—8*).

2. Линейный резной орнамент, выполненный на влажном еще сосуде палочкой (стэком), имевшей заостренный конец. Иногда эти линии очень узкие и неглубокие, иногда же сравнительно широкие и более глубокие (рис. 4, *1—6*; рис. 7; рис. 10).

3. Ямки различного рода: узкие, наколотые тонким острием, гвоздевидные, прямоугольные, овальные, круглые (рис. 5, *7*; рис. 7, *6—8*; рис. 8, *2*; рис. 9; рис. 10, *1*, *2*, *5*; рис. 11, *1—8*). Все эти ямки обычно небольшие и не имеют самостоятельного характера, находясь в составе более или менее сложных орнаментальных композиций.

4. Налепные шишечки, овальные или круглые (рис. 4, *1*, *6*; рис. 9, *1*).

5. Ушки со сквозными поперечными отверстиями в них (рис. 4, *2—5*, *7*).

По орнаментальным мотивам и композиции имеющийся материал можно распределить на следующие группы:

1. Узор в виде горизонтальных валиков или резных линий, опоясывающих сосуд. Линии эти располагаются иногда по одной, чаще же параллельно по две, три, четыре и более. Есть примеры, когда на одном фрагменте находится по две полосы, разделенных пустым пространством. Узоры такого рода являются самыми распространенными и наиболее обычными. Это характернейший признак керамики раковинных куч Приморья (рис. 4, *1*, *2*, *4*, *6*; рис. 7, *1*, *3—5*; рис. 10, *11*).

2. Узор из параллельных горизонтальных валиков или резных линий, соединенных друг с другом короткими поперечными линиями, расположенными с определенными интервалами вертикально или наклонно. В ряде случаев такие линии бывают одиночными, иногда — парными.

Образец такого построения узора опубликовал в свое время В. П. Маргаритов. На одном из фрагментов сосуда, найденном В. К. Арсеньевым на п-ове Песчаном, имеется наиболее сложный образчик такой композиции. Здесь орнаментальная полоса образована тремя параллельными валиками, расположенными горизонтально, которые соединены короткими поперечными вертикальными валиками, размещенными попарно, с определенными интервалами между каждой парой (рис. 5, *1*; ср. рис. 5, *2*, *4*, *5*) [2].

---

[1] П-ов Янковского, № 111, сборы экспедиции 1953 г.

[2] Приморский краеведческий музей, колл. 498—4276.

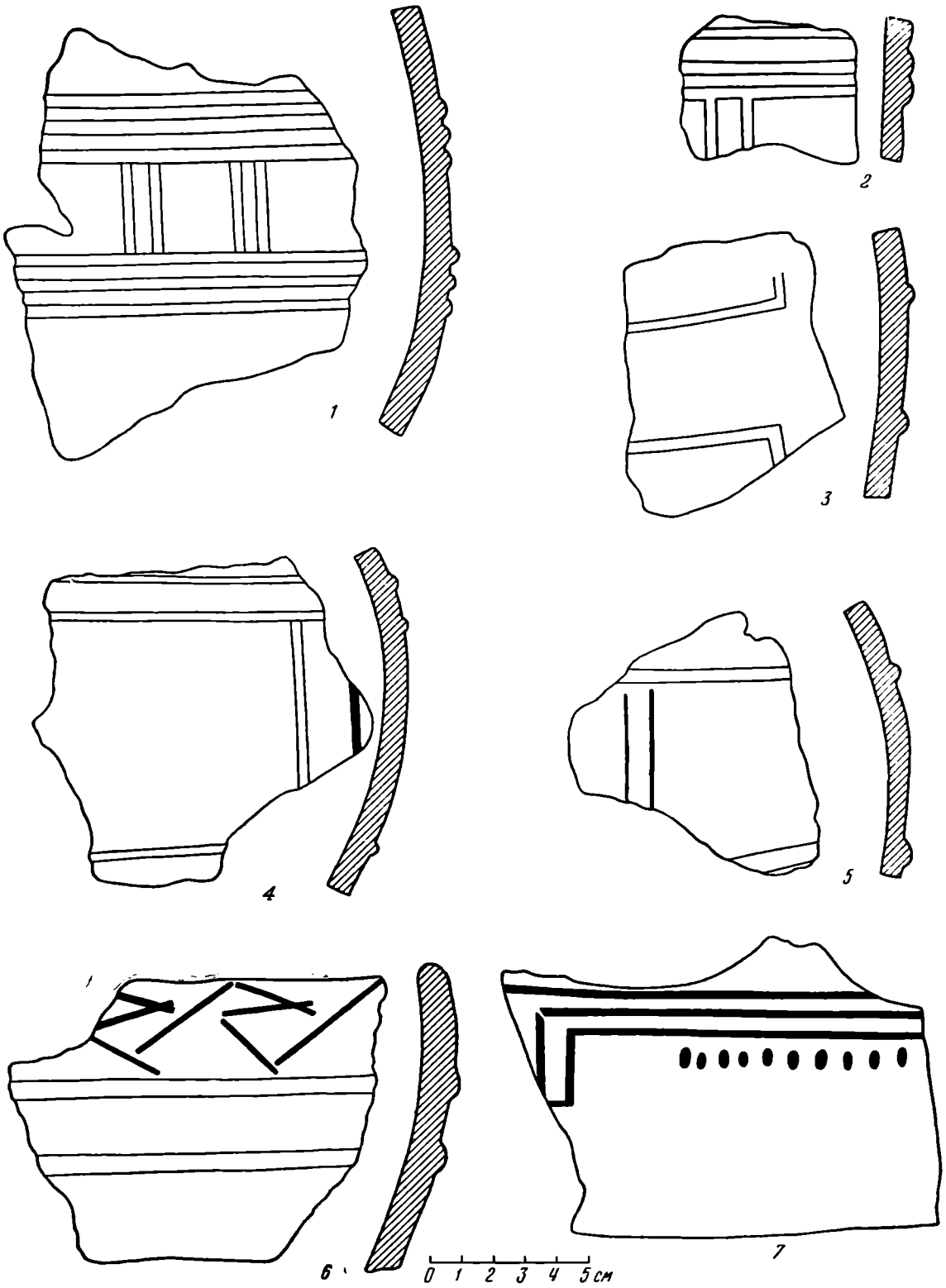


Рис. 5. Фрагменты сосудов с налепными валиками и резным узором.

1, 2—п-ов Песчаный; *3*— мыс Клерка; *4, 5, 7*—бухта Наездник; *6*—бухта Амбабоза, оз. Увамбапоуза.

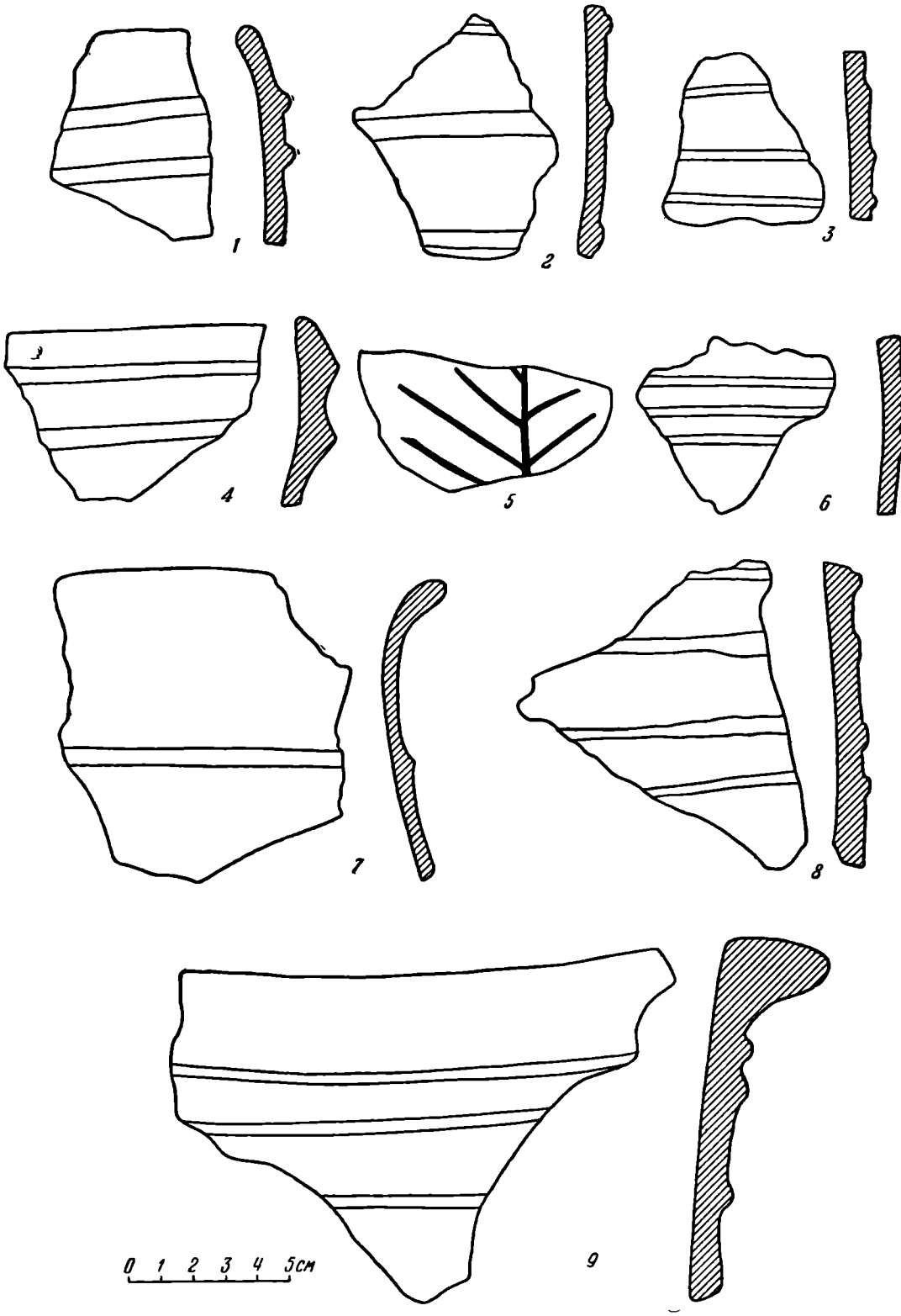


Рис. 6. Фрагменты сосудов с налепными валиками (*1—4*, *6—9*) и резным рисунком древесного листа на донышке (*5*).

1 — Приморье; *2* — бухта Подъяпольского; *3* — мыс Виноградный; *4*, *6* — бухта Наездник; *5* — мыс Басаргин; *7* — п-ов Песчаный; *8* — хутор Украинка, Уссурийский залив; *9* — бухта Амбабоза, оз. Увамбапоуза.

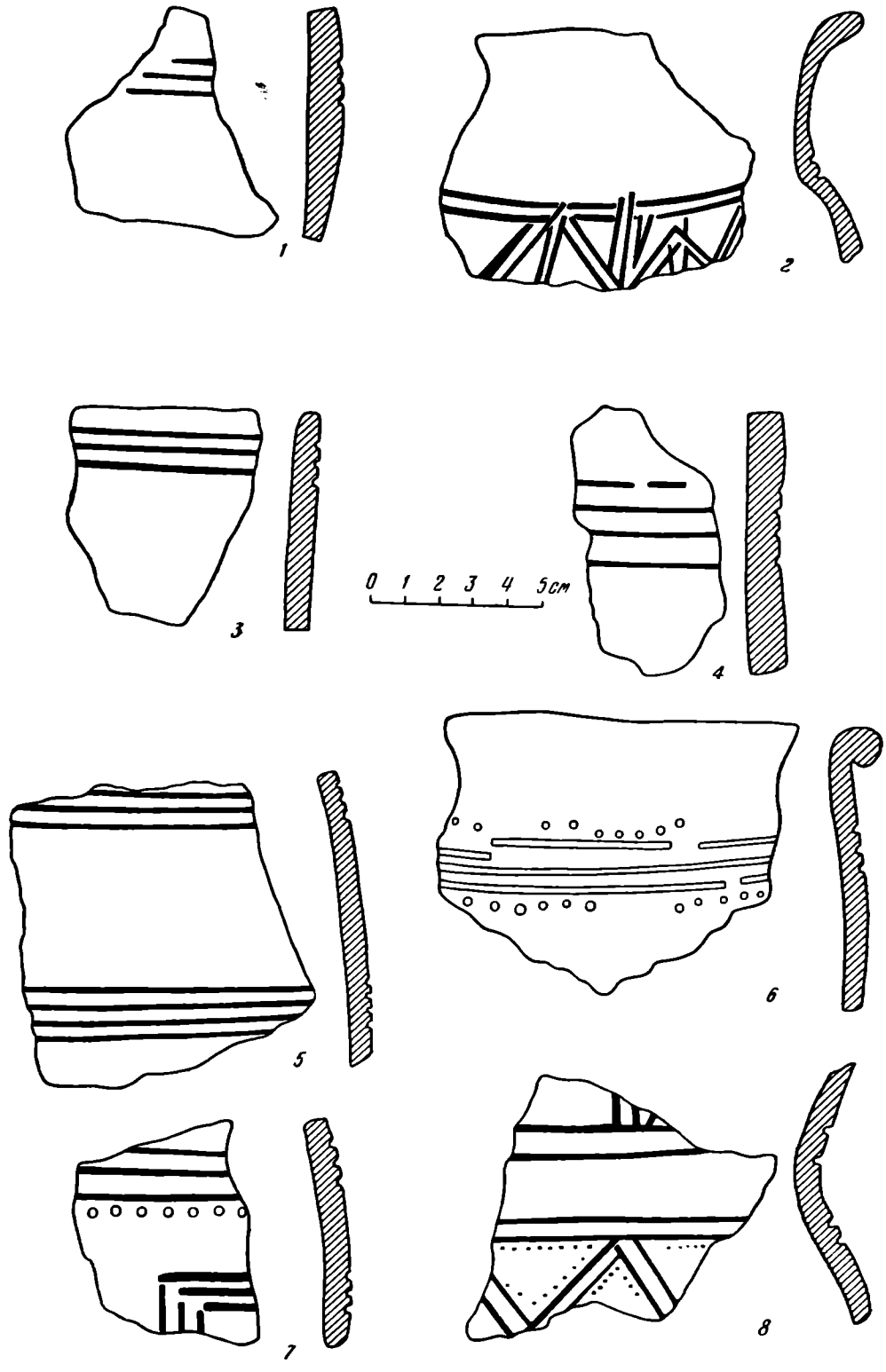


Рис. 7 Фрагменты сосудов, орнаментированных резными линиями и ямками.
1, 3—5 — бухта Наездник; *2, 7, 8* — п-ов Песчаный; *6* — Змеиная сопка.

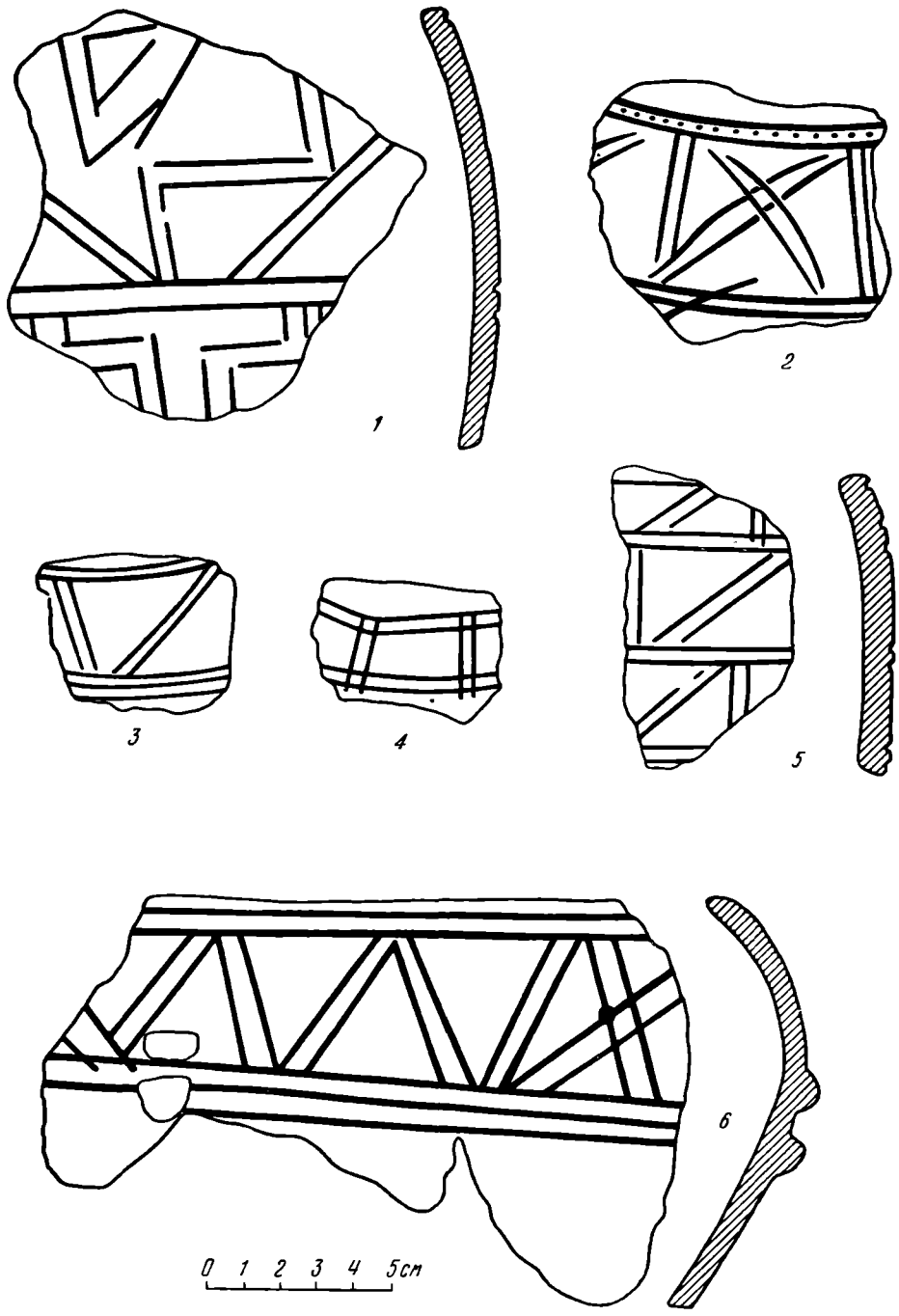


Рис. 8. Фрагменты сосудов, украшенных резным геометрическим орнаментом.

1 — мыс Виноградный; *2*, *3*, *5* — п-ов Песчаный; *4* — мыс Мраморный, Хасанского района; *6*—мыс Басаргин.

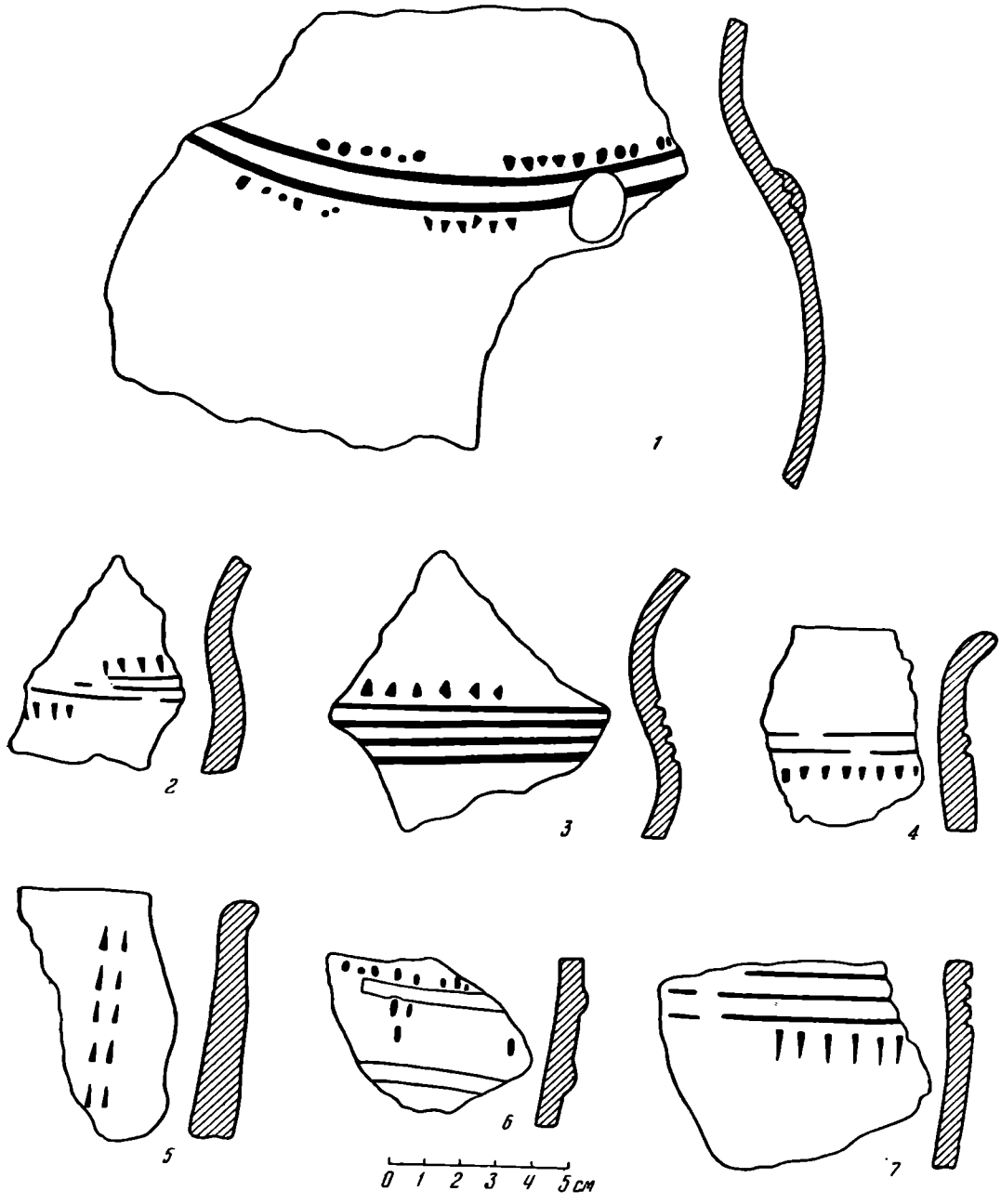


Рис. 9. Фрагменты сосудов, орнаментированных ямками и линиями.

1 — мыс Бринера; *2* — бухта Наездник; *3,4*—п-ов Песчаный; *5* — мыс Басаргин; *6* — хутор Суханова, р. Чамагоудза; *7* — мыс Клерка.

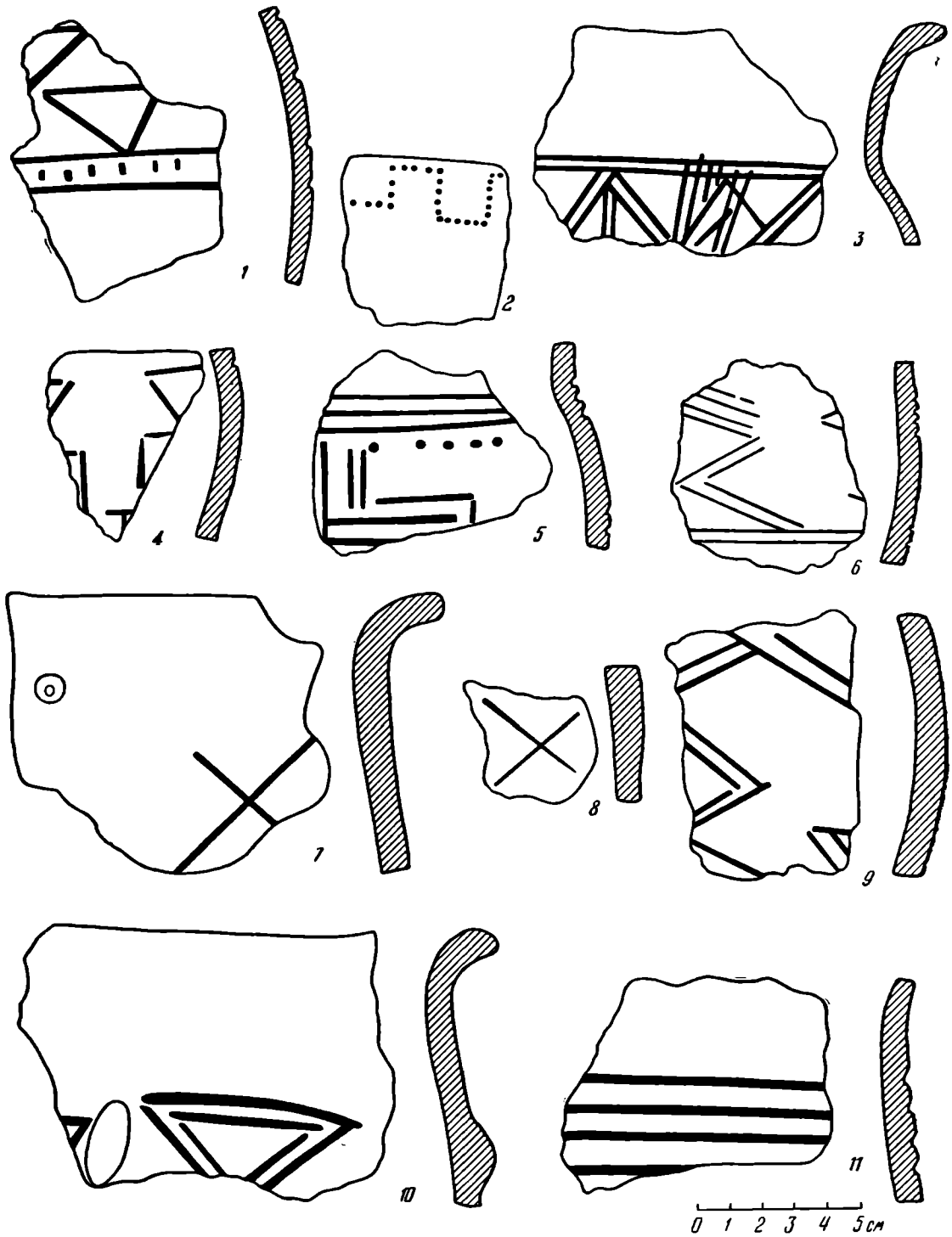


Рис. 10. Фрагменты сосудов с орнаментом в виде вариантов меандра и треугольников.

1, *7* — мыс Виноградный; *2* — п-ов Янковского; *3*, *8*, *11* — мыс Басаргин; *4* — Рыбачий ключ; *5*, *9*, *10*— п-ов Песчаный; *6* — Змеиная сопка.

Особым вариантом такого узора являются широкие полосы параллельных горизонтальных линий, между которыми расположены наклонные линии или косые кресты, меандры, а иногда ромбические фигуры, пересеченные внутри прямыми линиями (рис. 3, *3*, *4*; рис. 5, *6*; рис. 7, *2*, *8*; рис. 8, *2—6*; рис. 10, *1*, *3*, *5*; рис. 11, *7*, *9*, *10*).

В некоторых случаях подобные полосы, заполненные внутри вертикальными и наклонными короткими линиями, располагаются параллельными рядами, один над другим, — своего рода ярусами (рис. 7, *8*; рис. 8, *1*, *5*).

3. Узор в виде зигзага, встречающийся крайне редко. Есть образцы простого линейного зигзага, образованного врезанной линией или двумя параллельными линиями (рис. 7, *2*, *8*; рис. 8, *6*; рис. 10, *3*; рис. 11, *2*, *3*, *5*, *6*). Есть также фрагменты сосудов, где виден линейный вертикальный зигзаг, образующий в общем нечто вроде елочного орнамента (рис. 10, *6*, *9*). Не исключено, что последний узор — наиболее древний в поселениях типа раковинных куч и восходит в истоках к более ранней эпохе, представленной на Амуре поселениями типа Сучу I, в Приморье же поселениями типа Гладкой I (неолит).

4. Узор в виде вариаций меандра. Наиболее простой вид его представлен прямоугольными выступами, чередующимися попеременно, вверх и вниз (рис. 10, *2*). Но есть и образцы настоящего меандра с боковыми выступами, крючкообразными, в виде буквы Г. Имеются даже образцы двойного меандра, т. е. в виде двух параллельных друг другу меандровых полос. Фрагмент венчика сосуда с превосходно выполненным подобным узором из резных линий обнаружен в 1953 г. на полях колхоза имени Чапаева у Тавричанки (рис. 3, *3*). Меандровый узор известен как линейный, так и рельефный, валиковый (рис. 3, *4*). Есть также пунктирный меандровый узор из ямочек (рис. 10, *2*).

5. Очень широко распространенный орнамент особого рода, представляющий собой лишь отдельные элементы геометрического узора (ромба, треугольника), которые лишены взаимной связи или являются своего рода обрывками распавшихся сложных орнаментальных композиций, в первую очередь меандра или зигзагов (рис. 10, *7*, *8*; рис. 12, *1*, *2*, *12*).

В целом орнаментальный стиль, характерный для керамики раковинных куч, можно, в отличие от более древнего амурского, криволинейного в основе, определить как прямолинейно-геометрический стиль. Наиболее яркими и совершенными его образцами являются меандровые узоры (рис. 3, *3*, *4*).

Общая композиция орнамента неразрывно связана с формой сосудов, определяющих расположение орнаментальных элементов и характер орнаментального поля в целом.

Для широких блюдовидных чаш характерна узкая полоса узора по самому краю их венчика с верхней, т. е. внутренней стороны. Край этот обычно бывает округлен и утончен, но иногда он представляет собой как бы утолщенную кайму. По этой кайме и проходит орнаментальная полоса. Самый простой узор состоит из ритмически чередующихся с пустыми пространствами косых насечек, иногда расположенных пучками, а также ямок, тоже расположенных группами, обычно по три вместе. Встречены и два более сложных вида подобного орнамента. На одном фрагменте такой чаши мы видим упрощенный меандр, образованный линией из отчетливо вдавленных круглых точечных ямок (рис. 10, *2*)[1]. На другом образце края чаши имеются три параллельных широких желобка, разделенных узкими валиками. В других местонахождениях, например на

[1] П-ов Янковского, сборы экспедиции 1953 г.

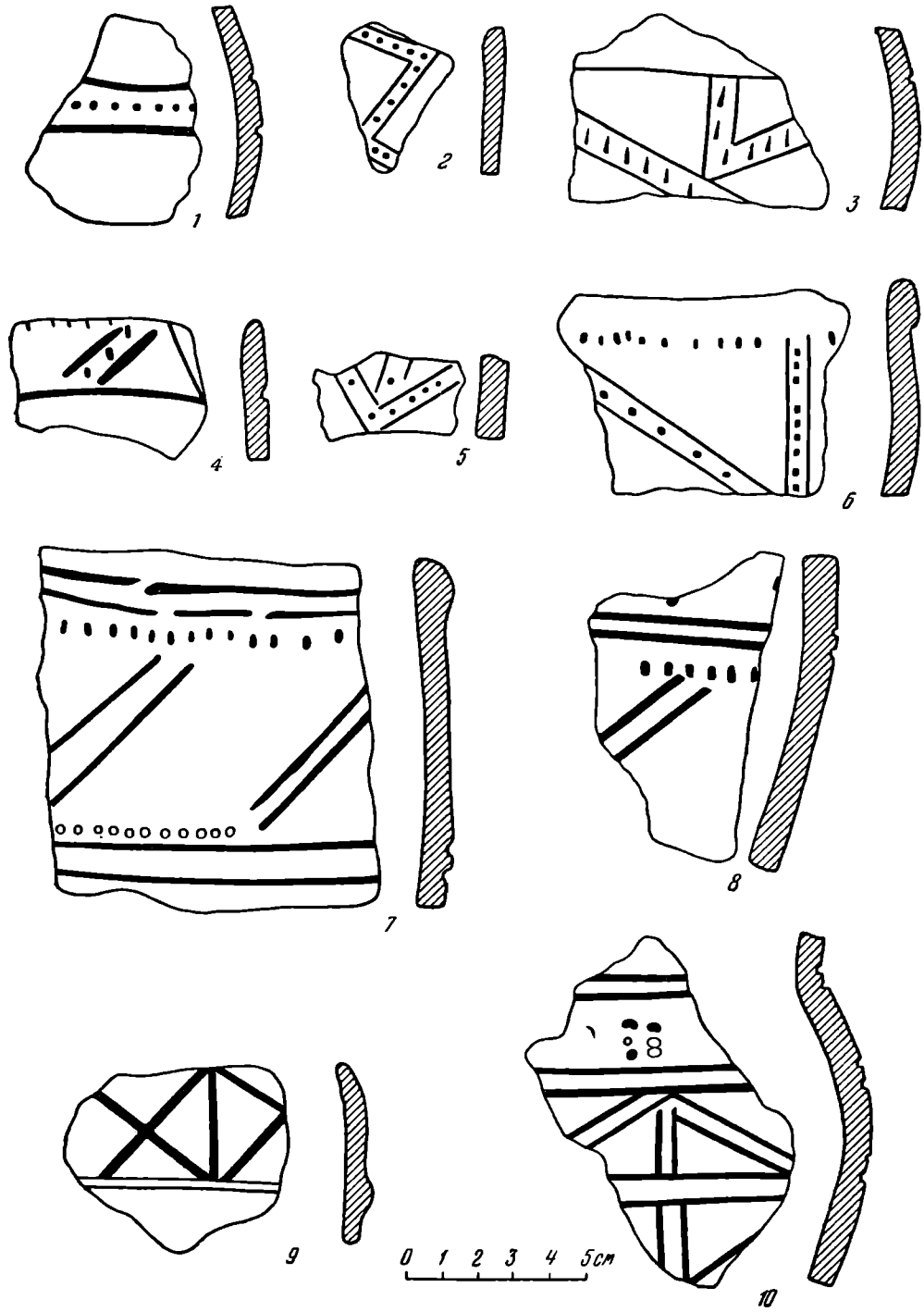


Рис. 11. Фрагменты сосудов, орнаментированных геометрическим узором.

1 — бухта Подъяпольского; *3*, *7*, *8*, *10* — п-ов Песчаный, заимка; *2*, *4* — хутор Суханова, р. Чамагоудэа; *5* — мыс Черепаха, Уссурийский залив; *6* —п-ов Песчаный; *9* — мыс Виноградный.

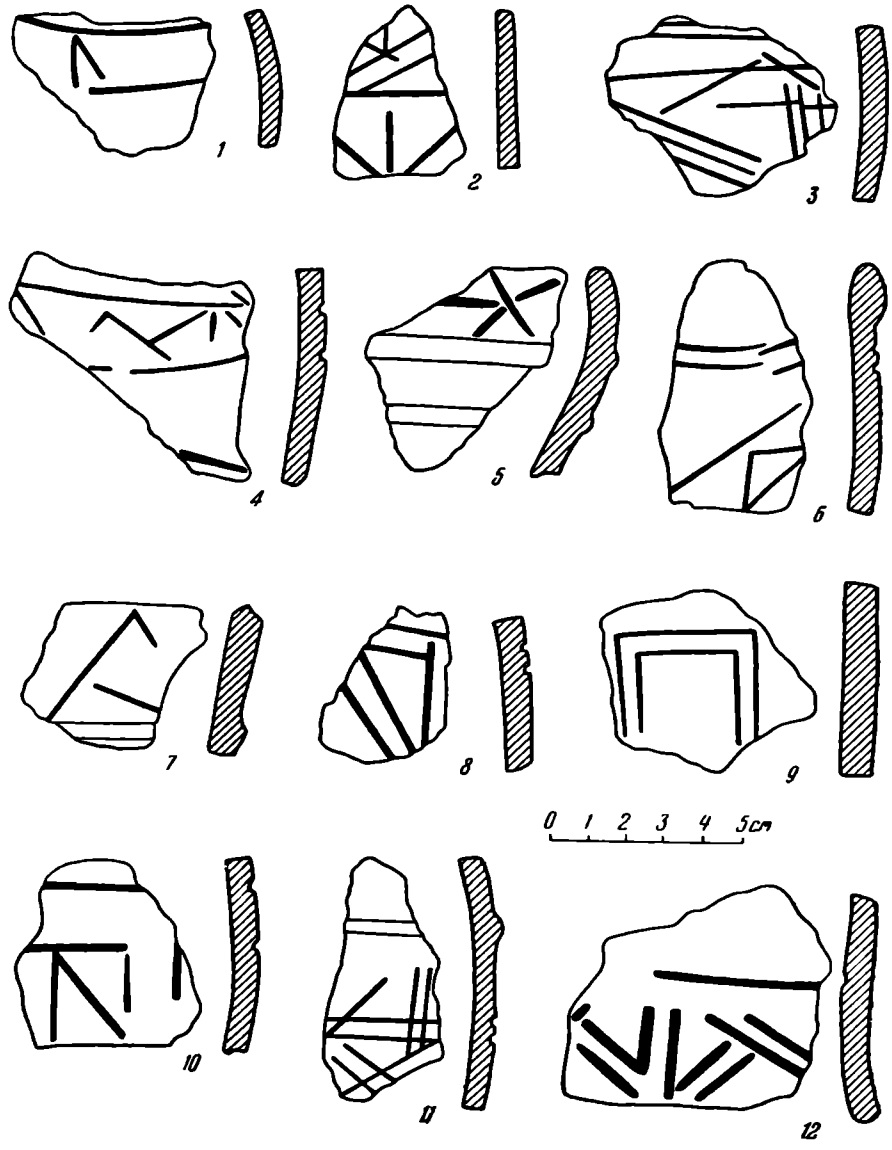


Рис. 12. Фрагменты керамики с элементами геометрического орнамента.
1, 4, 6, 8, 10 — Змеиная сопка; *2, 3, 5* — хутор Суханова; *7* — п-ов Янковского; *9* — мыс Басаргин; *11* — мыс Виноградный; *12* — п-ов Песчаный.

п-ове Песчаном, найдены куски таких чаш, орнаментированных налепными валиками, образующими сложный узор в виде меандра (рис. 3, *4*).

Сосуды обычного типа были украшены, как правило, только в верхней части, причем узор ограничивался одной орнаментальной полосой, опоясывавшей тулово сосуда горизонтально, сразу же под венчиком. В одних случаях, как мы видели, это был всего лишь один налепной валик, в других — два или три параллельных валика. Второй вид такого узора — параллельные друг другу вдавленные линии, чаще всего по три рядом. Третий вид узора отличается тем, что сдвоенные линейные полосы дополняются пояском из ямок, иногда круглых, а иногда овальных или почти прямоугольных, расположенных вертикально или слегка наклонно.

Бывает и так, что простой узор из параллельных линий заменяется рельефным или вдавленным линейным меандром, обегающим сосуд сплош-

ной замкнутой полосой. Иногда верхний орнаментальный поясок дополняется вторым нижним пояском, расположенным на выпуклой части сосуда. В таком случае он нередко совмещается с налепными шишечками или ушком. При этом линии орнамента обрываются с одной стороны около ушка или шишечки, а затем снова продолжаются с другой стороны.

Особо нужно отметить характерные резные изображения «скелета» древесных листьев на дне некоторых сосудов. Изображения эти встречаются на внешней, т. е. нижней стороне днищ и выполнены тонкими резными линиями, изображающими жилки листьев. Возможно, однако, что в отдельных образцах это не резные рисунки жилок листьев, а настоящие оттиски последних на сырой глине днища[1]. Совершенно такие же изображения жилок древесных листьев или их оттиски на днищах сосудов известны на Японских островах, начиная с культуры позднего дзёмона и вплоть до начала нашей эры[2].

Из глины изготовлялись также пряслица для веретен, назначение которых было правильно определено еще В. П. Маргаритовым[3]. По форме они разделяются на несколько вариантов. Чаще всего встречаются пряслица с плоской нижней и выпуклой верхней стороной. У некоторых из них настолько крутая и высокая верхняя сторона, что они представляют собой усеченный конус. В ряде случаев утончающаяся верхняя часть в разрезе имеет вогнутые края или бывает отделена от нижней желобком — уступом, иногда даже двумя. Есть один пример, когда у пряслица сделан глубокий желобок — перехват посередине. Встречаются также грузики в виде массивных кружков с плоскими поверхностями. Все грузики имеют сквозные неширокие каналы цилиндрического характера.

Значительная часть этих изделий орнаментирована. Орнамент по технике выполнения состоит из резных линий и ямок, таких же, как на глиняных сосудах. Он может быть разделен по композиции на две основные группы; в первую входят узоры из концентрических окружностей, во вторую — узоры в виде лучей, радиально расходящихся от центра в стороны. Такие лучи часто имеют вид треугольников, и тогда узор напоминает звезду. Столь же обычны лучи из пучков линий или полосок, образованных двумя параллельными линиями, между которыми размещены ямки или поперечные насечки (рис. 13).

Каменный инвентарь из раковинных куч весьма единообразен, но характерен. Это прежде всего шлифованные тёсла или топоры, сделанные, как правило, из кремнистой породы черного или, реже, зеленовато-серого цвета. Тип тесла из раковинных куч совершенно определенный (рис. 14,*2*). По очертаниям эти тёсла обычно имеют форму, близкую к длинным прямоугольникам или трапециям, со слегка суженным и округленным обушком; лезвия их почти прямые или несколько выпуклые, заточены с обеих сторон симметрично и при этом довольно круто. Тёсла плоские, с ровными широкими сторонами; лишь изредка одна широкая сторона бывает слегка более выпуклой, чем противоположная. Узкие боковые грани тёсел тоже плоские и расположены под прямым углом по отношению к широким плоскостям. В поперечном сечении такие орудия, следовательно, имеют вид прямоугольника. В этом отношении они приближаются к тёслам серовского времени из Прибайкалья, отличаясь от них, однако, своими

---

[1] Л. Н. Иваньев. Археологические находки в окрестностях Владивостока, рис. 4, *1*.

[2] N. G. Munro. Prehistoric Japan. Yokohama, 1911; Howard A. Mc Cord. Contributions to the archaeology at Northern Honshu. Part II. Ogawara Pit-House culture. American antiquity, vol. XXI, p. 2, 1955, стр. 152, 155.

[3] В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 3, 4.

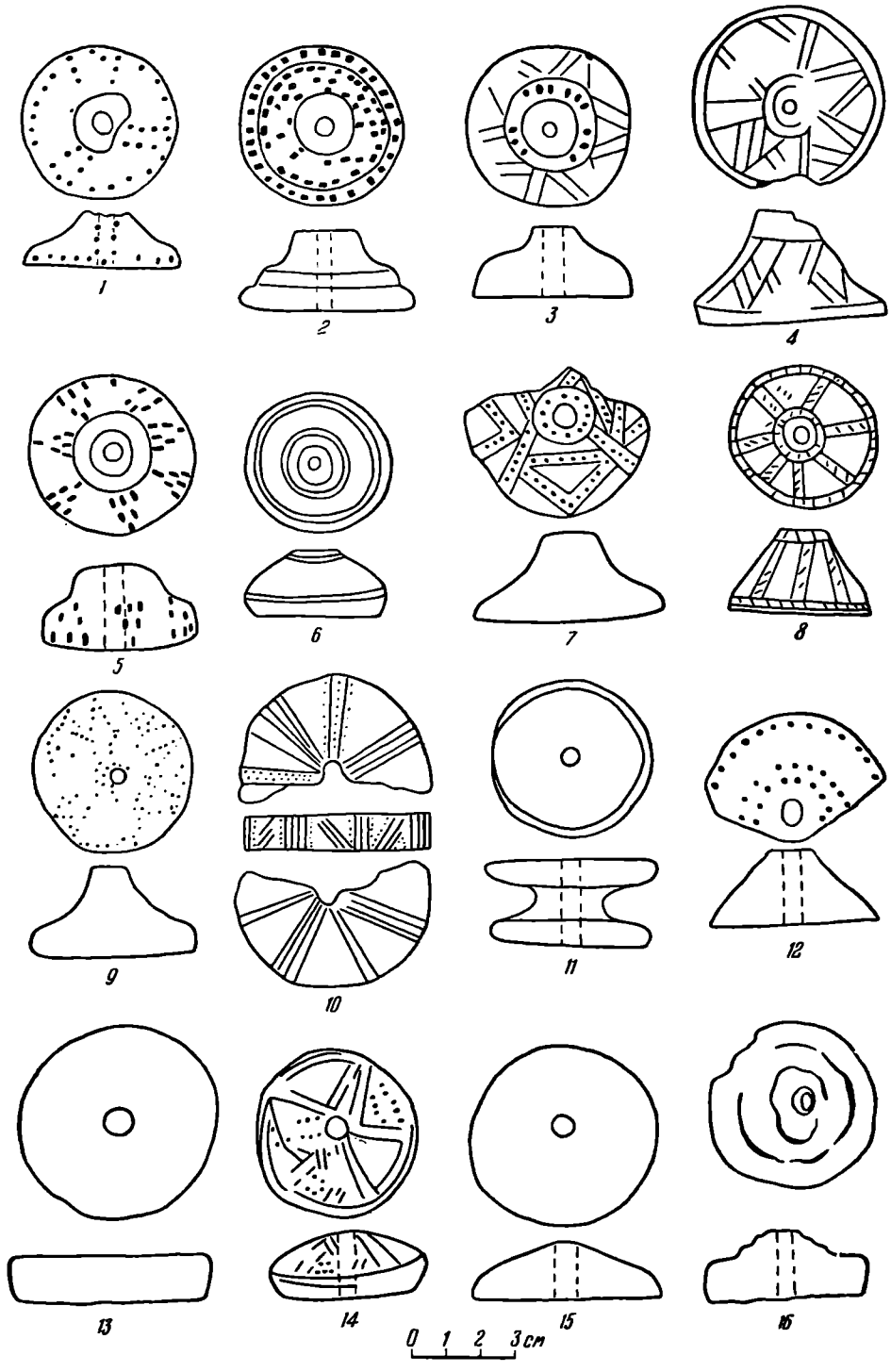


Рис. 13. Глиняные пряслица.

1—4, 15 — хутор Украинка, Уссурийский залив; *5—9, 12* — мыс Виноградный; *10, 11, 14* — п-ов Янковского, мыс Бринера; *13* — хутор Патюкова, Уссурийский залив; *16* — о-в Попов.

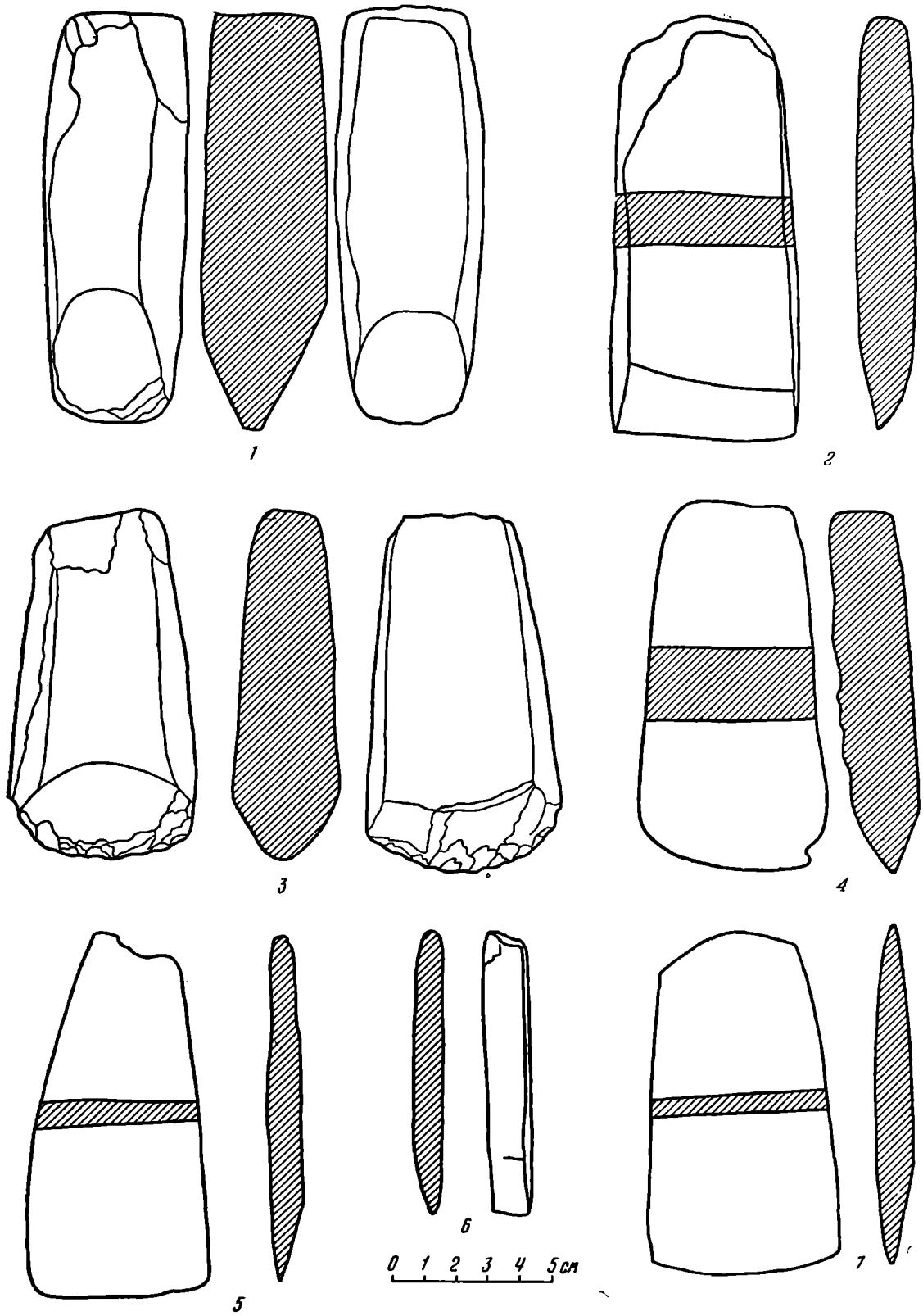


Рис. 14. Каменные шлифованные орудия — тёсла (*1—5*, *7*) и стамеска (*6*).

1 — бухта Находка; *2*, *6*—о-в Попов; *3* — бухта Наездник; *4* — мыс Виноградный; *5* — хутор Украинка; *7* —Приморье, колл. Владивостокского музея.

пропорциями: прибайкальские тёсла массивнее, и их широкие поверхности соответственно ýже[1].

В общем тёсла из раковинных куч всего ближе к наиболее широко распространенным в Северном Китае тёслам культуры яншао, которые И. Г. Андерсон выделяет в особую категорию «северных тёсел»[2].

Одинаковые тёсла известны также в Маньчжурии и Корее. Обращает на себя внимание, что находки целых, полностью сохранившихся тёсел такого рода крайне редки. Обыкновенно они обломаны со стороны лезвия более чем на одну или даже на две трети; при этом нижний конец часто бывает затуплен и смят от длительного употребления при какой-то грубой работе, возможно, в результате употребления в качестве отбойников.

Особым вариантом этих тёсел или топоров, наиболее часто встречающихся на поселениях с раковинными кучами, являются большие тяжелые орудия, отличающиеся тем, что в продольном сечении они сильно расширяются вниз от обушка и достигают наибольшей толщины в нижней части, почти у самого лезвия. Образно выражаясь, можно сравнить форму этих изделий с очертаниями падающей капли (рис. 14, *3*).

Очень близкие по форме изделия известны из неолитического поселения Хушу (Лаошудун) в 70 км к югу от Нанкина, где они сопровождаются глиняными пряслицами, сосудами-триподами, шиферными шлифованными наконечниками копий и стрел, а также шиферными серпами с отверстиями посередине для привязывания к рукояти[3]. Такие тёсла можно выделить в особую типологическую группу, хотя они известны в небольшом числе.

Наряду с массивными тёслами такого рода в коллекциях Приморского и Хабаровского музеев представлены плоские и довольно широкие тёсла с таким же прямоугольным или иногда почти овальным сечением в поперечнике. По очертаниям они отличаются тем, что обычно имеют вид не прямоугольников, а трапеций. Лезвие их бывает с одной стороны нередко заточено круче, чем с другой. Размеры таких тёсел сравнительно невелики (от 10 до 15 см; рис. 14, *5*, *7*).

Третий тип шлифованных каменных орудий представлен узкими, но массивными, четырехгранными в поперечнике, стамесками с двусторонне заточенными прямыми лезвиями; длина их колеблется от 6 до 15 см при ширине 1—1,5 см (рис. 14, *6*).

Четвертую группу каменных тёсел образуют сравнительно небольшие изделия, отличающиеся тем, что их края, а иногда и вся поверхность, обработаны ретушью и сколами, причем в ряде случаев края бывают симметрично вогнуты, а обушок округлен (рис. 15, *1*—*3*). Длина их — от 10 до 12—13 см. Наибольшая ширина — 5—6 см. Кроме тёсел, встреченных на всех без исключения поселениях с раковинными кучами, подвергавшихся более или менее систематическому изучению, изредка отмечаются случайные находки своеобразных крупных орудий с узкой рукоятью, отделенной плечиками от широкой части с лезвием (рис. 16, *5*). Такие орудия обнаруживают ближайшее сходство с так называемыми плечиковыми топорами Юго-Восточной Азии и с древнейшими земледельческими орудиями Северного Китая, описанными в археологических публикациях в качестве мотыг[4].

[1] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, рис. 45.

[2] I. G. Andersson. Researches into the prehistory of the Chinese. Bulletin of the Museum of Far Eastern antiquities. № 15, Stockholm, 1945, табл. 14, *1*—*4*.

[3] Этими сведениями я обязан Р. Ф. Итсу, за что выражаю ему свою признательность.

[4] I. G. Andersson. Указ. соч., табл. 24, *1*—*3*; табл. 25, *1*.

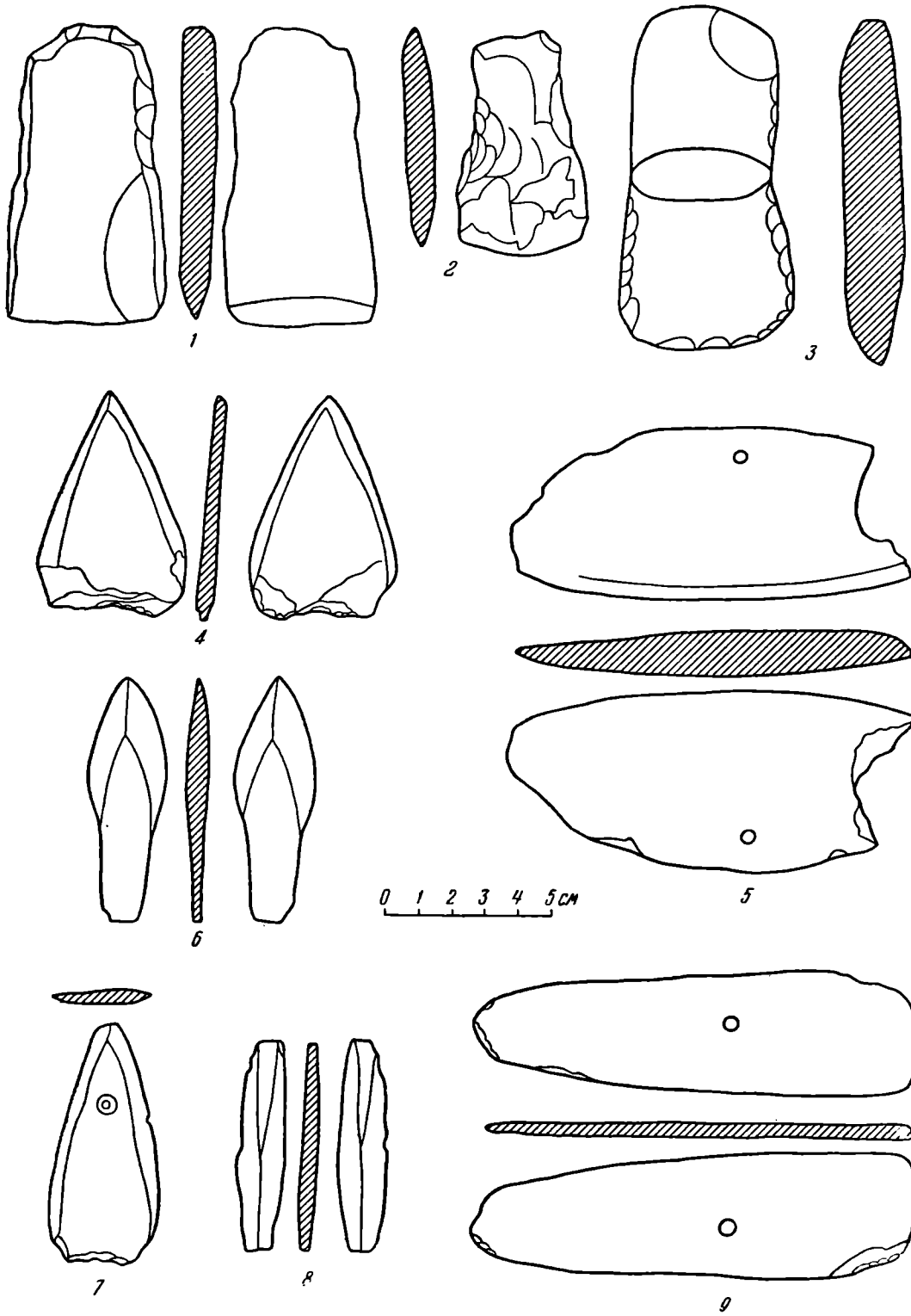


Рис. 15. Шлифованные орудия — тёсла с выемками с боку (*1—3*), наконечники гарпунов (*4*, *7*), наконечники стрел (*6*, *8*), серпы (*5*, *9*).

1, *2*, *4* — бухта Наездник; *3* — мыс Виноградный; *5* — с. Владимирово-Александровское Буденновского района; *6*, *8* — Тавричанка, поселок Рыбак: *7* — о-в Попов; *9* — Приморье, колл. Владивостокского музея.

Замечательно при этом, что в раковинных кучах обычного рода, т. е. характеризующихся описанной выше керамикой, вообще нет каменных орудий и предметов вооружения, изготовленных способом ретуширования, и почти целиком отсутствуют такие изделия неолитических форм, как скребки, наконечники стрел, ножи. Нет в них также призматических нуклеусов и снятых с таких нуклеусов ножевидных пластин. Вместо подобных изделий в раковинных кучах встречаются только шлифованные, не из кремня, а из шиферного сланца. Эти шлифованные вещи — ножи, кинжалы и наконечники из шифера — занимают в каменном инвентаре раковинных куч по своему значению и обилию очень важное место.

Наиболее распространенным является шиферный наконечник с листовидным клинком, обычно ромбическим в поперечнике, и с широким плоским черешком, отделенным от клинка более или менее отчетливо выраженными плечиками, иногда пологими, а иногда крутыми. Длина их равна в среднем 20—23 см. Эти изделия могли служить, скорее всего, охотничьими мужскими ножами или кинжалами. Закрепленные на длинном древке, они могли использоваться также и как наконечники копий, дротиков или гарпунов. Встречаются изделия подобного рода и более крупного размера, имеющие такой же листовидный или удлиненный треугольный клинок, отделенный более или менее крутыми плечиками от плоского черешка.

Среди таких крупных шиферных кинжалов выделяется небольшая, но характерная группа, обнаруживающая отчетливо выраженные черты сходства с металлическими кинжалами или наконечниками (рис. 17 и 18). Подобных каменных кинжалов, являющихся по своей форме копиями металлических изделий, нигде больше на территории Советского Союза не встречается. Их распространение ограничено Приморьем, долиной Амура (но не выше Благовещенска) и соседними районами Восточной Азии — Японскими островами, Дунбэем, Корейским полуостровом[1]. Исходя из аналогий с металлическими вещами, их можно разделить на отдельные частные варианты.

Первый вариант представлен черешковыми клинками, имеющими продольную «жилку» с обеих сторон, в точности повторяющую жилки, характерные для металлических наконечников копий и кинжалов. Форма этих клинков, однако, настолько проста, что более точно определить их отношение к металлическим изделиям того или иного времени и типа невозможно (рис. 17, *2*; рис. 18, *2*).

Но есть и такие шиферные изделия, которые сразу вызывают в памяти облик определенных и точно датируемых в рамках относительной хронологии вещей. Сюда прежде всего относятся два крупных предмета, повторяющих карасукские образцы из Забайкалья, Монголии и Южной Сибири.

Один такой нож (рис. 18, *6*) найден в 1953 г. на о-ве Попова вместе с другими каменными изделиями (топорами, палицей), а также с керамикой. Он имеет слегка изогнутую рукоять с головкой в виде округлого выступа с одной стороны. На рукояти нанесены с обеих сторон глубокие поперечные насечки — полосы, расположенные попарно. Рукоять отделена крутым боковым уступом от массивного однолезвийного клинка асимметрично треугольной формы. Конец клинка обломан. Длина изделия — около 19 см, ширина — около 5 см. Общая форма изделия и

[1] N. G. Munro. Указ. соч.; А. П. Окладников. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре. СЭ, 1946, № 4, стр. 24; S. Mizuno, T. Higachi and T. Okazaki. Tsushima. An archaeological survey of Tsushima island in the Korea strait carried out in 1948. Tokyo, 1953; Archaeologia orientalis, ser. B, vol. VI. Tokyo and Kyoto, 1953.

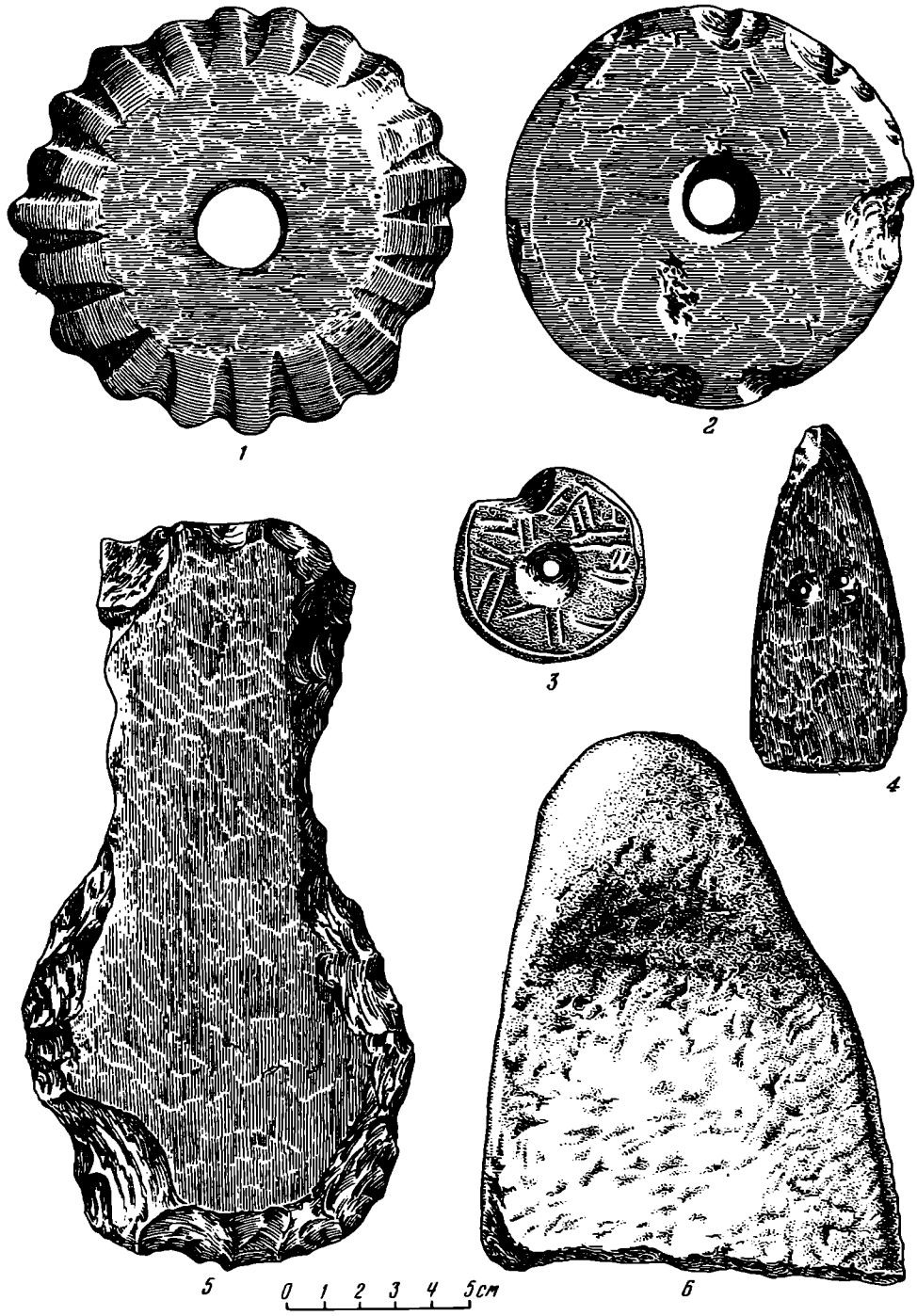


Рис. 16. Шлифованные орудия из камня — палицы (*1*, *2*), мотыга (*5*), наконечник гарпуна (*4*), пряслице (*3*), зернотерка (*6*).

1 — Змеиная сопка; *2* — о-в Попов; *3*,*4* — Тавричанка; *5* — бухта Посьет; *6* — п-ов Янковского.

орнамент в виде поперечных парных линий на рукояти напоминают форму и орнамент карасукских ножей. Второй шиферный нож или кинжал (рис. 18, *4*) отличается характерной, дугообразно искривленной формой своей рукояти. Она загнута на конце вбок и отделена крутыми плечиками от широкого клинка. Эти черты тоже встречают наиболее близкие аналогии в карасукских кривых ножах. Третье изделие имеет вид небольшого кинжальчика с длинным и узким, но массивным клинком, вдоль которого проходит отчетливо выраженное ребро. Рукоять его прямая, отделена от клинка пологими плечиками и заканчивается навершием, напоминающим по форме гвоздеобразные шляпки некоторых карасукских ножей и кинжалов. Длина его — 17,2 см (рис. 18, *3*)[1].

Имеется также серия шиферных кинжалов, сходных не с карасукскими, а с более поздними образцами. От большинства из них уцелели только верхние половины, т. е. рукояти с соседней частью клинка. Но и этого достаточно, чтобы обнаружить сходство с металлическими оригиналами. Рукоять у них относительно широкая, отделенная от клинка плечиками. Самое характерное в ней — навершие в виде округленного выступа, напоминающего букву Т. Такое навершие очень сходно с навершиями бронзовых кинжалов Южной Сибири, в особенности тагарских, а также раннего железного века на Алтае; таковы, например, навершия коротких железных мечей или кинжалов из курганов у с. Вавилонки близ Семипалатинска и из курганов в урочище Арагол на Алтае (рис. 17, *1*, *3*).

Особенно наглядно черты сходства с металлическими кинжалами выступают на трех замечательных образцах изделий такого рода.

Первое из них найдено в 1933 г. в Барабаше Л. П. Сольским и передано им во Владивостокский музей. Это шиферный кинжал с обломанным нижним концом (рис. 17, *5*). Рукоять кинжала широкая, ромбическая в поперечном сечении. Навершие его широкое и сверху имеет вид овального выступа. От клинка рукоять отделена ребристым валиком, заостренные концы которого выступают по бокам в виде шипов. Вдоль кинжала, начиная с навершия, проходят по обеим сторонам изделия ребра, соответствующие его ромбическому сечению в поперечнике. Длина уцелевшей части изделия равна 17 см. Очень сходные кинжалы известны из Кореи, где они сближаются с местными и китайскими металлическими изделиями.

Очень близки к описанному следующие два изделия типа кинжалов, найденные на огородах колхоза имени Чапаева вблизи устья р. Суйфуна. Первый из них, самый крупный, имеет в длину 30 см. У него длинный и относительно широкий клинок и короткая плоская рукоять, отделенные с обеих сторон друг от друга боковыми выступами в виде коротких шипов. Навершие кинжала плоское и напоминает букву Т. Вдоль клинка с обеих сторон имеется ребро (рис. 17, *1*). Форма второго, меньшего кинжала такая же, хотя выступ навершия рукояти отделен от нее не столь круто. Кроме того, второй кинжал отличается от первого отсутствием отчетливо выраженной продольной жилки с обеих сторон. Длина его — 24 см (рис. 17, *3*).

Третья группа шиферных изделий представлена клинками, всего вероятнее, служившими наконечниками для стрел или дротиков, а может быть, и носками гарпунов. Наконечники эти довольно сильно изменяются в пропорциях, но по очертаниям остаются в пределах одной и той же основной формы. Они имеют вид более или менее узких и тонких пластин, с хорошо выраженными узкими боковыми гранями с обеих сторон. Края их обычно выпуклые, верхняя часть иногда значительно расширена,

[1] Приморский краеведческий музей, № 788.

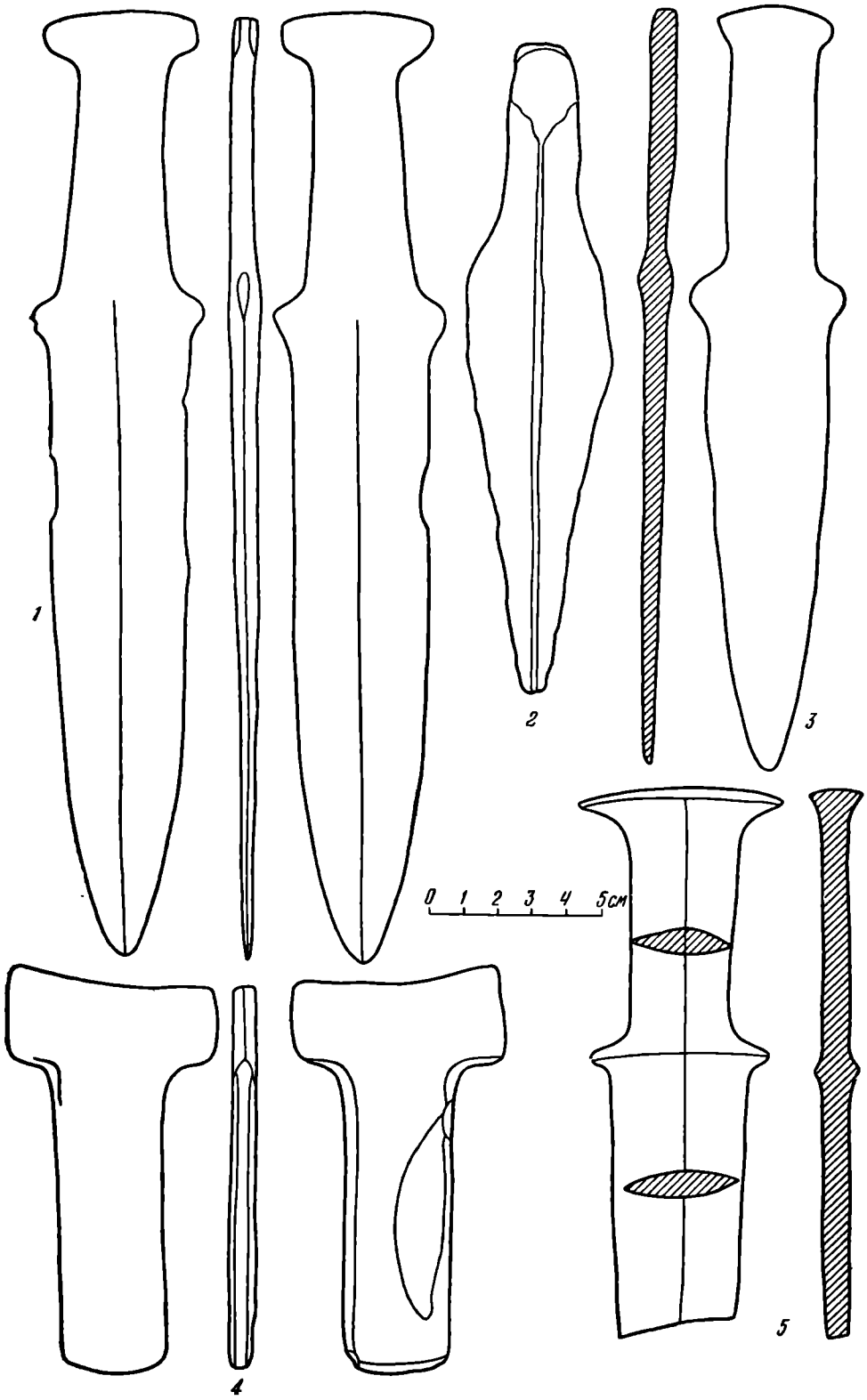


Рис. 17. Шиферные кинжалы.

1, 3—Тавричанка, колхоз им. Чапаева; *2*—дер. Нижне-Монастырская, 5 км от бухты Тетюхе; *4* — Чертов утес близ Ольги; *5* — Барабаш.

основание же сильно сужено и вытянуто (рис. 15, *6*). В других случаях наконечники имеют ланцетовидные очертания (рис. 15, *8*).

В четвертую группу должны быть выделены шиферные острия треугольной формы, иногда с симметрично выпуклыми с обеих сторон широкими поверхностями. Встречаются наконечники и со слегка намеченными плечиками. Особенность некоторых наконечников этого рода — сверленые сквозные биконические отверстия, обычно на верхней трети изделия, по одному или по два, и притом расположенные так, что одно отверстие находится несколько выше другого (рис. 15, *7*; рис. 16, *4*). Ближайшей аналогией наконечникам подобного рода являются шиферные носки гарпунов из древнеэскимосских поселений вдоль побережья Берингова пролива, описанные и изданные С. И. Руденко[1]. Очевидно, и эти шиферные изделия из раковинных куч, сходные с древнеэскимосскими, употреблялись в качестве наконечников для гарпунов.

Среди шиферных клинков особо выделяются изделия, представляющие собой широкие и сравнительно короткие пластины. Лезвие таких клинков помещается вдоль одного их широкого края. Посередине имеются отверстия — одно или два (рис. 15, *5*, *9*). По форме, размерам и в особенности по наличию отверстий эти вещи из раковинных куч обнаруживают столь же неожиданное, как и близкое сходство с широко известными неолитическими каменными орудиями Северного Китая, которые, как показал И. Г. Андерсон, заменяли серпы и являются прямыми предшественниками и родоначальниками металлических китайских серпов, вплоть до железных серпов позднейшего времени[2].

Каменные изделия представлены также различными пестами из простых овальных галек, служившими, возможно, в качестве отбойников или наковаленок при изготовлении каменных топоров и прочих изделий из кристаллических пород камня, шлифовальными плитками и зернотерками. Последние имеют обычный вид более или менее узких овальных камней с одной выпуклой поверхностью и противоположной — плоской. У сильно сработанных зернотерок, как это обычно наблюдается в таких случаях, средняя часть бывает изношена и соответственно углублена, тогда как края остаются массивными и утолщенными. Рабочая поверхность этих изделий покрыта характерными ямками — насечками, усиливающими трущую деятельность зернотерки (рис. 16, *6*).

Такие зернотерки обнаружены нами в 1953, 1954 и 1955 гг. на п-ове Янковского, на п-ове Де-Фриза, а также на других поселениях с раковинными кучами.

Из камня выделывались, наконец, рыболовные грузила для сетей или для переметов и морских удочек. Самый простой и наиболее распространенный вид грузил представляют собой обычные плоские гальки овальной формы, у которых на длинных краях с обеих сторон сделаны выемки для привязывания их к сети.

Второй вид грузил образуют дисковидные массивные гальки, у которых вдоль всего края тщательно выдолблен так называемой точечной

---

[1] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, табл. 8, *1*; 17, *10*; 20, *5*; 24.

[2] I. G. Andersson. An early Chinese culture. Bulletin of the Geological Survey of China, № 5, p. I, 1923, стр. 44. В этой работе И. Г. Андерсон сравнивает прямоугольные и полулунные ножи китайского неолита с современными железными ножами из Жэхэ и Северной Чжили, основного ареала, где культивируется гаолян. По его данным, эти железные ножи (табл. I, рис. 1—5) употребляются для срезания гаоляна. И. Г. Андерсон видит в таком совпадении одно из доказательств генетической связи древней неолитической культуры Китая и современной культуры китайцев (ср. I. G. Andersson. Children Yellow Earth, 1934).

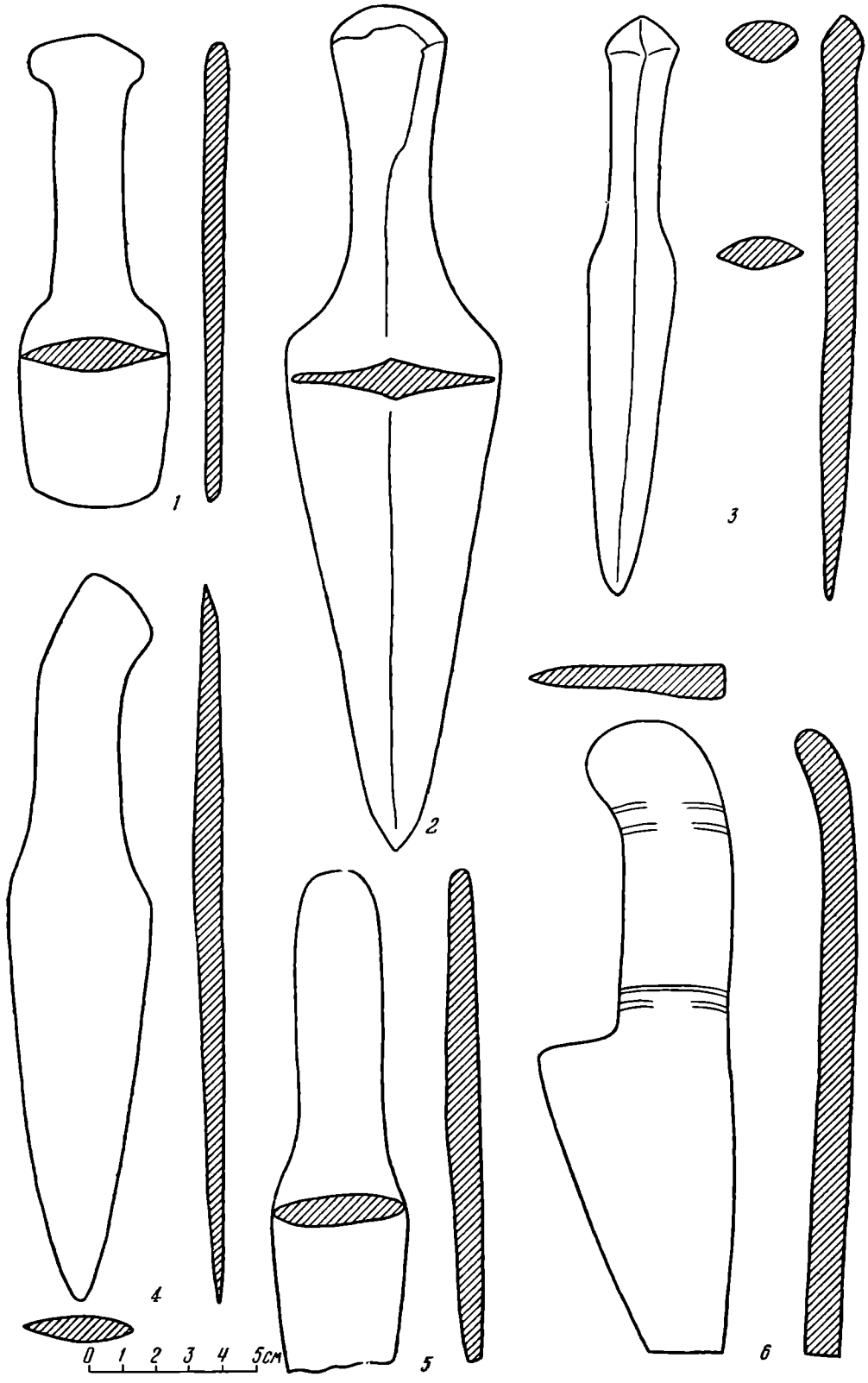


Рис. 18. Шиферные кинжалы.

1, 5 — Усть-Седими; *2* — оз. Пресное Ольгинского района; *3, 4* — Приморье, колл. Владивостокского музея; 6—о-в Попов.

ретушью широкий желобок, где и закреплялась бечева. Эти изделия, вероятнее всего, служили грузиками рыболовных удочек, употреблявшихся для ловли крупной морской рыбы[1].

Особое место принадлежит в находках из Приморья двум уникальным палицам в виде каменных шлифованных дисков. В раковинных кучах, как таковых, подобные диски, правда, не встречены, но поселения, с которыми они связаны, в общем близки к поселениям с раковинными кучами.

Одна такая палица обнаружена в 1953 г. на о-ве Попов. Она имеет вид правильного, хорошо отшлифованного диска с одной плоской и противоположной выпуклой поверхностью. Края изделия острые. Посередине, строго в центре диска, просверлено сквозное биконическое отверстие. Края диска с плоской стороны частично пострадали от ударов и от них отломлены кусочки. Материал изделия — зеленовато-серый плотный мелкозернистый песчаник. Диаметр диска — 11 см, диаметр отверстия на нем — 2,2 см (рис. 16, *2*). Это изделие полностью совпадает по форме с древними палицами, известными из Меланезии. Совершенно одинаковые вещи известны и на Японских островах, где их относят, в частности, к культуре хориноуси так называемого позднего дзёмона[2].

Второе такое изделие — хорошо отшлифованный диск из плотной темной породы и почти такого же размера, также с просверленным биконическим отверстием в центре. Как и у первого диска, одна сторона его плоская, противоположная — выпуклая. В отличие от диска с о-ва Попова, край этого диска сбоку имеет волнистый вид, так как на нем с обеих сторон вышлифованы глубокие, симметрично расположенные выемки, образующие хорошо выраженные округлые зубцы в количестве 20. Диаметр диска — 12 см, диаметр отверстия — 2,4 см, толщина диска — 1,7 см. Найден он А. З. Кирилловым на Змеиной сопке вблизи устья р. Майхэ (рис. 16, *1*). Близкие по типу палицы с зубцами есть в японском неолите[3], а также в Северном Китае, где они тоже датируются неолитическим временем[4].

Украшения из камня в находках из раковинных куч были встречены еще В. П. Маргаритовым при раскопках в 1884 г. на п-ове Янковского. Он писал о трубочке из глинистого сланца, отличавшейся «особенным изяществом», которая, однако, не была помещена на таблицах, приложенных к его статье[5].

Как выглядела эта трубочка, можно судить по новейшим находкам, среди которых имеются превосходно отшлифованные цилиндрические бусы. Таковы, например, бусы, найденные в устье р. Суйфуна, вблизи Тавричанки на территории колхоза имени Чапаева, на о-ве Попов и в некоторых других местах. Материалом для них служила плотная и относительно твердая яшмовидная порода темнозеленого или иногда зеленовато-серого цвета. Камень чаще всего бывает ровного тона и однородной расцветки. Но есть и такие бусины, где заметна характерная для яшмы прихотливая полосчатость, придающая изделиям особенно нарядный вид. Кроме цилиндрических бус, встречена и одна бочонковидная бусина.

---

[1] Ближайшей аналогией им являются грузила неолитического времени из Китая. См. M. Bylin-Althin. The sites of Ch'i Chia P'ing and Lo Han T'ang in Kansu. Bulletin of the Museum of Far Eastern antiquities, № 18, Stockholm, 1946, табл. 52, *1*; I. G. Andersson. Prehistoric sites in Honan. Bulletin of the Museum of Far Eastern antiquities, № 19, Stockholm, 1947, табл. 19, рис. 8а, 8б.

[2] G. J. Groot. Указ. соч., табл. XLV, *h*.

[3] Там же, табл. XL, *a*.

[4] I. G Andersson. Researches into the prehistory of the Chinese, табл. 21, *4*.

[5] В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 3.

Канальцы в бусинах сквозные, правильной цилиндрической формы. Они, возможно, были высверлены алмазным сверлом, как это показал по отношению к аналогичным бусинам из других районов Г Г. Леммлейн.

Изредка встречаются бусы цилиндрического типа, сделанные не из зеленого яшмовидного камня, а из более мягкой породы — светлосерого сланца, поверхность которого бывает сильно выветрена и имеет поэтому белый цвет. Есть даже одна такая бусина, сделанная из обожженной плотной глины.

С устья р. Суйфуна известны также три нефритовых украшения. Первое из них — плоское тонкое колечко небольшого размера, изготовленное из полупрозрачного светлозеленого нефрита, имеющего белые струйчатые включения вмещающей нефрит породы. Диаметр кольца равен 2,5 см, ширина отверстия в нем — 1 см. Второе изделие очень близко напоминает украшения типа магатам, похожие на стилизованные изображения клыка кабана или на коготь хищника. Это массивная почти полулунная пластинка с одним кривым выпуклым краем и прямым противоположным, на котором по ребру нанесены две довольно глубокие поперечные выемки. В верхней части изделия имеется биконическое сверленое отверстие. Цвет камня голубовато-зеленый, почти голубой. В нем заметны легкие трещинки, выделяющиеся своим желтовато-коричневым цветом в виде причудливой сетки. Длина подвески — 1,8 см, ширина — 1,4 см.

Третий предмет, изготовленный из нефрита,— миниатюрная, но массивная подвеска из белого с легким зеленоватым оттенком камня. Форма подвески — треугольная, напоминающая клык хищника. В расширенной верхней части ее имеется сквозное отверстие, просверленное с двух противоположных сторон. По общей форме это изделие принадлежит к той же группе, что и описанное выше. Это, несомненно, украшение или амулет типа магатам, которые, как полагают,— и, надо думать, достаточно основательно,— имитируют более первобытные амулеты из клыков животных. Длина изделия — 2 см.

Изделия из кости или рога в раковинных кучах относительно однообразны и невыразительны. Они состоят обыкновенно из острий, изготовленных, как писал еще В. П. Маргаритов, из полых трубчатых костей животных, распиленных вдоль: «У большей части из них один конец заострен наподобие шила, а другой скошен под углом (скос идет от вогнутой поверхности к выпуклой). У некоторых острий оба конца заострены или оба косо сточены. Кроме того, все они имеют посередине отлогие выемки, по всей вероятности, для большего удобства при держании их между пальцами»[1]. В. П. Маргаритов видел в них орудия «для семейных обиходных нужд». Вероятнее, однако, полагать, что это были наконечники дротиков или гарпунов поворотного типа, т. е. привязывавшиеся посередине к бечеве-линю.

Отмечаются также шиловидные острия из продольно расщепленных костей с частично сохранившимися эпифизами, служившими рукоятью. Материалом для одного шиловидного орудия с массивной рукоятью и таким же прочным острием из сборов В. П. Маргаритова послужила половинка нижней челюсти кабана.

В литературе отмечаются также круглый костяной наконечник копья в виде узкого, удлиненного треугольника с тщательно просверленным

---

[1] В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 3, рис. 11—16. А. И. Разин описывает их как орудия, сделанные из трубчатых костей, по форме напоминающие грубые наконечники копий с прямо скошенным толстым шильем. Употреблялись они, по его словам, скорее всего, как «сверла по дереву».

отверстием на тупом конце (вероятнее всего, наконечник гарпуна) и изделия типа лощила или гладильника.

Характерной особенностью костяного инвентаря раковинных куч являются изделия из клыков кабана: «Острием у них служит заостренная эмалевая часть зуба. Нижняя же (к корню) с одной стороны скошена, а с другой имеет выемку, которая удобна для укрепления шнуром после присоединения края наконечника к скошенному же краю древка»[1].

Употреблялись, кроме того, составные крючки из кости. Такие крючки найдены А. И. Разиным. Они состояли из двух стерженьков, соединяющихся друг с другом под острым углом.

В хозяйственной жизни населения прибрежных районов, оставившего раковинные кучи, на первый план выступает его связь с морем, выражающаяся прежде всего в самом характере культурных остатков, состоящих преимущественно из раковин съедобных морских моллюсков.

В раковинных кучах п-ова Песчаного В. К. Арсеньевым отмечались раковины пластинчатожаберных моллюсков: 1) Ostrea edulis Linn., 2) Pecten Lamarc., 3) Pectunculus Lamarc., 4) Area Linn., 5) Mactra Linn., 6) Callista Poll.,7) Mytilus Linn., 8) Cardium Linn., 9) Mya Linn., а также брюхоногого моллюска.

А. И. Разин отмечал также наличие в раковинных кучах раковин рапаны (Rapana bezoar). По данным В. К. Арсеньева, на п-ове Песчаном преобладали раковины устриц (Ostrea edulis Linn. и Pecten), затем в последовательном порядке идут Pectunculus и тритонов рог (Tritonium), далее — Ostrea Mya; остальные встречаются в весьма небольшом количестве. А. И. Разин констатировал, что в раковинных кучах у мыса Виноградного чаще всего попадались раковины устрицы съедобной, мидии и рожка волнистого. Кроме того, ему встречались здесь гребешок-разинька, сердцевидка ребристая, мактра сахалинская, ковчежница и курганник, иногда морской желудь.

Несмотря на обилие раковин, было бы неправильно считать, что основным источником существования прибрежных племен, хотя бы только в летнее время, было простое собирательство, т. е. сбор съедобных моллюсков.

Вместе с раковинами в «кухонных кучах» встречаются и кости рыб не менее 7 видов: трески, камбалы, бычка, морского ерша, морского японского судака, скумбрии, сельди[2]. М. И. Янковский нашел, по его словам, позвонок молодой акулы[3]. Все это кости морских рыб; остатков пресноводных и проходных рыб, по словам А. Таранца, в раковинных кучах на побережье залива Петра Великого не встречено вовсе. Кости рыб, которые найдены в раковинных кучах, показывают, что «вылавливались, главным образом, рыбы, для промысла которых пригодны грубые сети (треска, камбала, бычки), а также крючья (треска, тунец)». К этому нужно добавить, что своеобразные шиферные и костяные наконечники, служившие, вероятно, носками гарпунов, свидетельствуют о широком применении гарпунной снасти с гарпуном поворотного типа. В связи с этим интересен и тот факт, что, по свидетельству А. И. Разина, рожок волнистый «обитает на глубине 30—70 метров и требует для своего сбора наличия лодок или судов»[4].

[1] А. И. Разин. Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива. «Советское Приморье», 1924, № 6, стр. 70.

[2] А. Таранец. О костях рыб, найденных в кухонных остатках племени илоу. Вестник Дальневосточного филиала АН СССР, № 18, 1936, стр. 125—130.

[3] М. И. Янковский. Указ. соч., стр. 92.

[4] А. И. Разин. Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива. «Советское Приморье», 1924, № 6, стр. 62.

Таким образом, перед нами не примитивная культура прибрежных собирателей и отчасти охотников, какая существовала, например, в XIX в. у отсталых обитателей Огненной земли, а специализированная и по-своему уже весьма развитая культура морских охотников-рыболовов. Это были, несомненно, не пассивные собиратели «даров моря», а смелые мореходы, бесстрашно выходившие на более или менее значительное расстояние от берега — навстречу ветру и морским волнам. Они имели поэтому в своем распоряжении специально мореходные суда, скорее всего, в виде сшитых из шкур легких байдар типа эскимосского уммиака или алеутской байдары. Возможно, что у них употреблялись более тяжелые, но вместе с тем и более устойчивые суда южного типа, построенные из дерева, снабженные парусом и боковыми опорами — аутригерами, подобно судам маори и других обитателей островного мира южных морей, осуществивших еще в каменном веке завоевание этой части света человеком.

И само собой понятно, что у приморских племен этого времени существовало и должно было существовать развитое гарпунное вооружение с гарпуном поворотного типа. Независимо от того, изобрели ли они это вооружение сами, или получили его от других племен, сам по себе факт наличия поворотного гарпуна говорит о многом. Появление такого гарпуна означает, как известно, важный шаг вперед в оформлении культуры нового типа, позволившей прибрежным племенам начать несравненно более широкое, чем прежде, освоение морских просторов и богатств моря, ранее по-настоящему почти недоступных человеку.

В свете такого общего взгляда на жизнь приморских племен Дальнего Востока особое значение приобретает и еще одна определенная закономерность в расположении раковинных куч. А. И. Разин подметил характерную концентрацию этих куч в определенных пунктах морского побережья и связь между ними [1]. Поселения с раковинными кучами, согласно его наблюдениям, располагались на мысах и небольшом друг от друга расстоянии — в 5—6—8 км, при этом поселения группировались таким образом, что вся группа соседних стоянок образовывала как бы одну общую систему, удобную для контроля за окружающей местностью и взаимной сигнализации огнем или дымом.

Возможность существования такой связи путем сигнализации, в данном случае между частями одного рода или племени, заселявшего определенный участок морского побережья, разумеется, очень вероятна. Еще более вероятно, однако, что расположение поселков с раковинными кучами определялось прежде всего хозяйственными условиями, потребностями производственной жизни их обитателей. Конкретно: поселения эти располагались, как правило, в наиболее удобных для рыбной ловли бухтах и на далеко вдавшихся в море мысах, откуда был широко виден морской простор. Для морских рыболовов и охотников, вся жизнь которых так или иначе определялась морем и морским промыслом, такое расположение поселков было вполне естественным и закономерным.

Последний и самый неожиданный штрих в общей картине хозяйственной жизни культуры приморских племен этого времени дают отмеченные выше зернотерки, каменные мотыги и шиферные клинки, аналогичные древнекитайским, употреблявшимся, согласно данным И. Г. Андерсона, для уборки урожая и, в частности, для срезания гаоляна. Они

---

[1] А. И. Разин. Стоянка каменного века на берегу Уссурийского залива. «Советское Приморье», 1926, № 3—4, стр. 55—69; его же. Расположение стоянок каменного века на берегу Уссурийского залива. Архив ИИМК, д. № 164.

показывают, что если не всюду, то, по крайней мере, в районе залива Посьет и вблизи устья р. Седими (а вообще, надо полагать,— несравненно шире) была распространена уже и земледельческая культура, находившаяся по ее техническому уровню примерно на уровне земледельческого хозяйства племен культуры яншао в Северном Китае.

Новым подтверждением этому служат найденные мной в 1955 г., при раскопках двуслойного поселения на так называемой Известковой, или Голубиной, сопке в долине р. Майхэ, в нижнем его слое, вместе с каменным серпом описанного типа, фрагменты днища сосуда с проделанными в нем многочисленными сквозными отверстиями. Совершенно такие же просверленные днища характерны для древнекитайских сосудов, в которых приготовлялась пища,— главным образом рис,— чисто китайским способом, на пару. Для этого употреблялись два сосуда. Нижний сосуд, типа ли, т. е. трипод, ставился на огонь, и в нем кипятили воду. Сверху ставился сосуд с отверстиями в днище, через которые пар от кипящей воды в нижнем сосуде проходил в верхний сосуд и варил пищу. Наиболее ранние образцы таких сосудов типа сян обнаружены в неолитических памятниках культуры яншао в Северном Китае[1].

После всего сказанного становится ясным то, что термином «раковинные кучи» вовсе не определяется и не исчерпывается характер поселений того времени. Люди эти жили, конечно, не на раковинных кучах, как таковых, и не в них самих. Раковинные кучи являлись только отбросами, накапливавшимися на месте заброшенных жилищ или вообще поблизости от действующих жилищ. О действительном характере этих жилищ можно судить по наблюдениям В. К. Арсеньева на п-ове Песчаном, где он нашел ясные следы целого поселка, состоявшего из жилищ, располагавшихся в отдалении от берега почти правильными рядами.

А. И. Разин тоже обнаружил у истока р. Майхэ из оз. Та-Пауза, вблизи б. хутора Патюкова, древнее поселение из ряда ям. «В 0,5 км от хутора Патюкова на юго-запад, пройдя топкую низину,— писал он,— встречаем вдающуюся в нее в виде полуострова сопку, на гребне которой с востока на запад приютилось несколько рядов ям, служивших, видимо, когда-то для жилья. Протяжение одного ряда с десятью ямами по гребню равно при грубом подсчете 120 метрам. Ширина же занимаемой площади двумя, местами тремя, рядами ям равна 30 метрам. Южный склон здесь крутой, а потому, кроме верха сопки, под ямы занят и северный, более пологий склон горы. В наиболее удобных местах находятся ямы большого размера с диаметром в 8 на 10 метров. Обыкновенно же величина их равна 5 м × 5 м, а иногда и менее. Бока же в настоящее время пологие. Глубина не превышает высоты роста низкорослого человека»[2]. А. И. Разин насчитал здесь около 20 ям. Очень вероятно, что они принадлежат тому же времени, что и обнаруженные им поблизости, на хуторе Патюкова, раковинные кучи. В 1953 г. вблизи устья р. Гладкой, на правом ее берегу, на вершине возвышенности, занятой раковинными кучами обычного типа, нам удалось в обрезе старой траншеи проследить характерный уступ и дно древней землянки, основание которой было выдолблено в довольно рыхлом сланце, являющемся здесь коренной породой. Яма-землянка была полностью заполнена и перекрыта толщей раковин, среди которых встре-

[1] I. G. Andersson. An early Chinese culture; его же. Researches into prehistory of the Chinese, стр. 259, 260; M. Bylin-Althin. Указ. соч., табл. 2, *11*; 7, *18*; 15, *4*; I. G. Andersson. Prehistoric sites in Honan, табл. 20. *2 b*; табл. 90, *1, 2*.

[2] А. И. Разин. Расположение стоянок каменного века на берегу Уссурийского залива.

чаются обломки глиняных сосудов, в том числе обычные поддоны для биконической чаши.

Таковы, в общем, имеющиеся сейчас сведения о поселениях с раковинными кучами и о культуре оставившего эти памятники древнего населения Приморья.

Для того, чтобы лучше уяснить значение этих памятников для истории Приморья, нужно рассмотреть их на более широком историческом фоне, в сопоставлении с теми памятниками, которые позволяют понять жизнь и культуру населения Приморья в предшествующее неолитическое время.

Сравнивая поселения с раковинными кучами и более древние памятники, нужно прежде всего констатировать, что ими представлены два длительных и важных этапа культурно-исторического прошлого Приморья, отмеченных существенными отличиями в жизни древнейшего населения этого края на каждом этапе. Первый этап предшествует поселениям с раковинными кучами; он неолитический в собственном смысле этого слова, датируется III тысячелетием — 1-й половиной II тысячелетия до н. э. Такая датировка памятников этой группы, пока еще немногочисленных и слабо выявленных в Приморье (поселение по р. Тетюхе, верхний слой Осиновки), лучше всего изученных на Амуре (поселение на о-ве Сучу, раскопки 1934—1935 гг.), основана на аналогиях в керамике с Китаем (Шагодун, культура яншао) — с одной стороны, Сибирью и Монголией,— с другой.

В это время как по берегам океана, так и во внутренних районах Приморья, т. е. вблизи оз. Ханка и по верхнему течению р. Уссури с ее притоками, обитали племена охотников и рыболовов, жившие, подобно их соседям на Амуре, в родовых поселках, состоявших из жилищ типа полуземлянок. Жители Приморья в совершенстве владели в это время приемами отжимной ретуши. Пользуясь этой техникой, они выделывали свои наконечники стрел и копий, охотничьи ножи и кинжалы, скребки и другие орудия труда из кремнистого сланца, а также из обсидиана, в изобилии встречающегося в горах Сихотэ-Алиня.

Для изготовления крупных каменных орудий, преимущественно из зеленовато-серого или черного кремнистого сланца, применялось шлифование камня.

Формы наконечников стрел, копий, а также кинжалов были близки к формам аналогичных изделий из неолитических памятников северных районов Азии — Монголии, Приамурья, Якутии и Прибайкалья. Таковы в первую очередь двусторонне ретушированные наконечники стрел треугольной формы с асимметричными жальцами[1]. Шлифованные орудия представлены главным образом тёслами архаического облика с асимметричным профилем, т. е. односторонне-выпуклым, обыкновенно с острым обушком.

В соответствии, очевидно, с относительно оседлым образом жизни, у жителей Приморья этого времени в употреблении были не круглодонные, а только плоскодонные глиняные сосуды простой баночной формы или со слегка выраженной шейкой, такие же, как у амурских племен. Родственным амурскому — по крайней мере, в некоторых характерных чертах его — было и искусство (ленточная орнаментика — плетенка, ямочно-штамповый узор).

За этой группой памятников и следуют раковинные кучи Приморья, но следуют, повидимому, не непосредственно, а через какие-то промежу-

[1] Ср. МИА, № 18, 1950, рис. 29, 68.

точные хронологические звенья. Мы не в состоянии, однако, еще выявить их и расчленить культуру раковинных куч на особые хронологические этапы. Это—задача ближайших исследований. Единственное, что намечается сейчас,— это выделение группы памятников, дающих многочисленные обсидиановые орудия и с ними керамику с разнообразным, преимущественно зигзаговым резным узором. Такое поселение было, например, найдено мной в 1953 г. вблизи устья р. Гладкой в Хасанском районе[1]. Памятники эти, однако, лежат, повидимому, вне хронологических границ «культуры раковинных куч» в собственном смысле этого слова. Возраст же самих поселений с раковинными кучами может быть определен при современном состоянии наших знаний только лишь в очень общих чертах, суммарно.

Остановимся вкратце на этом важном вопросе.

В «культуре раковинных куч», как уже отмечалось, конечно, есть и такие черты, которые можно считать пережиточными, наследием собственно неолитического прошлого. Таковы, например, каменные топоры, характерные для культуры яншао, просверленные диски-палицы или изредка встречающиеся еще оббитые и ретушированные мелкие изделия из кремнистых пород камня, такие же, как в Шагодуне. Но эти изделия, встречающиеся в раковинных кучах, интересны только как свидетельство о древних традициях, связывающих «культуру раковинных куч» с более ранним временем и при этом преимущественно с неолитическими памятниками Китая. Решающее же значение для определения возраста таких поселений имеют не эти изделия, а другие, свидетельствующие об относительно позднем времени, которому принадлежат эти яркие и характерные памятники прошлого Приморья.

На первом месте здесь стоят описанные выше оригинальные каменные ножи и кинжалы, повторяющие по своей форме металлические изделия такого же рода. Часть этих изделий, как мы видели, сближается по форме с карасукскими или иньскими в Китае ножами и кинжалами, а часть — с более поздними, тагарского типа, если употреблять термины, выработанные для памятников Минусинской котловины.

Отсюда следует вывод, что памятники типа раковинных куч в Приморье охватывают время с конца II тысячелетия до н. э. (если принять за основу датировки вещей карасукских форм аналогичные находки в Аньяне, относящиеся в основном к XIV—XIII вв. до н. э.) и далее, вплоть до конца I тысячелетия до н. э., если даже не позже.

Второе основание для датировки раковинных куч — цилиндрические бусы из зеленой яшмы типа кудатама. Такие бусы появляются, повидимому, на Японских островах в IV—III вв. до н. э. и употребляются до времени дольменов, т. е. V—VII вв. н. э. включительно. Однако в раковинных кучах не встречено находок, указывающих на знакомство оставившего их населения с железом, и поэтому нет оснований полагать, что эта культура, как таковая, существовала много позже первых веков до нашей эры. О том же свидетельствуют аналогии в керамике раковинных куч и в керамике неолита и бронзы соседних областей Китая при отсутствии каких-либо определенных связей с керамическими изделиями, характерными для железного века в Китае. Особенно интересно, что меандровый узор керамики из раковинных куч прямо сближается с орнаментикой иньского и чжоуского Китая.

[1] Вместе с наконечниками стрел из обсидиана и овальными в сечении топорами здесь найдена керамика двух основных типов: 1) близкая к керамике типа дзёмон в Японии и из неолитических поселений в Корее; 2) близкая к неолитической керамике нижнего Амура и Приморья (ромбическая плетенка).

Таким образом, можно сделать заключительный вывод, что «культура раковинных куч» существовала во 2-й половине II тысячелетия и в I тысячелетии до н. э. В это время в жизни и материальной культуре населения Приморья происходят существенные изменения по сравнению с первым этапом. Меняются прежде всего приемы изготовления каменных изделий. Целиком или почти целиком исчезает древняя техника ретуширования кремня и кремнистых пород. Вместо нее широко распространяется шлифование, которое становится универсальным приемом, применяющимся для изготовления не только тёсел или топоров, но и наконечников стрел, ножей и им подобных орудий труда.

Одновременно твердый кремень и близкие к нему по качеству породы камня вытесняются шифером. В технике изготовления орудий труда и предметов вооружения наступает настоящий «шиферный век». Впервые появляются шиферные копии металлических кинжалов и наконечников. Одновременно меняется тип каменных тёсел. Они становятся симметричными в профиле, в виде прямоугольных брусков. В хозяйстве прибрежных районов Приморья отмечается событие такого важного, поистине поворотного значения для общего направления развития жизни и культуры местного населения, как перерастание рыболовства в настоящий морской промысел, возникновение специализированной категории морских охотников и рыболовов. По берегам морских бухт и мысов начинают расти раковинные кучи. Появляются, по крайней мере в некоторых местах, и первые признаки примитивного земледелия — каменные мотыги, серпы, зернотерки. Передовые племена Приморья впервые переступают через границы первобытного присваивающего хозяйства и вступают в новую хозяйственную эру — от присвоения продуктов природы, получаемых в готовом виде, они переходят к производству их собственными руками, к несравненно более активному, чем прежде, воздействию на природу. Прогрессивное развитие производительных сил и усложнение хозяйства должны были иметь следствием дальнейший рост культурных и хозяйственных связей с другими племенами.

Связи эти развиваются по двум направлениям. О связях с древним Китаем свидетельствуют прежде всего факты, относящиеся к земледельческой технике. Каменные мотыги Приморья близки к плечиковым мотыгам из Хэнани и Чжили, а также из Жэхэ. Каменные серпы тоже аналогичны, как уже отмечалось, серпам из поселений древних земледельцев Китая.

Отсюда следует, что и возникновение земледелия в Приморье, всего вероятнее, следует объяснять ранними связями местных племен с китайскими земледельцами. На связи с древней земледельческой культурой Китая в это время со всей очевидностью указывает и ряд новых, ранее неизвестных элементов материальной культуры. Первое место среди них по выразительности занимают узкие шиферные наконечники стрел, которые характерны уже для самых ранних неолитических памятников в долине Хуанхэ, для культуры яншао на первых ее этапах, но существуют и позже. Каменные топоры нового типа, характерные для раковинных куч, прямоугольные в поперечнике, тоже отчасти совпадают по форме с топорами культуры яншао[1]. Такое же сходство с культурой яншао и вообще с архаическими культурами районов, расположенных к югу от Приморья, обнаруживается в формах и в орнаментике глиняных сосудов;

[1] Здесь такие топоры, а вместе с ними и многое другое, задержались, должно быть, на более длительное время, когда в самом Китае уже безраздельно господствовали металлические топоры, мечи и кинжалы.

появляются биконические кубки на высоком поддоне, очень близкие к северокитайским, но совершенно чуждые северным странам, заселенным охотниками и рыболовами,— Монголии, Прибайкалью, Якутии. Очень вероятно, что оттуда же, из области распространения древней земледельческой культуры Юго-Восточной Азии первоначально распространялись и особо ценные украшения в виде цилиндрических бус, служившие, вероятно, в дальнейшем образцами для местных мастеров.

Правда, в таком количестве, как в Приморье, цилиндрические бусы большего размера мне нигде неизвестны. Однако при раскопках в Ганьсу (в Син-Нин-Сян и Чжу-Чжиа-Чай) при скелете № 36 найдена зеленая «стеатитовая» бусина длиной 43 мм, с цилиндрическим сверленым канальцем, по форме совершенно аналогичная приморским[1]. Может быть, и нефритовые украшения тоже в какой-то своей части происходят из Китая, где с глубокой неолитической древности нефрит пользовался таким почетом и любовью, как никакой другой камень.

Очень вероятно, что в это время в Приморье проникают не только культурные влияния, но появляются даже и какие-то группы переселенцев с юго-востока, из Китая и Кореи, которые и принесли с собой новые для Приморья обычаи, новые черты хозяйства и материальной культуры. В пользу этого предположения свидетельствует как будто и антропологический материал, обнаруженный при раскопках на островке Тан-То-Дзу на Ляодунском полуострове. Там оказались, как известно, костяки, принадлежавшие к тому же протокитайскому типу, что и носители культуры яншао в Ганьсу. Очень вероятно также, что распространение новых культурных элементов и появление на Ляодуне представителей протокитайского антропологического типа может быть связано с указанием китайских летописей о возобновлении прямых связей населения Приморья с Китаем после тысячелетнего перерыва около начала нашей эры. Именно в это время, как известно, в китайских хрониках на смену древним сушеням впервые появляется имя народа илоу и вместе с тем в хроники заносятся замечательные по четкости сведения о жизни этих обитателей Дальнего Востока.

Второе направление культурных и хозяйственных связей древних племен Приморья, как и прежде, ведет нас на север или, скорее, на запад, в степи Центральной Азии и Забайкалья.

Если с первым направлением было связано начало земледелия, то со вторым — первое ознакомление приморских племен с металлом. Направление это документируется появлением шиферных кинжалов и наконечников, подражающих металлическим оригиналам, изготовленным степными литейщиками Китая, Монголии, Забайкалья и Южной Сибири.

Сначала, в конце II тысячелетия до н. э., такими образцами для подражания в Приморье служили карасукские кривые ножи и кинжалы. Может быть, сюда же по времени относятся те металлические плоские наконечники копий со срединной жилкой вдоль листовидного клинка, по образцу которых изготовлены некоторые шиферные вещи из Приморья. Затем уже в I тысячелетии до н. э. в Приморье распространяются шиферные вещи, копирующие кинжалы и короткие мечи тагарского типа.

---

[1] I. G. Andersson. Researches into prehistory of the Chinese, стр. 129. Следует иметь в виду, как уже отмечалось выше, что поздние цилиндрические длинные бусины широко распространены на Японских островах, где они наиболее многочисленны в памятниках начала I тысячелетия н. э. Не исключено поэтому, что значительная часть таких бусин из подъемного материала, найденных на территории Приморья, тоже относится к первым векам нашей эры.

На территории Приморья изредка встречаются, наконец, и доставленные из степи металлические вещи такого рода. Еще Д. Н. Анучин опубликовал, например, в свое время великолепный короткий меч, вылитый из бронзы, найденный в районе Владивостока. По своей форме, технике изготовления и размерам он принадлежит к числу изделий, типичных для бронзового века Восточной Сибири. Во всяком случае, очень близкий по типу меч оказался в составе знаменитой Метляевской коллекции бронзовых вещей, датируемой С. В. Киселевым начальным этапом тагарской культуры.

Не менее выразителен другой бронзовый предмет, найденный, согласно описи Приморского краеведческого музея, в Барабашском районе Приморского края[1]. Это длинный, массивный клиновидный топор-кельт (рис. 19, *1*), вылитый из золотистой бронзы, с неправильно прямоугольной, почти овальной в поперечном сечении втулкой и двумя боковыми ушками. В верхней части кельта имеется поперечный выпуклый поясок, от которого посередине перпендикулярно спускается вниз прямая выпуклая полоска. Над ней сбоку имеются три концентрических выпуклых кружка, слегка напоминающих по своему положению кружки на кельтах таежного типа из Восточной Сибири.

В Хабаровском музее хранятся также еще три бронзовых изделия древних форм: 1) наконечник копья с широким листовидным пером и втульчатым насадом (рис. 19, *3*), напоминающий по общей форме наконечники копий сейминского типа, и 2) два очень узких тесловидных кельта (рис. 19, *2*, *4*). Последние служили, вероятно, плотничьими инструментами — стамесками.

Отсюда видно, что с металлом население Приморья впервые познакомилось не только благодаря китайцам, но и при посредстве степных соседей, живших в Монголии и Забайкалье, где в бронзовом веке существовала оригинальная местная культура, представленная в археологических памятниках не только многочисленными случайными находками бронзовых орудий, монументальными плиточными могилами, но также и следами древних рудных разработок.

Вполне естественно, что именно из области этой древней бронзовой культуры и проникали в конце II тысячелетия и в I тысячелетии до н. э. в Приморье, где нет своих медных руд, первые металлические орудия, вызвавшие подражания в шиферных изделиях.

Таким образом, поселениями с раковинными кучами представлен в прибрежной части Приморья определенный и очень важный этап в истории этого края — время существенных прогрессивных изменений в жизни приморских племен, изменений, которые подготовили затем переход на еще более высокую ступень экономики, общественного строя и культуры, к классовому обществу и государству.

Для полноты картины следует иметь в виду, что все эти важнейшие события в жизни населения советского Дальнего Востока происходили не изолированно, а на еще более широком историческом фоне, на фоне глубоких перемен в культуре и общественной жизни многочисленных племен, заселявших в I тысячелетии до н. э. и на рубеже I тысячелетия н. э. еще более обширные пространства соседних стран Восточной Азии — Корею и Японские острова.

На Японских островах в это время, например, появляется, на смену древней неолитической культуре с керамикой типа дзёмон, новая

[1] Музей Приморского края, колл. 4877. Доставлен К. А. Волковым в 1925 г. (Барабаш в настоящее время входит в Хасанский район Приморского края).

культура с новой керамикой — типа яёи, в некоторых отношениях сближающейся с керамикой раковинных куч и одновременных памятников Приамурья. Как мне уже приходилось писать ранее, изменения в материальной культуре затронули и каменные орудия. Появляются новые формы каменных орудий, до того неизвестные. На поселениях во многих местах найдены шлифованные ножи полулунной формы с двумя или тремя отверстиями посередине для прикрепления к ручке. Распространяются крупные каменные орудия. Костяные и каменные орудия попрежнему господствуют, но вместе с тем среди них очень часто появляются вещи, определенно подражающие металлическим. Из шифера и сланца, например, выделывались довольно точные и совершенные по форме копии металлических оригиналов — наконечников стрел, ножей и кинжалов.

Металл, следовательно, был хорошо известен, но изделия из него оставались еще очень немногочисленными и редкими. На стоянках металлические вещи вообще неизвестны. Характерно также, что из числа металлических изделий для этого раннего времени известны и в могилах только предметы вооружения — преимущественно кинжалы или короткие мечи из бронзы, наконечники копий и такие предметы, как бронзовые зеркала.

Одновременно происходят глубокие перемены в хозяйственной жизни. В слоях с керамикой яёи уже встречаются кости лошади.

Бесспорным становится широкое распространение земледелия. Возможно, что и в более раннее время существовали некоторые зачатки возделывания растений, однако ясные доказательства отсутствуют.

Теперь выявляются настоящие земледельческие орудия — мотыги из мягкого камня с поперечным желобом для прикрепления к рукояти, показывающие, что обработка полей, как и в позднейшее время, производилась вручную мотыгами.

Впервые найдены и остатки культивировавшихся в то время растений. В черепках глиняных сосудов встречаются обугленные зерна риса и их отпечатки. На некоторых поселениях времени культуры яёи, как и в Приморье, обнаружены аналогичные древнекитайским сосуды с дырочками в днище, служившие для приготовления риса в пищу путем распаривания над кипящей водой.

Земледелие постепенно оттесняет на задний план прежние первобытные способы хозяйства. Перелом в хозяйственной жизни сопровождается и дальнейшими сдвигами во всех областях жизни. Имеются многочисленные примеры, отражающие широкое развитие обмена, и притом не столько внутри острова, сколько с материком. Изменился во многом характер поселений. Вместо больших многосемейных общинно-родовых жилищ появляются землянки меньших размеров.

У островных племен выделяется родовая знать. Китайские документы говорят даже о существовании «княжеств». На самом деле это были не княжества, а родовые группы во главе с военными вождями из числа знати, ибо первоначальных «княжеств» было не меньше, чем соответствующих родовых групп. Китайцы сами писали, что «в области моря Ло-Лан живут люди Во, разделенные на сотню государств»[1]. С течением времени карликовые «княжества-роды» объединяются в более крупные, а стоящие во главе их военные вожди иногда получают от китайских императоров титулы «королей».

Если даже на Японских островах, отделенных морем от материка, происходят столь крупные перемены, то не менее важные события должны

[1] P'i t z u -w o. Prehistoric sites by the river Pi-liu-ho, South Manchuria. Archaeologia orientalis, ser. A, vol. 1. Tokyo and Kyoto, 1929, стр. 12—18.

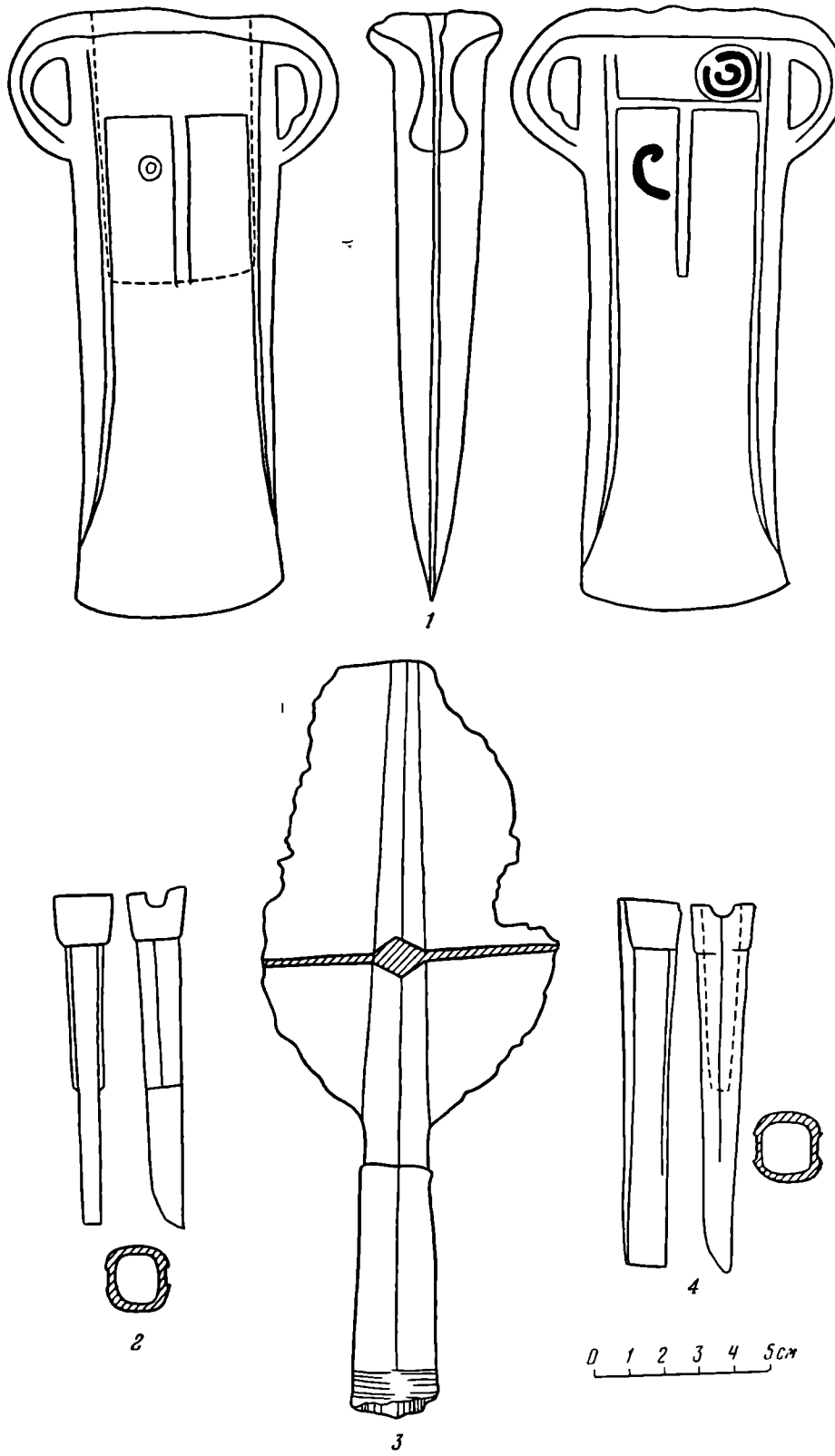


Рис. 19. Древние медные (бронзовые?) вещи из Приморья и долины Уссури — кельт (*1*), миниатюрные кельты-стамески (*2*, *4*) и наконечник копья со втулкой (*3*).

1 — Барабаш; *2*, *4* — из собрания Хабаровского музея; *3* — с. Казакевичево на р. Уссури.

были иметь место в Корее и, как мы видели выше, на территории нашего Приморья, где общий ход развития культуры и условия, в которых жили местные племена, не препятствовали, а только способствовали дальнейшему прогрессу.

Неудивительно поэтому, что на смену «культуре раковинных куч» и одновременной, но пока слабо выявленной континентальной культуре, со временем, еще в 1-й половине I тысячелетия н. э., закономерно приходит новая, несравненно более высокая культура. В Приморье развивается земледелие и скотоводство, складывается первое собственное государство приморских племен — знаменитое в летописях Дальнего Востока Бохайское царство, а за ним «Золотая» империя чжурчженей.

Выявить все промежуточные звенья этого длительного и сложного процесса, которые должны заполнить хронологический разрыв между «культурой раковинных куч» и средневековыми культурами нашего Дальнего Востока,— одна из наиболее важных задач археологических исследований на Амуре и в Приморье.

Задача эта вполне осуществима, так как в нашем распоряжении уже есть некоторые руководящие нити, имеются ценные факты, которые могут отчасти заполнить этот разрыв. Таково, например, в Приморье двуслойное укрепленное поселение на Голубиной или Известковой сопке в долине р. Майхэ, где в верхнем слое залегают остатки бохайской или чжурчженьской культуры, а в нижнем — более архаической культуры, явно выросшей на основе «культуры раковинных куч». На Амуре одинаковое место принадлежит поселениям типа обнаруженных в Малмыже или у винзавода в г. Хабаровске.

Исследование этих поселений даст, несомненно, много важных сведений, которые позволят полнее уяснить историю нашего Дальнего Востока в то время, когда древняя культура племен илоу сменялась там культурой мохэских племен, а последняя — культурой бохайцев и чжурчженей. Но все это — дело уже ближайшего будущего.

С. С. СОРОКИН

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ПОДБОЙНЫЕ И КАТАКОМБНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КАК ПАМЯТНИКИ МЕСТНОЙ КУЛЬТУРЫ

Катакомбные захоронения в Средней Азии открыты в 80-х годах прошлого столетия под Ташкентом.

В 1887 г. директор Ташкентской гимназии Н. П. Остроумов[1] произвел раскопки древнего курганного могильника, содержащего погребения в подземных камерах[2], в местности, находящейся в 4 км к северу от Ташкента по дороге в кишлак Дурмен. Было зарегистрировано и нанесено на прекрасно составленный план 47 курганов, из которых раскопано 17.

В донесениях Н. П. Остроумова Археологической комиссии дается подробное и обстоятельное описание могильника, всех раскопанных погребений и обнаруженного в них материала. Обращают на себя внимание аккуратность и рациональность приемов раскопок и способов фиксирования раскопочных данных. К участию в раскопках Н. П. Остроумовым были привлечены специалисты в разных областях знания[3]. Вещи, найденные в погребениях, были доставлены в Археологическую комиссию, которая передала их в Москву, в Исторический музей.

Через 11 лет после раскопок Н. П. Остроумова, в 1898 г. катакомбные погребения были обнаружены Г. Гейкелем в долине р. Таласа. Материалы этих раскопок стали доступны только спустя 20 лет[4].

После раскопок Г. Гейкеля новых катакомбных погребений в Средней Азии не находили в течение 30 лет, до 1928 г., когда М. Е. Массон раскопал у Той-тюбе курган, содержащий погребение в подземной камере[5].

В 1929 г. А. А. Потапов и М. В. Воеводский начали раскопку большого катакомбного могильника под Пскентом. В 1930 г. работы эти были продолжены в большем масштабе ими же и Б. А. Латыниным[6].

В 30-х годах работы по изучению среднеазиатских катакомбных

[1] Архив ЛОИИМК, ДАК об археологических раскопках Н. П. Остроумова в окрестностях Ташкента, № 34, 1886 г.

[2] В дальнейшем погребения в овальных сводчатых камерах мы будем называть, как это принято, катакомбными, в отличие от подбойных погребений.

[3] В «Докладах и действиях Археологической комиссии за 1887 г.» опубликованы краткие описания раскопанных Н. П. Остроумовым курганов, составленные по его донесениям (см. стр. CXCIII и сл.).

[4] H. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki, 1918.

[5] М. Е. Массон. Уникальный намогильный лицевой камень в долине Ангрена ИАН КазССР, 108, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 56.

[6] А. А. Потапов. Пскентский курганный могильник. Рукопись Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР, № 31, 1938.

захоронений начинают идти более интенсивно. В 1934 г. Б. А. Латынин и в 1936 г. Т. Г. Оболдуева около города Исфары в Фергане обследовали и частично раскопали большой могильник, содержащий погребения в катакомбах и подбоях[1]. В 1937—1939 гг. Г. В. Григорьев при участии Т. Г. Оболдуевой и М. Э. Воронца произвел раскопки аналогичных могильников в районе г. Янги-Юля[2].

Одновременно с раскопками под Янги-Юлем велись работы в Таласской долине, где в 1938 и 1939 гг. на р. Кенколе А. Н. Бернштам раскопал курганный могильник с погребениями в катакомбах[3]. В 1940 г. А. И. Тереножкиным были исследованы катакомбные погребения на левом берегу Чирчика вблизи Ташкента[4].

В годы Великой Отечественной войны археологические исследования не прерываются, и 1943 г. приносит открытие в районе Беговата на юге Ташкентской области бескурганного могильника, состоящего в основном из погребений в простых грунтовых ямах, но содержащего также и катакомбные захоронения[5]. В 1944 г. А. Н. Бернштам раскопал первые катакомбные погребения на Тянь-Шане[6].

Послевоенные годы обогатили науку открытием целого ряда могильников с подбойными и катакомбными захоронениями. В Алайской долине в 1946—1948 гг. А. Н. Бернштам произвел раскопки могильников в урочищах Кургак, Мааша и на землях колхоза Кызыл-ту[7]. В Ташкентской области в 1947 г. М. Э. Воронец раскопал курганы с катакомбами у станции Вревской[8]. В 1949 г. А. Н. Бернштам открыл новые катакомбные могильники на Тянь-Шане[9]. На Чаткале в 1950 г. А. К. Кибиров произвел раскопки катакомбных захоронений в Узунбулаке и Миянколе[10]. В 1950—1951 гг. А. Н. Бернштам раскопал 3 катакомбных могильника в Фергане[11]. И, наконец, Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция открыла курганы с катакомбными захоронениями под Ашхабадом[12].

---

[1] Часть материала хранится в Государственном Эрмитаже; дневники — в архиве ИИМК; см. также Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы, раскопки 1936 г. (Рукопись).

[2] Г. В. Григорьев. Раскопки курганов в Янги-Юльском районе УзССР. Архив ИИМК, ф. 35, оп. 2, № 628; его же. Келесская степь в археологическом отношении. ИАН КазССР, сер. археол., вып. 1, 1948.

[3] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.

[4] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН, № 9, 1940, стр. 30—36.

[5] В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1947; его же. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952.

[6] А. Н. Бернштам. Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-Шаня. Сб. «Акад. К. И. Скрябину», Фрунзе, 1945, стр. 95, 96; его же. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. Изв. КирФАН, 1945, № 2—3.

[7] А. Н. Бернштам. Археологическая экспедиция на Памир. ВЛГУ, 1947, № 12, стр. 135, 136 и 1948, № 11, стр. 175, 176; его же. Археологические памятники Памира. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 128, 129; его же. Древний Тянь-Шань. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 142.

[8] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле ст. Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, 1951, стр. 43—73.

[9] А. Н. Бернштам. Древний Тянь-Шань, стр. 141, 142.

[10] Материал не опубликован; краткая его характеристика — в книге А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов», Л., 1951, стр. 115. В 1953 г. А. Кабиров проводил раскопки катакомбных могильников на Тянь-Шане.

[11] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, стр. 115, 116. Материалы раскопок 1951 г. не опубликованы; пользуюсь случаем выразить признательность А. Н. Бернштаму, любезно предоставившему мне возможность ознакомиться с ними.

[12] М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1, стр. 158, 159.

Так, начиная с раскопок Н. П. Остроумова, происходит накопление фактического материала, относящегося к среднеазиатским подбойным и катакомбным захоронениям. Сейчас они известны более чем в 25 пунктах, и в распоряжении исследователей имеется богатый материал, который существенно дополняет данные других источников, относящихся к истории среднеазиатских народов в 1-й половине I тысячелетия н. э.

Единого мнения относительно происхождения и характера культуры, представленной подбойными и катакомбными захоронениями, нет, и вопрос этот разными исследователями решается по-разному.

Так, в 1939 г. Г. В. Григорьев по данным раскопок 1937—1938 гг. устанавливал связь катакомбных захоронений Келесской степи с синхронными им слоями соседнего городища Каунчи-тепе и близость их к сарматским погребениям[1]. Несколько позднее о местном характере подбойных и катакомбных захоронений всего Ташкентского оазиса и их генетической связи с аборигенным населением писала Т. Г. Оболдуева[2]. И, наконец, в 1951 г. М. Э. Воронец высказал мысль о том, что могильник у станции Вревской обязан своим происхождением местному населению, родственному сарматским, сако-массагетским, усуньским и юечжийским племенам[3]. Иными словами, все эти исследователи считают подбойные и катакомбные могильники Ташкентского района памятниками коренного местного населения.

Имеются и другие мнения. Еще в 1939 г. А. Н. Бернштам высказал, а в дальнейшем развил мысль о связи Кенкольского могильника с событиями хуннской истории, в частности, с походами Чжичжы шаньюя[4]. Это мнение получило признание, и в археологической и антропологической литературе начали накапливаться ссылки на Кенкольский могильник как на памятник, принадлежащий хуннам, как на эталон хуннской культуры в Средней Азии. Опираясь на сходство с этим могильником, А. Н. Бернштам в 1945 г. считал возможным отнести к числу хуннских вновь раскопанные им подбойные и катакомбные погребения на Тянь-Шане и ранее открытые другими археологами катакомбные могильники Исфаринского и Ташкентского районов[5]. В 1949 г. к хуннским А. Н. Бернштам причислил также подбойные захоронения Алайской долины[6]. И, наконец, в 1951 г. он окончательно сформулировал свою точку зрения относительно подбойных и катакомбных захоронений Средней Азии, характеризуя их в целом как культуру «кенкольского типа», обязанную своим происхождением массовому проникновению хуннов в Среднюю Азию и принадлежащую хуннам[7].

---

[1] Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 56.

[2] Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 101.

[3] М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 68.

[4] А. Н. Бернштам. Археологические работы в Киргизии. ВДИ, 1939, № 4; его же. Кенкольский могильник. Л., 1940; его же. По следам гуннов. Газета «Ленинские искры», № 33 (1647), 24 апреля 1946. Представляется более правильным сохранить для этого времени термин «хунны» или «хунну», но не «гунны».

[5] А. Н. Бернштам. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая, стр. 61—64; его же. Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-Шаня, стр. 94.

[6] А. Н. Бернштам. Археологические памятники Памира, стр. 125 и 128; его же. Древний Тянь-Шань, стр. 142; см. также С. С. Сорокин. К вопросу о гуннах в Средней Азии. ВЛГУ, 1948, № 11, стр. 125. Работа над материалом заставила нас совершенно отказаться от точки зрения, высказанной в этой статье.

[7] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, стр. 102, 103. Свою точку зрения А. Н. Бернштам сохранил и позднее, см. А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА. № 26, 1952, стр. 67.

Таким образом, проблема генезиса и характера подбойных и катакомбных захоронений Средней Азии решается двояко: в плане связи их с коренным местным населением и его культурой и в плане связи с хуннами и хуннской культурой. Выводы о местном характере культуры, представленной подбойными и катакомбными захоронениями, делаются в результате сравнения материала из них с материалом из поселений, являющихся памятниками местной культуры. Противоположное мнение базируется на сопоставлении каждого из могильников с одним, именно с Кенкольским, относительно которого однажды были сформулированы определенные выводы и который в дальнейшем выступает в качестве критерия для определения природы других могильников.

Накопление значительного археологического материала, а также наличие существенных расхождений в его толковании делают необходимым вновь поставить вопрос о генезисе и характере культуры подбойных и катакомбных погребений Средней Азии.

Эта культура охватывает подкурганные погребения в подземных сводчатых камерах и в подбоях, известные в настоящее время на всей территории Киргизской ССР, в Фергане, в Ташкентской области в районе Бухары и под Ашхабадом (рис. 1). Но не только формальный признак — конструкция могил — позволяет говорить о погребениях такого рода как о единой группе: их сближают также основные черты ритуала, состав, характер и размещение погребального инвентаря.

Почти все погребения очень сходны друг с другом. Все они содержат трупоположения на спине, в гробах, на досках, на цыновках или в плетенках: в подбоях — одиночные, в катакомбах — одиночные, парные и иногда коллективные. Редко встречаются сопровождающие погребения, расположенные вне камеры. Ориентировка костяков различна; во всех случаях она связана с направлением длинной оси подбоя или катакомбы, расположение которых в свою очередь связывается с ориентировкой дромоса. Дромосы большинства могил ориентированы с севера на юг.

И подбои, и катакомбы оставались свободными от засыпи; входы в них закладывались крупными камнями, сырцовыми кирпичами или жердями. Покойников клали в могилы в полном бытовом повседневном костюме. При погребении мужчин с ними помещали предметы вооружения — мечи, кинжалы, луки со стрелами. С женщинами клали предметы туалета — украшения, зеркала, краски и пр., а также пряслица. В каждом погребении, как в мужском, так и в женском, размещалось по несколько глиняных сосудов: кувшины, горшки, банки, фляги, кубки, миски, иногда курильницы и пр., а также деревянная посуда — чаши, тарелки, блюда простые и на ножках («столики»). В погребениях встречаются остатки частей бараньих туш, рядом с которыми часто находятся железные ножи; изредка находят кости лошади или остатки конской сбруи.

Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения делятся на две группы: к первой относятся могильники Ферганы, Ташкента, Южной Туркмении, Бухары[1] и Таласа, расположенные в предгорьях вблизи земледельческих оазисов; ко второй — могильники Тянь-Шаня и Алая, находящиеся в высокогорных долинах, в непригодной или малопригодной для земледелия зоне альпийских пастбищ, вдалеке от крупных земледельческих районов. Своеобразие природных условий, хозяйственной

[1] Пользуюсь случаем выразить признательность О. В. Обельченко, которому принадлежит честь открытия и первых раскопок подбойных и катакомбных погребений в районе Бухары, весьма любезно ознакомившему нас с материалом своих раскопок. Данные, сообщенные О. В. Обельченко, в настоящей статье не использованы, но они не противоречат нашим заключениям.

деятельности и археологического материала этих районов делает такое деление необходимым, хотя оно и носит условный характер.

Могильники первой группы размещены на открытых возвышенных площадках малых водоразделов или в небольших долинах. Расположение насыпей в большинстве случаев беспорядочное, хотя иногда, например в Гурмироне или под Ашхабадом, курганы образуют цепочки. Это напоминает планировку некоторых сарматских, усуньских и других синхронных им могильников[1].

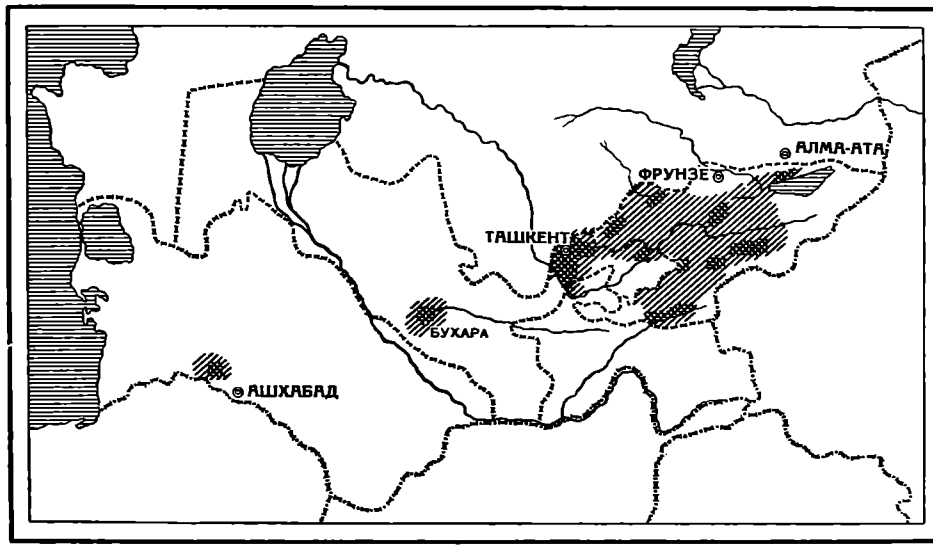


Рис. 1. Территория распространения среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений (показана штриховкой; перекрестной штриховкой обозначены районы, в которых исследованы памятники).

Большинство погребений этой группы принадлежит к числу катакомбных. Такое устройство является единственным для Гурмирона, Джангаила[2], ташкентских могильников, могильника у станции Вревской, Кенкольского и ашхабадских и преобладающим для погребений в районе Янги-Юля и Таласской долины. В бухарских могильниках и Боркорбазе преобладают подбои, но есть и погребения в катакомбах. Под Исфарой до настоящего времени открыты только подбойные погребения. Вообще процент подбойных могил в Фергане выше, чем в районе Ташкента.

В самой конструкции катакомб полного единообразия нет. Ташкентские катакомбы сводчатые, в плане овальные. Дромосы представляют собой постепенно углубляющийся или начинающийся уступом ход, в ряде случаев со ступенями вдоль одной или обеих сторон, оканчивающийся вертикальной стенкой. В нижней части этой стенки сделано небольшое отверстие для входа в камеру, которое подводит или к середине одной из ее сторон, или, как в курганах, раскопанных Н. П. Остроумовым, ближе к восточному краю камеры. В той-тюбинском погребении потолок камеры почти плоский, а дромос имеет форму прямоугольной ямы с вертикальными стенками и горизонтальным дном: он подобен дромосам сарматских подбойных могил Нижнего Поволжья. Захоронения у

[1] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3, стр. 163 и сл.; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 15; К. В. Сальников. Сарматские курганы близ Орска. МИА, № 1, 1940, стр. 121.

[2] Раскопки А. Н. Бернштама, 1951 г. Материалы не опубликованы.

кишлака Нау представляют собой подбои, вырубленные длинной осью параллельно дромосу, такому же, как в той-тюбинском погребении; эти погребения также сходны с подбойными захоронениями Нижнего Поволжья.

Ферганские катакомбы в конструктивном отношении несколько своеобразны. Камеры похожи на ташкентские, но дромосы, ориентированные с севера на юг, имеют форму прямоугольных ям с вертикальными стенками и горизонтальным дном.

В Таласской долине камеры в большинстве случаев расположены длинной осью перпендикулярно дромосу. Дромосы — трех типов: 1) длинные, узкие, постепенно углубляющиеся, подобные дромосам курганов, раскопанных Н. П. Остроумовым; 2) более короткие, с наклонным дном, характерные для других могильников Ташкентского района, и 3) глубокие ямы с вертикальными стенками и горизонтальным дном, похожие на той-тюбинские и большинство нижневолжских. Своеобразна конструкция двух курганов Беш-ташской группы, в которых вход в камеру помещен у южного угла, а сама камера длинной осью ориентирована по отношению к дромосу под углом 45°[1]. Таким образом, камерные погребения Таласской долины по конструкции сближаются с ташкентскими, подбойные — с нижневолжскими.

Катакомбные могилы Южной Туркмении по конструкции камер близки к той-тюбинским и чирчикским[2]. Их дромосы, имеющие форму глубоких прямоугольных ям с наклонным дном, сходны с дромосами таласских, ташкентских и ферганских катакомб. Для всей группы в целом характерны одиночные трупоположения, однако нередки захоронения парные и иногда семейные (мужчина, женщина, ребенок), встреченные в Ташкентском районе, в Фергане и Таласской долине.

Положение костяков во всех могильниках единообразно: они лежат на спине, с вытянутыми руками, так же, как в сарматских подбоях Нижнего Поволжья. Кисти рук иногда покоятся на тазовых костях. У некоторых костяков колени слегка подогнуты. Ориентировка различна: в районе Ташкента — преимущественно северо-восточная и восточная, редко западная; в Фергане преобладает северная, редко южная; в Таласской долине также преобладает северная, но встречается и северо-западная. В южнотуркменских могильниках в обоих курганах костяки ориентированы головой на юг. Общее преобладание северной ориентировки сближает могильники предгорной группы с сарматскими[3].

В ряде погребений сохранились остатки дощатых гробов (Кенкол, Боркорбаз), дощатые настилы (Кенкол) или цыновки, на которые клали покойников (Боркорбаз).

Характер, ассортимент и размещение погребального инвентаря для всех могильников этой группы довольно однообразны. В ногах и у головы находилось по одному, по два (иногда и более) глиняных сосуда среднего размера; иногда также в камеры помещались глиняные курильницы. В некоторых женских погребениях было от 1 до 4 миниатюрных глиняных сосудиков. В тех погребениях, где сохранилось дерево, обычно обнаруживают остатки деревянных чаш или столиков, вернее, блюд на коротких ножках, и на них — бараньи кости и небольшие железные ножи.

---

[1] H. Heikel. Указ. соч., табл. VIII и XIV.

[2] М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества..., стр. 158—159.

[3] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. УЗСГУ, т. XVII, вып. исторический, 1947, стр. 22.

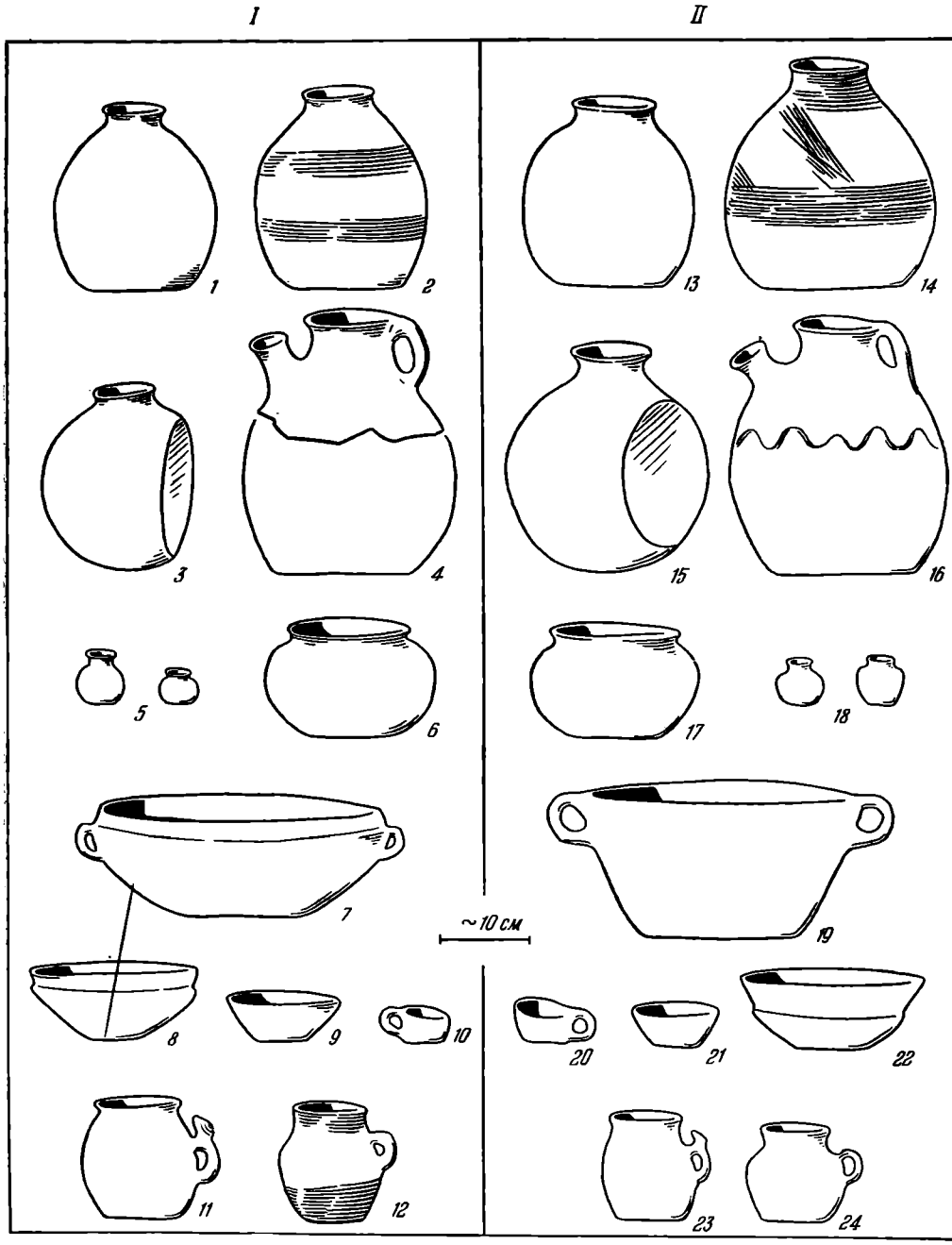


Рис. 2. Сравнение керамики поселений и грунтовых погребений земледельческих районов Ферганы и Ташкента (*I*) с керамикой подбойных и катакомбных погребений соседних предгорий (*II*).

1, *3*, *6*, *15* — Большой Ферганский канал (по В. Д. Жукову и Т. Г. Оболдуевой); *2* — Кува-сай (по В. Д. Жукову); *4*, *7—12*—Каунчи-тепе (по Г. В. Григорьеву); *5*— Мархамат (левый) и Кафирниган (по А. Н. Бернштаму и М. М. Дьяконову); *13*, *17*, *18*, *24* — Боркорбаз (по А. Н. Бернштаму); *14* — Гурмирон (по А. Н. Бернштаму); *16* — Вревская (по М. Э. Воронцу); *19—23* — Ташкент (по Н. П. Остроумову).

Покойников, как было сказано, клали одетыми в обычное платье. В погребениях сохранились остатки тканей, бисер от шитья, пряжки и пр. При женских костяках часто встречаются бронзовые зеркала, каменные стерженьки, косметические краски, разного рода украшения (серьги,

кольца) и глиняные пряслица. Для мужских погребений характерны предметы вооружения — мечи, кинжалы и луки со стрелами.

Весь погребальный инвентарь, за исключением отдельных импортных предметов, обнаруживает сходство с материалом синхронных поселений тех же районов, в которых расположены могильники, а также связи с более древним местным материалом и родство с материалом сарматских памятников.

Особенно отчетливо местный среднеазиатский характер инвентаря катакомбных захоронений предгорной группы прослеживается на керамике (рис. 2). Наиболее распространенными и типичными формами сосудов для этой группы являются кувшины с округлым корпусом, плоским дном, нешироким горлом и отогнутым наружу венчиком, иногда с ручкой или с ручкой и носиком (в катакомбах Ташкентского района и Таласской долины кувшины составляют около 50% общего числа сосудов хозяйственного назначения, в Фергане — более 70%); фляги с плоским боком; кубки со звериными ручками и открытые миски с простым или усложненным профилем. Реже встречаются лохани, горшки, банки, миниатюрные сосудики, простые кружки, чашки, котелки, курильницы и др.

Кувшины с округлым корпусом и нешироким горлом следует считать типичными среднеазиатскими, так как, помимо катакомбных погребений, они в значительном количестве встречаются во всех без исключения памятниках коренного земледельческого населения Ферганы и Ташкента. В Фергане их находят как на поселениях первых веков нашей эры, в слоях с типичной ферганской красноангобированной с прочерченным орнаментом керамикой, так и в связанных с этими поселениями грунтовых могильниках[1]; они также обнаружены на поселениях и в бескурганных могильниках Ташкентского района[2]. Генетически такие кувшины восходят, с одной стороны, к более ранним образцам, встречающимся в материале ферганских поселений I тысячелетия до н. э. вместе с чашами усуньского типа[3], с другой,— к кувшинам усуньских погребений Киргизии[4] и некоторым сарматским сосудам, в ряде случаев отличающимся только формой дна, но имеющим совершенно аналогичные пропорции и форму корпуса, горла и венчика[5].

Кубки со звериными ручками характерны только для ташкентских катакомбных погребений. Они пока не найдены в таласских и южнотуркменских могильниках и подбоях и катакомбах Ферганы, хотя вообще в западной части долины встречаются[6]. Их, как и кувшины, следует при-

[1] Б. А. Латынин. Работы в районе проектирования электростанции на р. Нарын в Фергане. ИГАИМК, вып. 110, 1935, рис. 113 и 114; Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. IV, 1951, табл. I, *1—3*, табл. II, *6*; табл. X, *7*; В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Там же, табл. VI, *1—5*; табл. VII, *1*, *3*, *4*; Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Там же, табл IV, *1*; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. УзФАН, № 10, 1940, стр. 21—27.

[2] Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 69, 71 и стр. 56; А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 30—36; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-сая..., рис. 6, *1*; рис. 7; рис. 8, *1*; рис. 13, *2*, *3*, *5*, *6*; рис. 14; рис. 16, *1—3*.

[3] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе..., табл. XI, *7*.

[4] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Указ. соч., буранинская группа, курганы №2 и 3; H. Heikel. Указ. соч., курган № 11 группы Куянтухай.

[5] И. В. Синицын. Указ. соч., рис. 17, 22, 33 и табл. III, *1*; его же. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. L, 1953, рис. 37, *2*.

[6] Раскопки Н. И. Веселовского в Фергане в 1885 г. Материал хранится в Государственном Эрмитаже (СА, № 3377, 9998, 13217, 13218).

знать изделиями местного среднеазиатского производства. Об этом свидетельствует широкое распространение таких кубков в памятниках коренного местного оседлого населения Ташкентского оазиса, Западной Ферганы, Южного Приаралья, Бухары и Термеза[1]. Аналогичные кубки со звериными ручками в сарматское время были распространены в Приаральских степях, на Северном Кавказе, в Подонье и в Крыму[2]. Эта форма одинаково типична для памятников коренного населения западных предгорий Тянь-Шаня, для Южного Приаралья и для сарматских степей. Проблема их происхождения может быть решена только с учетом археологического материала земледельческих оазисов Восточного Туркестана[3].

Фляги с плоским боком в первые века нашей эры были распространены на территории от Южного Приаралья до Северного Афганистана и даже до Инда[4] и вне этой территории неизвестны. По форме корпуса, пропорциям горла, характеру венчика и другим деталям они связываются с кувшинами среднеазиатских катакомбных захоронений и ташкентских и ферганских поселений первых веков нашей эры. Это по существу одинаковые сосуды, только у одних корпус уплощен внизу, у других — сбоку; одни приспособлены для переноски на руках и для хранения продуктов (воды, молока, масла, вина), другие — для перевозки их на вьючных животных. Особенно сходны с кувшинами фляги из катакомб у ст. Вревской и ташкентских, а также кенкольская. Фляга из Джангаильского могильника имеет небольшие проколотые ручки-выступы, аналогичные ручкам горшка из кургана № 10 Кенкола и горшка из Ашта[5].

Все это дает основание считать фляги, как и кувшины, типичными среднеазиатскими изделиями. Генетически они восходят, повидимому, к аналогичным местным формам IV—III вв. до н. э.[6]. Кроме того, фляга

[1] Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 58, 59, 110, 111; А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 30—36; Архив ЛОИИМК, ДАК № 34, 1886 г., донесение № 1315; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 77, *1*; его же. К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, 1946, № 1, стр. 175; В. А. Шишкин. Курган и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза. Труды АН УзССР, сер. истории и археологии, Термезская археологическая экспедиция, т. II, 1945, стр. 126, рис. 28.

[2] К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, т. I, 1934; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки. СА, XV, 1951, стр. 247 — 255; МАК, VIII, 1900, стр. 161, рис. 156; стр. 190, рис. 166 и др.; ОАК за 1903 г., стр. 115, рис. 162.

[3] См. коллекцию древностей из Восточного Туркестана, хранящуюся в Государственном Эрмитаже (ГА № 338, 342, 679, КИ № 3276 и др.), а также A. Stein. Innermost Asia, vol. III, Oxford, 1928, табл. I—III, XXIX.

[4] См., например, Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 87; Отчеты Т. Г. Оболдуевой и Я. Г. Гулямова — Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. IV, стр. 12, 25, 92; А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, табл. XIV; Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, год седьмой, Ташкент, 1902, стр. 39; Т. Г. Оболдуева. Археологический надзор на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 10; А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 130; М. Э. Воронец. Археологическое исследование 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 337, рис. 15; С. П. Толстов. Древний Хорезм, рис. 23 и 44; R. Ghirshman. Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchanes. Mémoires de la délégation archéologique française en Afganistan, XII, Caire, 1946, табл. XIV, *1*; табл. XV, *3*; рис. 314 и 358. Аналогичные фляги найдены также в сакопарфянских, по терминологии Дж. Маршалла, слоях Таксилы в Индии, см. John Marshall. Taxila. Cambridge, 1951, bds 1—3, Ceramic, № 43—47.

[5] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, табл. XIV, *1*, а также раскопки Н. И. Веселовского в Фергане в 1885 г. Государственный Эрмитаж (СА № 13259.)

[6] С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. — Кой-Крылган-кала. ВДИ, 1953, № 1, стр. 160—170

из раскопок Гейкеля напоминает нижневолжские сарматские горшки с округлым корпусом[1]. Открытые миски с простым или усложненным профилем также являются изделиями среднеазиатского производства, типичной и широко распространенной посудой коренного населения Средней Азии. Об этом свидетельствуют массовые находки таких мисок на городищах, принадлежавших древнему коренному местному населению Ферганы и Ташкента, и в сако-усуньских погребениях[2]. На ферганском материале хорошо прослеживается прямая генетическая связь мисок первых веков нашей эры с более древними образцами[3].

Кухонные горшки, котелки и миниатюрные сосудики подбойных и катакомбных погребений также находят аналогии в керамике грунтовых могильников и поселений земледельческих районов Ферганы[4]. Поэтому и они должны быть отнесены к числу местных изделий.

Даже редко встречающиеся в подбойных и катакомбных погребениях формы, и те находят аналогии в материале местных поселений, тем самым подчеркивая близость памятников коренного местного населения и катакомбных могильников. Так, например, лохань с двумя ручками и маленькая лепная чашка с петлеобразной ручкой из раскопок Н. П. Остроумова аналогичны лохани и такой же чашке, найденным на городище Каунчи[5]. Лохань происходит из нижнего слоя городища; она, возможно, старше лохани из погребения, т. е. является ее прототипом.

Близость керамики подбойных и катакомбных могил предгорной группы с керамикой памятников коренного среднеазиатского населения прослеживается не только по форме сосудов, но и по сходству приемов орнаментации. Так, чаша из исфаринского подбойного погребения[6] и горшок из кургана № 11 Гурмирона покрыты красным ангобом, по которому процарапан орнамент, т. е. украшены таким способом, какой был распространен в Фергане в конце I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры. Открытые миски из Джангаила покрыты плотным красным ангобом и залощены, т. е. также представляют собой образцы керамических изделий, типичные для земледельческой Ферганы первых веков нашей эры[7]. Другие сосуды, например кувшины и горшки из Гурмирона, украшены широкими лентами красного или бурого ангоба. Этот прием орнаментации особенно типичен для глиняной посуды земледельческой Ферганы, но известен и в других районах Средней Азии[8]. Неко-

---

[1] И. В. Синицын. Археологические раскопки..., рис. 1, 10, 13, 17, 18, 33, 40, 63.

[2] Отчеты Т. Г. Оболдуевой и В. Д. Жукова.— Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. IV, табл. I, *5*, *6*; табл. IX, *1*, *4*; табл. II; стр. 47; Т. Г. Оболдуева. Археологический надзор на Северном Ферганском канале; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала, стр. 23; Б. А. Латынин. Указ. соч., рис. 110, *1—3*, рис. 111, *1*; рис. 113, *7*; А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры...; Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 11 и 12; его же. Каунчи-тепе. Ташкент, 1940, рис. 47; М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Указ. соч.; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 16, 17.

[3] Отчеты Т. Г. Оболдуевой и В. Д. Жукова, табл. I, *5*, *6*; табл. IX, *1*; табл. II; стр. 47.

[4] Там же, табл. I, *4*, табл. II, *5*; табл. IX, *3*; табл. IV, *1—5*; табл. V, *2*; табл. VII, *2*; табл. VIII; стр. 58, а также материалы Памиро-Ферганской археологической экспедиции 1950 г., хранящиеся в Андижанском областном музее.

[5] Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 13 и 64.

[6] Чаша хранится в Государственном Эрмитаже (Фр. XIII, 75).

[7] В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала, стр. 21—27; Б. А. Латынин. Указ соч., стр. 113.

[8] Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 57. Б. А. Латынин. Указ. соч., рис. 113.

торые кенкольские кувшины украшены волнистой линией, т. е. орнаментом, распространенным на кувшинах из могильников у Ширин-сая и соседнего с ним городища Мунчак-тепе[1].

Весьма убедительные данные, иллюстрирующие родство материала подбойных и катакомбных погребений предгорной группы с материалом памятников коренного населения тех же районов, дает анализ пряслиц[2]. Пряслица из подбоев и катакомб, встречающиеся почти при каждом женском костяке, имеют биконическую форму, по-разному усложненную концентрическими валиками или бороздками. Они изготовлены из хорошо отмученной глины, покрыты черно-коричневым или красным ангобом и хорошо обожжены. Совершенно такие же пряслица характерны для бескурганных могильников равнинной Ферганы и для ферганских поселений того времени, когда население долины пользовалось красноангобированной керамикой. Можно даже сказать, что это типичные ферганские пряслица, хотя они встречаются также в районе Ташкента.

Предметы вооружения и украшения не дают такой ясной картины связи инвентаря подбойных и катакомбных погребений с местным материалом, как керамика, но зато облегчают сравнение его с материалом более широкой территории, населенной в свое время сако-массагетскими и сарматскими племенами.

Прямые двулезвийные мечи с черешком и без перекрестия, встречающиеся в катакомбных погребениях Ташкентского района, Таласской долины и Южной Туркмении, но пока неизвестные в подбоях и катакомбах Ферганы, по форме аналогичны мечам, распространенным в сарматское время в Нижнем Поволжье, на Кубани и на Северном Кавказе[3].

Наконечники стрел для всех могильников предгорной группы довольно единообразны. По типу это крупные железные трехперые черешковые наконечники, какие были распространены в 1-й половине I тысячелетия н. э., кроме Средней Азии, также в приаральских, прикаспийских и причерноморских степях[4]. Генетически они связываются с мелкими трехперыми бронзовыми или железными наконечниками, бытовавшими в последние века до нашей эры в сарматских и усуньских памятниках[5].

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., рис. 7, *2—4*; рис. 8, *1*; рис. 13, *5*; рис. 14.

[2] В. Д. Жуков. Отчет о работе..., стр. 53, 59, 60, табл. IX; его же. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала, стр. 21—27; см. также материалы раскопок Памиро-Ферганской археологической экспедиции 1950 г., хранящиеся в Андижанском областном музее; Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, раскопки 1935 г., сравнительная таблица; его же. Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, рис. 33 и 69.

[3] И. В. Синицын. Археологические раскопки..., стр. 35; его же. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. Изв. Саратовского Нижневолжского ин-та краеведения им. М. Горького, т. VII, 1936; Н. В. Анфимов. Мето-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, погребение 81 (1939 г.), погребение 13 (1931 г.), погребение 2 (1944 г.); И. Б. Зеест. Земляные склепы некрополя Тузлы. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 158, рис. 63, *1*, а также курганы № 32, 42 и 58 Сусловского курганного могильника и курганы № 17 и 26 в урочище «Три Брата», см. СА, I, 1936.

[4] H. Heikel. Указ. соч., табл. VI; Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 32; М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции, рис. 7, *1* и стр. 58; М. Е. Массон. Новые археологические данные к изучению истории Парфии. ИАН ТуркмССР, 1952, № 5, стр. 17, 18; его же. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества..., стр. 158, 159; Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 197, 198, рис. 18, *5*; среди железных предметов Кенкольской коллекции, хранящейся в Государственном Эрмитаже, имеется около десятка крупных трехперых черешковых железных наконечников стрел, относящихся к основным захоронениям могильника.

[5] H. Heikel. Указ. соч., табл. VI, курган № 13; Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э. ИАН КазССР, серия археолог.,

Костяные наконечники, иногда встречающиеся в подбоях и катакомбах, также обнаруживают сходство с сарматскими[1].

Накладки из кости от сложных луков такого типа, какие найдены в Кенколе, Боркорбазе и Янги-Юле, были распространены в первые века нашей эры как среди населения приаральских степей и западных отрогов Тянь-Шаньской горной системы, так и среди сарматских племен Северного Прикаспия[2]. Центральноазиатское происхождение сложного лука с костяными накладками вполне возможно[3], но вряд ли наличие этой формы в Средней Азии связано только с проникновением на ее территорию центральноазиатских племен.

Различные мелкие предметы также дают некоторый материал для суждения о характере инвентаря подбойных и катакомбных погребений предгорной группы. Каменные заостренные стерженьки, часто встречающиеся в женских могилах, находят аналогии только в местном материале: они сходны и по характеру, и по назначению со стерженьками из синхронных им поселений[4]. Бусы с подглазурной позолотой, часто спаренные или строенные, как и призматические граненые, типичные для катакомб предгорной группы, известны по находкам в сарматских памятниках[5]. Овальные бусы с двумя перехватами находят себе параллели в индийском материале[6]. Костяной гребень, украшенный лошадиными головками, обломок которого найден в катакомбе Янги-Юля[7], принадлежит к числу изделий, распространенных в сарматских подбоях Нижнего Поволжья[8]. Возможно, что изображение коня в данном случае связано с древними культами местного населения[9]. Некоторые зеркала из захоронений предгорной группы являются изделиями местного производства и типа, другие находят параллели в сарматском материале и являются или подражанием западным образцам, или импортом с запада[10]. Встречаются также зеркала китайского производства[11].

вып. 2, 1949, стр. 120; И. В. Синицын. Археологические раскопки..., стр. 35; Н. В. Анфимов. Указ. соч., рис. 14, 35, 36; см. также Сусловский курганный могильник, курганы №№ 1, 16, 23(2), 27, 31, 32, 43, 47, 51.

[1] Материалы Сталинградской археологической экспедиции 1952 г. Раскопки В. П. Шилова.

[2] И. В. Синицын. Археологические раскопки..., стр. 35; Т. Н. Сенигова. Раскопки на городище Алтын-Асар. Вестник АН КазССР, № 7, 1952, стр. 63—69; J. Werner. Bogenfragmente aus Carnuntum und von der unteren Wolga. ESA, VII, 1932, стр. 33—58.

[3] J. Werner. Указ. соч., стр. 52.

[4] Н. Н. Ершов. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков. ДАН ТаджССР, вып. III, 1952, стр. 27—32.

[5] И. В. Синицын. Археологические раскопки..., стр. 54.

[6] A. Ghosh. Taxila (Sirkap), 1944—1945. Ancient India, 4, 1947—1948, табл. X, *32*; R. E. M. Wheeler. Arikamedu. Ancient India, 2, 1946, фиг. 41, 45—57; табл. XXXIII, *1—5*.

[7] Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 125.

[8] И. В. Синицын. Археологические раскопки..., стр. 58, 59.

[9] Herod., I, 215; Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.—Л., 1950, т. II, стр. 161, 162; А. Н. Бернштам. Араванские наскальные изображения и даваньская (ферганская) столица Эрши. СЭ, 1948, № 4, стр. 155—161; Д. Граменицкий. Заметки о древних урочищах Туркестанского края. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1898, стр. 152; Россия, т. XIX, Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 753; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 207, 208, табл. 78—81; его же. Работы Хорезмской экспедиции..., стр. 169.

[10] См., например, И. В. Синицын. Археологические раскопки..., табл. III, *3*; М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. МАР, 37, 1918, табл. II, IV—VI; МАК, VIII, 1900, табл. XVI, *1—5*; табл. XIX, *1а*; МАК, I, 1888, табл. XI, *2*; табл. XII, *21*; табл. XIII, *1*.

[11] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции..., стр. 52, 53, рис. 5.

Таким образом, устанавливается, что могильники предгорной группы дают материал для решения вопроса о генезисе и характере культуры подбойных и катакомбных захоронений Средней Азии. Сравнение их инвентаря с материалом курганов, тепе, поселений и бескурганных могильников Ферганы, Ташкента и прилегающих к ним предгорий показывает, что в этих районах в первые века нашей эры керамические изделия населения долин и предгорий мало чем отличались друг от друга и как одни, так и другие, безусловно, должны быть признаны местными. Этот местный характер керамики подбойных и катакомбных захоронений предгорной группы устанавливается главным образом на том основании, что комплекс форм, характерный для Ферганы и Ташкента и ближайших к ним предгорий, является типичным только для этих районов и нигде в другом месте в таком же ассортименте не представлен.

Как известно, в Фергане и Ташкенте наиболее распространенными типами глиняной посуды являются кувшины и миски, очень сходные для обоих районов по форме и только несколько отличающиеся по характеру внешней отделки. Формы мисок и кувшинов из предгорных подбойных и катакомбных погребений восходят к древним местным образцам, к древней ферганской, ташкентской и сако-усуньской керамике. Необходимо также отметить, что кувшины находят, кроме того, параллели в сарматском материале. Но особенно сходны с сарматскими кружки со звериными ручками. Они так широко распространены в районе Ташкента, Западной Фергане и других районах Средней Азии, что их с одинаковым правом можно называть и «сарматскими», и «среднеазиатскими». Они не экспортировались из какого-либо одного центра их производства, так как в каждом случае несут на себе черты, характерные для керамики данного района, и встречаются в таких отдаленных друг от друга пунктах, как, например, Восточный Туркестан и Крым. Но форма их ручек слишком оригинальна, чтобы возникнуть сразу в различных странах.

Такие же формы, как, например, открытые миски и лохани,— характерный материал предгорных подбойных и катакомбных погребений,— неизвестны в сарматских могилах. Сарматская керамика не знает также приемов украшения поверхности сосудов широкими полосами красного или бурого ангоба или сплошным плотным красным ангобом, отделанным лощением, т. е. приемов, широко распространенных в Фергане и отчасти в Ташкенте в первые века нашей эры.

Характер предметов вооружения связывает подбойные и катакомбные погребения предгорной группы с погребениями Южного и Западного Казахстана, Приаралья и Северного Прикаспия.

Отдельные мелкие предметы туалета и украшения находят параллели в материале ближайших поселений, принадлежащих аборигенному населению (каменные стерженьки), или в вещах сарматских памятников (бронзовые зеркала с шипом, золоченые и граненые бусы, серьги, гребень, фибула), или, в отдельных случаях, перекликаются с изделиями, распространенными в Китае (зеркала) и Индии (бусы с двумя перехватами).

Могильники горной группы (Кургак, Мааша и Кызыл-ту в Алае и Кызарт, Аламышик, Арпа и Кырчин на Тянь-Шане) по внешнему облику мало чем отличаются от могильников предгорий: они также размещены на открытых площадках, и насыпи их также разбросаны в беспорядке. Сам же характер насыпей несколько отличен: наряду с земляными или каменными сферическими такого же типа, как насыпи курганов предгорной группы, на Тянь-Шане встречаются насыпи с кольцевыми каменными выкладками, похожими на кромлехи сакских курганов, или с неглубокими ровиками вокруг, а в Алайской долине, кроме земляных или камен-

ных насыпей с ровиками, распространены также надмогильные сооружения, представляющие собой плоские квадратные каменные выкладки[1].

Погребения горных районов по конструкции в основных чертах сходны с погребениями предгорной группы, но только соотношение количества катакомб и подбоев другое: большинство погребений горной группы — подбойные. В некоторых могильниках, как, например, Аламышик, Кырчин, Кургак, Мааша, Кызыл-ту, встречены только подбои. В других могильниках преобладают катакомбы. Вообще для всей группы в целом количество катакомб относится к количеству подбоев, как 1 : 5.

Так же как для погребений предгорной группы, полного единообразия конструкции катакомб и подбоев не наблюдается. В Алайской долине дромосы узкие, прямоугольные, ориентированные с севера на юг или с северо-запада на юго-восток. У них вертикальные стенки и дно, имеющее ступеньку или небольшой наклон в сторону подбоя. Подбои вырублены в западных или юго-западных стенках во всю длину дромоса. Все подбои отделялись от дромосов жердями или каменными плитками, поставленными на ребро, и оставались свободными от засыпи. Дромосы же засыпались землей или закладывались крупными камнями.

В тянь-шаньских могилах 8 из 15 дромосов совершенно аналогичны алайским. Однако ориентировка могил только в одном случае совпадает с распространенной в Алае (с севера на юг), а в 7 случаях дромосы ориентированы с запада на восток, и подбои вырублены в северных стенках. В 4 могилах дромосы представляют собой почти квадратные колодцы с вертикальными стенками — форма, не встречающаяся в других районах. Две могилы имеют дромосы, сходные с дромосами ташкентских катакомб. В одной из них (курган № 7 Кызартского могильника) дромос подводит не к середине длинной стороны камеры, а к ее восточному краю, как в катакомбах, раскопанных Н. П. Остроумовым под Ташкентом.

В целом подбойные погребения горной группы сходны с сарматскими и с подбойными погребениями предгорной группы. Типичным только для Тянь-Шаня следует признать широкое распространение подбоев в северной стенке дромоса. Катакомбные же могилы Тянь-Шаня аналогичны ташкентским и ферганским.

Положение костяков во всех могилах горной группы единообразно: они лежат на спине, с вытянутыми вдоль позвоночника руками, так же как в могилах предгорной группы или в сарматских. Ориентировка костяков различна: на север, северо-запад, запад, реже на восток. В горных районах преобладают одиночные трупоположения. Только в 4 случаях погребения групповые, по два и по три костяка. Так же как и в предгорьях, погребение производилось в деревянных гробах, на цыновках или в плетенках.

Общий характер и принцип размещения инвентаря для всей группы довольно единообразны и в общих чертах сходны с характером и принципом размещения инвентаря в могилах предгорной группы, но изделия по своему облику несколько отличны. В ногах и у головы помещались глиняные горшки, деревянные миски или блюда на ножках; иногда около них были кости барана. Как и в погребениях предгорной группы, покойников клали одетыми в повседневное или праздничное платье и с повсед-

[1] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 191, рис. 76, *з*, *д*, *е*. В 1953 г. плоские квадратные каменные выкладки над катакомбными погребениями были зарегистрированы А. К. Кибировым на Тянь-Шане у г. Нарына.

невными или праздничными украшениями (серьги, кольца, бусы). Предметы вооружения (лук, стрелы) клали только с умершими мужчинами. Следует отметить бедность инвентаря погребений горной группы по сравнению с предгорной и отсутствие некоторых категорий вещей, например мечей, конских удил и миниатюрных глиняных горшочков.

Керамика подбойных и катакомбных погребений горной группы своеобразна и не похожа на керамику Ферганы и Ташкента. Наиболее характерны плоскодонные горшки с широким устьем и слегка округлым корпусом, вылепленные из грубого черного глиняного теста и иногда имеющие петлеобразные ручки. Такого рода горшки в памятниках первых веков нашей эры вне Тянь-Шаня встречаются редко: один известен из раскопок Гейкеля в Таласской долине [1] и два-три — из второго слоя Каунчи [2]. Возможно, что такого рода горшки родственны некоторым нижневолжским [3].

Другой тип сосудов, характерный для Тянь-Шаня,— вылепленные на матерчатом шаблоне кувшинчики с шаровидным корпусом и узкой, расширяющейся кверху горловиной. По форме и технике изготовления они напоминают усуньскую посуду Чуйской долины и посуду из некоторых некатакомбных погребений Тянь-Шаня, относящихся к усуньскому времени, т. е. генетически связаны с керамикой коренного тянь-шаньского населения.

Эти два типа сосудов — плоскодонные грубые горшки и круглодонные кувшинчики — можно лишь условно признать типичными для Тянь-Шаня ввиду того, что их найдено менее 10 штук в 4 могильниках, в которых из более чем двухсот курганов раскопано менее двух десятков. Таким образом, керамика подбойных и катакомбных погребений горных районов, так же как и основная масса погребенного инвентаря подбоев и катакомб предгорий, связывается с местным и сарматским материалом.

Из деревянных изделий в погребениях горной группы сохранились открытые миски и блюда на невысоких ножках, аналогичные ферганским и таласским. Предметы вооружения представлены одним крупным железным трехгранным черешковым наконечником стрелы, черешками от еще более крупных, тоже железных наконечников, о форме которых ничего определенного сказать нельзя, очень плохо сохранившимся кинжалом и костяными накладками от сложного лука, концевыми и срединными, похожими на накладки из катакомбных захоронений других районов.

От одежды осталось слишком мало, чтобы ее можно было реконструировать: несколько мелких колечек и пряжка с овальной рамкой и подвижным хоботковидным язычком, сходная с аналогичными изделиями из степных памятников Евразии 2-й четверти I тысячелетия н. э. Далеко идущие выводы на основании этого материала делать преждевременно.

Немного богаче представлены украшения и предметы туалета: сдвоенные бусы с подглазурной позолотой и призматические граненые, аналогичные бусам из других среднеазиатских подбойных и катакомбных могил и из нижневолжских сарматских [4]; подвеска с полым шариком, колечко с зернью и небольшой медальон с вставным стеклом относятся к той категории предметов, которые были распространены в Северном Причер-

---

[1] H. Heikel. Указ. соч., табл. V, *1*.

[2] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, сравнительная таблица.

[3] И. В. Синицын. Археологические раскопки . . , рис. 64 и табл. I, *1*.

[4] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, стр. 25; И. В. Синицын. Археологические раскопки..., стр. 54, рис. 28; P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, курганы A5, 22B.

номорье[1]. Каменный заостренный стерженек из подбоя в Кызыл-ту, возможно, является инструментом, аналогичным косметическим стерженькам Ферганы и Ташкента[2]. Он находит также параллель в каменном заостренном стерженьке Дараут-Курганского могильника, относящегося ко 2-й половине I тысячелетия до н. э. и увязывающегося с соседним долго существовавшим селищем[3]. В нескольких могилах найдены мраморные пряслица или амулеты, аналогичные кенкольским. Глиняное биконическое пряслице из Алая — ферганского типа, тянь-шаньские же цилиндрические скорее сходны с ранними ташкентскими[4].

Инвентарь подбойных и катакомбных захоронений горных и предгорных районов обнаруживает родство с материалом местных памятников, принадлежность большинства которых коренному среднеазиатскому населению бесспорна. Связь подбойных и катакомбных погребений горных районов Средней Азии с древними памятниками коренного населения удается также проследить по данным, относящимся к устройству надмогильных сооружений. Помимо того, что насыпи над подбойными и катакомбными могилами Тянь-Шаня и Алая обнаруживают сходство с насыпями подбоев и катакомб предгорий, как об этом сказано выше, они также некоторыми элементами сходны с надмогильными сооружениями коренного местного населения. Так, наличие кромлехов в насыпях связывает подбойные и катакомбные погребения Тянь-Шаня с сакскими могильниками. Плоские квадратные каменные выкладки Маашинского могильника связываются с квадратными каменными выкладками могильника у Дараут-Кургана, датируемого 2-й половиной I тысячелетия до н. э., а также с надмогильными сооружениями могильника в урочище Кызыл-Курган[5], как и Дараут-Курганский, связанного с соседним селищем, которое существовало с начала I тысячелетия до н. э. по первые века нашей эры[6]. Маашинские выкладки копируют дараутские и кызыл-курганские, и их следует признать формой надмогильных сооружений, восходящей к ранним местным образцам. Связывать каменные выкладки Алайской долины с надмогильными сооружениями Ильмовой Пади в Забайкалье нет достаточных оснований ввиду географической отдаленности этих последних и серьезного отличия других археологических категорий[7].

Таким образом, несмотря на отмеченное нами своеобразие, горная группа подбойных и катакомбных захоронений Средней Азии связывается с предгорной не только сходством некоторых археологических категорий, не только общим для обеих групп сходством с сарматской культурой, но и общими корнями происхождения от культуры более древнего коренного местного населения, а также и тем, что она не обнаруживает какого-либо органического сходства с восточными или центральноазиатскими культурами. Во всяком случае, в подбойных и катакомбных погребениях Тянь-Шаня и Алая не обнаружено достаточного количества бытовых предметов или данных, относящихся к ритуалу, которые имели бы восточный облик и происхождение. На основании археологического материала какой-

---

[1] А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 115—126.

[2] Н. Н. Ершов. О каменных палочках из могильников, стр. 27—32.

[3] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 196.

[4] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, сравнительная таблица.

[5] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 195.

[6] Там же, стр. 197, 198.

[7] Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой Пади. СА, VIII, 1946.

либо органической связи культуры подбойных и катакомбных погребений горной группы, так же как подбоев и катакомб предгорий, с культурой хуннских племен установить нельзя.

Этот материал дает возможность сформулировать следующие выводы:

1. Основная масса инвентаря подбойных и катакомбных погребений Средней Азии сходна с инвентарем синхронных им памятников коренного местного населения.

2. Ведущие формы керамики подбойных и катакомбных захоронений генетически связаны с древней местной керамикой.

3. Материал подбойных и катакомбных захоронений, взятый в целом, обнаруживает некоторое общее сходство и сходство по отдельным элементам с материалом сарматских памятников.

4. Каких-либо органических связей культуры подбойных и катакомбных захоронений Средней Азии с культурой хуннских племен на основании археологического материала не прослеживается.

Вместе с тем следует отметить, что культура среднеазиатских подбойных и катакомбных погребений первых веков нашей эры является самобытной и нет основания связывать ее происхождение с вторжением или проникновением в Среднюю Азию чужеземных племен или считать, что ее облик оформился в результате чужеземных влияний.

Действительно, в качестве аргументов в пользу предположения, что культура эта возникла в результате внешнего воздействия, можно было бы привести следующие соображения: во-первых, подбойные и катакомбные погребения конца I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры по формальным признакам не связываются с более древними местными; во-вторых, в некоторых из них встречено много вещей иноземного происхождения: восточных — главным образом китайских — и западных — сарматских; в-третьих, их инвентарь находит себе лишь отдельные параллели в инвентаре более древних погребений и поселений той же территории и в целом на него не похож; в-четвертых, в значительном количестве случаев погребенные в подбоях и катакомбах в антропологическом отношении отличаются от древнего коренного населения Средней Азии монголоидными примесями.

Основываясь на этих аргументах и на сведениях, взятых из китайских летописей, А. Н. Бернштам сделал заключение, что подбойные и катакомбные погребения Средней Азии являются памятниками, которые обязаны своим происхождением проникновению на территорию Средней Азии хуннов, т. е. чуждого ей народа, носителя чуждой культуры; что волна этой чуждой культуры, как показывает широкое распространение могильников с подбойными и катакомбными погребениями, постепенно с северо-востока разлилась по всему Тянь-Шаню, Фергане, Ташкенту и Алаю; что эта пришедшая извне волна внесла серьезные изменения в коренную культуру населения Средней Азии (в частности, послужила причиной появления новой конструкции могил на всей ее территории) и, наконец, что последовательные вторжения хуннских орд существенным образом повлияли на культуру Средней Азии вообще и на много веков определили пути ее формирования и развития[1].

Однако такое решение вопроса не подтверждается даже теми фактами, которые используются самим же А. Н. Бернштамом, не говоря об археологическом материале, разобранном выше. Действительно, если обратиться к тем текстам, взятым из китайских летописей, которые приводит

[1] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, стр. 30, 31; его же. Очерк истории гуннов, стр. 102—117; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 61—72.

А. Н. Бернштам в подтверждение своей точки зрения, то возникает ряд недоумений, достаточных для того, чтобы самым серьезным образом усомниться в правильности хуннской теории происхождения подбойных и катакомбных погребений Средней Азии. А. Н. Бернштам считает, что поход Чжичжы в Кангюй должен быть расценен как «первое массовое проникновение гуннов в Среднюю Азию»[1]. Но ведь из текста летописи, который А. Н. Бернштам не оспаривает, следует, что это был просто бесславный финал западной военной авантюры Чжичжы, а не «массовое проникновение гуннов в Среднюю Азию»!

«Чжичжы в походе потерял много людей, погибших от мороза; только 3000 человек пришли в Кангюй. Впоследствии наместник Гань Янь-шеу и помощник его Чень Тхай пришли в Кангюй с войсками и казнили Чжичжы»[2].

Второе массовое проникновение хуннов в Среднюю Азию А. Н. Бернштам относит к событиям конца I в. н. э. (разгром хуннов сяньбийцами) и в качестве доказательства своего предположения приводит отрывок из китайской летописи, который должен, по его мнению, свидетельствовать о том, что ставка северного хуннского шаньюя находилась в Семиречье[3].

«Оставя обоз у гор Шойе, они (войска Туньтухэ и китайские.— *С. С.*) разделились на две колонны из легкой конницы и пошли вперед двумя дорогами. Левая колонна, на севере минуя западное море, пришла на северную сторону урочища Хэюнь; правая колонна, следуя западною стороною реки Хуннухэ, обогнула Небесные горы [Тянь-шань] и переправилась через реку Ганьвэй на юг. Здесь обе колонны соединились и в ночи окружили северного Шаньюя»[4].

Комментируя это место летописи, А. Н. Бернштам пишет: «В этом весьма интересном отрывке совершенно бесспорно выступает локализация северных гуннов в Семиречье, к северу от Тянь-шаня, ибо западное крыло (ю) войска, идучи от Хуннухэ (очевидно, Орхон), обогнуло Небесные горы (Тянь-шань), т. е. зашло с востока в Семиречье. По дороге они перешли р. Ганьвэй (Енисей)»[5].

А. Н. Бернштам в трактовке отрывка летописи произвольно нарушает последовательность перечисления географических пунктов, которые отмечают путь войск к ставке северного шаньюя. В отрывке сказано совершенно ясно: «Правая колонна... обогнула Небесные горы и переправилась через реку Ганьвэй на юг». Обогнув современный Тянь-Шань, никак нельзя попасть к Енисею и переправиться через реку на юг. Возможно, под Небесными горами в данном случае следует понимать не современный Тянь-Шань, а Саяны, обойдя которые войска Туньтухэ подошли к Енисею с севера и перешли его на юг?[6] Тогда ставку северного шаньюя следует поместить где-то в районе Монгольского Алтая, а не в Семиречье. Свидетельство о походе Туньтухэ не может быть использовано как доказательство массового проникновения хуннов в Среднюю Азию.

В третий раз, по А. Н. Бернштаму, хунны проникают в Среднюю Азию в начале II в. н. э., когда «Хоянь-князь северных хуннов, распространившись между Пху-лэй-хай и Цинь-хай, полновластно управляет За-

[1] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, стр. 31.
[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Указ. соч., т. I, стр. 93.
[3] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, стр. 31; его же. Очерк истории гуннов, стр. 109, 110.
[4] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Указ. соч., т. I, стр. 128.
[5] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, стр. 110.
[6] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Указ. соч., т. III, китайская карта Центральной и Средней Азии времени династии Младшей Хань, 2б, 13.

падным краем»[1]. А. Н. Бернштам считает, что Пху-лэй-хай — это Баркуль, а Цинь-хай — Каспийское море. Даже если допустить это, то все равно приведенный отрывок прямого отношения к Средней Азии не имеет и, во всяком случае, не доказывает, что в начале II в. н. э. хунны в значительном количестве проникали на территорию Средней Азии.

Таким образом, использованные А. Н. Бернштамом отрывки из китайских летописей не могут служить доказательством его точки зрения о массовом проникновении хуннов на территорию Средней Азии.

Сам характер конструкции подбойных и катакомбных захоронений не является хуннским. Такого типа захоронения известны для эпохи бронзы в Причерноморье и на Переднем Востоке, а с конца I тысячелетия до н. э.— только в районе расселения сарматских племен и в Средней Азии, где они распространены от Иссык-Куля до Копет-Дага, представлены значительным числом крупных могильников, т. е. массовым количеством памятников данного типа. В соседних же со Средней Азией восточных странах они пока совершенно неизвестны. Нет их и в коренных хуннских землях.

Наличие в среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронениях восточных вещей, например китайских или восточнотуркестанских шелковых тканей и китайских бронзовых зеркал, ни в коем случае не может служить свидетельством хуннской принадлежности этих захоронений. Китайские вещи проникали на запад с посольствами и путем обычных торговых отношений и были известны в Средней Азии независимо от хуннов и их походов, о чем имеются прямые указания в китайских летописях[2].

Материал подбойных и катакомбных захоронений, взятый в целом, идентичен материалу широкого круга памятников, принадлежащих коренному местному населению Средней Азии. Это сходство, как мы пытались показать выше[3], для подбойных и катакомбных захоронений и синхронных им поселений коренного местного населения устанавливается на массовом материале и является органическим, а не случайным.

Антропологические данные не указывают на вторжение в конце I тысячелетия до н. э. на территорию Средней Азии значительного количества хуннов. В это время население Нижнего Поволжья, Казахстана, среднеазиатского междуречья, Тянь-Шаня и Алая было довольно однообразно в расовом отношении. Оно состояло из представителей европеоидных расовых типов, в громадном большинстве брахикранных, генетически связанных с населением эпохи бронзы тех же областей. Этот тип населения в некоторых районах Средней Азии сохраняется до нашего времени. В начале нашей эры или несколько ранее в местной среде появляется смешанное по типу население, представляющее собой тех же европеоидов, но со слабыми монголоидными чертами, которое могло сложиться только вне Средней Азии и, повидимому, задолго до проникновения на ее территорию. Это население в антропологическом отношении сильно отличается и от центральноазиатских хуннов и от гуннов, проникших в Европу. В Средней Азии оно продержалось сравнительно недолго, постепенно теряя монголоидные черты[4].

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Указ. соч., т. II, стр. 218.

[2] «Даваньский двор имел множество китайских вещей...». Н. Я. Бичурин (Иакинф). Указ. соч., т. II, стр. 162; см. также, т. II, стр. 148, 153—159, 192.

[3] См. также нашу статью «Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы». СА, XX, 1954.

[4] См., например, В. В. Гинзбург. Древние и современные антропологические типы Средней Азии. Труды ИЭ, нов. сер., т. XVI, 1953, стр. 379 — 382; его же.

Таким образом, ни один из аргументов, которые могли бы быть использованы как доказательство правильности выдвинутой А. Н. Бернштамом гипотезы о хуннском происхождении и принадлежности подбойных и катакомбных погребений Средней Азии, в действительности не подтверждает эту гипотезу. Отсутствие же в китайских летописях каких-либо прямых или косвенных указаний на вторжение в Среднюю Азию значительного количества хуннов, при наличии ряда свидетельств, позволяющих с достаточной точностью локализовать места их кочевий вне пределов Средней Азии, заставляет нас признать хуннскую гипотезу происхождения и принадлежности среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений совершенно неправильной, не соответствующей исторической действительности.

Роль создателей культуры подбойных и катакомбных погребений Средней Азии можно было бы приписать сарматам. Некоторые факты могли бы послужить для доказательства такого предположения. Например, единственным районом вне пределов Средней Азии, для которого в конце I тысячелетия до н. э. и в начале нашей эры характерно широкое распространение подбойных могил, являются Прикаспийская низменность и Северное Предкавказье, населенное в то время сарматскими племенами. Сходны и ритуал, и отдельные вещи сарматских и среднеазиатских подбоев. Однако нельзя признать, что культура, представленная среднеазиатскими подбоями и катакомбами, возникла в результате влияния сарматской культуры Нижнего Поволжья.

Прежде всего сарматская культура Нижнего Поволжья представлена погребениями в подбоях и простых или квадратных грунтовых ямах, но не знает погребений в овальных сводчатых камерах, тогда как для интересующей нас средневековой культуры количество погребений в катакомбах и подбоях примерно равное, а погребения в квадратных ямах совершенно неизвестны. Ритуал погребения в сарматских и среднеазиатских захоронениях первых веков нашей эры сходен, но ритуал среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений сходен также с ритуалом захоронений бескурганных могильников земледельческого населения Ферганы. Материал сарматских и среднеазиатских захоронений обнаруживает лишь сходство отдельных предметов или приемов их изготовления. В массе же своей он самобытен для каждого из этих двух районов. Все эти данные не позволяют отождествлять среднеазиатскую культуру подбойных и катакомбных захоронений с культурой сарматских подбоев.

Вопрос о связях сарматского мира со Средней Азией еще совершенно не разработан. Возможно, что в основе сходства среднеазиатского материала первых веков нашей эры с сарматским лежит не переселение сарматских племен в Среднюю Азию. не подавление среднеазиатской культуры культурой сарматской, а, скорее всего, тесный контакт и, возможно, генетическая общность корней происхождения.

Нет никакого основания считать, что культура населения, оставившего подкурганные, подбойные и катакомбные захоронения, является культурой хуннских племен. Если бы не новая, неизвестная ранее в Средней Азии, форма могил, ни у кого не явилось бы сомнения в том, что интересующие нас памятники принадлежат коренному населению Средней Азии. Вопрос о генезисе самой конструкции могил остается пока открытым. Совершенно ясно, что подбойная и катакомбная форма не заимствована у хуннов, вопрос о массовом проникновении которых на территорию

Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным. Труды ИЭ, нов. сер., т. XXI, 1954, стр. 409—411.

Средней Азии в конце I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры вообще должен быть поставлен под сильное сомнение.

Культура подбойных и катакомбных погребений Средней Азии — явление сложного происхождения и характера. Она неразрывно связана с местной коренной земледельческой культурой, но является вместе с тем самобытной культурой предгорного и горного населения, которое вело по преимуществу скотоводческое хозяйство; она сложилась в конце I тысячелетия до н. э. на основе древних местных земледельческой и кочевой культур, впитав в себя элементы культуры народов Поволжья, Центральной Азии и Индии, и в связи с развитием новых форм хозяйства, социальных отношений и идеологических представлений. Ее формирование протекало в условиях передвижения и оседания на землю кочевой части сако-массагетских племен — коренного населения Средней Азии — и активизации отношений с Югом и Юго-Востоком. Но сам механизм формирования культуры нового облика пока остается нераскрытым. Однако генетическая связь ведущих форм керамики подбойных и катакомбных захоронений с древней местной керамикой, сходство основной массы инвентаря подбойных и катакомбных захоронений с инвентарем синхронных им памятников коренного местного населения, отсутствие каких-либо органических связей культуры подбойных катакомбных захоронений Средней Азии с культурой хуннских племен, отсутствие надежных письменных свидетельств о проникновении на территорию Средней Азии хуннов, антропологическая характеристика захороненных в подбоях и катакомбах и конкретные исторические условия, оправдывающие возможность коренных перемен в культуре и идеологии населения Средней Азии независимо от чужеземных вторжений, — все эти данные показывают, что среднеазиатские подбойные катакомбные захоронения конца I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. непосредственного отношения к истории хуннов не имеют и являются памятниками коренного среднеазиатского населения.

Б. Н. АРАКЕЛЯН

РАЗВИТИЕ РЕМЁСЕЛ И ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В АРМЕНИИ В IX—XIII ВЕКАХ

Вопрос о развитии товарного производства при феодализме изучен неудовлетворительно и требует пристального внимания советских медиевистов. Эта проблема должна быть исследована с максимально широким охватом источников. Наряду с историей древней Руси богатый материал по развитию ремёсел, товарного производства и торговли дает также история стран Закавказья и Средней Азии. В настоящей статье приводятся факты из истории армянского народа и делается попытка оценить их с точки зрения развития товарного производства при феодализме.

В Армении города и товарное производство существовали еще при рабовладельческом обществе, но с падением его пали и древние города. В эпоху раннего феодализма — IV—IX вв.— в Армении существовали всего три города, из которых более или менее значительным ремесленно-торговым центром был только Двин; остальные были скорее военно-административными центрами.

В IX—X вв. произошел ряд сдвигов как в сельском хозяйстве и обработке сельскохозяйственных продуктов, так и в ремесленном производстве.

Развитие производительных сил феодального общества привело к углублению общественного разделения труда. При феодализме на более широкой базе, чем при рабовладении, происходило разделение общественного труда, что выразилось в отделении ремесла от земледелия и города от деревни. На этой базе возник и развился феодальный город, ставший центром ремесленного производства и торговли[1].

Отделение ремесла от земледелия и города от деревни в феодальной Армении произошло в IX—XI вв. Источники позволяют установить, что наряду с тремя старыми городами в то время в Армении возникают десятки новых городов.

Некоторые города Армении — Двин, Ани, Карс, Арцн, Карин (Эрзерум), Ерзнка (Арзанджан), Ван, Маназкерт (Мелазгерт), Хлат (Ахлат), Нпркерт (Маяфаркин) и другие — стали крупными центрами производства и торгового обмена. Этому способствовали международная транзитная торговля и местоположение указанных городов на оживленных тор-

[1] Карл Маркс в письме к П. В. Анненкову писал: «Г-н Прудон так далёк от понимания вопроса о разделении труда, что даже не упоминает об отделении города от деревни, которое в Германии, например, происходило в IX—XII столетиях». К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. ОГИЗ, 1948, стр. 25.

говых путях. Большинство же других городов оставалось мелкими и малоразвитыми, с низким уровнем ремесла и торговли; они еще мало отличались от деревни. На сравнительно высокий уровень ремесла и торговли в наиболее развитых городах Армении того времени указывают не только сведения письменных источников, но прежде всего материалы археологических раскопок.

Еще в 1892—1893 гг. и ежегодно, начиная с 1904 г., проводились раскопки столицы царства армянских Багратидов — Ани. Анийская археологическая экспедиция во главе с Н. Я. Марром и при участии И. А. Орбели, архитектора Т. Тораманяна и других ученых вела исследование множества архитектурных сооружений города; была открыта главная улица города, раскопаны отдельные его кварталы; изучались не только собственно город, окруженный мощной стеной, и его цитадель, но и поселение, расположенное за городскими стенами,— пещеры в ущельях, окаймляющих город с двух сторон, и пригороды Ани. Внимание ученых привлек также богатейший эпиграфический материал — сотни надписей на архитектурных памятниках. Результаты раскопок Ани изложены в ряде отчетов и публикациях, среди которых важнейшими являются работа Н. Я. Марра «Ани, книжная история города и раскопки на месте городища» и «Каталог Анийского музея древностей», составленный И. А. Орбели. К сожалению, часть материалов из раскопок Ани вместе с дневниками экспедиции пропала, что значительно затрудняет изучение уцелевшей части материала.

При Советской власти археологические исследования в Армении получили широкий размах. Большая работа ведется и по изучению городов, поселений, замков и отдельных архитектурных памятников Армении.

Существенное значение имеют систематические раскопки одного из крупнейших городов средневековой Армении — Двина, начатые в 1937 г. и ведущиеся ныне Государственным историческим музеем Армении[1].

Для выяснения взаимоотношений и связей феодального города и замка большое значение имели раскопки замка IX—XIII вв. Анберд. Для изучения истории малых городов и поселений городского типа, их производственной жизни и связей с крупными городами важны результаты раскопок средневековых слоев Гарни, являвшегося в средние века большим поселением городского типа. В целом письменные источники и археологические материалы раскрывают довольно яркую картину развития городов и ремёсел в Армении в IX—XIII вв.

Ведущей отраслью в ремесленном производстве была обработка металла. Рамки одной статьи узки для характеристики каждой отрасли ремесленного производства, поэтому мы останавливаемся лишь на некоторых моментах развития этих ремёсел и, в частности, на технических сдвигах производства.

Прежде всего следует отметить, что в Армении издревле добывались разные металлы — медь, железо, свинец, серебро. В средние века с развитием ремёсел добыча металлов значительно расширилась. Этим делом занимались отдельные ремесленники, которые в общем назывались «анкаhатк» (рудокопы), но соответственно специальности по добыче той или иной руды рудокопы имели свое особое название. Наряду с давно существовавшими основными ремеслами металлургов, какими явились кузнечное дело, оружейное дело, обработка меди, ремесло золотых дел мастеров,

[1] Результаты этих работ в Двине изложены в ряде публикаций и исследований, среди которых наиболее полным является труд руководителя Двинской археологической экспедиции К. Г. Кафадаряна «Город Двин и его раскопки». (Ереван, 1952, на арм. яз. с русским резюме).

в IX—XI вв. произошло довольно широкое разветвление основных ремёсел и возник целый ряд других ремёсел по обработке металлов.

В городе Ани отдельно от ряда кузнецов — «дарбнопохоц»[1] существовал ряд подковщиков — «налбндноц»[2]. Самостоятельными ремесленниками были замочники, именовавшиеся «кухпайкарар»[3], ножовщики — «данакагорц» или «данкрар»[4]. Были также инструментальщики и другие ремесленники-специалисты. Наряду с оружейниками существовали ремесленники, изготовлявшие доспехи,— «аспрагорц»[5], или «слеhарар»[6] и мастера, занимавшиеся производством металлических наконечников стрел — «нетрар»[7].

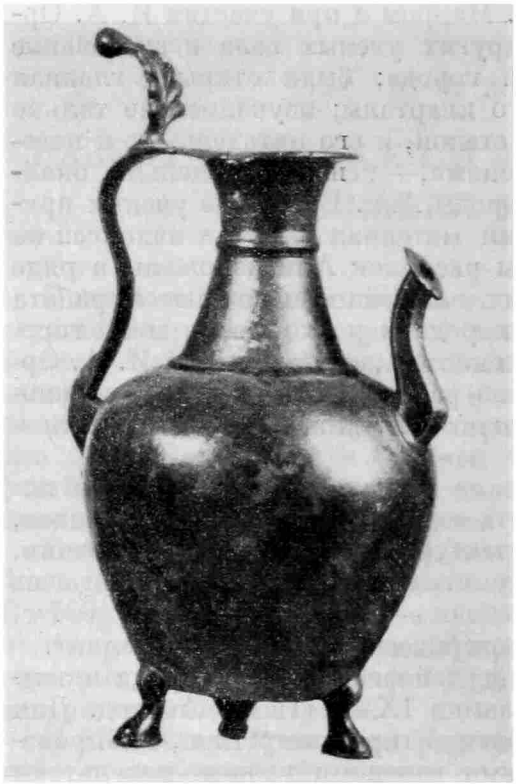


Рис. 1. Бронзовый кувшин, изготовленный с помощью восковой модели. Ани.

Разветвление ремесла медников («пхнцагорцк») шло по двум направлениям — по видам продукции и по основным способам обработки меди. Медник, изготовлявший церковную утварь, именовался «спасарар»[8], а те, которые изготовляли канделябры и люстры, назывались «джаhагорц» или «джаhрар»[9]. Делом самостоятельных специалистов было также производство котлов, медных украшений и других изделий из меди. Литейщики отличались от тех мастеров, которые обрабатывали медь ковкой и чеканкой. От медников отделились и лудильщики. Приобрели самостоятельность ремёсла золотых и серебряных дел мастеров.

Техника производства и отделка металлических изделий заметно приспособлялись к требованиям товарного производства. Более широко применялись такие технические способы, при которых можно производить большое количество предметов. Техника литья предметов по восковой модели (рис. 1) использовалась чрезвычайно редко и только при изготов-

[1] Летопись на камнях. Собрание-указатель армянских надписей. Составил К. Костанянц. СПб., 1913, стр. 241.

[2] Там же, стр. 78, в надписи 1234 г. под буквой «е».

[3] Рукопись Матенадарана (Государственное хранилище рукописей в Ереване) № 695, стр. 220а. Рукопись эта известна под названием «Анийского сонника». В 1222 г. «Сонник» был переведен с арабского языка на армянский двумя жителями г. Ани в свободном переводе. В «Соннике», возникшем в городской среде и отражающем городской быт, перечисляется много ремёсел. В рукописи приведены армянские названия ремёсел, развитых в Ани и других городах Армении.

[4] Памятные записи армянских рукописей XIV в. Составил Л. С. Хачикян. Ереван, 1950, стр. 363, 366, 370.

[5] Там же, стр. 330.

[6] Рукопись Матенадарана № 695 (Анийский сонник), стр. 219б.

[7] Там же, стр. 219б.

[8] Там же, стр. 220а.

[9] Там же, стр. 220б.

лении предметов по заказу. Литейщики, применяя литье в твердых и мягких формах, стали весьма часто употреблять деревянные модели для многократного литья сложных предметов. Во избежание стандартности изделия дополнительно обрабатывались: например, на них наносились разные орнаменты резцом и чеканом. Таковы, например, лампады, найденные в Ани (рис. 2). Но это не давало изменения в основных формах и крупных деталях, для чего применялся иной способ. На деревянную основу

Рис. 2. Бронзовая литая лампада, дополнительно украшенная гравировкой. Ани.

модели накладывали восковые фигуры и другие детали, вылитые в деревянных формах. Имея большой набор деревянных форм, мастер-литейщик был в состоянии создать значительное разнообразие, что, как справедливо замечает академик И. А. Орбели, «особенно характерно для эпохи усиления городского ремесленного производства и выхода производства из мастерской, обслуживающей определенного заказчика»[1]. С помощью накладывания дополнительных форм или фигур изготовлены большой котел с армянской надписью 1232 г. на борту (рис. 3), грузинская лампада, найденная в Хлате, на северном берегу Ванского озера, и ширванский водолей 1206 г.[2] Весьма широко применялись ковка и чекан, иногда с дополнительным украшением предметов гравировкой (рис. 4).

У золотых и серебряных дел мастеров и медников, изготовлявших художественные изделия, штамповка была одним из основных методов производства.

---

[1] И. Орбели. Грузинская лампада с арабскими надписями. «Памятники эпохи Руставели», изд. Государственного Эрмитажа. Л., 1938, стр. 286.

[2] М. М. Дьяконов. Ширванский бронзовый водолей 1206 г. Там же, стр. 219.

Имеется основание полагать, что мастера Армении и всего Закавказья с древнейших времен производили чаши, ведерки и сходные с ними предметы особым способом, при котором тонкий лист серебра или золота нагревался и вкладывался в металлическую форму («хштак»), имеющую выем

Рис. 3. Бронзовый литой котел 1232 г. с армянской надписью на борту Вес — около 350 кг. Найден на территории монастыря Агарцин в Армении.

в виде соответствующего предмета; поверх листа или пластинки вставлялась опять металлическая массивная форма («хапшак»), которая полностью заполняла выем нижней формы; ударами молотка по верхней массивной поверхности «хапшака» мастер вгонял серебряную или золотую пластинку в нижнюю форму («хштак»). Несколько раз нагревая пластинку, с помощью ударов по «хапшаку» можно было получить чашу или другой предмет, который отличался от чеканенных предметов тем, что не носил следов молотка и имел матовую поверхность. Эта техника переходила из поколения в поколение, начиная со знаменитых ванских золотых дел мастеров, и сохранилась до нашего времени. Позднее «хштак» и «хапшак» стали называться простые плоские формы, применяемые для штамповки.

От тех же ванских мастеров ведет свое начало и другой старый способ производства мелких предметов и украшений — литье в двустворчатой форме, заполнявшейся специальной мягкой, слегка липкой глиной, в которую вдавливалась модель предмета. Подняв верхнюю створку и удалив модель и снова положив на место створку, мастер через сделанное в глине отверстие вливал расплавленный металл[1]. Этим способом преимущественно изготовлялись украшения из золота, серебра, бронзы, меди, причем можно было отливать и массивные предметы, и полые; в последнем случае отдельно готовились две половинки предмета и затем припаивались друг к другу.

Рис. 4. Кувшин, изготовленный ковкой, из отдельных листов меди, украшенный чеканом и гравировкой. Ани.

Такие технические способы обработки металла или отделки металлических изделий, как ковка, чеканка, гравировка, филигранная работа, припайка зерни, были известны в Армении с древнейших времен и широко применялись в средние века (рис. 5).

Украшение предметов эмалью не достигло в Армении большого развития. В Двине найден металлический пояс XI—XII вв., украшенный выемчатой эмалью, а немногочисленные образцы перегородчатой эмали восходят к XIV—XV вв. Найденный в Двине перстень показывает, что там украшали серебряные предметы чернью. Золотых дел мастера широко применяли позолоту серебряных изделий, что, очевидно, шло навстречу спросу широких кругов населения. В средневековых армянских рукописях сохранился ряд рецептов по изготовлению позолоты.

Угольщики снабжали углем кузнецов, оружейников, медников и других мастеров по обработке металла.

С развитием феодального города сдвиги происходили и в гончарном производстве. Наиболее показательно в этом отношении начавшееся в стране производство поливной керамики, в том числе высокохудожественного фаянса. Раскопки Ани и Двина показывают, что производство поливной керамики началось в период формирования феодального города —

[1] В. Абраамян. Технология в ремесле золотых дел мастеров в древней Армении. ИАН АрмССР, 1952, № 12, стр. 72.

в IX—X вв. и имело с самого начала товарное значение. Правда, вначале оно обслуживало в основном потребности феодальной верхушки (в особенности это относится к фаянсу), но со временем (в XI—XIII вв.) потребителем поливной керамики (не фаянса) стало большинство городского населения.

В условиях сельского поселения посуда отчасти продолжала изготовляться ручным способом, но для городского производства характерен гончарный круг, который в Закавказье известен с древнейших времен.

Рис. Верхняя часть серебряного ларца, изготовленного чеканкой в Сюнике в 1300 г.

Из свидетельства Вартана Анеци, поэта, проживавшего в Ани в конце X в. и начале XI в., видно, что в это время гончарный круг приводился в движение с помощью ремня[1].

Поливная керамика, найденная при раскопках Ани и Двина, весьма многочисленна и очень разнообразна по назначению, формам, отделке. Производство поливной керамики и технические способы ее украшения постепенно приспособлялись к требованиям рынка; это привело к большому разнообразию ассортимента соответственно спросу, вкусу и покупательной способности различных слоев населения. Блюда и чаши большей частью украшались путем соскабливания ангоба на фоне рисунка, гравировки с яркой росписью рисунка цветными глазурями[2] (рис. 6 и 7). Фаянсовые изделия украшались гравировкой, штампом и ажурным орнаментом, полученным заполнением сквозных отверстий на черепке прозрачной глазурью (рис. 8 и 9).

[1] Рукопись Матенадарана № 7085, стр. 20.

[2] Поливная керамика средневековой Армении в частности Двина, изучена знатоком ближневосточной керамики Б. А. Шелковниковым. См. его работы: Керамика и стекло из раскопок г. Двина. Труды Гос. исторического музея Армении, т. IV, 1952; Художественная керамика двинских раскопок. Известия АрмФАН, 1940, № 4—5; Художественная керамическая промышленность средневековой Армении. Известия АрмФАН, 1942, № 3—4.

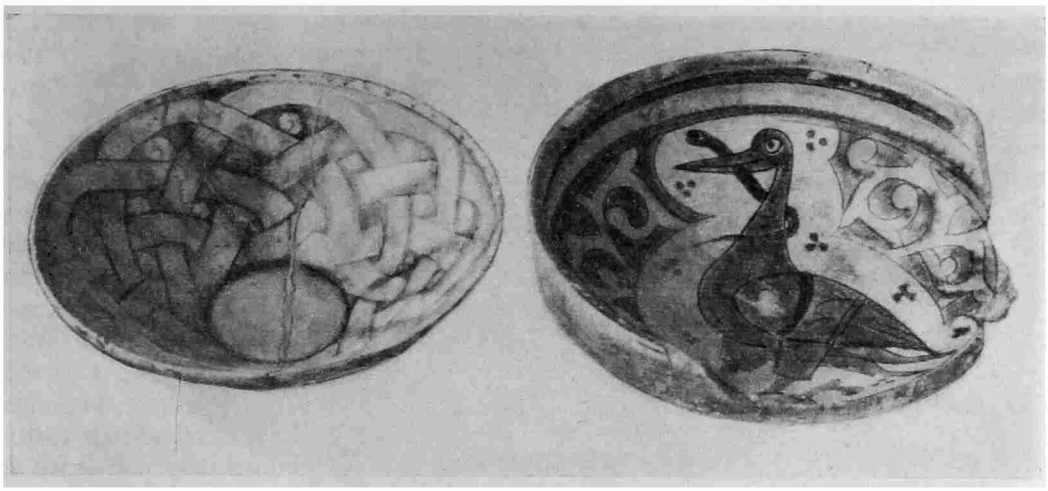


Рис. 6. Поливные чаши. Левая украшена с помощью соскабливания ангоба на фоне рисунка; правая украшена разноцветной поливой. Легкой гравировкой указаны контуры рисунка. Двин.

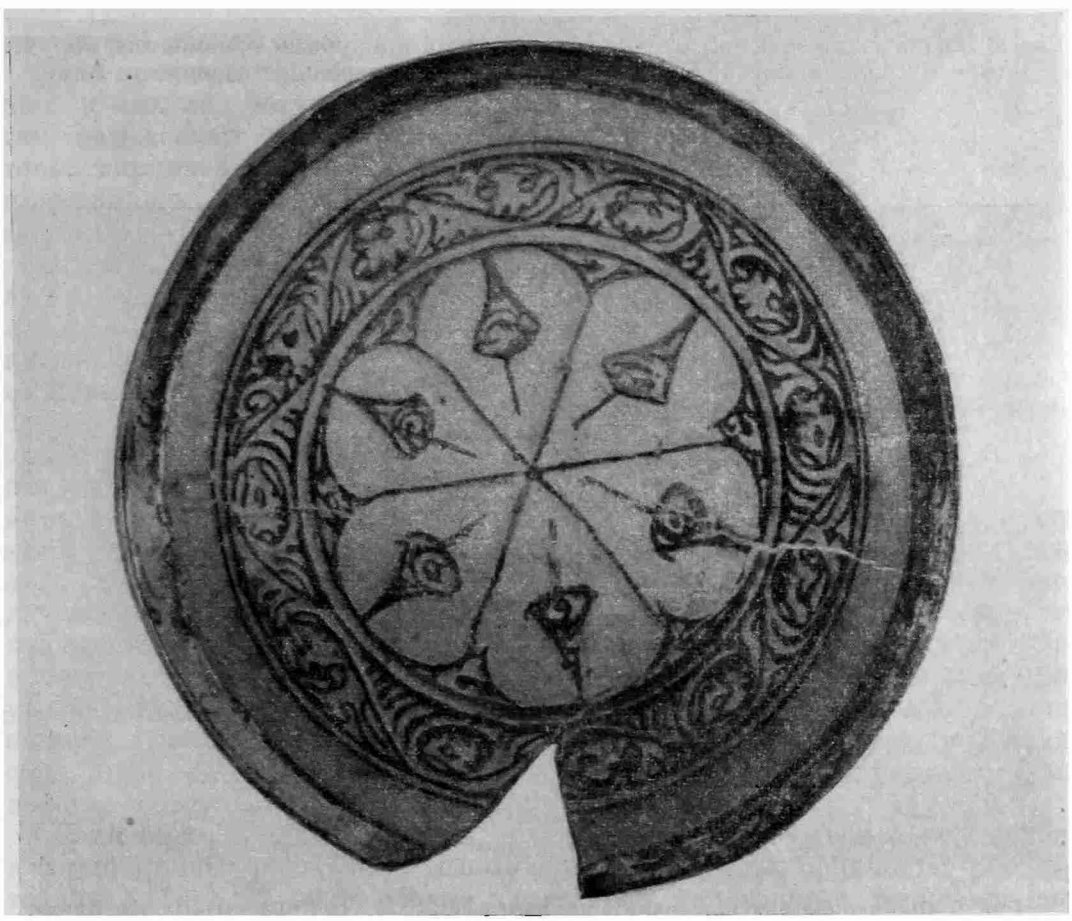


Рис. 7. Поливная чаша, украшенная путем гравировки и соскабливания ангоба на фоне орнамента. Двин.

Рис 8 Фаянсовая чаша, украшенная гравировкой и ажурным орнаментом, полученным путем заполнения сквозных отверстий прозрачной глазурью. Ани.

Рис. 9 Фаянсовое блюдо с гравированным сфинксом. Полива — голубого цвета. Двин.

Некоторые изменения наблюдаются и в производстве неполивной керамики. Если для украшения обычной неполивной керамики IX—X вв. была характерна гравировка по поверхности изделия до его обжига, то в XII—XIII вв. появилась и стала преобладающей штамповка по сырой мягкой глине с помощью различных цилиндрических и круглых штампов и печатей, содержавших орнаменты и изображения; сочетание таких штампов придавало сосудам разнообразие художественной отделки (рис. 10 и 11). Применялись также обручевидные штампы, которые надевались на корпус изделий и таким путем оттискивались на них. Эта техника характерна для Ани, хотя несколько предметов встречено и в Двине (рис. 12). С помощью таких штампов украшены сфероконические (условно называемые ртутными) сосуды Ани.

Рис. 10. Глиняный краснолощеный сосуд (карас) с орнаментом, сделанным круглым штампом. Ани.

Для производства обычных и мелких фигурных, так называемых терракотовых кирпичей и изразцов применялись различные формы.

Производство стеклянных изделий в Армении началось еще в первые века нашей эры, о чем говорят не только стеклянные сосуды из раскопок Вагаршапата и Гарни, но и письменные свидетельства автора V в. Агафангела[1]. С развитием феодального города и товарного производства началось массовое изготовление стеклянных изделий. Увеличение потребности в сырье вызвало необходимость законодательства, которое должно было упорядочить пользование соответствующими источниками сырья. Армянский законодатель Мхитар Гош, живший во 2-й половине XII в. и начале XIII в., в своём «Судебнике» устанавливает, что вместе с металлами и другими полезными ископаемыми князьям принадлежат также находящиеся в их владениях соль, бура, нефть, черная смола и стекло[2], т. е. сырье для производства стекла.

Если ранние образцы стекла, найденные в Ани и Двине, изготовлены в форме и имеют рельефные, резные или выскобленные орнаменты (рис. 13), то для XII—XIII вв. особенно характерны наложенные расплавленным стеклом жгутики в виде геометрического орнамента и другие накладные фигуры (рис. 14). Стеклянные изделия в слоях XI—XIII вв. встречаются

[1] Агафангел. История Армении. Тифлис, 1909, стр. 85, 86.
[2] Армянский судебник Мхитара Гоша. Ереван, 1954, стр. 153.

очень часто; наблюдается большое разнообразие сосудов, их формы, качества и способов украшения.

Значительный интерес представляют стеклянные браслеты. Наиболее ранние их экземпляры в Закавказье найдены в катакомбных погребениях Мингечаура VI—VII вв., но они пока единичны. В средневековых городах Армении — Ани, Двине, Гарни — в слоях IX—X вв. стеклянные браслеты еще немногочисленны (они большей частью выполнены из высококачественного стекла и смальты), зато в XII—XIII вв. количество находок стеклянных браслетов резко увеличивается, причем смальтовые встречаются реже. Цвет, форма и качество браслетов очень разнообразны, хотя подавляющее большинство их — это весьма простые и, очевидно, дешевые браслеты (рис. 15).

Рис. 11. Глиняный краснолощеный сосуд (карас) с орнаментальным поясом, сделанным цилиндрическим штампом. Ани.

Любопытно, что выделившейся специальностью стало даже изготовление бус, преимущественно из стекла, о чем свидетельствует анийская рукопись 1222 г.[1]. В другой же рукописи описан способ изготовления искусственного жемчуга[2].

Высокого развития в средневековой Армении достигли ремёсла строительных мастеров — каменщиков, создавших сотни замечательных архитектурных памятников, благодаря которым Армения издревле славилась как страна зодчих. Каменщики по-старому продолжали называться «каргорц», но существовали также термины, обозначавшие отдельные специальности каменщиков. Каменщики, заготовлявшие строительный камень в каменоломнях, именовались «карhатк»[3]. В окрестностях городов существовали каменоломни, которые в XII—XIII вв. переходили в руки городских богачей — мецатунов — и приносили им значительные доходы в виде десятины. Анийские каменоломни упомянуты в числе даров крупного богача Тиграна Оненца построенной в 1215 г. на его средства церкви св. Григория[4]. Каменщики, занимавшиеся теской строительного камня, именовались «карташ». Кладка стен производилась мастерами «вормнадирами». Особыми специальностями были кладка каменных, кирпичных и глинобитных стен.

Кроме того, из камня в Армении изготовлялся целый ряд приспособ-

[1] Рукопись Матенадарана № 695, стр. 222.
[2] Рукопись Матенадарана № 3904, стр. 329, 330.
[3] «Карhатк» как самостоятельные ремесленники упомянуты, например, в одной из надписей Агарцинского монастыря.
[4] Летопись на камнях, стр. 58.

лений для мельниц[1], маслобоен[2], водопровода[3] и для различных хозяйственных и бытовых потребностей.

От каменщиков отделились также резчики эпиграфических надписей, именовавшиеся «грич» (писец). В армянских надписях сохранились имена многих писцов X—XIII вв.[4] Из ремесла каменщиков выделилась худо-

Рис. 12. Глиняный кувшин с орнаментом, сделанным обручевидным штампом. Двин.

жественная резьба по камню. В отличие от других каменщиков, резчики-художники назывались «гцох»[5], «казмох» или «казмич»[6]. Резьба по камню в Армении достигла высокого развития. Резчики создали весьма большое количество высокохудожественных, часто виртуозных произведений. Это были не просто ремесленники, а художники, творчество которых до сих пор не утратило своего обаяния (рис. 16, 17 и 18).

[1] Мельницы в средневековой Армении получили весьма широкое применение. В надписях Ани упомянуты десятки мельниц в городе и его окрестностях. В области Ширак сохранились и огромные каменные трубы от мельниц.

[2] По данным Анийской археологической экспедиции, еще при раскопках в Ани были заметны остатки 19 маслобоен. (И. Орбели. Краткий путеводитель по городищу Ани. СПб., 1910; см. список развалин в конце книги).

[3] Торос Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры. Сборник трудов, т. I. Ереван, 1942, стр. 334.

[4] Летопись на камнях, стр. 48, 74 и др.

[5] Там же, стр. 13, в надписи 1012 г.

[6] Там же, стр. 35, 69.

Со строительством теснейшим образом было связано производство извести, чем занималась особая группа ремесленников, называвшихся «брагорц». Имелись мастера, которые специализировались по художественной отливке гипсовых украшений для внутренней отделки зданий[1] (рис. 19).

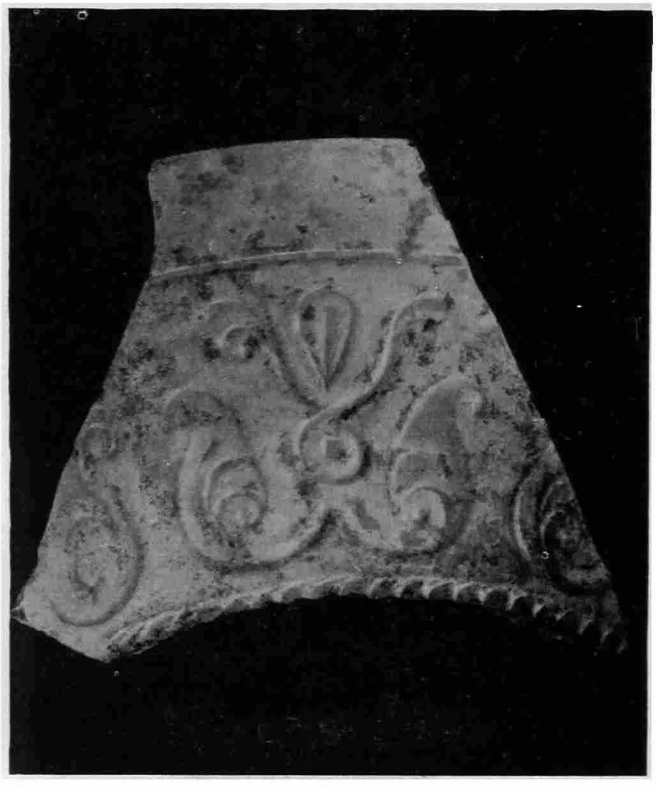


Рис. 13. Стекло с резным орнаментом X в. Двин.

Существовало и ремесло живописное — по росписи стен домов и других построек. Ремесленники-живописцы работали с помощью трафаретов, лучшие же мастера, являвшиеся подлинными художниками, обходились без трафаретов. Интересно, что ремесленники или художники, занимавшиеся росписью стен, именовались общим названием «нкарич» (живописец).

С градостроительством было связано и проведение водопровода, обычно с применением гончарных труб (рис. 20), чем также занимались специалисты-ремесленники.

Несколько ремёсел было связано с обработкой дерева. Письменные источники и археологические материалы показывают, что самостоятельными ремесленниками были заготовители леса («пайтһатк»), пильщики («хзрар»), плотники («атахцагорц»), мебельщики («каһагорц») и другие мастера-деревообделочники. Выделилось также ремесло резьбы по дереву, не говоря уже о художественной резьбе, целый ряд образцов которой также дошел до нас: это резные двери храмов, аналои и другие предметы, воплотившие высокий уровень мастерства средневековых резчиков (рис. 21 и

[1] Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, стр. 302.

22). Были мастера, которые изготовляли предметы домашнего обихода — деревянные ложки, тазы, корыта, чаны и пр. В прибрежных городах и поселениях Ванского, Урмийского и Севанского озер жили плотники, которые специализировались в строительстве кораблей[1]. Указание на разделение труда ремесленников-деревообделочников содержится у автора XI в. Григора Магистроса, который сообщает, что плотники, хорошо владеющие своим ремеслом, не ходят в лес для заготовки дерева, ибо этим занимаются другие, иные распиливают или строгают и только после этого самые искусные мастера с помощью точильного круга и других инструментов изготовляют кресла, сиденья и другие предметы[2].

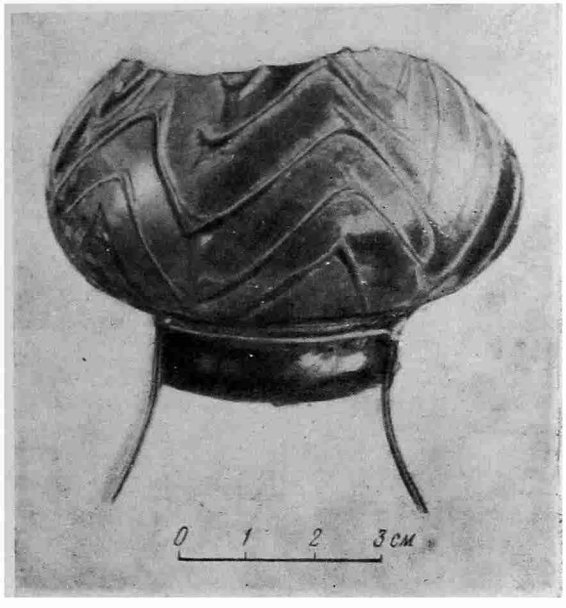


Рис. 14. Стекло с накладным орнаментом XII—XIII вв. Двин.

Одно из первых мест в ремесленном и товарном производстве занимало производство тканей и ковров, о чем много интересных сведений сохранили армянские и арабские источники. Несколько образцов тканей найдено при раскопках и еще больше сохранилось на переплетах рукописей X—XIV вв.

Ткачи Армении производили всевозможные ткани, начиная с самых простых и грубых волосяных и мешочного типа, до тончайших кисейных и высокохудожественных парчевых тканей. Особенно ценились армянские златотканные и цветистые «дипаки», покрывала, шелковые парчевые ткани, крашеные армянской кошенилью, льняные тонкие и цветистые ткани «бозюн» и прочие, которые славились в соседних и отдаленных странах, где были известны под названием армянских тканей. Ибн-Хаукал о Двине пишет: «Выделывают в Дабиле (Двине) пуховые и шерстяные ткани для ковров, подушек, сидений, шнуров и иного рода армянских произведений, окрашенных кирмозом (кошенилью)... В Дабиле выделывается много шелковых одежд. Что же касается до этих последних, то им много подобных в земле Рум (Византия), хотя эти более ценны. А что касается произведений, называемых «армянскими тканями», то это «бутт» (головное покрывало), сиденья, ковры, покрывала, коврики и подушки; нет им подобных среди предметов из конца земли в конец и во всех направлениях»[3].

Подобные сообщения имеются также у других арабских авторов. Для выяснения картины развития товарного производства более важны те изменения, которые происходили в технике производства и окраски

[1] Jacuts Geographisches Wörterbuch. Herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld. Leipzig, 1924, I, стр. 513.

[2] Григор Магистрос. Письма. Александрополь, 1910, стр. 9 (на древнеармянском языке).

[3] Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXVIII. Тифлис, 1908, стр. 92.

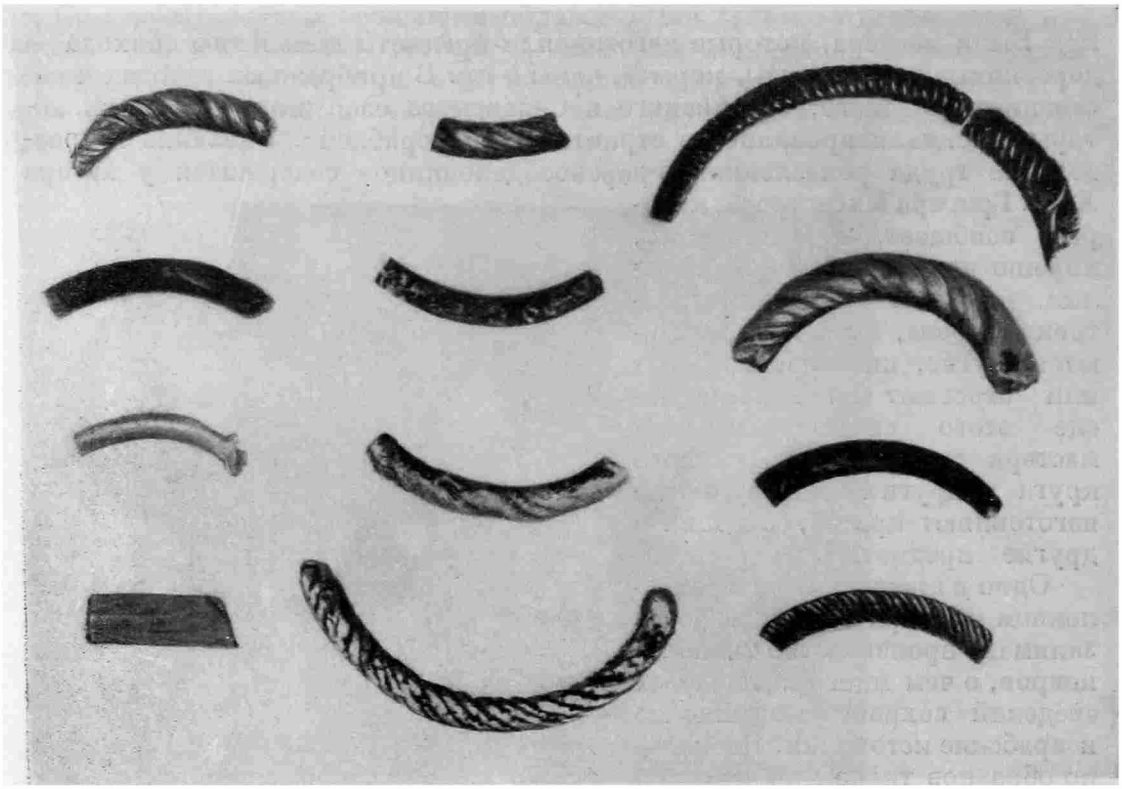


Рис. 15. Стеклянные и смальтовые браслеты. Гарни.

Рис. 16. Барельефы Ахтамарского храма, построенного в 915 г. Часть фриза.

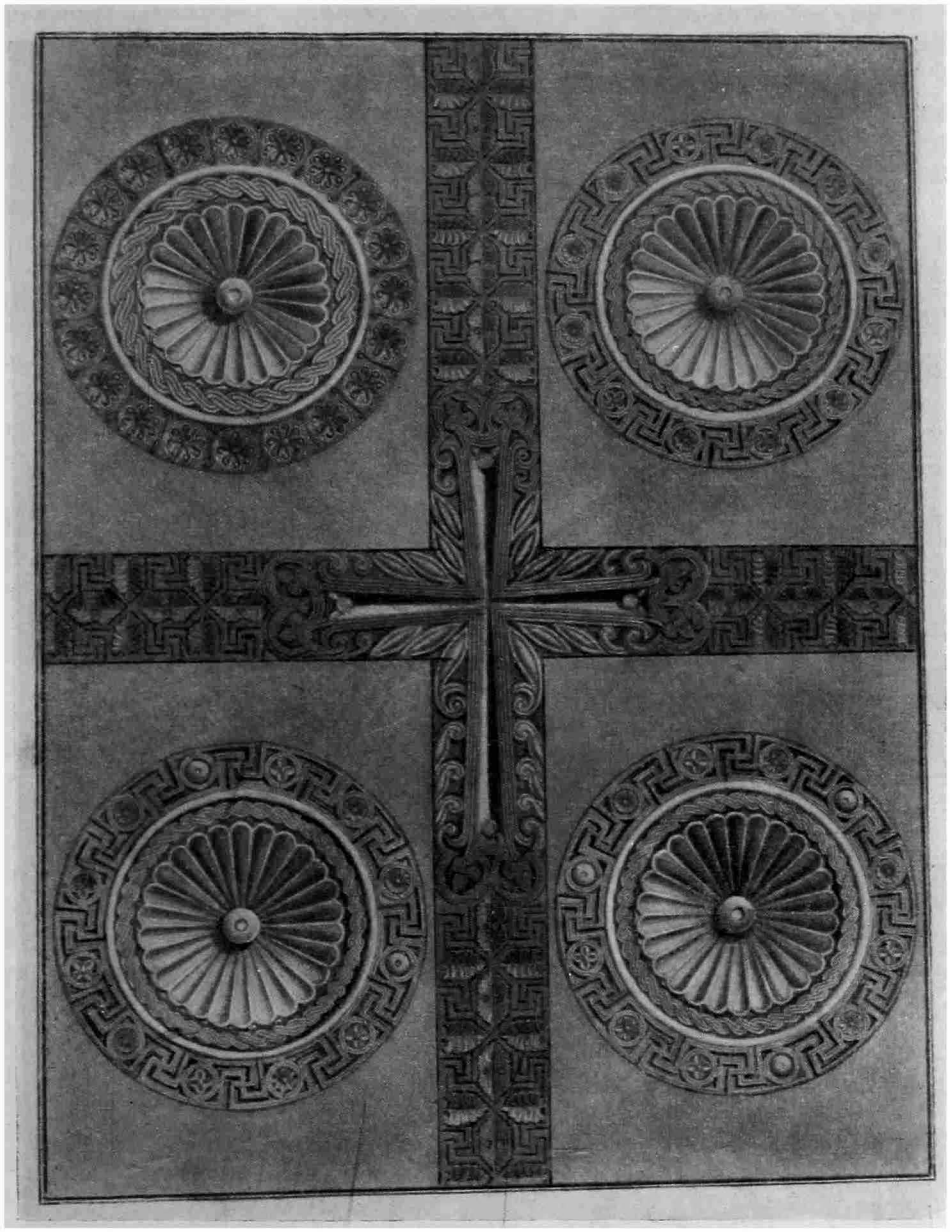


Рис. 17. Деталь плафона притвора храма Оромос близ Ани, построенного в 1038 г. Резьба по камню.

тканей. Об этом говорят уже не письменные источники, а сами ткани, образцы которых дошли до нас.

Исследование показывает, что с развитием товарного производства для обслуживания потребностей не только феодальной верхушки, но и других имущих или среднего достатка слоев населения, наряду с златотканными дипаками стали производить дипаки с окрашенными в цвет золота или серебра нитками. Развитие товарного производства обусловлено было необходимостью удовлетворить спрос самого широкого круга потребителей — городского трудового люда и отчасти крестьянства. Соответственно с покупательной способностью различных слоев населения расширялся

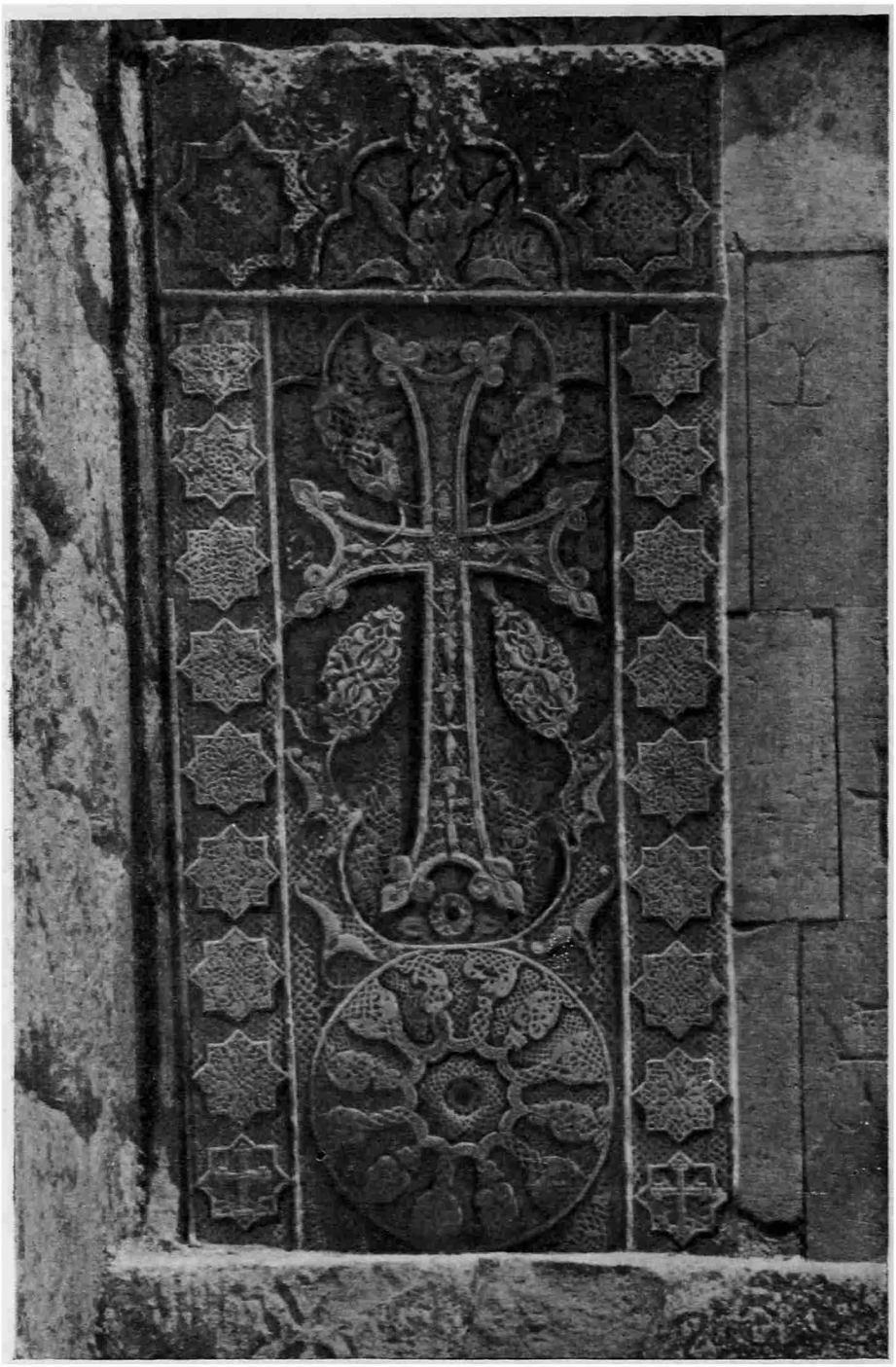


Рис. 18. Хачкар, 1291 г. Резьба по камню. Мастер Погос.

ассортимент тканей. Далее, наряду с высококачественными цветистыми тканями, городские ткачи стали производить доступные массовому покупателю, хотя и неплохо отделанные, ткани, например с разноцветными линиями и полосками, клетчатые и другие (рис. 23, 24 и 25).

Но наиболее характерным для товарного производства средневековой Армении было широкое применение техники набивки при окраске тканей. Применение богатого набора трафаретов для набивки тканей и сочетание разных трафаретов позволяли производить цветистые и весьма разнообразные художественные ткани. Об этом ярко свидетельствуют армянские набойки XII—XIV вв., дошедшие до нас на переплетах рукописей в очень богатом ассортименте. С помощью трафаретов наносились узоры на неокрашенный или светлоокрашенный фон; на других тканях, наоборот, красился фон, а узоры оставались светлыми. Иногда в крупные узоры вкомпоновывали разноцветные мелкие узоры (рис. 26). Изучение набоек позволяет полагать, что для изготовления сложных трафаретов мастера-красильщики обращались к помощи специалистов-художников.

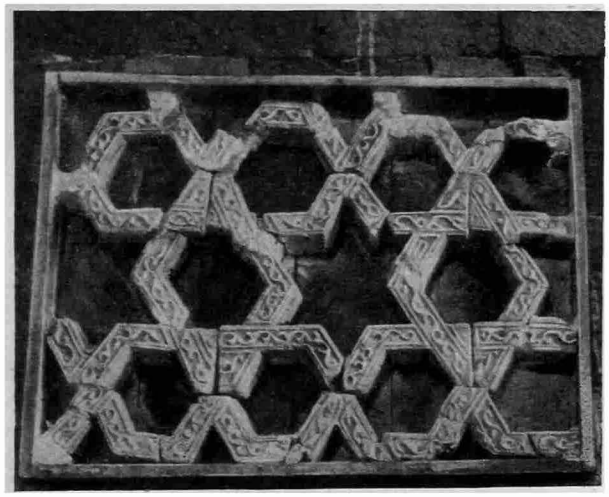


Рис. 19. Лепной гипс для внутренней отделки помещений. Ани.

В средневековой Армении было также развито ковроткачество. При Гарун-ал-Рашиде Армения вместе с другими податями арабскому халифату давала ежегодно 20 ковров[1].

В одном сирийском отрывке сохранились сведения о том, что в 299 (911) г. из Армении халифу Муктадиру было послано 400 коней, 30 тыс. динариев и 7 армянских ковров; один из них имел 60 локтей в длину и в ширину, и над ним работали 10 лет[2].

В 20-х годах X в. Ибн-Фадлан, посетивший страну камских болгар, видел, что на полу шатра их царя были постланы армянские ковры[3]. «Армянские ковры», как они именуются в источниках, доходили до Ирана, Хорасана, Средней Азии и до Кашгара[4]. Наряду с большими коврами известны были также армянские маленькие коврики, которые именовались «тапастак». Я. А. Манандян справедливо указывает, что армянские ковры вместе с армянскими тканями имели экспортное значение[5]. Крашеные кошенилью и другими натуральными красками и отличавшиеся богатством узоров, армянские ковры высоко ценились во многих странах. Отдельные образцы этих ковров дошли до нас. Наиболее старым из них

[1] В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 150.
[2] Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.—Л., 1934, прим. 165,а.
[3] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. И. Ю. Крачковского, 1939, стр. 73.
[4] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 150; Н. А. Караулов. Указ. соч., стр. 19; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М., 1939, стр. 238.
[5] Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении. Ереван, 1930, стр. 162.

Рис. 20. Линия водопровода из гончарных труб на территории города Двин.

является ковер 1202 г. с армянской надписью; по стилю он перекликается с хоранами армянских рукописей того времени[1].

На сбыт среди населения со средним достатком и отчасти среди неимущих рассчитаны были простые ковры, так называемые каперты, войлоки и цыновки.

[1] В. Темурджян. Исторический очерк об армянском ковроткачестве. ИАН АрмССР, 1952, № 11, стр. 109.

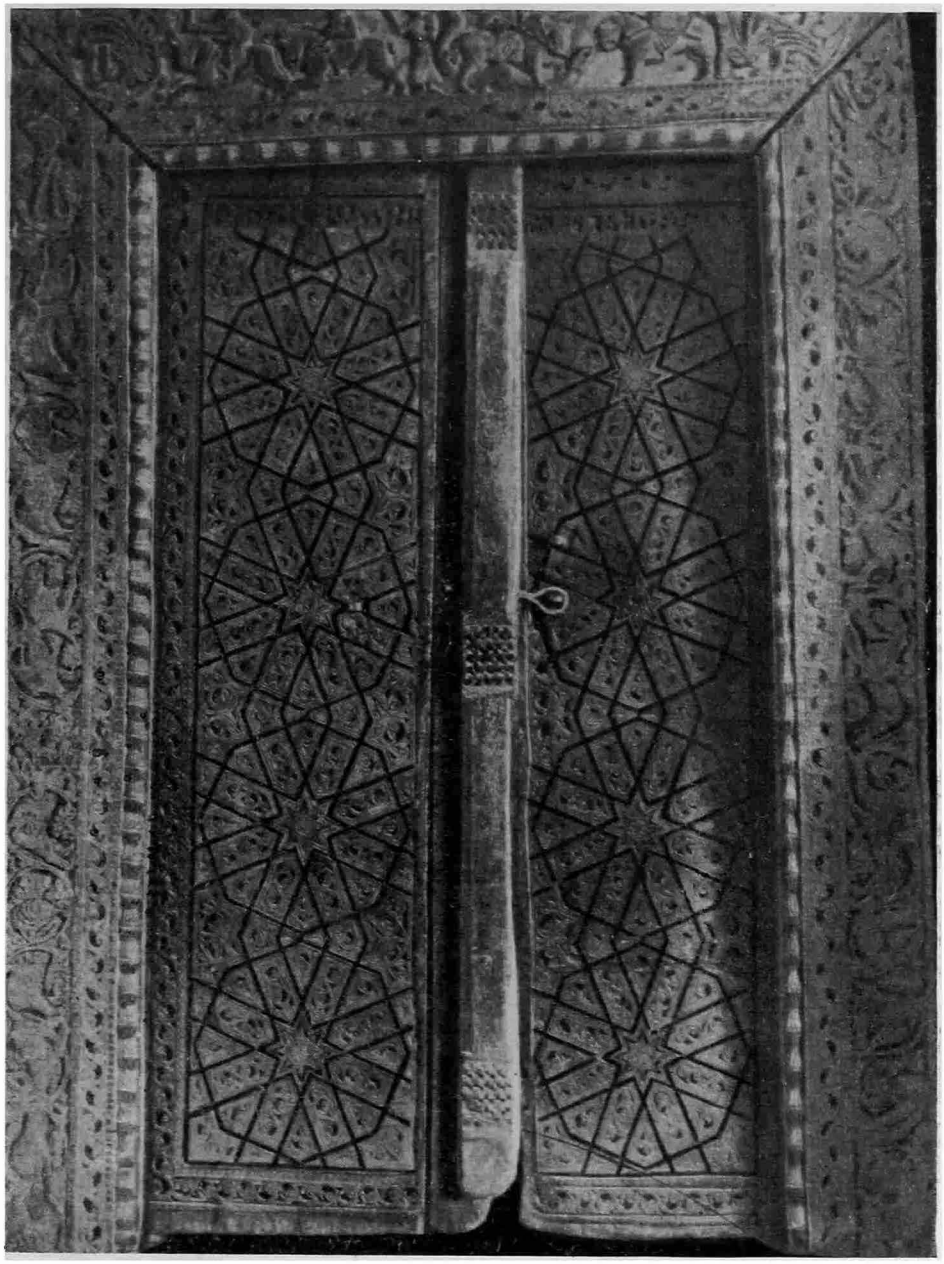


Рис. 21. Дверь церкви апостолов в Муше, 1134 г. Резное дерево.

Ряд ремёсел и специальностей был связан с обработкой кожи. Ремесленник, который занимался очисткой и дублением кожи, именовался «хахакорд». Из письменных источников видно, что для дубления кожи использовались гхтор (чернильный орешек), ахтор (сумах), зеленая скорлупа грецкого ореха и граната и другие вещества. Гхтор (чернильный орешек) собирался и применялся для дубления и изготовления красок и чернил в таких широких масштабах, что Анания Ширакаци его причисляет к природным богатствам страны[1], а Мхитар Гош в свой «Судебник» включает правило, согласно которому при сборе гхтора и другого

[1] А. А б р а а м я н. Научные труды армянского ученого VII в. Анании Ширакаци. Ереван, 1944, стр. 349.

подобного сырья в лесах население должно было платить десятину феодалам, во владениях которых находились леса[1].

Развито было ремесло обувщиков («кошкакарутюн»). Данные языка позволяют полагать, что ассортимент обуви был также очень разнообразным, причем различные прослойки высшего сословия, соответственно этикету, носили различную по форме и окраске обувь. Из надписей Ани известно, что в этом городе существовал ремесленный ряд обувщиков («кошкакароц»)[2]. Ремесленники, изготовлявшие простую обувь, именовались «мучаккар»[3].

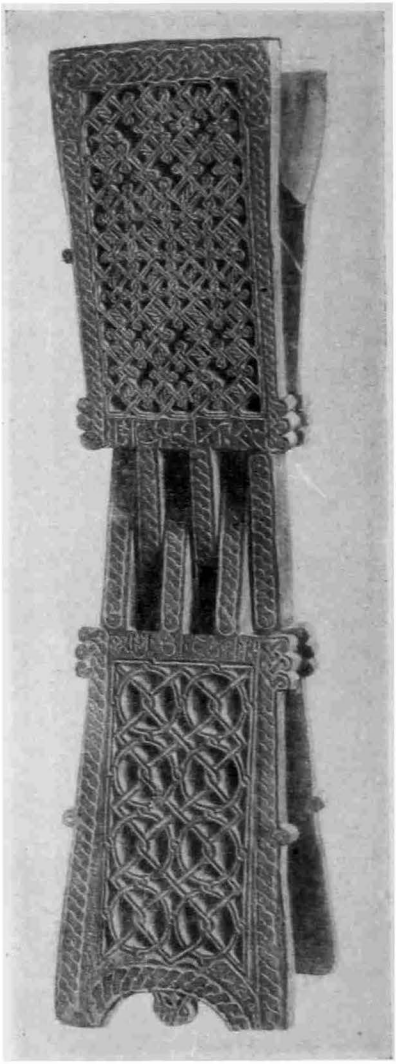


Рис. 22. Аналой, 1161 г. Резное дерево.

Одним из развитых видов ремёсел в средневековых городах Армении было ремесло седельников, что в известной мере было также связано с обработкой кожи.

Вполне отделившимся от кожевенного дела ремеслом являлось изготовление конских уздечек. Мастера, занятые этим делом («лкамарары»), производили ремни, они же отделывали уздечки металлическими и другими украшениями; железные удила получали от кузнецов.

Характерным для средневековья ремеслом было изготовление бечевок из кишек животных. Из таких бечевок прежде всего делались тетивы луков, а также струны некоторых музыкальных инструментов и приспособления для чесания хлопка. В одной из надписей Ани упоминается занимавшийся изготовлением тетивы для лука («ларарар») Саргис, который был довольно имущим человеком и подарил церкви целый дом[4].

Из ремёсел, связанных с обработкой шкур и мехов, больше всего распространено было ремесло шорников, использовавших главным образом овчину. Источники свидетельствуют также об обработке мехов некоторых местных пушных животных, но в основном меха привозились с севера —из древней Руси и от волжских болгар, по морскому пути через Черное море и по сухопутной дороге через Дербент.

В средневековой Армении существовало несколько ремёсел, связанных с письменностью и книгой. До нас дошло около 25 тыс. армянских рукописных книг. Скриптории в X—XIII вв. имелись почти при всех крупных монастырях. Помимо них, в городах и поселениях работало не-

[1] Армянский судебник Мхитара Гоша, стр. 153.
[2] Летопись на камнях, стр. 95.
[3] Рукопись Матенадарана № 695, стр. 220.
[4] Г. Алишан. Ширак. Венеция, 1881, стр. 53.

малое число писцов-миниатюристов и переплетчиков, которые переписывали и украшали книги самостоятельно или временно работали в скрипториях крупных монастырей[1].

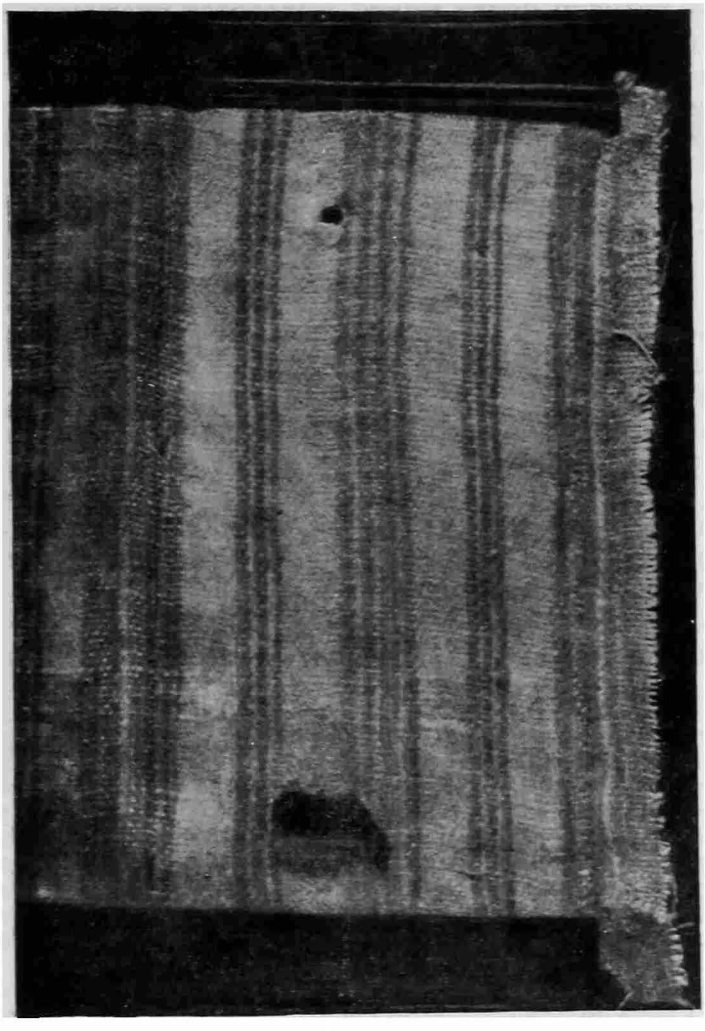


Рис. 23. Льняная ткань, грубая, полосатая.

Наблюдается заметное разделение труда и в области книжной культуры. Прежде всего следует отметить, что в Армении производился пергамент исключительно хорошего качества, «похожий на лепестки лилии», как говорится в самих рукописях. В IX—X вв. производство пергамента расширилось, но все же оно не могло полностью покрыть растущий спрос. Наличие значительного количества древних рукописей, написанных на бумаге, говорит о широком применении этого материала, но нет данных о местном производстве бумаги.

В качестве самостоятельного ремесла существовало производство красок и чернил, отличавшихся высоким качеством и сохранивших свою свежесть как в рукописях X—XIV вв., богато украшенных миниатюрами, так и на тканях, в частности набойках, того времени. Большой известно-

[1] Свидетельства об этом имеются в памятных записях рукописей XI—XIII вв.

стью пользовалась армянская кошениль («вордан кармир» — в армянских источниках, «кирмиз» — в арабских). В средневековых рукописях сохранилось много рецептов по изготовлению различных красок и чернил[1].

С течением времени книга также становится предметом купли и продажи; в соответствии с этим некоторые изменения происходят в самом процессе производства книг. С XII в. книги, написанные крупными уставными буквами («еркатагир»), становятся редкостью и выполняются только по заказу; обычным становится мелкий почерк («болорагир»). Это позволяло значительно экономить пергамент или бумагу, чернила и краски и, что самое главное, сокращало труд мастера-переписчика. Характерно, что в рукописных книгах, выполненных по заказу, почти всегда встречаются памятные записи заказчиков, а в книгах, списанных для продажи, таких записей нет, зато появляются записи покупателей, сделанные ими после приобретения книг.

Кроме писца («грич»), над книгой работали также миниатюрист («цахкох»), переплетчик и другие. В памятных записях ряда книг указывается, что писец и миниатюрист иногда являлись одним и тем же лицом, но часто та и другая работа выполнялась разными мастерами. Иногда в изготовлении книги принимали участие и другие мастера: один занимался золочением книги, другой — корректурой, не говоря уже о тех, которые выполняли вспомогательную работу и упоминаются в памятных записях как помощники писца.

Книги обычно имели кожаные переплеты, в которые часто вставлялись металлические кресты, орнаментированные пластинки. Иногда весь пере-

---

[1] Дошедшие до нас рукописи, содержащие рецепты по изготовлению красок и чернил, списаны с более ранних рукописей в XV—XVI вв. и позднее. Химиком А. Х. Арутюнян собрано и издано 100 рецептов, но неизмеримо большее количество рецептов остается неизданным. Для примера приводим несколько рецептов.

1. «Совет о крашении полотна и шерсти (ниток) в красный цвет.— Одну нуки брни (?), чернильных орешков пятьдесят драм, квасцов двадцать пять драм, марены одну нуки. Чернильные орешки и квасцы толки порознь, сначала размешай в теплой воде чернильные орешки и ткани смочи в этой воде, но воды должно быть столько, чтобы только ткань смочилась и не было бы лишнего, затем повесь на солнце, чтобы высохло. Таким же образом смочи снова в квасцовой воде и высуши на солнце, и когда вывесишь, если это полотно, вывесив, отметь ту сторону, которая обращена к солнцу, чтобы во время крашения эту сторону сделать лицевой. После, как уже высохла квасцовая вода, сполосни водой со всех сторон, бей ткани о камень, промой хорошо и неси и уже покрась в растворе марены, как следует, но сначала кончик материи смой холодной водой, и если цвет поправится, быстро сними, а то потемнеет». (Рукопись Матенадарана № 551, стр. 87, приводится в переводе А. Х. Арутюнян, из ее книги «Краски и чернила по древнеармянским рукописям». Ереван, 1941, стр. 34).

2. «Приготовление киновари.—Возьми две части серы и одну часть ртути. Растирай серу и помести в склянку, налей в нее ртути и смешай чем-нибудь, пока соединятся, и закрой отверстие хасом (материя), поставь на маленький огонь и дай нагреваться, нагрей до покраснения, пока раз закипит, возьми с огня и дай остынуть. Разбей склянки у достань киноварь. Но последи, чтобы не перегреть, чтобы не почернело и чтобы сырым не осталось; для этого склянку помести на горячую золу и внимательно следи,— как только покраснеет, сними». (Рукопись Матенадарана № 7251, стр. 475. Приводится в переводе А. Х. Арутюнян. Указ. соч., стр. 26).

3. «Желтая краска.— Измельчи мелко золотистый мышьяк и смешай с желтым ладаном, размешай с раствором камеди, пиши». (Рукопись Матенадарана № 573, стр. 239а).

4. «Красную краску сделай так: возьми красное вино — три части и марену — две части, смешай, свари, подбавь камедь и пиши». (Рукопись Матенадарана № 573, стр. 239а).

5. «Другая зеленая краска.— Возьми одну часть синьки, подмешай мышьяк, измельчи, растирай с яичными желтками и пиши». (Рукопись Матенадарана № 573, стр. 239б).

плет делался из металла — меди, серебра или золота. Кожаные переплеты всегда украшались геометрическим орнаментом или крестами. На древних переплетах X—XI вв. эти орнаменты выполнены резцом по мягкой коже, причем проводились тысячи мелких линий; это была трудная работа, требующая особого мастерства и много времени. С XII в. переплетчики начали применять тиснение, обычно с помощью набора металлических пунсонов. Изучение орнаментов на переплетах и оттисков пунсонов

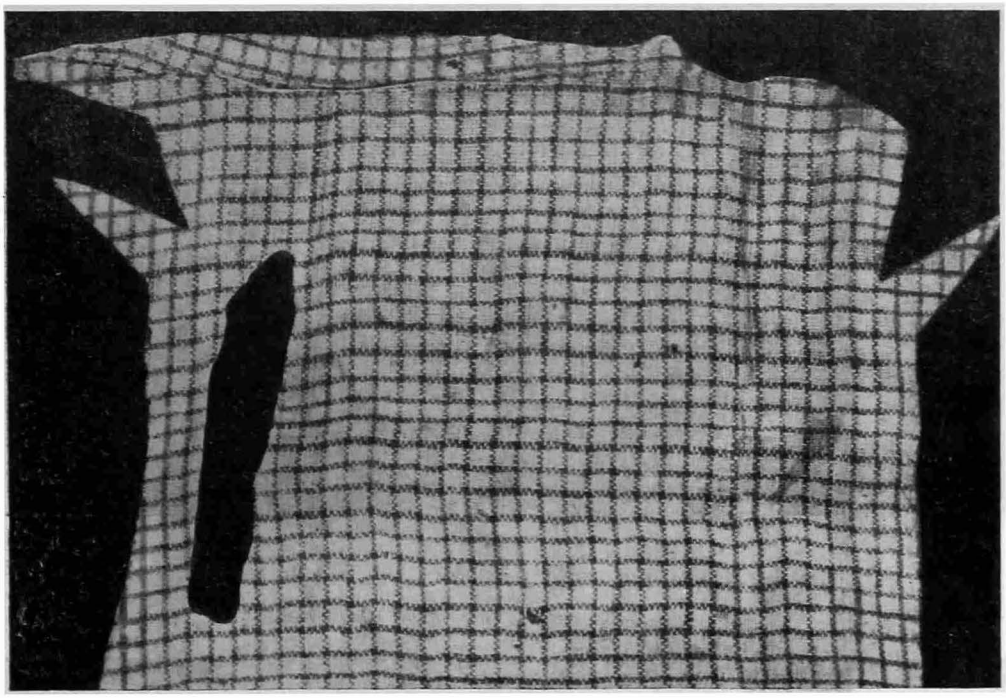


Рис. 24. Льняная ткань, клетчатая.

позволяет установить не только район, но и мастерские (скрипторий), где созданы эти книги, и определить время рукописей (рис. 27 и 28).

В средневековых городах Армении развивались ремёсла, связанные с обработкой кости, изготовлением музыкальных инструментов, производством благовоний, лекарств, добычей соли, буры («борак») и пр.

В XI—XII вв., если не раньше, возникла алхимия, что теснейшим образом связано с развитием ремесла в феодальном обществе, в частности обработки металла. Характерным для алхимиков Армении было то, что они производили ряд сложных металлических сплавов и никогда не отрывались от ремесла.

В алхимических рукописях говорится, что алхимиком может стать тот, кто отлично владеет ремеслом и одновременно является грамотным и знающим человеком. Алхимики говорили, что они стремятся сочетать ум и знание с физическим трудом и облегчить свой труд, получая от него моральное удовлетворение, и, что особенно важно, освободиться от горькой нужды.

Изучение ремёсел в городах Армении в IX—XIII вв. позволяет судить об уровне производства и характере разделения труда в нем. Изучение археологического материала и письменных источников показывает, что

в Армении в IX—XIII вв. существовало более 90 ремёсел, а вместе с узкими специальностями — около 130 ремёсел.

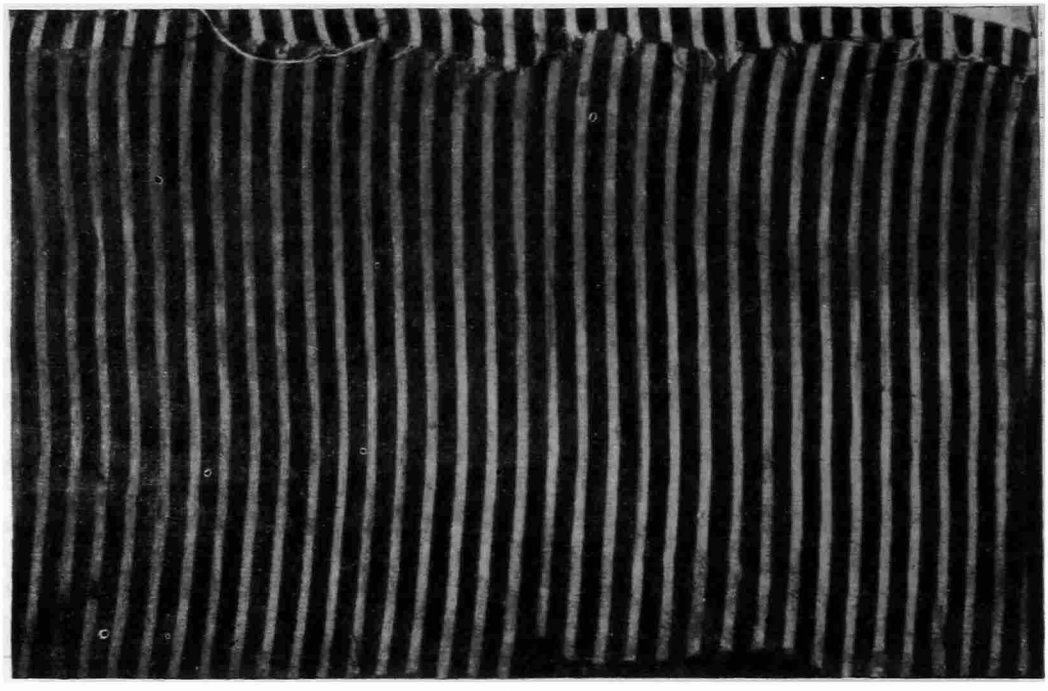


Рис. 25. Хлопчатобумажная ткань, полосатая.

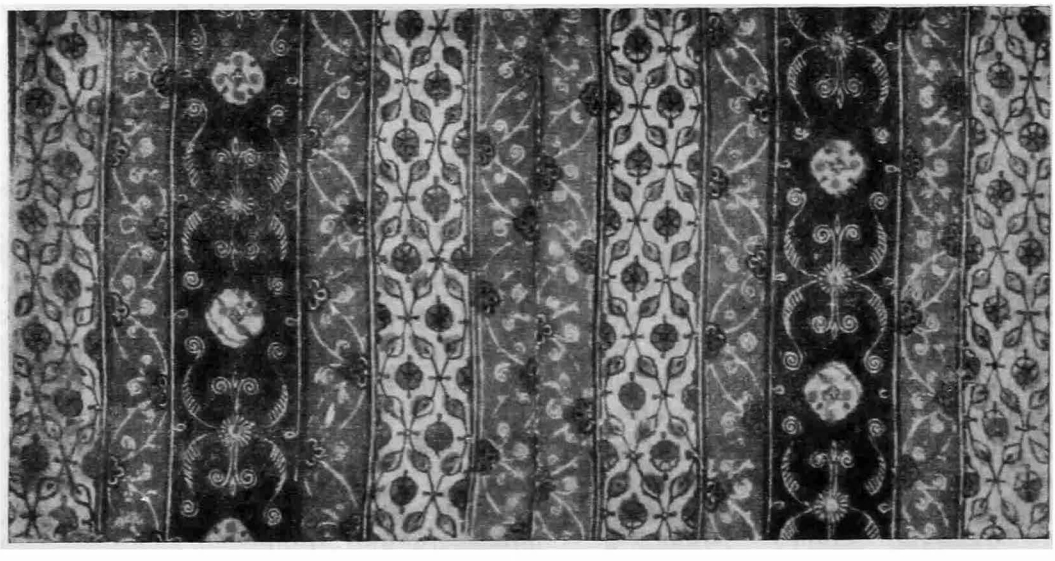


Рис. 26. Набойка из-под переплета рукописи.

Широкое развитие ремесла и возникновение десятка новых ответвлений и специальностей характерно для эпохи расцвета феодального города. Это — разделение труда не вглубь, т. е. внутри мастерской, а вширь, когда разветвленный труд разделяется между цехами, объединяющими ре-

месленников данной отрасли и, таким образом, приобретает цеховую форму. К. Маркс указывает, что цеховой строй был одним из видов разделения труда[1]. В одном из писем к К. Марксу Ф. Энгельс писал: «...*обратное*

Рис. 27. Кожаный переплет, украшенный с помощью резца и пунсонов.

разделение труда у цехов, противоположное тому, что в мануфактуре: вместо разделения труда *внутри* мастерской труд делится *между цехами*»[2].

Предположение о существовании цехов, так называемых братств или амкарств, в средневековых городах Армении существует давно. Этот вопрос сравнительно обстоятельно рассмотрен в работе В. Абраамян[3]. К сожалению, автор ограничился поверхностным изложением фактов и не дал

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. ОГИЗ, 1948, стр. 25.
[2] Там же, стр. 361.
[3] В. Абраамян. Ремесла и цеховые организации в Армении IX—XIII вв. Ереван, 1946, стр. 113—136.

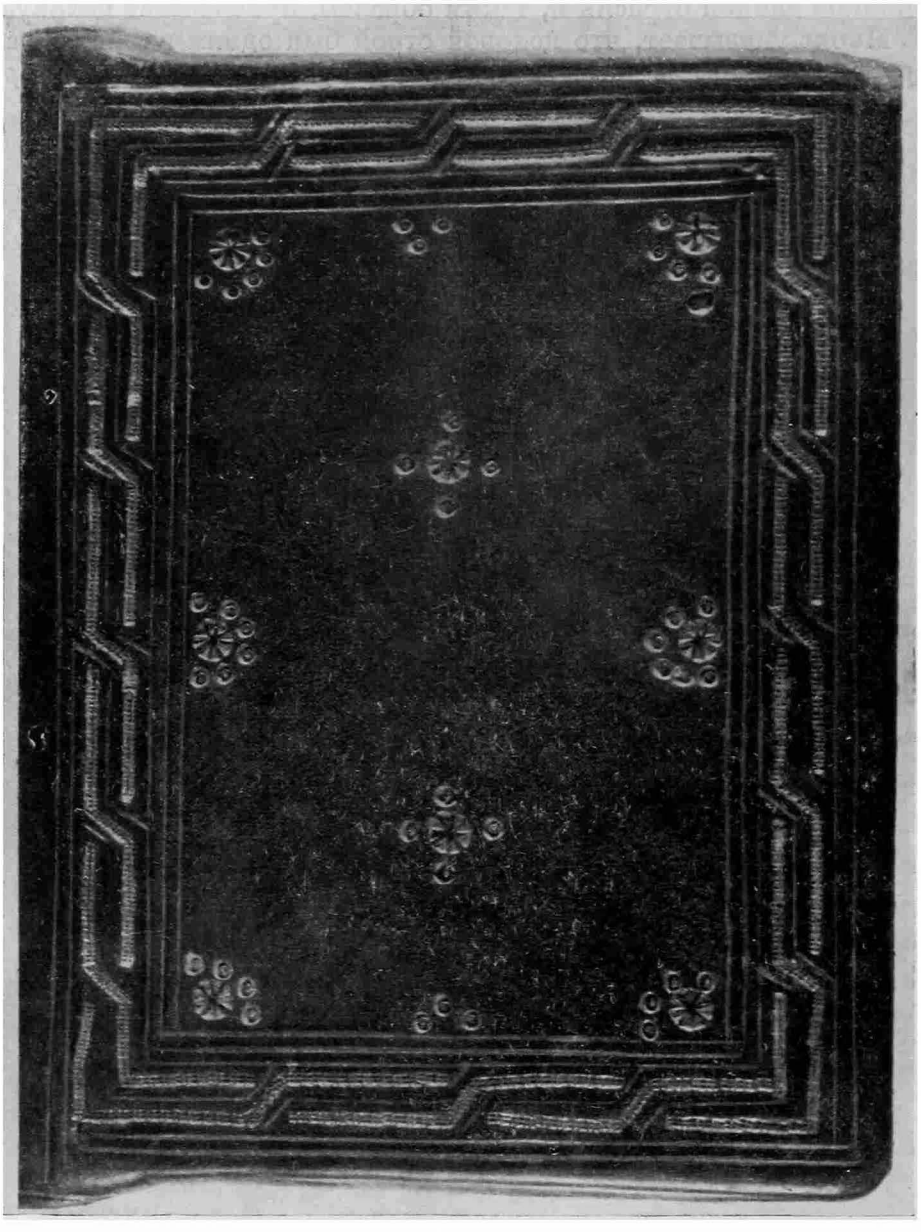


Рис 28. Кожаный переплет, украшенный с помощью резца и пунсонов.

их анализа, вследствие чего остался нерешенным вопрос о существовании ремесленных цехов в городах Армении в IX—XIII вв.

Изучение вопроса показывает, что в городах средневековой Армении для возникновения цеховых организаций имелись все предпосылки и условия. Ремёсла отделились от земледелия и сосредоточились в городах, достигнув высокого уровня развития. Существовал целый ряд крупных городов с большим ремесленным населением. Ремесленники были мелкими собственниками орудий труда, но основная их собственность заключалась в приобретенном ими мастерстве в области данного ремесла; они были коллективными собственниками своей специальности. Это обстоятельство делало возможным их объединение для защиты своей собствен-

ности, экономических и политических интересов от постоянного посягательства феодалов.

Ремесленники, будучи мелкими товарными производителями, организовывали свое производство в условиях натурального хозяйства и ограниченного рынка. Это также заставляло их объединиться для корпоративного урегулирования производства и сбыта своей продукции на монопольных началах — преодоления конкуренции и обеспечения равных условий производства и сбыта для всех мастеров в данной ветви ремесла.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря о феодальной земельной собственности, писали: «Этой феодальной структуре земельной собственности соответствовала *в городах* корпоративная собственность, феодальная организация ремесла. Собственность заключалась здесь главным образом в труде каждого отдельного индивида. Необходимость объединиться против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в расцветавшие города беглых крепостных, феодальный строй всей страны — всё это породило *цехи*; благодаря постепенному накоплению путём сбережений небольших капиталов отдельными ремесленниками и неизменности числа последних при растущем населении развилась система подмастерьев и учеников, создавшая в городах иерархию, подобную иерархии сельского населения»[1].

Уставы армянских ремесленных цехов IX—XIII вв. до нас не дошли; известные до сих пор уставы относятся к XVII—XIX вв. Но в литературе IX—XIII вв. сохранились некоторые сведения о цехах, даже правила их уставов и другие факты, которые позволяют не только установить наличие цехов в городах Армении, по крайней мере с X в., но и раскрыть некоторые черты внутреннего строя цехов.

Следует при этом учесть сведения византийских и арабских источников о наличии цехов в Византии и арабском халифате на рубеже IX и X вв., так как уровень развития городов и ремёсел в Армении был отнюдь не ниже, чем в странах Византийской империи и арабского халифата. Арабские источники говорят также о цехах ремесленников христианского вероисповедания, занятых производством изделий из драгоценных металлов, а также изготовлением лекарств[2]. Из христианских народов под владычеством арабов находились сирийцы и закавказские народы, у которых ремёсла, по свидетельству тех же арабских источников, были достаточно развиты.

Армянские письменные источники XII—XIV вв. донесли до нас некоторые правила из уставов ремесленных цехов, например правило о том, что «мастер, не умеющий применять свое ремесло, должен быть лишен своего звания»[3]. В другой рукописи установлены 10 причин, вследствие которых ремесленный мастер не справляется со своей работой и дает брак[4]. В одной из рукописей сохранился устав Братства Ерзнкайских (Арзанджан) молодых братьев 1280 г.[5]. Это было братство по типу «Ахи» в государстве сельджуков Малой Азии. Заслуживает особого внимания то, что целый ряд правил о взаимопомощи «братьев» почти буквально повторяется в уставах ремесленных цехов Закавказья XVIII—XIX вв.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14, 15

[2] Encyclopédie de l'Islam. Leiden — Paris, 1954, см. «Sinf».

[3] Рукопись Матенадарана № 1314, стр. 121а.

[4] Рукопись Матенадарана № 1849, стр. 96а.

[5] Об уставе братства, организованного в Арзанджане, 1280 г. см. статью Л. Хачикяна в ИАН АрмССР, 1951, № 12.

Но отсюда отнюдь не следует, что уставы ремесленных цехов были выработаны в зависимости от уставов братств; наоборот, надо полагать, что уставы Ерзнкайского братства, равно как и «Ахи», возникли по образцу уставов ремесленных цехов X—XIII вв.

Дошедшие до нас письменные сведения позволяют судить о многих сторонах внутренней жизни ремесленных цехов. В одной из басен Мхитара Гоша упоминается и общегородской совет цеховых старейшин («атянцероц»), который решает спор о том, кому из ремесленников следует отдать предпочтение — кузнецам или плотникам[1]. Из одной басни Вардана Айгекци видно, что в городах была регламентирована продолжительность работы подмастерьев с точным определением времени начала и конца работы. Во многих баснях ясно выступает привязанность ремесленников к своему ремеслу и боязнь конкуренции.

Ценнейшие сведения об армянских ремесленниках содержатся в армянских надписях на стенах анийских зданий. Из этих надписей видно, что в Ани существовало много ремесленных рядов, в том числе ряды кузнецов («дарбно похоц»), подковщиков («налбндноц»), седельников («сарачпохоц»), ткачей льняных тканей («баззноц»), портных («каттноц»), обувщиков («кошкакароц»), шорников («гдаккароц») и др. Это были ремесленные цехи, которые занимали в городе отдельные улицы и кварталы, куда не допускались ремесленники других специальностей или той же специальности — в том случае, если они не состояли в данном цехе.

С ростом городов и ремесленного производства с его цеховым строем заметно возрастала общественная роль ремесленников, в чем убеждают факты, относящиеся к экономике, быту, общественному мышлению и культуре в целом.

Основным условием для развития товарного производства было отделение ремесла от земледелия и города от деревни, товарообмен между которыми расширился. Город не мог обойтись без сельскохозяйственных продуктов и некоторого количества сырья, а деревня стала все больше и больше потреблять продукцию городского ремесленного производства. С ростом городов и городского населения увеличивался и его спрос не только на сельскохозяйственные продукты, но и на ремесленные изделия. Известную роль играло также расширение международной торговли, характерной для Ближнего Востока с древних времен.

С развитием товарного производства расширилась прежде всего внутренняя торговля. В этом отношении не лишено интереса представление средневековых авторов о роли и значении городов. Один из авторов, говоря о причинах скопления населения в городах, заявляет: «...ибо нуждаемся друг в друге, поэтому и собираемся в жительство в городах, чтобы восполнить потребности друг друга»[2]. Другой автор — Саркис Шнорали (Благодатный) — еще яснее характеризует торговую роль города. «Город, — говорит он,— установлен как место рынков купли и продажи, где определены торговые дома и просторные рынки, чтобы население из округа со всех сторон туда собиралось, чтобы каждый свою нужду восполнил»[3]. Важно то, что здесь подчеркивается связь города с его округой.

Помимо повседневной торговли, в городах организовывались воскресная торговля и ярмарки. По свидетельству арабских авторов (Истахри) крупнейшая ярмарка в знаменитом албанском городе Берда именовалась

[1] Мхитар Гош. Басни. Ереван, 1950, стр. 121.
[2] Рукопись Матенадарана № 575, стр. 42а.
[3] Рукопись Матенадарана № 1826, стр. 145.

ал-кюркий[1], от армянского слова «кюраки» — воскресенье. Ярмарка на берегу Ванского озера приурочивалась к периоду ловли тареха. Эта мелкая рыба в соленом виде вывозилась во многие страны Ближнего Востока.

Развивалась также разносная торговля. Мелкие торговцы, разносившие свои товары по кварталам города и по селам, именовались «перезак». Существовала и другая форма разносной торговли, при которой ремесленник или несколько ремесленников одного цеха вывозили свою продукцию на повозках в села и продавали там.

Развитие товарного производства со временем приводит и к разделению труда между городами. В армянских источниках имеются сведения, например, о том, что кожа для переплетов рукописных книг, переписываемых в монастыре Сахмосаванк, расположенном на северо-восточных отрогах горы Арагац, на расстоянии около 35 км от Еревана, привозилась из Тбилиси, а металлические застежки и пластинки — из Ани[2]. Однако по всему видно, что разделение труда между городами и товарообмен между ними оставались еще слабо развитыми.

О росте внутреннего рынка и денежного обращения свидетельствуют и многие другие факты. Но особого внимания заслуживает то, что предметом купли и продажи стали не только продукция сельского хозяйства и ремесленного производства, но и земля, оросительная вода, рыбные и другие промыслы, производственные предприятия (мельницы, маслобойни и пр.) и гостиницы в городах, караван-сараи, целые села, даже города. Акты купли и продажи, о которых в источниках сохранились сведения, в частности в надписях Ани и других местностей, весьма многочисленны. При актах купли и продажи больших земельных угодий, крупных рыбных промыслов, поселений и городов уплачивалась сумма в несколько десятков тысяч (до 60 тыс.) монет золотом или серебром. С расширением внутреннего рынка появилась необходимость в чеканке мелких медных монет в отдельных феодальных княжествах и городах. Умножению количества медных монет способствовал также кризис серебра в странах Ближнего Востока в XI—XII вв. Потребность в монетах в международной торговле ранее удовлетворялась арабскими и византийскими монетами, однако расширение международной торговли в условиях разложения и упадка арабского халифата и ослабления Византии привело к необходимости чеканки монет Сельджукидами, Ильдигизидами и грузинскими царями. Монеты эти имели хождение как на международном, так и местном рынках. Находки монетных кладов и множества монет X—XIII вв. при раскопках Ани, Двина, Гарни и других городов Закавказья в этом отношении весьма показательны.

Вследствие роста товарного производства и денежного обращения ряд налогов и податей с населения стали взимать деньгами.

В стране начало развиваться ростовщичество, приобретая, как об этом свидетельствуют авторы XII—XIII вв., различные формы. Например, ростовщики часто требовали возврата ссуды с процентами не деньгами, а продуктами, с большей выгодой для себя. Ростовщичество разоряло неимущих и среднего достатка жителей, которые чаще всего были вынуждены обращаться к ростовщикам за ссудой. Развивались ссудные операции с закладкой земель и недвижимого имущества должников. Этим путем земли и имущество потомственных феодалов с конца XII в., особенно в XIII в., начинают переходить в руки городских богачей — мецатунов. Наконец, стали возникать операции, напоминающие банковские. Купцы,

[1] Н. А. Караулов. Указ. соч., стр. 9.

[2] Гарегин I Католикос. Памятные записи рукописей, т. I (с V в. по 1250 г.). Анталиас, 1951, стр. 509.

следовавшие со своими караванами в другие страны, во избежание случайностей, не стали брать с собой деньги. Внося определенную сумму в контору крупнейших купцов-ростовщиков в стране, откуда выезжал караван, они брали письменное распоряжение от владельца конторы о выплате этой суммы другой его конторой, находящейся в стране, куда следовал караван [1].

В городах Армении существовали купеческие союзы не только для торговли на рынке данного города, но и для караванной торговли. Источники сохранили много свидетельств о торговых связях Армении с другими странами, раскрывая ее роль в международной торговле.

Советские историки до сих пор не полностью раскрыли роль товарного производства при феодализме, в частности, вопрос о том, как обслуживало товарное производство феодализм в различные периоды его развития.

Товарное производство, безусловно, обслуживало интересы феодалов и феодальное поместье, но этим нельзя ограничивать роль товарного производства. Тезис о том, что товарное производство существовало при феодализме и обслуживало его, следует понимать более широко — в том смысле, что оно способствовало развитию производительных сил феодального общества и являлось важным фактором его прогресса.

Источники позволяют восстановить весьма интересную картину развития производительных сил в Армении в IX—XIII вв. В земледелии получает применение тяжелый железный плуг с резцом, начинают применяться удобрения, проводится улучшение сортов плодов и других культур прививкой и примитивной селекцией, ведется борьба против сорняков и болезней культурных растений. В X—XIII вв. происходил рост орошаемого земледелия, строились новые каналы, расширялись площади садов и виноградников, а также посевы технических культур, в частности хлопчатника, льна, кунжута, и насаждения шелковицы. Весьма заметно увеличивалась обработка сельскохозяйственной продукции; мельницы, маслобойни, давильни винограда получили широкое распространение [2].

Все это способствовало развитию земледелия, в частности феодального поместья, часть продукции которого превращалась в предмет обмена — товар. Феодальное поместье росло и укреплялось, закрепощение крестьян углублялось и приводило к оформлению крепостного права.

Наряду с этим резко обострилась классовая борьба, принимая массовые формы и порой перерастая в крестьянскую войну: таким было тондракийское движение в Армении в X—XI вв. Дальнейшее развитие феодального общества и обострение классовой борьбы должны были привести к освобождению части крепостных крестьян, превратившихся со временем в свободных мелких производителей. Значительную роль играло бегство крепостных крестьян в города в период расцвета последних. В этом отношении очень симптоматично то, что бегство крестьян от своих господ-феодалов нашло отражение в «Судебнике» Мхитара Гоша, где знаменитая третья статья второго раздела гласит: «Создатель сотворил человеческое существо свободным,— зависимость же от господ возникла из-за нужды в земле и воде. И я считаю подобающим такое решение, чтобы человек, покинувший господские (землю и воду), был волен жить там, где он захочет. Но, если кто из господ не потерпит этого и насильно заставит ушедшего вернуться, то после смерти отца свободны те дети, которые родились в другом месте, а не там (на месте прежнего отцовского жительства) [3]».

[1] Н. Я. Марр. Сборник притч Вардана, т. II (тексты). СПб., 1894, стр. 284.
[2] Послание католикоса Нерсеса Благодатного. Эчмиадзин, 1865, стр. 29—31.
[3] Армянский судебник Мхитара Гоша, стр. 150.

Развитие ремёсел и расширение масштабов ремесленного производства привели к еще большему использованию природных богатств страны. Остатки плавильных печей и большие кучи шлака, сохранившиеся со времени средневековья в горных и предгорных районах Армении, наряду с письменными сведениями армянских и арабских писателей, убедительно показывают, что добыча металлов и других полезных ископаемых расширялась. Железо, медь, соль, бура, минеральные краски, добывавшиеся в Армении, не только удовлетворяли спрос внутри страны, но и вывозились за ее пределы.

В IX—XIII вв. росла обработка сельскохозяйственного сырья в ремесленном производстве. Серьезные изменения происходили в технике производства, о чем уже говорилось выше. Важнейшее значение имело разделение труда в ремесленном производстве. Широкое разветвление ремёсел и возникновение десятка самостоятельных специальностей, усовершенствование орудий труда и специализация последних с течением времени создавали предпосылки для разделения труда внутри мастерской и для перехода к мануфактурному производству.

Следует отметить, что рамки городских ремесленных цехов были довольно узки, и не всем ремесленникам, бежавшим из деревень, удавалось найти себе место в цехах. В городах существовали также «неорганизованные» ремесленники, число которых постепенно увеличивалось. Они работали в более трудных условиях и не выдерживали конкуренции ремесленных цехов, вследствие чего со временем создавалась благоприятная почва для кооперирования их труда в простой капиталистической кооперации. Этому способствовало также постепенное углубление имущественной дифференциации среди ремесленников, объединенных в цехе.

С развитием товарного производства и ростом городов ремесло стало довольно широким полем деятельности и источником жизненных средств для части непосредственных производителей; ремесленное население городов росло за счет деревень. Это означало освобождение от крепостной зависимости части крестьянства, так как городское население было свободно от закрепощения; следовательно, товарное производство соответствовало также интересам этой части основных производителей. Правда, развитие товарного производства привело к расширению и усилению эксплуатации народных масс, но вместе с тем оно способствовало постепенному смягчению крепостной зависимости от феодалов. Известно, что уровень зависимости крепостного, выполняющего барщину, и крепостного-оброчника неодинаков. При денежной ренте зависимость крепостных крестьян от феодалов еще более смягчается. Развитие городов и городской жизни, с городским самоуправлением и цехами, развитие самосознания народных масс в борьбе со своими поработителями и, главное, усиление классовой борьбы привели к некоторой демократизации жизни и заметному смягчению суровых общественных норм и нравов. Не случайно, что суровые телесные наказания за разные проступки, в том числе и казнь, предусмотренные церковными канонами IV—VIII вв., в «Судебнике» Мхитара Гоша, отражающем жизнь XII в. и начала XIII в., заменены более мягкими мерами наказания и денежными штрафами. Источники XII—XIII вв., в частности армянские басни, показывают явное ослабление религиозного фанатизма среди населения, в особенности в городах. Тондракийские и другие «еретические» идеи, охватившие народные массы в X—XI вв., прослеживаются и в последующие века.

Немаловажное значение имело сословие горожан («кахакаканк»). Происходило углубление имущественного неравенства среди городского населения. Городская верхушка, накопившая денежные средства, движимое

и недвижимое имущество, стала конкурировать со старыми феодальными домами. При дальнейшем развитии товарного хозяйства и назревании новых условий накопленные частью городской верхушки средства могли бы превратиться в капитал для эксплуатации наемного труда. Но в армянской действительности IX—XIII вв. этого еще не произошло. Хотя развитие городов и товарного производства привело к значительному росту производительных сил, экономическому и культурному подъему страны, хотя и произошел заметный прогресс всей общественной жизни, но никаких явлений, характерных для эпохи первоначального накопления или зарождения капиталистических производственных отношений, не прослеживается. Совершенно несостоятельны и глубоко ошибочны не только устаревшее утверждение Н. Я. Марра, что в городах Армении в XII—XIII вв. уже существовали капиталистические отношения, что «армянский феодализм был претворен... в армянский буржуазный мир»[1], но и положение академика Я. А. Манандяна[2] и других авторов о том, что в X—XIII вв. начинается разложение феодального общества и возникновение новых (капиталистических) отношений.

Источники позволяют установить факты кооперирования труда ремесленников; сюда относятся артельная работа мастеров-строителей, совместный обжиг гончарных изделий в керамических печах, совместная окраска тканей в красильных мастерских и пр. Однако нет ни одного факта, указывающего на наличие зачатков простой капиталистической кооперации, не говоря уже о мануфактуре. Купец — посредник между мелким товарным производством и покупателем, т. е. скупщик, еще не стал работодателем, даже крупным заказчиком изделий из поставляемого им материала, т. е. раздатчиком.

В ремесленном производстве господствовало разделение труда вширь, с его цеховой формой; разделение труда вглубь, т. е. внутри мастерской, еще не имело места, если не считать своеобразного разделения труда между мастером, подмастерьем и учеником.

Хотя в городах Армении и существовало множество купцов и купеческих объединений, но отделение торговли от производства еще только начиналось: мелкий товаропроизводитель одновременно был продавцом своих изделий.

Развитие товарного производства на определенной ступени развития приводит к отделению производителя от средств производства, но такое отделение было бы невозможным и экономически бессмысленным, если бы деньги и иные средства еще не стали превращаться в капитал и средства капиталистической эксплуатации, а отделение рабочих рук от средств производства не создавало предпосылки для этого. Между тем факты, подтверждающие наличие исторического процесса отделения основного производителя от средств производства и превращения его в наемного рабочего, в Армении IX—XIII вв. совершенно отсутствуют.

Таким образом, развитие товарного производства, в частности развитие торгового капитала, хотя и является исторической предпосылкой для возникновения капиталистических производственных отношений, но только в определенный период и в определенных условиях общественного развития. В Армении в IX—XIII вв. условия, необходимые для зарождения капиталистических отношений, отсутствовали. Конечно, дальнейшее развитие феодального общества, городов и товарного производства

[1] Н. Я. Марр. Ани, стр. 35.

[2] Я. А. Манандян. Краткий обзор истории древней Армении. М., 1943, стр. 42. 49.

привело бы к разложению феодализма и возникновению новых отношений, но развитие в этом направлении было прервано в XIII в. при владычестве монголов на долгие столетия.

Возникает вопрос, почему монгольское владычество повлекло за собой столь пагубные последствия для развития городов и вообще экономической жизни Армении?

Известно, что за два столетия до нашествия монголов города Армении были разорены и разрушены полчищами турок-сельджуков и, хотя владычество последних сильно тормозило развитие городов Армении, но не прервало его. Средневековые города Армении достигли наивысшего своего расцвета в 1-й трети XIII в. Конец XII в. и 1-я треть XIII в. вообще были периодом расцвета феодального города в Закавказье, Малой Азии и на всем Ближнем Востоке, что объясняется развитием товарного производства. Однако монгольские орды в 30—40-х годах XIII в. захватили Закавказье и нанесли сокрушительный удар городам и всей экономической жизни стран Закавказья.

В покоренных монголами странах, в частности в Азербайджане и Армении, они насаждали свой образ жизни, свою отсталую экономику — главным образом полукочевое скотоводство. Высокоразвитое орошаемое земледелие постепенно разрушалось, и площади сельскохозяйственных культур превращались в обширные зимние пастбища. Монголы разгромили и разорили большинство городов Армении, перебили или увели в плен часть их населения. Некоторые города (в том числе и крупнейший город Двин) были окончательно разрушены и больше никогда не восстанавливались. В дальнейшем монголы захватили в свои руки природные богатства страны, рудники[1], но эксплуатация последних была весьма ограничена; ремесленники постепенно лишались необходимого сырья для своего производства. Более того, часть городов с их ремесленным населением, рудокопы и другие ремесленники, занимавшиеся промыслами, были превращены в «инджу», т. е. в частную собственность монгольского великого хана или членов царствующего дома. Превратившиеся в «инджу» ремесленники потеряли личную свободу и заинтересованность в работе. Кроме того, вследствие экономического упадка резко сократился спрос на изделия городского ремесла.

Установленная монголами административная и налоговая система была основана на полном произволе и неограниченном насилии. Арендная система сбора податей еще больше усиливала произвол. Налоговая система монголов разоряла население[2]. Под постоянной угрозой находились не только имущество, но и жизнь людей. Все это привело к экономическому упадку в стране и окончательному разорению городов. Доходы государственной казны сильно уменьшились. Монгольские правители, сборщики и откупщики податей в погоне за налогами увеличивали число всяких незаконных поборов, прибегая ко всяким ухищрениям и жестокому насилию. Реформы Гасан-хана носили временный характер, а после него упадок всего монгольского государства Хулагидов стал катастрофическим.

Упадок и разорение Армении и ее городов в начале XIV в. дошли до крайних размеров. В этом отношении показательны сведения письменных и эпиграфических источников и данные раскопок. В стране царили разруха, нищета, произвол и насилие. Население Армении вынуждено было покидать родные края и массами эмигрировать. Монгольский

[1] Киракос Гандзакеци. История Армении. Тифлис, 1909 (на древнеарм. яз.), стр. 349.

[2] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.—Л., 1946, т. III, стр. 292 и др.

хан Абу-Саид в своем указе, высеченном на стене одного из сооружений города Ани, должен был констатировать, что Ани и другие города по причине взимания ряда налогов, незаконных поборов и насилия стали приходить в запустение, население города и области бросило свое движимое и недвижимое имущество и ушло [1].

Развитие товарного производства в феодальном обществе в определенных условиях может привести к усилению эксплуатации основных производителей, к увеличению совокупной массы взимаемой ренты; при этом повышение нормы ренты не обязательно. Но в других условиях — при экономическом упадке и разрухе — возможен другой случай, когда совокупная масса ренты может резко сократиться при одновременном повышении нормы ренты. К. Маркс, говоря о взимании ренты продуктами, пишет: «Последняя может достигать таких размеров, при которых она является серьёзной угрозой воспроизводству условий труда, самых средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и низводит непосредственного производителя к физическому минимуму жизненных средств» [2].

Это в самых неимоверных размерах произошло в Армении в XIII—XIV вв. при монгольско-татарском владычестве. С общим экономическим упадком страны пали и разорились города и почти свелось на нет развитие ремёсел и товарного производства. Такое положение в стране продолжалось в течение нескольких последующих столетий.

---

[1] В. Бартольд. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче. СПб., 1911, стр. 7.

[2] К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1950, т. III, стр. 809.

Д. М. ГУРВИЧ

В. Н. ТАТИЩЕВ И РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА

Выдающуюся роль в развитии научного подхода к археологическим материалам сыграли виднейшие деятели русской исторической науки XVIII в.— М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, И. Н. Болтин, М. М. Щербатов, П. И. Рычков и др. Описания и зарисовки памятников, планы городищ и создание богатых коллекций древностей —таковы итоги их деятельности.

Особенно много внимания уделял изучению отечественных древностей В. Н. Татищев. Этот глубокий интерес Татищева к древностям основывался на том большом внимании к родной старине, которое особенно усилилось в 1-й четверти XVIII в., когда были изданы известные указы Петра I о сборе и сохранении предметов старины[1].

Татищев еще в молодые годы, по его собственным словам, «идучи в 1710 г. из Киева с командою», осматривал «холм весьма великий» близ Коростеня, который местные жители называли могилой Игоря.

В начале 20-х годов Татищев был послан Петром на Урал для организации горных заводов. На Урале внимание Татищева привлекли вещи, которые находили в старинных медных рудниках. Татищев осматривал древние копи, знакомился с извлекаемыми из них старинными рудокопными инструментами и изделиями из меди.

На Урале Татищев встретился с пленными шведами Бреннером и Страленбергом (сотрудником экспедиции Мессершмидта, будущим автором широко известного на Западе описания Сибири), которые также много занимались изучением сибирских древностей. Позднее, когда в 1724—1726 гг. Татищев находился в Швеции, Страленберг и Бреннер представили его своим соотечественникам как видного русского ученого-историка[2]. В Швеции Татищев много работал в музеях, библиотеках и архивах. По просьбе видного шведского историка Бензелиуса для его журнала Татищевым была написана статья о находках мамонтовых костей в Сибири[3]. Проблема мамонтов очень занимала в то время русскую и западноевропейскую науку. В этой статье Татищев излагает свой, передовой

[1] Изыскание древностей в Сибири в царствование Петра Великого. ЖМНП за 1839 г., ч. XXI, № 3, стр. 1—4; В. В. Радлов. Сибирские древности. СПб., 1894, т. I, вып. 3, прил., стр. 53.

[2] В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М.—Л., 1950, стр. 5, 6.

[3] Эта статья Татищева осталась единственным его трудом, напечатанным при жизни автора. Она была издана также в Англии, вызвав большой интерес.

по тому времени, взгляд на мамонтов как на животных, вымерших много тысяч лет назад, и отказывается от распространенной в его время фантастической теории о сверхестественном или «нечистом» происхождении костей мамонтов.

Столь же показательным для мировоззрения Татищева является правильное объяснение, которое он дал происхождению так называемых «громовых стрел». Наряду с С. Крашенинниковым, Г. Ф. Миллером и другими русскими учеными, Татищев обратил внимание на вторичное использование «громовых стрел» в качестве орудий труда или оружия древними обитателями Сибири и Камчатки.

По возвращении в 1726 г. в Россию Татищев продолжал свои занятия русской историей. За ним все более укреплялась репутация одного из лучших в России знатоков древностей. Его научная деятельность получила признание в Академии наук, с которой с этого времени до конца своей жизни Татищев поддерживал оживленные отношения по различным научным вопросам. По предложению Академии наук Татищев в 1729—1730 гг. работал над подготовкой к русскому изданию своей статьи о мамонтах и вступил по этому вопросу в научную дискуссию с известным публицистом Ф. Прокоповичем, отстаивавшим взгляды церкви. В конце 1730 г. Татищев прислал в Академию наук для Кунсткамеры 4 рисунка костей мамонта. Подтверждая получение этих рисунков, Канцелярия Академии наук отвечала 17 декабря 1730 г. Татищеву, что в Академии наук с нетерпением ожидают также и присылки обещанных им ранее рисунков «в камень превратившихся вещей»[1].

И в дальнейшем Татищев прилагает много энергии для организации сбора старинных вещей, монет, костей мамонтов по всей территории России и пересылки их в Кунсткамеру[2]. В свою очередь Академия наук неоднократно запрашивает Татищева о древностях, находимых в сибирских курганах, и т. п.[3] Татищев завязывает связи с различными собирателями древностей, например с обладателем известной коллекции старинных монет московским купцом П. Миллером.

Вторичный отъезд на Урал в 1734 г. не отвлек Татищева от занятий древностями. Им предпринимается ряд практических шагов по организации поисков древних памятников. В этой связи Татищев ведет переписку с Байером, Миллером, Гмелиным и др. Он сообщает Байеру о результатах раскопок древних могил в Сибири, обещает и в дальнейшем присылать ему сведения о древностях Сибири и ее топонимике. В свою очередь Гмелин сообщает Татищеву, что, описывая район Селенгинска и Нерчинска, он с Миллером сочинил «подробную древнюю и новую историю Аргунских серебряных рудников», в которой много говорилось о древних копях, подобных тем, какие были открыты на Урале.

Татищева не удовлетворяли те незначительные сведения о далеком прошлом страны, которые удавалось добыть благодаря работам отдельных лиц. Он энергично добивался от Академии наук широкой организации важной работы по разысканию, сохранению и изучению отечественных древностей.

В это время разыскание древностей возлагалось на геодезистов, занимавшихся составлением карт разных областей России. Естественно, что Татищев, в подчинении у которого находились геодезисты, работавшие

---

[1] Материалы для истории Академии наук, т. I. СПб., 1885, стр. 689, 690.

[2] Там же, т. II. СПб., 1886, стр. 133; т. VII, стр. 367.

[3] А. И. Андреев. Переписка В. Н. Татищева за 1740—1750 гг. Исторический архив, М.—Л., 1951, т. VI, стр. 258, 259.

на Урале, в Сибири и Поволжье, ставил перед ними в качестве одной из основных задач отыскание и описание археологических памятников.

По приезде на Урал в октябре 1734 г. Татищев составил специальную анкету из 92 вопросов, которая должна была служить для геодезистов программой их действий и помочь местным властям организовать сбор географических и исторических сведений. Татищев требовал от губернаторов, воевод и прочих «учредителей» присылки ответов на анкету, которая была разослана по всем городам Сибири, Урала и Поволжья, по уездным и губернским канцеляриям. Кроме того, эту анкету Татищев «многим охотникам с обещанием награждения роздал»[1]. Все это Татищев сделал, так и не дождавшись сенатского указа о проведении анкетных обследований.

Татищев вообще предпочитал действовать самостоятельно, не слишком надеясь на помощь высших правительственных учреждений и Академии наук. В 1734—1737 гг. он безрезультатно требовал от Сената и Академии наук активного содействия сбору анкетных сведений. С большим трудом лишь в 1736 г. Татищеву удалось добиться утверждения Сенатом анкеты, но серьезной материальной поддержки и людей для проведения работ Татищев так и не получил. На все запросы Татищева правитель Канцелярии Академии наук Шумахер или отмалчивался, или ограничивался ни к чему не обязывавшими отписками. В результате всю огромную по своему размаху работу Татищев был вынужден, по сути дела, провести один, зачастую расходуя собственные средства.

С начала 1735 г. в Екатеринбург к Татищеву стали приходить ответы на анкету, но они были весьма кратки, противоречивы, а порой и просто неграмотны и, естественно, не могли удовлетворить Татищева. Местные власти не интересовались научными целями анкеты Татищева и ограничивались формальными отписками. Геодезисты же, за немногими исключениями, оказались малоподготовленными и не справлялись со сложным поручением Татищева. Да и число геодезистов было слишком невелико, чтобы только при их посредстве охватить обследованием огромные области Сибири, Урала и Поволжья. Только 8 геодезистов смог направить Татищев в Сибирь и 9 — в Казанскую провинцию[2]. Но ни эти геодезисты, которых Татищев обещал наградить за успешное выполнение задания, ни местные краеведы, на которых он рассчитывал, стремясь привлечь их к сбору анкетных данных, не оправдали его надежд. В заключительной части анкеты Татищев подчеркивал особую важность использования для сбора анкетных данных «искусных» людей, выразивших желание принять участие в этом предприятии и «знающих силу сих вопросов и язык их основательно. К тому ж не однова, но чрез несколько времени спрашивать от других, ибо ежели об одном деле разно спрашивающему откроется и подастся причина далее истины испытывать...»[3]. Татищев предпринимал энергичные меры к подготовке таких «искусных» людей, посылая молодых геодезистов в обучение[4].

Подводя итоги первого этапа сбора анкетных данных, Татищев был вынужден признать, что его неудачу предопределили в большой мере отсутствие знающих людей и нежелание местных и центральных властей со всей серьезностью отнестись к этому начинанию. Татищеву стало ясно,

---

[1] В. Н. Татищев. История Российская, кн. I. М., 1768, стр. 509.
[2] Сибирский вестник за 1821 г., ч. XV, стр. 17, 18.
[3] В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 92.
[4] Н. Пальмов. К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева. ИАН СССР, отд. гуманит. наук, 1928, № 4—7, стр. 321.

что вопросы анкеты составлены недостаточно четко и слишком лаконичны и «потому от краткости тех пунктов погрешны». Местные власти «на включенные пункты весьма недостаточно и смутно ответствовали». Поэтому Татищев потерял надежду на успешное завершение анкетного обследования и «в 1737 и 1738 годах приключилось и принудило другой и третий раз изъяснения и дополнения требовать...». «И это,— пишет он,— меня понудило вновь пространнейшие требования сочинить»[1].

Составленная Татищевым в 1737 г. вторая анкета была вручена геодезистам, посылавшимся в Сибирь и в Поволжье. Эта новая анкета состояла из 198 вопросов. Несколько из них было специально посвящено изучению археологических памятников и представило первую в России развернутую программу археологических исследований. В ней Татищев показал роль археологических материалов для изучения древней истории и географии и четко обрисовал сферу археологических исследований, подчеркнув значение тщательной фиксации этих работ, наметив основы методики раскопок. Татищев писал в «Предложении о сочинении истории и географии России» (т. е. во второй анкете): «Гистория же всякая, хотя действа и времени от слов имеют нам ясны представить, но где, в каком положении или расстоянии что учинилось, какие природные препятствия к способности там действам были, також где которой народ прежде жил и ныне живет, как древние городы ныне имянуются и куда перенесены... И тако гистория или деесказания в летописи без землеописания совершенного удовольствования к знанию нам подать не могут»[2].

Археологическую часть анкеты Татищева по ее научному уровню можно сравнить с лучшими западноевропейскими инструкциями по производству археологических исследований того времени. Неудивительно, что М. В. Ломоносов, Г Ф. Миллер, С. Г. Домашнев и др. очень высоко оценили научные достоинства ее и, составляя свои анкеты, взяли за основу «Предложение» Татищева.

В пунктах татищевской анкеты, касающихся археологии, охвачен столь обширный круг вопросов, что нельзя не поразиться эрудиции Татищева. Он требует представления описаний, зарисовок, чертежей остатков древних построек, каменных баб, надписей, старинных произведений искусства, утвари, оружия и т. д. Эта полнота охвата материала позволяет говорить о том, что археологические пункты в анкете Татищева явились плодом его многолетних занятий древностями.

Археологические исследования Татищев предлагает начинать со сбора общих сведений о наличии в уездах древних городищ и иных памятников старины. 103-й пункт «Предложения» гласил: «Нет ли где в уезде том каких признаков и видов, где напредь сего городы или знатные строения были, и нет ли известия, как именованы, когда и кем разорены».

Далее Татищев останавливается на различных видах археологических памятников. В 104-м пункте анкеты речь идет о распространенных в то время в Сибири находках каменных баб и писаниц. «Не находятся ль где в степях и пустынях каменных болванов или камней с надписями или какими-либо начертании, которое, елико возможно, живописцу надлежит назначеновать и, описав ево меру и цвет, при том же сообщить».

В 105, 106 и 107-м пунктах анкеты говорится о раскопках курганов, причем подробно описывается разнообразный инвентарь, встречающийся в погребениях. Исключительно точные, детальные методические указания Татищева по вопросу о раскопках позволяют предполагать, что Та-

[1] «Утро». Литературный сборник. М., 1859, стр. 388.
[2] В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 77.

тищев сам нередко руководил раскопками. При этом Татищев вместо обычного для его времени стремления к добыче лишь ценных вещей из курганов с одинаковым вниманием относился к любым добытым в результате раскопок вещам, подчеркивая одинаковую ценность для науки и глиняных черепков, и простых орудий из камня, бронзы или железа, и вещей из драгоценных металлов. Он требовал тщательного сохранения и точной фиксации и тех, и других вещей. Татищев считал необходимым установить точные размеры изучаемого памятника, в нужных случаях — глубину залегания под поверхностью земли, ориентировку на местности и т. д. Он заботился также об охране городищ и курганов от частых в то время грабительских раскопок «гробокопателей».

В 105-м пункте анкеты говорится: «В некоторых местах в древних могилах находятся старинные вещи дивные и ко изъяснению гистории весма полезные и паче такие, на которых какое либо начертание или подпись различными фигурами изображенное; оное на медных, железных, каменных или глиняных вещах; ежели сыщется, надлежит прилежно хранить, понеже и за глиняное заплатится не меньше, как за серебро».

Ценные методические указания дает Татищев в 106-м пункте анкеты: «Особливо находятся горшки и кувшины в гробах, на которых надписи есть, да, когда их откопав, скоро вынять, то он истрескается или развалится, того ради оные откопав, надобно не скоро вынимать, проветреть на том месте, а потом вынять, поставить, чтоб от солнца высох, и тако может далее везти, и вручить воеводе, а воеводы чтоб благоволили оные, чрез живописца или другого искусного на бумагу срисовав, Академии сообщить, по котором достойное награждение обретшему и живописцу Академия пришлет без умедления».

Наконец, 107-й пункт анкеты Татищева гласит: «Золотые же, серебряные и медные вещи, яко идолы, звери и протчие вещи, если токмо фигуры своей не повреждены, хотя и надписи имеют, надлежит по тягости металла покупать и, деньги безобидно платя, присылать во Академию; если же и на золоте явится подпись или работа хорошая, то и сверх достоинства золота или серебра безобидно от Академии и поверенных от оной заплачено будет; и о том таким гробоискателям надлежит объявить, чтоб знали и неведением таких вещей не портили или за страх, что у них даром отымут, не таили. И господам воеводам и протчим управителям в том для пользы отечества поступать со всякою прилежностию и хранением, чтоб такие сокровища таить никто не опасался»[1].

Наряду с этими пунктами, относящимися непосредственно к археологии, анкета Татищева содержит ряд других вопросов, тесно связанных с изучением древнейшей истории. Так, в 58-м пункте спрашивается о находках костей ископаемых животных, а в 59-м говорится о находках окаменелых вещей: «Яко в камнях особливые изображения и виды... таковые собирать и их или для великости неудобные смалевав во Академию сообщать».

Татищев подчеркивал также важность изучения уже добытых материалов, хранившихся в то время главным образом в церквях и монастырских ризницах. В 90-м пункте анкеты говорится: «Есть ли что дивное или видения достойное в церквах, например..., что за древность или за хорошую работу, или по природе за дивное почитается и хранится; а в канцеляриях есть ли древние письма или обретенные древности». 191-й пункт анкеты гласит: «Не имеют ли вообще в убранстве и употреблении

[1] В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 87, 88.

каких-либо старинных денег или сосудов, на которых были надписи, или каких образов вылитых или резных».

Ответы на вторую анкету Татищева, благодаря значительной детализации и конкретизации вопросов, оказались гораздо более многочисленными, чем на первую анкету. Сохранились «ведомости», полученные из Пелыма, Верхотурья, Тобольска, Нарыма, Тары, Тюмени, Томска, Иркутска, Илима, Кузнецка и нескольких городов Казанской губернии.

Однако и в этой группе анкетных данных, собранных Татищевым и затем пересланных им в Академию наук, содержится немного сведений о местных древностях. Как правило, в большинстве «ведомостей» на вопросы о находках старинных вещей, о местонахождении городищ и курганов и т. п. дается стереотипный ответ: «сведений не имеется».

Особенный интерес представляют «ведомости», составленные геодезистами Василием и Иваном Шишковыми.

В 1735 г. Татищев послал геодезиста Василия Шишкова в Томский и Красноярский уезды для «описи тамошних мест и положения на ландкарту, а паче чтоб старался о древностях находящих и подземностях обстоятельно уведать, описать и, где можно, сознаменовать»[1]. В. Шишков успешно выполнил поручение Татищева и «в бытность свою тамо весьма ревностно описывал и куриозным местам учинил чертежи».

В сентябре 1737 г. В. Шишков возвратился в Екатеринбург и составил для Татищева «экстракт» о своей поездке. К «экстракту» В. Шишков приложил подробное описание находившихся в среднем течении Иртыша развалин Аблакитского монастыря, построенного в середине XVII в., а также 4 таблицы акварельных рисунков и план развалин. Кроме того, В. Шишковым была составлена также «опись семи палатам, которые от семипалатной крепости 10 верст на реке Иртыше на правой стороне»[2]. В отличие от описаний, составленных Мессершмидтом и Гмелиным, В. Шишков с большой тщательностью произвел детальное обследование этих памятников, сделав точные замеры, обратив внимание на характер и назначение построек, на форму и размер кирпича, на самые различные вещевые находки, вплоть до куч костей, обнаруженных внутри развалин.

Не менее интересна «ведомость», составленная геодезии поручиком Иваном Шишковым, который по поручению Татищева в 1739—1741 гг. работал в Томском уезде, а в 1742—1743 гг.— в Кузнецком. И. Шишков особое внимание уделил городищам и курганам. Он приводит точное описание внутреннего устройства курганов и обнаруженных в них вещей. Шишков разыскивал и обследовал памятники, нанося их местонахождение на карту, составляя описания, планы, зарисовывая их.

К «ведомости» И. Шишкова, представленной Татищеву, было приложено 9 акварельных рисунков открытых им памятников; среди них — каменные бабы или «куртояк-таши» из Кузнецкого уезда, с рр. Аксая и Абакана. И. Шишков представил также копию с писаниц на большом камне, находившемся на правом берегу р. Томи[3]. Он обследовал городища с ямами на их поверхности, которые считал остатками жилищ. Его интересовали различные предметы искусства, орудия труда и простые глиняные горшки. Утрата последних из-за грабительских раскопок, по мнению И. Шишкова, столь же горестна для науки, как и уничтожение вещей из драгоценных металлов. И. Шишков считал свою работу необходимой для

[1] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1886, т. III, стр. 508.
[2] В. В. Радлов. Указ. соч., т. I, вып. 3, прил., стр. 142.
[3] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 152, л. 150 и сл.

науки, ибо все собранные им материалы могли быть «ко изъяснению истории весьма полезные»[1].

«Ведомости» геодезистов В. и И. Шишковых по праву можно считать одними из самых ранних в русской науке археологических отчетов.

Татищев высоко оценил работу Шишковых. Он срочно отправил «экстракты» из «ведомостей» Шишковых в Академию наук, приложив к ним рисунки и чертежи[2]. Одновременно он из собственных средств наградил отличившихся геодезистов, чтобы поощрить их к дальнейшей столь же успешной деятельности[3].

После отъезда с Урала, в течение последующей своей деятельности в Уфе, Оренбурге, Астрахани и на закате своих дней — в Болдине, Татищев неустанно продолжал заботиться о разыскании, изучении и сохранении древностей, поддерживая по этому вопросу систематическую переписку с Академией наук.

Из Астрахани Татищев вновь по собственной инициативе начал рассылать «искусных» людей на Куму, Терек, Кубань, чтобы «по земли и по морю... неизвестные места описать», в том числе и местные древности[4]. В результате этих обследований геодезистами Татищева в Дагестане и Кабарде были обнаружены развалины древних городов, а также несколько древних «церквей христианских и идолопоклоннических»[5].

В целях изучения древностей Татищевым был использован присланный в его распоряжение живописец Некрасов. В 1742 г. Татищев специально направил Некрасова с 20 казаками для описания и составления чертежей широко известного еще с петровских времен «древнего здания, называемого Маджары», расположенного на р. Куме, близ г. Кизляра[6].

Некрасов получил от Татищева инструкцию, в которой конкретно указывалось, как следует изучать памятник. При составлении этой инструкции Татищев использовал богатый опыт исследования археологических памятников, который он приобрел на Урале.

Татищев писал в инструкции: «Прибыв ко оному зданию, все порядочно рассмотреть, как здания, так находящиеся во оном разные вещи, какие тобою будут найдены достойны к видению написать сколько возможно в самой их натуре». В ордере помощнику Некрасова Голохвостову Татищев добавлял, что необходимо Маджары «описать с обстоятельством и положить на чертеж и около онаго здания вкруг верст на 5 по тому ж описать». Предполагалось также произвести раскопки, так как Некрасов требовал доставки ему лопат и топоров. Раскопки позволили бы дать «лучшее в Маджарах изъяснение древних зданий». Но Некрасов потерпел неудачу. Ему всячески мешал Голохвостов, оставивший в конце концов Некрасова одного в степи. Некрасов не смог осмотреть замеченное им на другом берегу р. Кумы древнее строение, не смог он и произвести раскопки в Маджарах. Описание и план Маджар, составленные Некрасовым, были пересланы Татищевым в Академию наук в феврале 1743 г.[7]

Результаты работ Некрасова и других геодезистов были использованы Татищевым при работе над «Историей Российской».

[1] В. В. Радлов. Указ. соч., т. I, вып. 3, прил., стр. 143—146.

[2] Материалы для истории Академии наук, т. III, стр. 541, 542.

[3] Там же, стр. 508.

[4] В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, стр. 510; П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. Записки АН, т. IV, СПб.,1864, стр. 44.

[5] В. Н. Татищев. Лексикон Российской исторической, географической, поэтической и гражданской. СПб., 1793, ч. II, стр. 66; ч. III, стр. 159.

[6] Н. Пальмов. К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева. ИАН СССР, 1925, № 6—8, стр. 209.

[7] Н. Пальмов. Указ. соч. ИАН СССР, 1928, № 4—7, стр. 334—337; Материалы для истории Академии наук. СПб., 1889, т. V, стр. 548—550.

Кроме Маджар, Татищев описывает и другие городища на Северном Кавказе: «Другой град на реке Терке, от Кизляра с 200 верст, Тартуп именуем, имеет стены каменныя и внутри церковь с башнею высокою круглою, обвалины бывших неколиких палат; 3) на чертеже Юлат; 4) выше онаго в большой Кабарде в горах, в котором церковь Христианская стоит цела и замкнута. На Сулаке, именуемой Андреев, запустел каменной город, поперег не более 156 сажен, стены толстыя и высокия из великих камней тесанных состроены, и одни ворота имеет... Сие особливо о Маджарах; удивительно откуду так великие камни брали, ибо ни за 200 верст такого не находится»[1].

Татищев никогда не упускал возможности лично осмотреть местные достопримечательности, с редкой прозорливостью определяя их научное значение. Так, его внимание привлекли Золотые ворота и древние церкви Владимира на Клязьме, куда он заезжал в 1741 г. по дороге из Петербурга в Астрахань[2].

Позднее, основываясь на личных наблюдениях, Татищев писал, давая резко отрицательную оценку реставрационным работам, проводившимся в то время во Владимире и других русских городах: «По оставшему во Владимире строению, а паче по вратам градским, видимо, что Архитект достаточный был. Онаго древнего строения мало осталось, и починка новая весьма отменилась, церковь же конечно должна бы преимуществовать. Но как оная после некаким простым каменщиком перестраивана, то уже ни коего знака науки архитектурной в ней не видно»[3].

Древнерусская архитектура чрезвычайно интересовала Татищева. Он внимательно изучал старинные здания и в других древнерусских городах— Юрьеве-Польском, Киеве, Новгороде, Старой Ладоге, побывал на Волыни, где в его время было еще немало древних церквей.

Татищев получал самые разнообразные сообщения о находках древностей в различных областях России, а иногда ему присылали и сами вещи. Весь этот огромный материал Татищев тщательно обрабатывал и затем использовал для своего капитального труда по истории России. Так, он переписывался о древностях с «одним знатным смоленским шляхтичем», а «один знатный дворянин» сообщил ему,что в верховьях р. Прони есть «запустелое городище и неколико здания каменного видно»[4]. Татищев сообщает также о «запустелых» городищах на Оке и Протве, о которых не упоминает «Книга Большому Чертежу»[5]. Ему известно местонахождение Изборска, городища близ Ростова, где «весьма древнее место знатное на левом берегу Волги... и близ онаго несколько древних городищ находились на Волге по направлению к Твери»[6].

Много сведений приводит Татищев о «запустелых» городищах и курганах на Днепре, Днестре, Южном Буге; некоторые из них ему довелось осмотреть. На основании личного исследования Татищев описывает древнерусские города Коростень, Заруб, Вышгород, в котором он осматривал древнюю каменную церковь[7]. Побывал он и в Ольвии, «где доднесь древняя крепость видимая»[8]. Проезжая вниз по Днепру, Татищев обра-

[1] В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, стр. 363.
[2] Н. Пальмов. Указ. соч. ИАН СССР, 1925, № 6—8, стр. 203.
[3] В. Н. Татищев. История Российская, кн. III, стр. 487.
[4] Н. Попов. Татищев и его время. М., 1861, стр. 434; В. Н. Татищев. История Российская, кн. II, стр. 422.
[5] В. Н. Татищев. История Российская, кн. II, стр. 478.
[6] Там же, кн. I, стр. 332; кн. II, стр. 447.
[7] Там же, кн. II, стр. 363, 389; кн. I, стр. 480; его же. Лексикон..., ч. I, стр. 307.
[8] В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, стр. 152; кн. II, стр. 385.

тил внимание на древние валы около Триполья и Переяславля, определив их как защитные сооружения от кочевников. Подобные же валы отмечал он на Северном Донце и в других местах[1].

Ряд известий есть у Татищева об археологических памятниках Подонья. На Дону и Северном Донце и их притоках он знал много «развалин великих строений и могил доднесь видимы», которые «от Татар супустошены»[2]. Так, Татищев пишет, что «на Большом Ингуле доднесь не малый град запустевший виден», а также и другие городища[3]. На Северном Донце «многия древния городища видимы, особливо не далеко от устия оной верстах в 30, не малого каменного града основание видно». Среди этих городищ Татищев искал Саркел, летописные города половцев Сугров и Шарукань[4].

Много внимания Татищев уделял болгарским и золотоордынским городищам. Он осматривал развалины Болгара, Биляра и других болгарских городищ на Волге и Каме. Он описывает вал под Симбирском, построенный, по его мнению, болгарами для защиты от нападений монголов[5]. Он указывает, что город Бряхимов был на р. Суле, где «каменное древнее городище видно»[6]. Жукотин же находился в устье Камы, «где доднесь бывшее укрепление видимо»[7]. Болгарский город Ашля был, по мнению Татищева, расположен ниже устья Камы на правом берегу Волги и «его основания видны». Близ Симбирска на горе также находился город и «его строения каменные видны»[8].

Татищев относил Биляр к городищу на р. Черемшане, где «еще неколико древния здания каменныя, а особливо портал или врата великого храма и стены видимы», а также сохранились остатки валов[9]. О Болгаре Татищев сообщает, что «домы видно, что более были каменные и в развалинах много от украшения наружной резьбы и полированной свинцом гончарной работы находится»[10].

Подробно описывает Татищев и многочисленные золотоордынские городища на нижней Волге и Ахтубе, о которых он собирал сведения среди местного населения, часть же из них осмотрел лично. Так, сообщая о городищах Сумеркент и Красный Яр, он пишет: «Мню против или мало ниже Царицына на острову город Сумеркент именуем, его Батый чрез 8 лет добывая раззорил и Шерисарай или Золотой Дворец, как и Абулгази хан именует, по левой стороне Ахтубы ниже Царицына 35, а выше Чибита около 270 верст построил, которое доднесь Царев Дом зовется, и по речке великое еще и в развалинах видно, из древнего города на островах знака хотя я прилежно тамошних обывателей спрашивал, кроме что на Сырпынском острову близ Царицына малого признака нигде не сыскано; может тот остров со всем снесло или так засыпано, что найти не возможно, еже не редко случается»[11].

Подробное описание дано и городищу у Красного Яра: «Ниже Чигить-

[1] В. Н. Татищев. История Российская, кн. II, стр. 476.
[2] Там же, кн. I, стр. 280, 357.
[3] Там же, кн. I, стр. 479; кн. II, стр. 389,393; его же. Лексикон..., ч. III, стр. 83.
[4] В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, стр. 221, 358; кн. II, стр. 456.
[5] В. Н. Татищев. Избранные работы по географии России, стр. 127.
[6] В. Н. Татищев. История Российская, кн. III, стр. 488.
[7] В. Н. Татищев. Лексикон..., ч. II, стр. 216.
[8] В. Н. Татищев. История Российская, кн. III, стр. 515, 516.
[9] Там же, кн. I, стр. 351; его же. Лексикон..., ч. II, стр. 361.
[10] В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, стр. 350, 351; его же. Лексикон..., ч. II, стр. 176, 177.
[11] В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, стр. 354.

еджи по луговой стороне, где город Красный Яр, древнее и не малое строение было, но звания древнего никто не знает. По нагорной стороне выше Астрахани верст с 9, древний город Жареной, Татара именуют Алтыдкар, значит полип или поем, где была прежняя Астрахань, и на острову, где город Красный Яр, были города великие»[1].

«По левому берегу реки Ахтубы видимы развалины строения каменного непрерывно верст на 70, наипаче, где ныне Селитренной завод, был город великой именуемой Чатитьаджи, которого вал и рвы на великом пространстве, как я в 1741 году сам видел; в сем месте, что я примечания достойного нахожу, есть трубы глиняные, которыми вода от Ахтубы под землею в разныя места провожена, и не токмо целы, но и смаска их известью так крепка, есть ли высохнет, что невозможно от глины отнять[2]; гончарная работа разных цветов на пешаном камени, и оные якоже и золоченье для составления фигур резанные смазываны известью так крепко, что без повреждения разделить не можно»[3].

Татищев считал необходимым при издании «Истории Российской» приложить к ней планы некоторых древних памятников, сделанные по его поручению геодезистами,— Булгара, Саркела, «разоренных городищ» на Дону, а из «строений» русских — церковь и ворота во Владимире, собор в Юрьеве-Польском и др.[4]

Одной из главных задач, которую стремился разрешить в «Истории Российской» Татищев, было выяснение того, «какой народ в том пределе издревле обитал, как далеко границы в которое время распростирались», где было местонахождение древних городов[5]. При решении этих вопросов археологические материалы зачастую оказывались незаменимыми. В «Истории Российской», в «Лексиконе» и других трудах Татищев часто весьма удачно использует в качестве основных эти источники в сочетании с письменными данными.

Разнообразные археологические материалы, которым в научных кругах уделялось в то время крайне мало внимания, в руках Татищева приобретали значение ценнейших источников, особенно для начальных этапов истории, о которых письменных данных сохранилось очень немного. При помощи сочетания материальных и письменных данных Татищев обосновывал правильность того или иного вывода.

Так, в критических замечаниях на известную, но во многом ошибочную книгу Страленберга о Сибири, составленных Татищевым в 1736 г., он широко использовал свои сибирские материалы. Татищев пишет: «Вверх Иртыша в степи в западной стороне найден великой дом или церковь с оградою каменною, из которого многое число писем взято... Еще есть каменное здание, где... крепость Оренбург заложена и таковых по известиям немало в пустых степях находятся, но чтоб оные были жилища и строения татарские, оному верить не можно, ибо видимо, что татара нигде городов не строит, но построенные разоряя оставляли, как по вышеобъявленным по Волге при Ахтубе именуемой». И далее, исходя из того, что кочевники-татары не могли иметь городов, Татищев приписывает эти поселения роксаланам или сарматам, которых он считал предками мордвы и чувашей[6]. Не мог быть татарским, по мнению Татищева,

---

[1] В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, стр. 355.
[2] Там же, стр. 355.
[3] Там же, стр. 353—354.
[4] В. Н. Татищев. Избранные работы по географии России, стр. 20.
[5] В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, Предуведомление, стр. XX.
[6] В. Н. Татищев. Примечания на Страленберга. Библиотека АН СССР, рукопись № 17, 9, 7, л. 24 и об.

и город Болгар, ибо «онаго остатки и разореные великие здания и преизрядно устроенные укрепления свидетельствуют, что татара нигде таких зданий не имели»[1].

Примером анализа Татищевым археологических данных может служить его взгляд на известные сибирские писаницы: «... Из глубокой древности видим, что первый образ писания был не буквами, но знаками вещей...; равно же тому в Сибири, на некоторых каменных горах, недоведомою краской написанные и высеченные начертания людей, зверей, птиц и прочие видимы»[2].

До конца своих дней Татищев продолжал собирать древности, изучал их, а многие пересылал в Академию наук[3]. Далеко не все из того, что им было собрано по части древностей, Татищев использовал в «Истории Российской и «Лексиконе»[4].

О древностях Татищев вел оживленную переписку в течение ряда лет с оренбургским губернатором И. И. Неплюевым и особенно с высоко ценившим Татищева, много помогавшим ему при работе над «Историей Российской» первым членом-корреспондентом Академии наук П. И. Рычковым. Вероятно, по поручению Татищева и, во всяком случае, в тесном контакте с ним Рычков работал над своими известными сочинениями — «Оренбургской топографией», «Опытом Казанской истории» и «Введением к Астраханской топографии». Все эти труды посвящены как раз тем районам, в которых наиболее активно развертывалась исследовательская деятельность Татищева. Рычков широко использовал и труды Татищева, и материалы, которые ему предоставлял историк. Так, в «Опыте Казанской истории» Рычков указывал, что приводит «древних и средних времен немногие их городища и развалины по описанию покойного тайного советника Василья Никитича Татищева»[5]. Действительно, описания Болгара и других болгарских городищ на Волге, имеющиеся у Рычкова, почти дословно повторяют то, что говорит о них Татищев[6]. Во «Введении к Астраханской топографии» Рычков прямо ссылается на Татищева, приводя нигде не опубликованное его описание Маджар и других городищ на р. Куме[7].

Среди других использованных Рычковым источников следует указать описание Казани и Казанской провинции, сделанное по поручению Татищева в 1739 г. геодезистом Пестриковым, и описание Вятской губернии, сделанное подпоручиком геодезии Клешниным[8].

П. Рычков и позднее И. Лепехин, Н. Озерецковский, П. Паллас, В. Зуев, Н. Рычков и другие русские ученые продолжали работу Татищева по собиранию отечественных древностей, непрерывно пополняя ими Кунсткамеру[9]. Но Татищев думал не о простом собирательстве коллекций древностей. Его увлекала мысль о планомерной научной организации изучения русских древностей. Думая о благе отечественной науки, он

---

[1] В. Н. Татищев. Примечания на Страленберга, л. 25.

[2] В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ. Чтения в Московском обществе истории и древностей российских за 1887 г., кн. I, стр. 86.

[3] А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 282.

[4] В. Н. Татищев. История Российская, кн. II, стр. 435.

[5] П. И. Рычков. Опыт Казанской истории. СПб., 1767, стр. 20.

[6] Там же, стр. 20—23; В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, стр. 350, 351.

[7] П. И. Рычков. Введение в Астраханскую топографию. М., 1774, стр. 12—14.

[8] П. И. Рычков. Опыт Казанской истории, стр. 173, 174, 188.

[9] Материалы для истории Академии наук, т. X, СПб., 1900, стр. 364.

предлагал создать первое русское руководство по археологии, нужда в котором ощущалась очень остро. Татищев писал из Болдина в Академию наук 6 сентября 1748 г.: «Я о подземностях и окаменелостях хотя разные книги на немецком языке имел и еще имею, но желал бы видеть, чтоб для чести и пользы Академии и народа хотя краткое на нашем языке издать, чрез что потребность оных искать и Академии сообсчать более знать будут»[1].

Благодаря энергичной деятельности Татищева были собраны огромные материалы, часть которых не потеряла своего значения для археологической науки и поныне. Передовые взгляды Татищева о важности изучения отечественных древностей и разработка им методики археологических исследований позволяют считать его одним из зачинателей русской археологической науки.

---

[1] А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 283.

МАТЕРИАЛЫ

Р. М. МУНЧАЕВ и К. Ф. СМИРНОВ

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДАГЕСТАНЕ

(Курганная группа у станции Манас)

Северо-Восточный Кавказ, в частности Дагестан, является одной из областей Кавказа, наименее изученной в археологическом отношении. Начатые еще в середине прошлого столетия археологические исследования выявили на территории Дагестана целый ряд интересных и разновременных памятников древности. Они исследованы почти исключительно в приморской, равнинной части. Горный и высокогорный Дагестан остается по сей день совершенно неизученным. Археологические памятники, раскопанные в послевоенные годы на территории Дагестана, до сих пор полностью не опубликованы. Это служит серьезным тормозом в дальнейшем развитии кавказоведения. Дело в том, что Дагестан, особенно его приморская часть, занимает исключительное географическое положение. Он находится на основных путях, связывающих Закавказье и Переднюю Азию с Северным Кавказом и вообще со всем Юго-Востоком нашей страны. Значение этого факта трудно переоценить.

Мы выбрали для первоочередной публикации материалы раскопок Манасской курганной группы потому, что эта группа памятников довольно ярко характеризует культуру эпохи бронзы в Дагестане и выявляет связи как с предшествующими этапами развития местной культуры эпохи меди и ранней бронзы, так и с последующей культурой эпохи поздней бронзы и раннего железа. Кроме того, исследуемая группа памятников позволяет раскрыть связи местных племен с их кавказскими соседями и с более северными степными племенами, а также проливает свет на взаимоотношения Кавказа со степным миром в эпоху бронзы и на некоторые события военно-политического характера, происходившие в степях Восточной Европы в середине II тысячелетия до н. э.

Курганная группа в урочище Коркама-хола у станции Манас Карабудахкентского района ДАССР была исследована в 1950—1951 гг. Дагестанской археологической экспедицией ИИМК под руководством К. Ф. Смирнова[1].

Урочище Коркама-хола находится в 3 км на юго-запад от железнодорожной станции Манас и в 10 км на восток от с. Карабудахкент. Оно представляет собой невысокое плато с обрывистым склоном в сторону р. Манас-озень, которая протекает с севера у подножья этого плато. Отсюда открывается вид на долину р. Манас-озень, на обширные просторы

[1] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 85—88.

Прикаспийской низменности и Каспийское море. Курганы находятся на небольшой платформе, выступающей с северо-западной обрывистой стороны в виде мыса в сторону р. Манас-озень и имеющей углубление в середине. Курганная группа состояла из 4 курганов с оплывшими земляными насыпями высотой немного более 1 м. Два кургана (№№ 1 и 2) в южной части курганной группы были совершенно целые. Насыпи двух других курганов, находящихся на расстоянии 7 м друг от друга в северной части платформы (№№ 3 и 4), испорчены новыми канавами, прошедшими через середины курганов. Выяснено, что к интересующему нас времени относятся курганы №№ 1, 3 и 4. Курган № 2, как показали раскопки, был насыпан над катакомбой гунно-сарматского времени, причем насыпь перекрывала несколько погребений каякентско-хорочоевской культуры, залегавших в грунте под древним погребенным почвенным слоем[1].

Курган № 1 имел круглую форму с уплощенной вершиной и сильно оплывшими полами; диаметр — 16 м, высота — 1,28 м. Центральную часть кургана окружало кольцо из небольших камней (кромлех) диаметром около 3 м, с максимальной толщиной 0,45—0,5 м; за его пределами следов грунтовых могил не обнаружено (рис. 1а). Внутри кольца, в южной части под насыпью лежал слой гальки,— вероятно, могильный выкид. Основное погребение кургана было ограблено. На дне грабительской ямы на глубине 2,1 м в центре кургана лежали грудой кости почти полного скелета женщины в возрасте около 30 лет. Череп довольно хорошей сохранности был искусственно деформирован в области теменных костей[2].

Основная могила была вырыта в плотном суглинке на глубине 4,15 м от вершины кургана и была смещена от центра к северо-западу. Могила имела овальную форму. Ее длина — 2,1 м, максимальная ширина — 1,4 м. Дно могилы выстилал галечник, залегавший под слоем суглинка, в котором вырыта могила. На высоте 0,75 м от дна могилы на уступах покоилось перекрытие могилы из массивных плит ракушечника толщиной 0,2—0,26 м, в центре нарушенное грабителями. В грабительском ходе собраны обломки сосудов, тождественных керамике из курганов №№ 3 и 4.

Под провалившимся перекрытием находилось нечто вроде камеры с земляным сводом (высотой 1,45 м), не заполненной землей. Эта камера является частью грабительского лаза, вероятно, увеличенного в результате провала земли в пустую, ограбленную могилу.

Курган № 3 имел приблизительно ту же высоту и форму, что и курган № 1. Его диаметр — около 15 м. Центральная часть кургана, где находилась катакомба 1, была опоясана каменным кольцом диаметром 6 м. Здесь открыты 2 катакомбы, связанные между собой проходом и содержавшие 14 костяков, и 3 погребения в насыпи (рис. 1б).

Катакомба 1 имела могильный вход в виде вертикально идущего вниз колодца, расширявшегося против входа в катакомбу и образовавшего небольшую нишу или подбой, вероятно, для удобства внесения покойника в могилу. С северо-восточной стороны могильного колодца находился вход в катакомбу, закрытый большой каменной плитой, по обеим сторонам к которой прилегали 2 длинных камня. Глубина могильного колодца — 2,8 м, высота и ширина входа в катакомбу — 1 м (рис. 1б).

Катакомба представляла собой обширную погребальную камеру, вырытую в плотном суглинистом грунте. Она была почти круглой формы (2,3×2,4 м). Свод катакомбы арочный. Ее максимальная высота — 1,5 м. Дно катакомбы глубже дна входного колодца на 1 м. Стены и потолок

[1] Этот курган в данной статье не публикуется.
[2] Антропологический материал обработан Н. Н. Миклашевской.

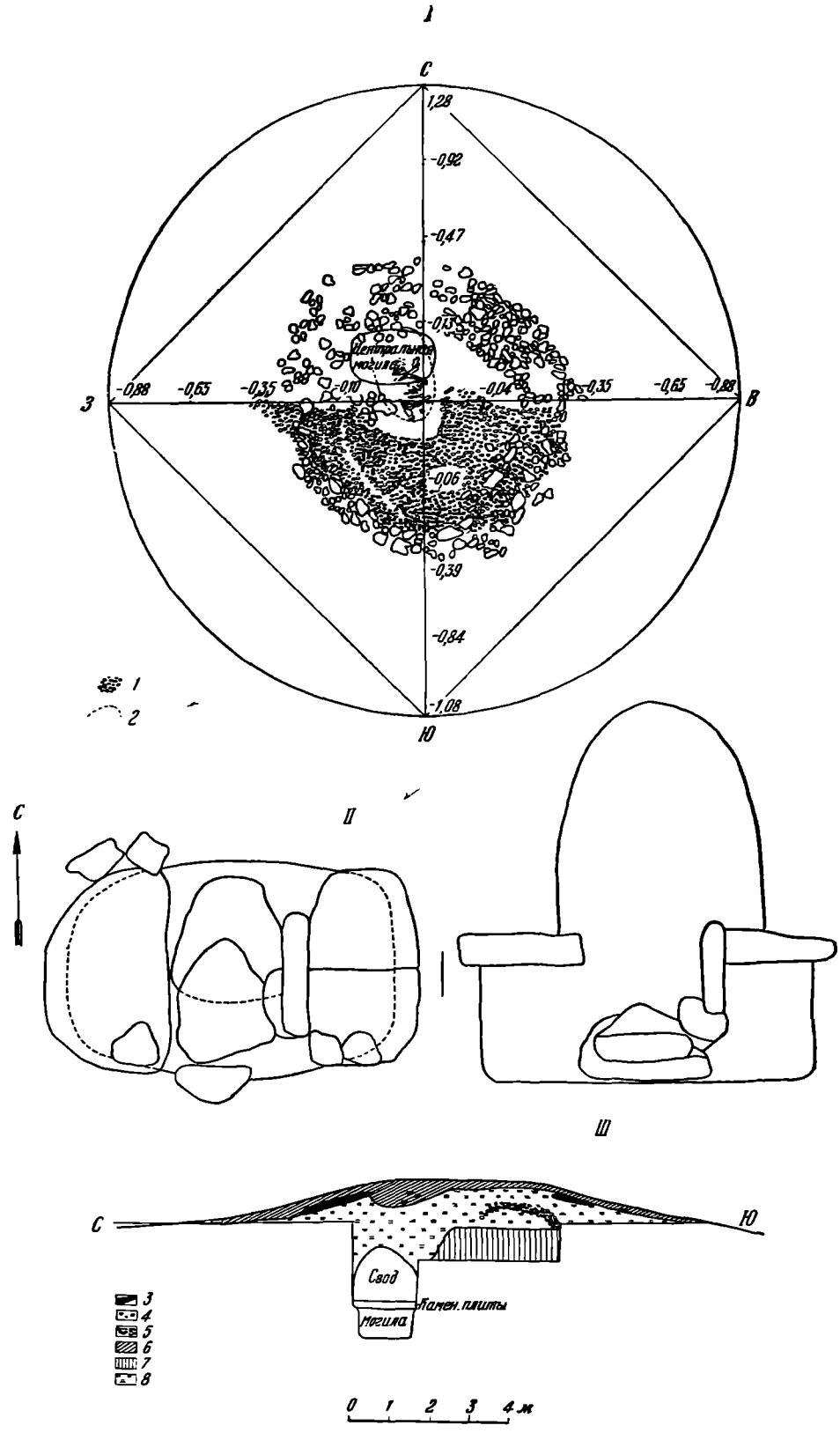


Рис. 1а. Манасский курган № 1.

I — план кургана; *II* — план и разрез могилы со сводом; *III* —профиль кургана по линии *СЮ*; *1* — галька; *2*— верхний контур грабительской ямы; *3* — каменная кладка; *4* — отдельные камни; *5* — галька; *6* — гумусный слой; *7* — материк (желтый суглинок); *8* — суглинок с редким включением гальки.

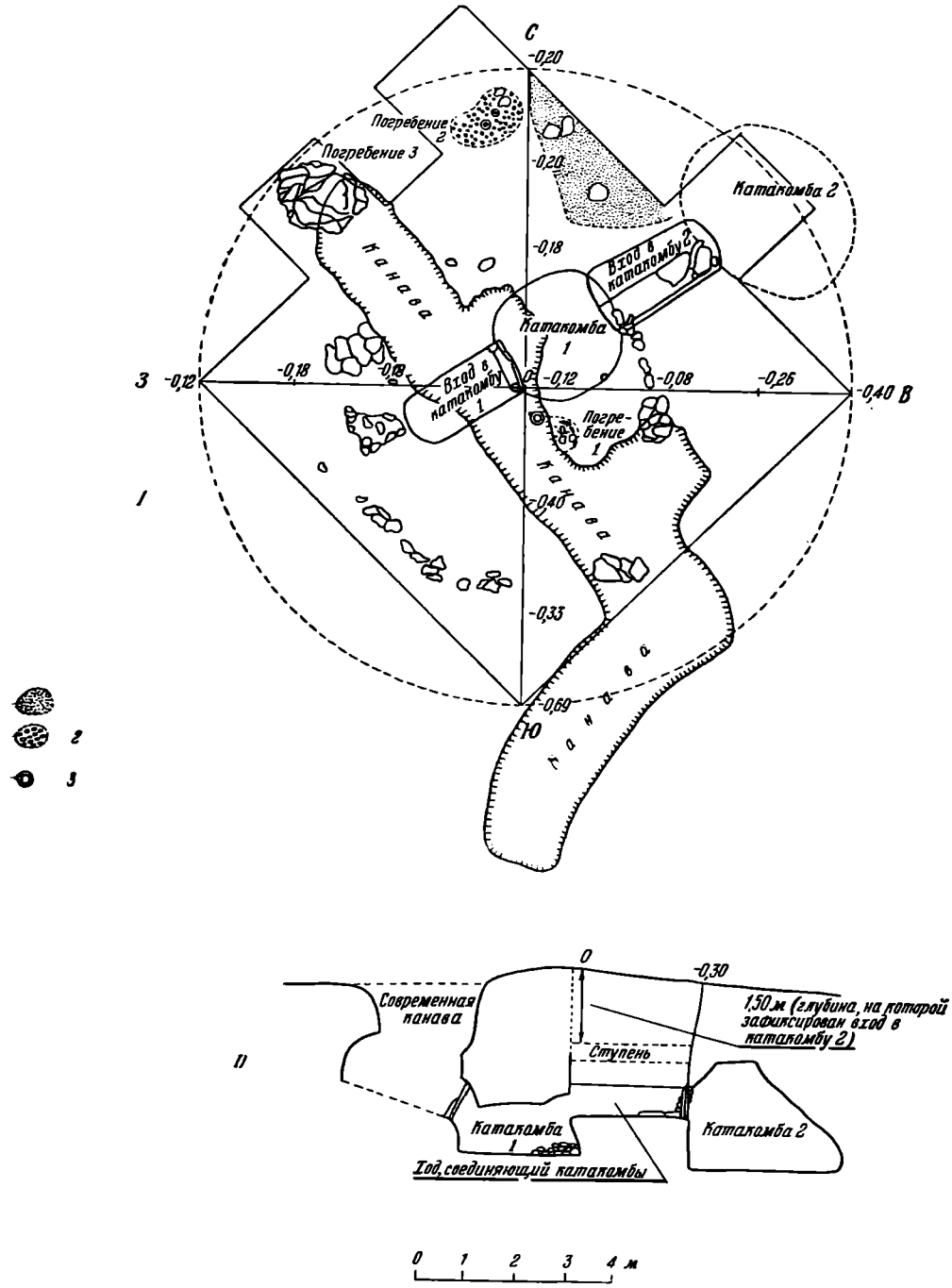


Рис. 16. Манасский курган № 3.

I —план раскопа кургана; *II*—разрез катакомб; *1*—пепел и уголь; *2*—слой гальки; *3*—сосуд.

катакомбы сохранили следы обработки при помощи узких орудий, шириной 2,5 и 5 см. Под потолком северо-восточной части катакомбы находился другой вход, ведущий во вторую катакомбу. Его стены и потолок оказались обложенными сырцовыми кирпичами и камнем. Ход, заложенный камнями и обломками сырцовых кирпичей, имел ширину 0,55 м и высоту 0,35 м.

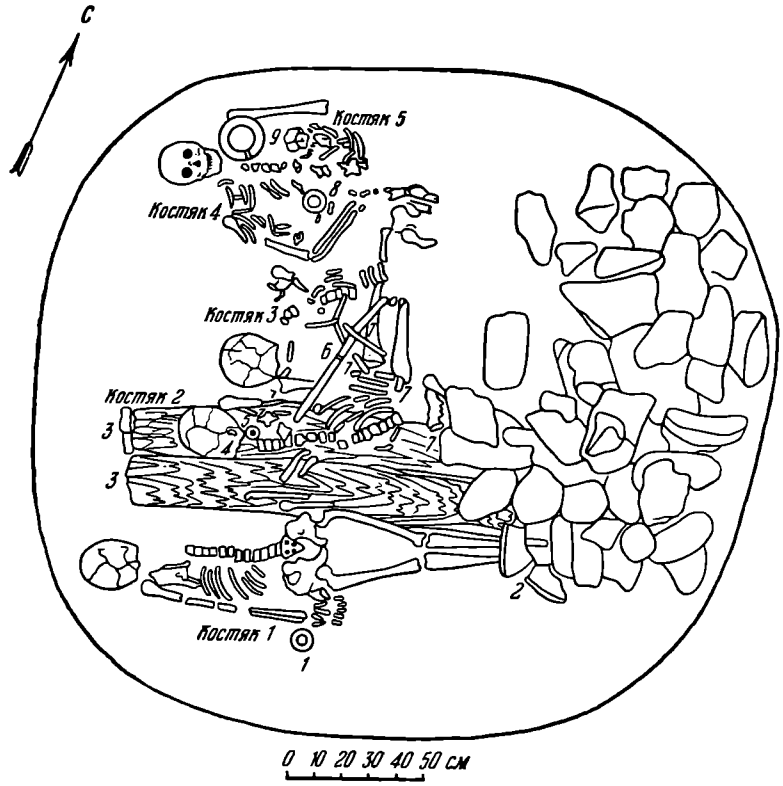


Рис. 2а. План погребений в катакомбе 1 Манасского кургана № 3.

1 — глиняный горшочек; *2* — обломки большой миски; *3* — доски; *4* — медное височное кольцо; *5* — каменная булава; *6* — деревянная планка; *7* — обломки деревянных палочек; *8* — глиняный горшочек; *9* — глиняный горшок.

На земляном полу катакомбы лежали в вытянутом положении на спине, головами ко входу (на юго-запад) 5 человеческих скелетов (рис. 2а).

При костяке 1 (самом крайнем от юго-восточной стены катакомбы) находились маленький круглодонный сосудик с петельной ручкой (у кисти правой руки), 2 кремневых отщепа и обломки большой разбитой миски (в ногах). Возле черепа лежали какие-то семена (?).

Слева от костяка 1, параллельно ему, лежал костяк (№ 2) взрослого человека, под которым находились 2 длинные доски. При нем найдены: круглое навершие булавы из мергеля (рис. 3а, *2*) — близ черепа, на левой части груди, и медное массивное височное кольцо с заходящими друг на друга концами (рис. 3а, *1*) — под черепом.

Слева от него находился костяк 3, от которого сохранились in situ череп и плечевые кости. Поперек грудных клеток костяков 2 и 3 лежал какой-то деревянный предмет в виде уплощенной палочки, длиной 0,52 м. В разных местах на костяках 2 и 3 находились круглые в сечении палочки, около которых найдено много волокон морской травы.

Костяк 4 лежал у северо-западной стены катакомбы. Он принадлежал, вероятно, женщине. Правая рука была согнута, и ее кисть лежала на пояснице. На левой части груди сохранились остатки костяка (№ 5) ребенка с молочными зубами. При костяках 4 и 5 найдено 2 сосуда: на левом плече женщины — чернолощеный сосуд с уплощенным дном и маленькой

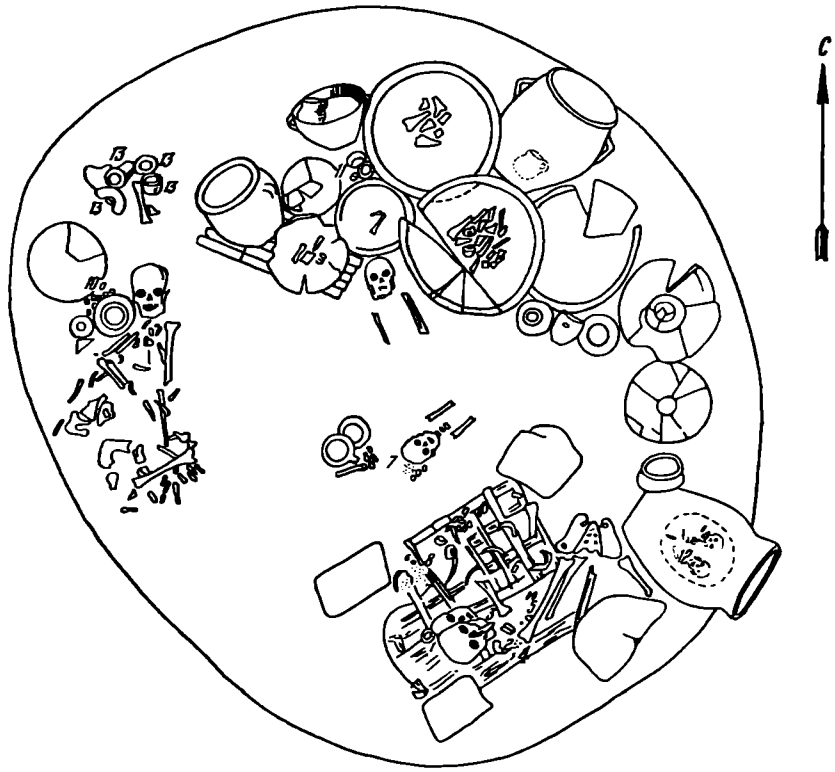


Рис. 2б. План погребений в катакомбе 2 Манасского кургана № 3.

1 — каменная булава; *2* — куски дерева; *3* — бронзовый нож; *4* — бронзовые бусы; *5* — бронзовое височное колечко; *6* — плетеная подстилка; *7* — бусы; *8* — височные колечки (3 экз.); *9* — альчики; *10* — уголь; *11* — пряслице с остатком веретена; *12* — бронзовые подвески; *13* — глиняные формы.

обломанной ручкой (рис. 4, *2*); справа от черепа ребенка, на правой части груди женщины — небольшой круглотелый горшочек с уплощенным дном.

Все костяки лежали на подстилке, от которой сохранился коричневато-фиолетовый тлен. На дне катакомбы встретились угольки, на костях — слои черного вещества. Скелеты 2, 3 и 4 были частично нарушены, особенно в нижней части, куда упали камни, которыми был заложен проход в катакомбу 2.

Катакомба 2 имела свою входную яму (рис. 1б). Ее длина на глубине 1,2 м от поверхности — 2,6 м, ширина у юго-западного конца — 1,4 м, у северо-восточного конца — 1,2 м. Дно входной ямы находилось на глубине 3,1 м от вершины кургана, т. е. почти соответствовало глубине пола входной ямы катакомбы 1. Над катакомбой 2 отдельной насыпи не было —

Рис. 3а. Вещи из катакомб курганов № 3 (*1*, *2*) и № 4 (*3*—*16*).

1 — медное височное кольцо; *2* — булава из мергеля; *3* — булава из змеевика; *4* — медные бусы; *5* — сердоликовые бусы; *6* — пастовые бусы; *7* — медное шило; *8*, *9* — медное височное кольцо; *10*—*12* — медные трубочки-пронизки; *13* — спиральные пронизки: *14* — медная пластинка; *15* — медная очковидная привеска; *16* — медная проволочка.

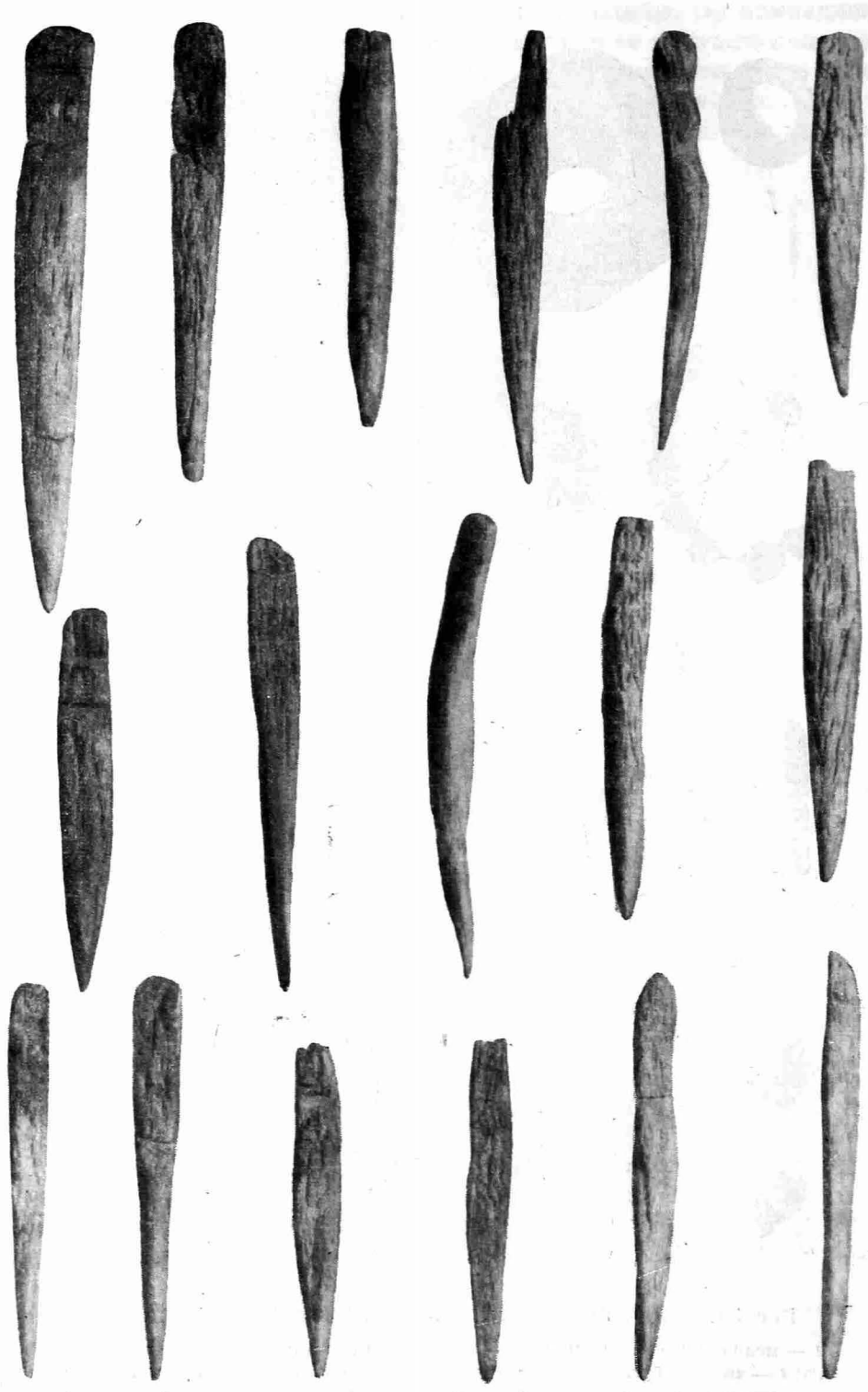


Рис. 3б. Костяные поделки из катакомбы кургана № 4.

Рис. 4. Глиняные сосуды из курганов №№ 3 и 4. Первые два—из кургана № 3, остальные—из кургана № 4.

отсюда уже начинался склон к р. Манас-озень. На глубине 1,9 м входная яма суживалась до ширины 0,65 м, образуя ступень высотой 1,2 м и узкий коридор длиной 2,4 м, соединяющий обе катакомбы. Этот подземный коридор имел арочный потолок из камней и кусков слабо обожженной глины. Высота арочного свода — 0,65 м, ширина — 0,75 м. Пол катакомбы был ниже пола коридора на 1,05 м. Вход в катакомбу был заложен небольшими плитками сланца и двумя большими плитами, стоявшими наклонно, вплотную друг к другу.

Катакомба 2 отличалась теми же особенностями, что и катакомба 1. Она имела овальную форму (3,3×2,95 м) и куполообразный потолок (высота катакомбы — 2,2 м). Стены катакомбы были обработаны орудием, имевшим лезвие шириной 4 см.

В катакомбе находилось семейное захоронение мужчины, 2 женщин и 6 детей (рис. 2б). У юго-восточной стены катакомбы лежали в беспорядке кости 3 скелетов — мужчины, женщины и ребенка. Черепа взрослых лежали рядом, лицом кверху, теменем ко входу (на юго-запад). Левее женского черепа находились остатки скелета пятилетнего ребенка.

При этих 3 костяках найдены: обломок шаровидной булавы из мергеля (за теменем мужского черепа; рис. 5, *2*), медный копьевидный ножичек-клинок (под тем же черепом, рис. 5, *1*), много медных, лигнитовых и пастовых бус (рис. 5, *3—5*), 5 височных колец в 1,5 оборота (рис. 5, *8—12*), плоское костяное колечко (рис. 5, *14*) и бараньи астрагалы. Некоторые кости носили следы красной и желтой охры. Все 3 скелета лежали на плетенке из прутьев или камыша, обложенной с длинных сторон досками. Это ложе было посыпано красной и желтой охрой и мелом. По углам ложа находились плоские камни, вокруг северного камня было разбросано много кусков красной охры.

В центре катакомбы найдены кости второго детского скелета, погребенного в вытянутом положении на спине, головой ко входу. Около черепа лежали медные и пастовые бусы (рис. 5, *6*, *7*), обломок колечка или подвески из раковины (рис. 5, *13*), астрагалы и слева — две мисочки (рис. 6, *1*, *2*).

У западной стены катакомбы обнаружены кости женщины средних лет и тут же — отдельные кости ребенка 5 лет. Скелет женщины лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на север. Детские кости находились в области таза. При этих скелетах найдены: медная бусина, сосуд с ручкой (рис. 6, *3*), 5 массивных стакановидных предметов из необожженной глины (рис. 6, *4*, *5*), миска, под которой был уголь, и кости барана. В одном из необожженных сосудов оказалась красная краска.

Северо-восточная половина катакомбы была занята большим количеством разнообразных глиняных сосудов (рис. 6, *6—12*; рис. 7; рис. 8, *1*, *2*). В некоторых сосудах находились кости барана, а в одной из мисок лежали обломки деревянной мисочки и остатки какой-то пищи в виде темнокоричневой легкой пористой массы. Внутри другой миски (рис. 7, *1*) сохранились отпечатки зерен пшеницы (рис. 8, *3*). В ней же стоял небольшой горшочек с ручкой (рис. 6, *10*). Под сосудами были остатки от досок, прутьев и подстилка из морской травы.

К юго-западу от этих сосудов найдены детский череп лицом вверх, теменем на северо-северо-запад, и тлен от других костей. Ребенок лежал, видимо, на спине. За черепом находились миска (рис. 7, *2*), заполненная коричневатой массой (вероятно, остатки пищи) и бараньими костями, пряслице из головки бедра животного с остатками деревянного веретена (рис. 5, *15*) и 2 сосуда (рис. 6, *6*, *11*). Далее, ближе к стене, стояли большие миски, наполненные бараньими костями и остатками пищи в виде темной пористой массы (рис. 7, *3*, *4*), малые сосуды (рис. 6, *12*) и горшки

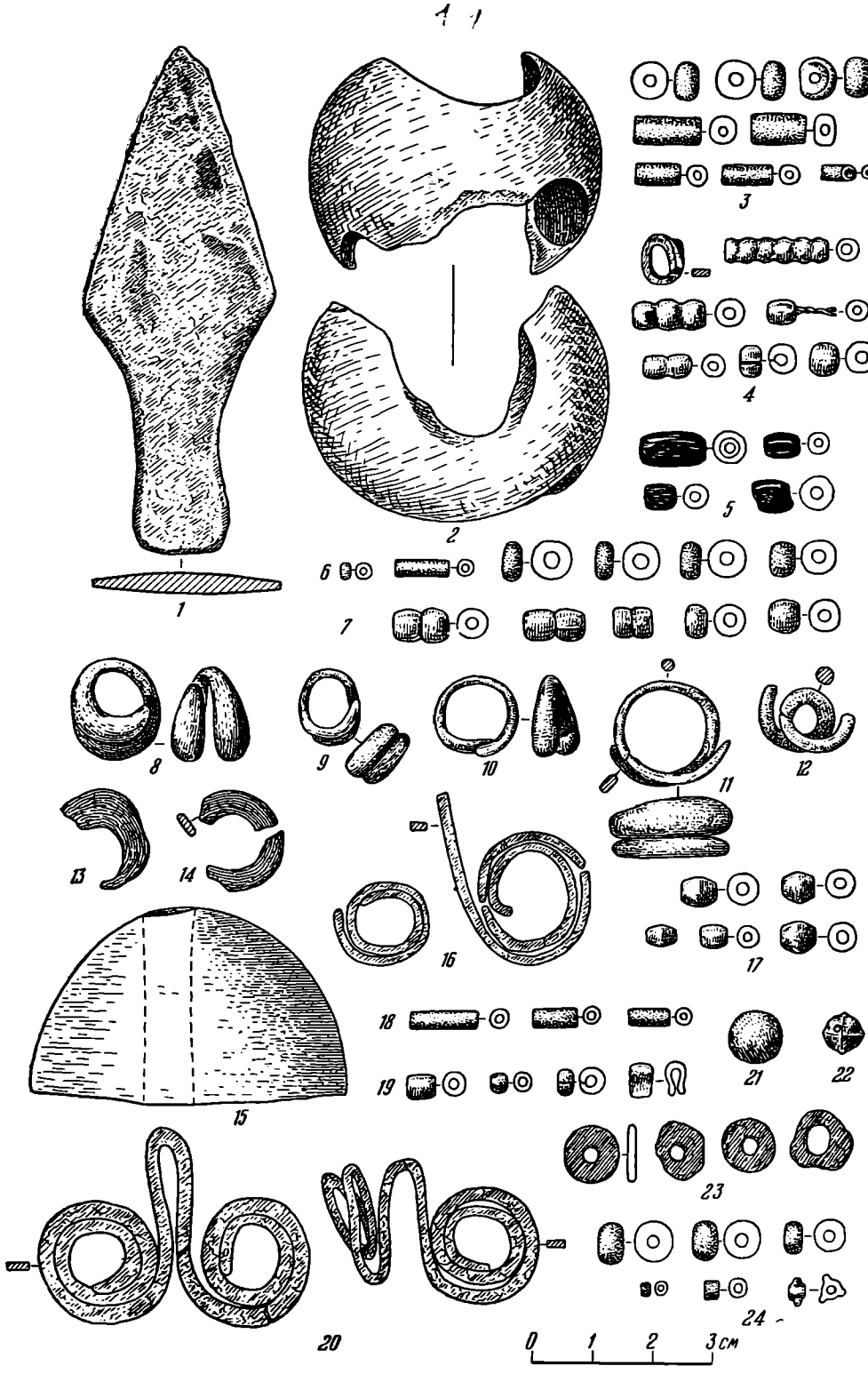


Рис. 5. Вещи из кургана № 3.

1 — медный ножичек; *2*—булава из мергеля; *3*, *6*, *18* — пастовые бусы; *4*, *7*, *17*, *19* — медные бусы; *5* — лигнитовые бусы; *8*—*12* — медные височные кольца; *13* — обломок колечка из раковины; *14* — костяное колечко; *15* — костяное пряслице; *16* — медная очковидная привеска (катакомба 2); *20* — медные очковидные привески (впускная могила 1); *21* — каменный шарик; *22* — бусина известняковая; *23* — бусины из раковины; *24* — пастовые бусы (*21*—*24*— впускная могила 3).

(рис. 7, *7*, *8*) и прямо у стены — самый большой сосуд (рис. 7, *5*), внутри которого лежала чашка (рис. 6, *7*). Там же обнаружено плоское деревянное блюдо на 4 ножках (рис. 9); рядом находилась охра.

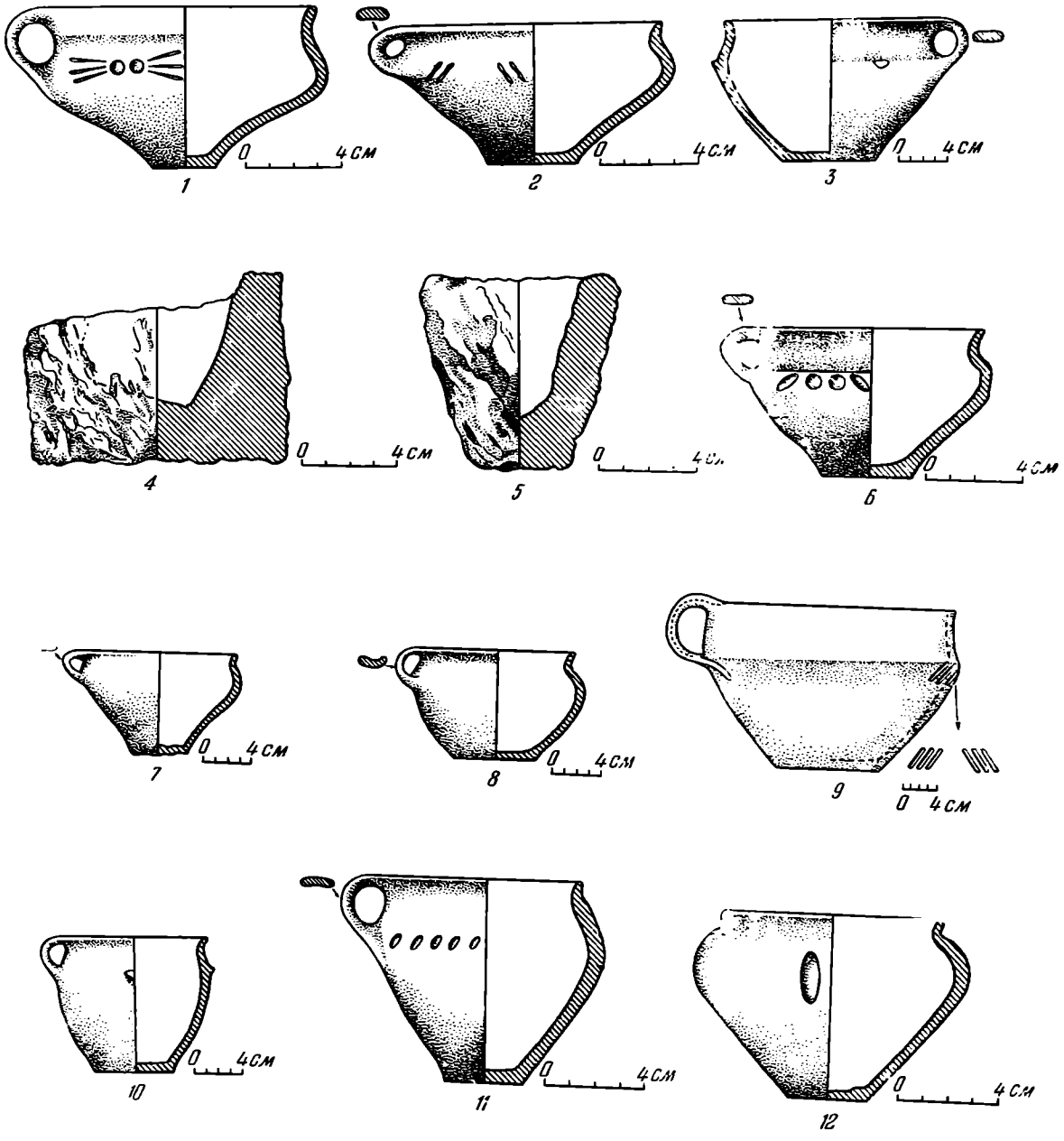


Рис. 6. Глиняные сосуды из катакомбы 2 кургана № 3.

Еще южнее, в ногах описанных выше 3 костяков, стояли 2 сосуда (рис. 6, *8*; рис. 6, 7); в одном из них (большом) обнаружены остатки 2 дет-

ских скелетов грудного возраста вместе с медными бусами и обломками очковидной привески (рис. 5, *16*, *19*).

В кургане № 3 были вскрыты еще 3 погребения (рис. 1б). Погребение 1 открыто близ входа в катакомбу 1, на глубине 1,28 м. Дно погребения подстилал слой галечника площадью около 0,7×0,8 м.

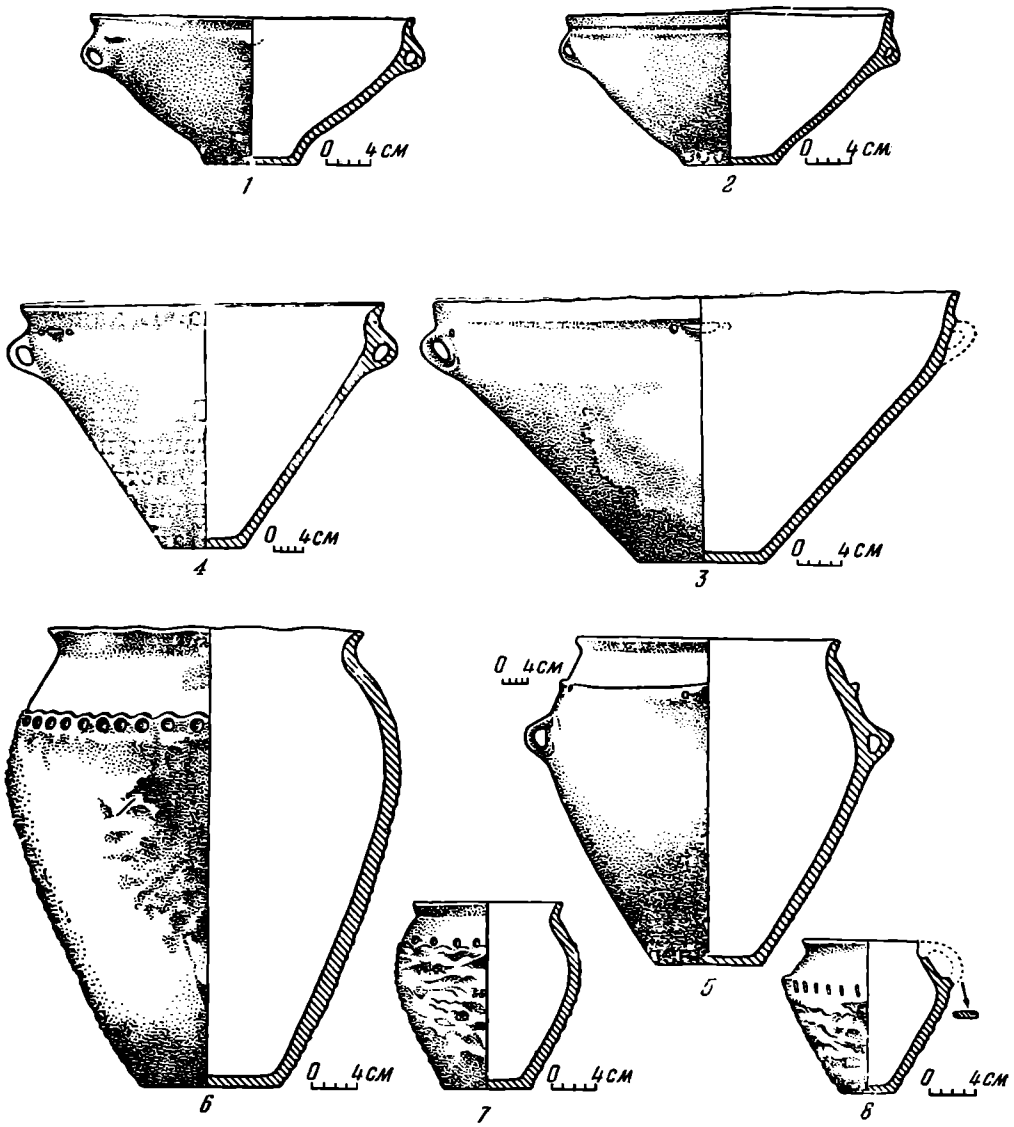


Рис. 7. Глиняные миски и горшки из катакомбы 2 кургана № 3.

Костяк, принадлежавший ребенку 5—6 лет, лежал на темной подстилке, скорченно на правом боку, головой на юго-запад. Инвентарь состоял из 2 горшков (рис. 10, *2*, *3*; в одном из них лежал кусок красной охры), 2 медных очковидных привесок (рис. 5, *20*; к северу от черепа), пастовых и медных бус (рис. 5, *18*, *19*). Южнее черепа были положены кости барана (главным образом ребра).

Погребение 2 обнаружено в северной части кургана на глубине 1,38 м. Пол могилы — из галечника. Могила — подовальной формы, ориентирована с юго-запада на северо-восток. Ее длина — 1,95 м и максимальная ширина — 0,8 м. От скелета сохранились лишь отдельные обломки костей. В могиле стояли миска и небольшой горшочек (рис. 10, *4*, *5*).

Между этим погребением и входом в катакомбу 2 на глубине 1,08 м находилось большое пятно из золы и угля, толщиной до 0,15 м.

Погребение 3 открыто в северо-западной части кургана (рис. 1б). Могильная яма соответствовала сооруженной в ней каменной гробнице, покрытой массивной каменной плитой (1,05×0,83×0,18 м); по бокам ее лежали плиты меньшего размера. В целом перекрытие занимало площадь 1,8×1,3 м. Каменный ящик, сложенный из 4 плит, аккуратно обработанных, ориентирован с востока на запад. Его внутренние размеры — 0,75× ×0,5 м, высота до перекрытия — 0,45 м. На дне гробницы лежал скелет ребенка примерно 10 лет, на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на запад. Инвентарь состоял из 3 сосудов (рис. 10, *6*, *7*), стоявших у северной стены гробницы, и бус из раковин, камня и пасты, находившихся между черепом и ножными костями (рис. 5, *21—24*).

Кроме описанных 3 погребений, в кургане № 3, вероятно, были и другие погребения, разрушенные в наше время канавами, где было найдено большое количество обломков сосудов катакомбного типа. В канаве, пересекающей входную яму катакомбы 1, обнаружены большая миска (рис. 4, *1*) и чашка с ручкой (рис. 10, *1*).

Курган № 4 содержал одну катакомбу (рис. 11, *I*). Входной колодец оказался нарушенным современной канавой, и его очертания не прослежены. Удалось лишь установить, что колодец в нижней части напротив входа расширялся, образуя нишу высотой 1,08 м и глубиной 0,78 м. Глубина входного колодца — 3,2 м. Полукруглый вход в катакомбу, закрытый большой плитой, был устроен с северо-восточной стороны входного колодца. Его ширина — 1,16 м, высота — 0,82 м. Дно катакомбы ниже дна входного колодца на 1,28 м. В обрезе канавы торчали камни, вероятно, от кромлеха, как в курганах №№ 1 и 3. Катакомба, вырытая в плотном суглинке, имела овальную форму [продольный диаметр (с северо-запада на юго-восток) — 3,6 м, поперечный — 2,9 м]. Максимальная высота камеры у входа — 2,06 м. Сводчатый потолок понижается постепенно к задней северо-восточной стенке камеры. На нем были прослежены следы орудия для обработки катакомбы, шириной 3 см. Пол катакомбы был выложен вдоль камеры сырцовым кирпичом крупного размера толщиной 11 см. Сырец сделан из глины с большой примесью травы.

В катакомбе обнаружены остатки 5 человеческих скелетов (рис. 11, *II*). От костяка 1, находившегося в юго-восточной части катакомбы, ближе ко входу, сохранились in situ кости голеней и стопы, к западу от них — череп; погребенный лежал на подстилке из досок, вытянуто, головой на юго-запад или запад, т. е. ко входу. При этом костяке найдены: медные, сердоликовые и пастовые бусы — вокруг черепа (рис. 3а, *4—6*), обломки бронзовых четырехгранного шильца и височного кольца — под черепом (рис. 3а, *7*, *8*) и миска в ногах (рис. 4, *6*). Западнее черепа 1, около крупных камней, лежавших у входа в катакомбу, найдены булава из змеевика (рис. 3а, *3*) и большая миска (рис. 4, *4*), в которой находился другой сосуд (рис. 4, *3*). Там же около камней лежали челюсть и отдельные зубы овцы.

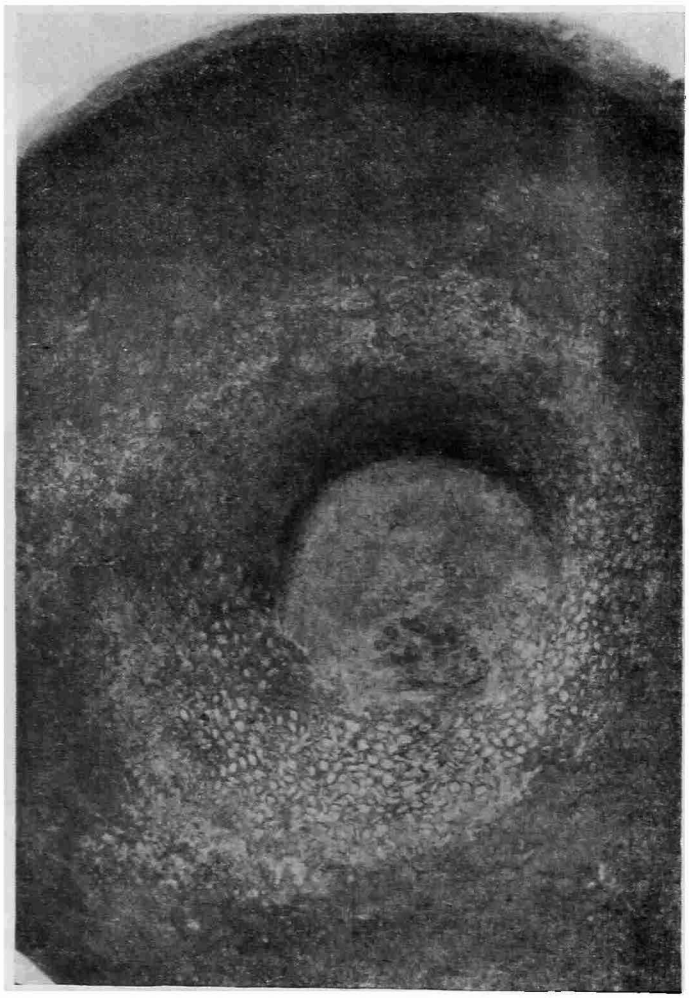
Рядом с остатками костяка 1 находились обломки черепа и костей от скелета 2 и среди них — 3 медные спиральные трубочки (рис. 3а, *10—12*).

Западнее лежали обломки черепа 3 и около них — ряд бронзовых вещей: спиральные пронизки, височное кольцо, очковидная привеска и фигурная пластинка (рис. 3а, *9*, *13—15*).

Севернее черепа 3 находились обломки черепа 4; недалеко от него, у южной стены катакомбы, найдена согнутая медная проволочка (рис. 3а, *16*).

В северо-западной части катакомбы сохранились обломки черепа

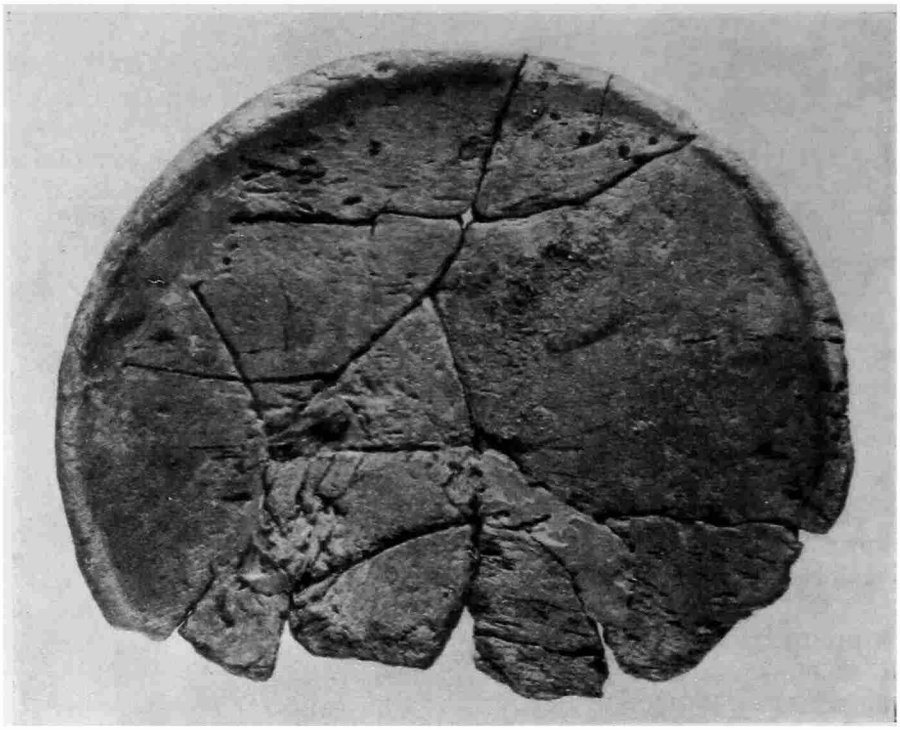
1 *2*



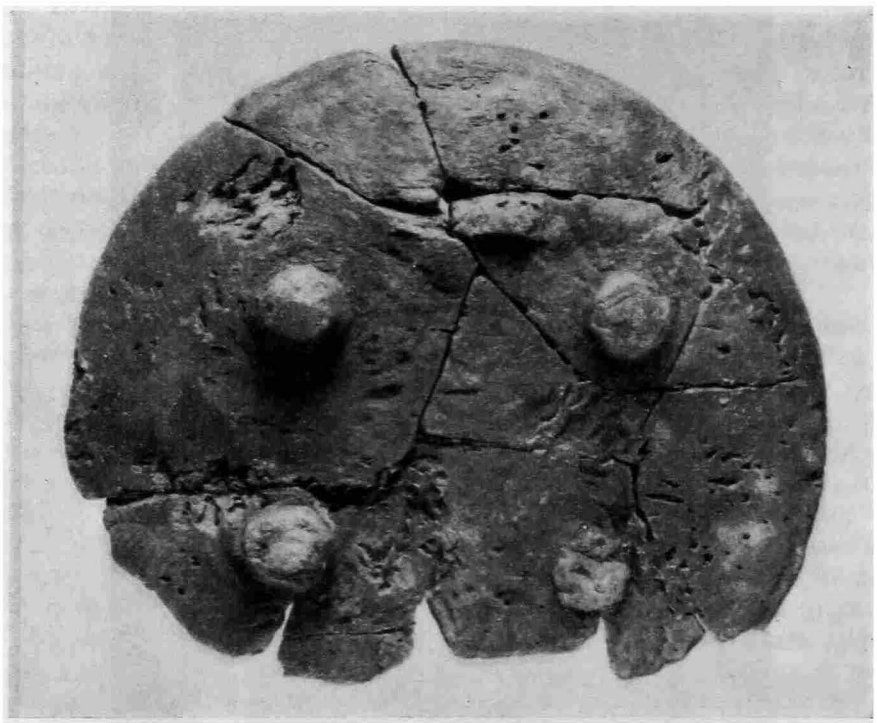
3

Рис. 8. Глиняные сосуды из катакомбы 2 кургана № 3.

1, *2* — большие горшки; *3* — отпечатки зерен пшеницы внутри миски.



1



2

Рис. 9. Деревянное блюдо из катакомбы 2.

1 — вид сверху; *2* — вид снизу.

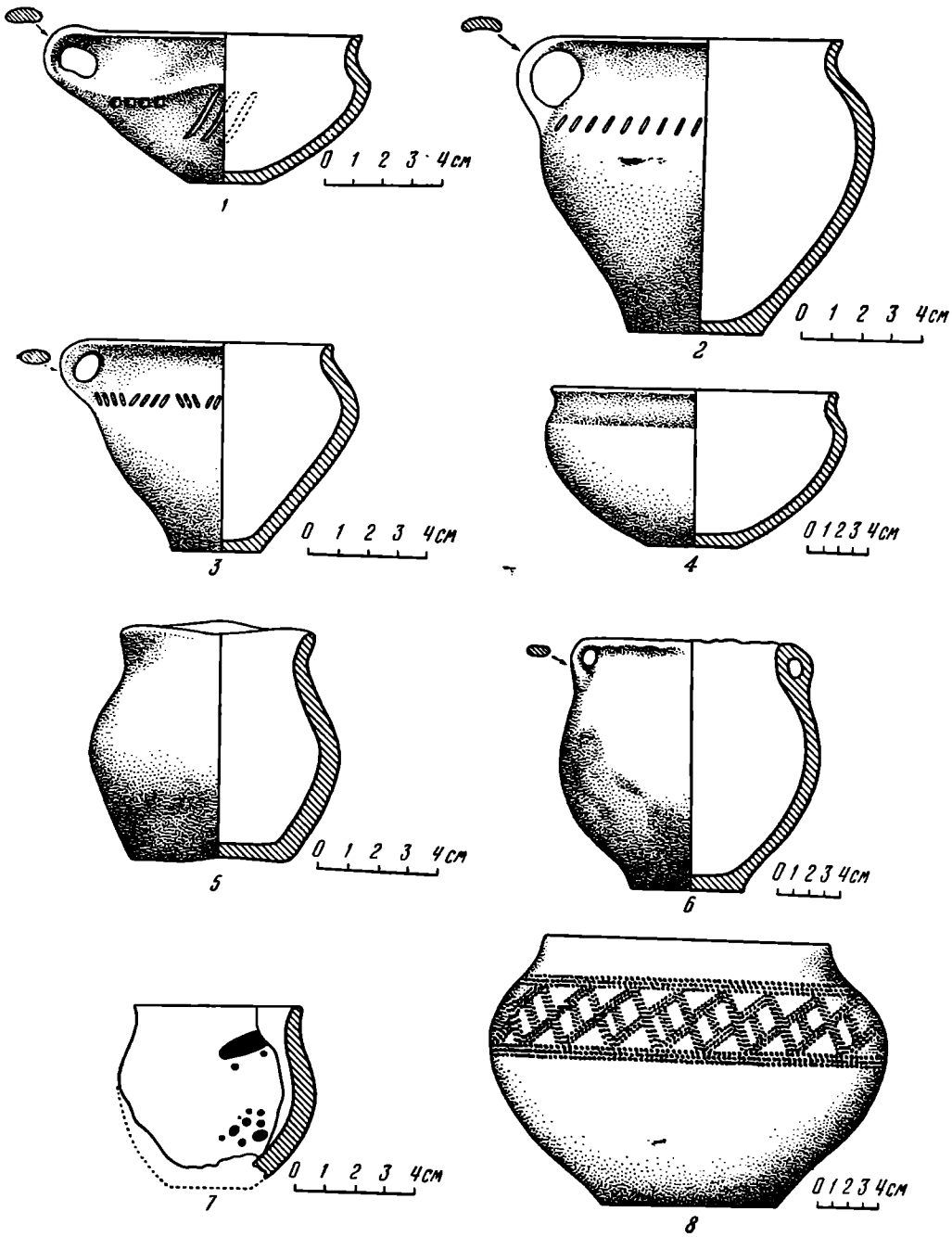


Рис. 10. Глиняные сосуды из кургана № 3.

1 — близ входа в катакомбу 1; *2, 3* — из впускного погребения 1; *4, 5* — из впускного погребения 2; *6, 7* — из впускного погребения 3; *8* — сосуд из кургана Ярти-тюбе.

5 и костный тлен; ближе к стене — части позвоночника человека и бараний астрагал. Рядом, у стены катакомбы, стояла глиняная плошка, наполненная золой. Между плошкой и черепом 3 найдено 36 целых и более 60 обломков костяных предметов (рис. 3б).

На дне погребальной камеры, особенно в местах скопления обломков человеческих костей, обнаружено много древесного тлена, хвороста, а в некоторых местах — слои коричневато-фиолетового тлена или краски.

В северной стене катакомбы, почти на уровне пола, была сделана небольшая ниша для сосуда, упавшего оттуда на пол (рис. 4, *5*), где лежали обломки другого сосуда и на них — 2 пяточные кости мелкого рогатого скота. Около ниши стояла также плошка с золой. Здесь же лежали обломки берцовых костей человека и фаланги пальцев ног.

У задней стены катакомбы стояли два горшка (рис. 4, 7, *8*); в одном из них сохранились остатки пищи в виде легкой пористой коричневой массы. Много обломков керамики, а также куски дерева, отдельные кости человека и овцы, бусы и другие предметы найдены в верхних слоях земли, проникшей в катакомбу в результате ее недавнего ограбления.

Все описанные катакомбы и погребения в курганах №№ 1, 3 и 4 объединяются общностью погребального инвентаря, особенно посуды, в круг памятников, характеризующих хронологически ограниченный период в истории местных племен.

В курганах у станции Манас представлены 3 типа погребальных сооружений: простые могилы, каменные гробницы и катакомбы.

1. Погребальные сооружения первого типа открыты в кургане № 3 (погребения 1 и 2). Пол могилы был устлан слоем гальки, судя по которому, могила имела овальную или подовальную форму. Положение погребенных, как удалось установить в одном случае (погребение 1), — скорченное на правом боку, головой на юго-запад.

Здесь мы видим типичное погребальное сооружение эпохи ранней бронзы. Особенно характерны для погребального обряда этой эпохи простая могила овальной формы с галечной подстилкой, скорченное положение погребенных на правом или левом боку с произвольной, но преимущественно южного направления ориентировкой.

Таким образом, несомненно, что обычай погребения в простых ямах, наблюдаемый в кургане № 3 у станции Манас, связан с северокавказским погребальным обрядом эпохи ранней бронзы. В эпоху поздней бронзы мы совсем не сталкиваемся с этим обрядом. Здесь мы имеем дело с пережитками погребальной традиции 1-й половины II тысячелетия до н. э.

2. Каменная гробница открыта в кургане № 3 (погребение 3). Она имеет четырехугольную форму, сложена из 4 плит и ориентирована с востока на запад. Она находилась в специально сооруженной для нее и соответствующей ей по размеру могильной яме. Этот факт проливает свет на вопрос о возникновении первых каменных гробниц. В известной степени погребальное сооружение кургана № 1 можно считать прототипом каменной гробницы из кургана № 3.

Каменные гробницы являются совершенно новым типом погребальных сооружений, до сих пор не известным в Дагестане в эпоху ранней бронзы. Сам процесс возникновения каменных гробниц в Дагестане представляется нам следующим образом. Первоначально выкапывали могилу овальной, позднее — четырехугольной формы, которую затем стали перекрывать каменными плитами. Следующим этапом должна была быть обкладка стен четырехугольной могильной ямы каменными плитами.

Наиболее ранние погребальные сооружения рассматриваемого типа известны на Кавказе в могильниках Грузии[1]. Но они отличаются рядом особенностей, не позволяющих связать с ними манасскую каменную гробницу. Последняя возникла, несомненно, самостоятельно. В конце II тысячелетия и, особенно, в 1-й половине I тысячелетия до н. э. каменные гробницы или, как их называют чаще, каменные ящики становятся основным

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси, 1941, стр. 116.

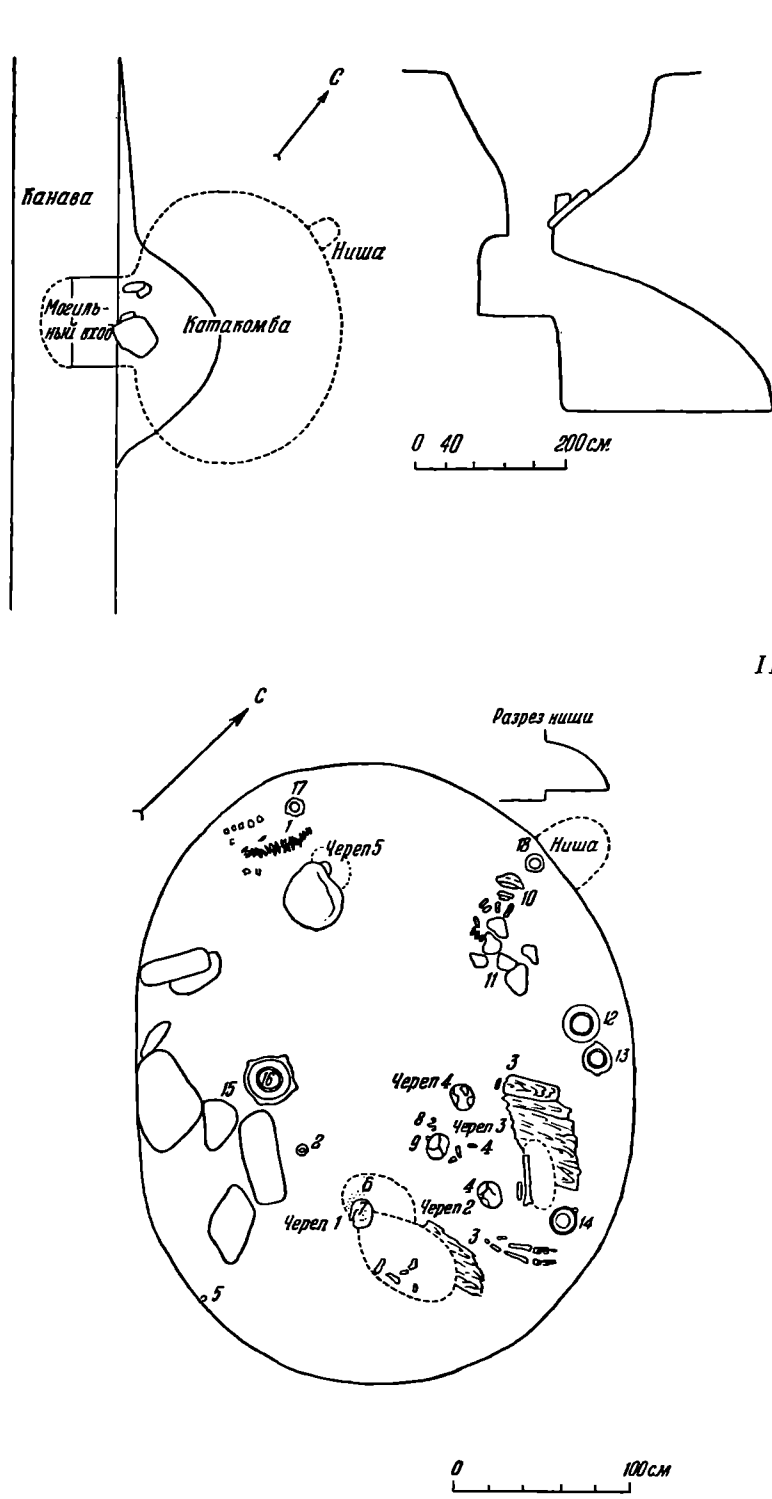


Рис. 11. Манасский курган № 4.

I — план и разрез катакомбы; *II* — план погребений в катакомбе; *1* — костяные поделки; *2* — каменная булава; *3* — деревянные палочки и тлен от деревянных досок: *4* — медные спиральки; *5* — медная согнутая проволочка; *6* — бусы; *7* — медное шлильце; *8* — медная очковидная привеска; *9* — медное височное колечко; *10* — глиняная миска; *11* —обломки глиняных сосудов; *12*— глиняный сосуд; *13* —глиняный горшок с пищей; *14* — глиняная миска; *15* — глиняное блюдо; *16* — глиняный горшок; *17*, *18* — глиняные плошки-курильницы с золой.

и почти единственным типом погребальных сооружений на территории всего Дагестана. Они составляют один из самых характерных и ведущих признаков каякентско-хорочоевской культуры.

3. Катакомбы, обнаруженные в курганах №№ 3 и 4 у станции Манас, представляют собой обширные погребальные камеры округло-овальной формы. Стены и потолок катакомб обрабатывались с помощью узких, вероятно, металлических желобчатых орудий. Пол в катакомбе кургана № 4 был устлан сырцовыми кирпичами. Катакомбы в кургане № 3 соединялись между собой проходом с полукруглым арочным потолком из сырцовых кирпичей и камней. Могильный вход в катакомбы представлял собою глубокий, вертикально идущий вниз колодец, который обычно расширялся непосредственно напротив входа в катакомбу, образуя небольшую нишу или подбой.

Таким образом, в курганной группе у станции Манас мы встречаем весьма развитые и совершенные формы катакомб, широко распространенные в степях Северного Причерноморья и Приазовья во II тысячелетии до н. э. и, наоборот, совершенно отсутствующие в интересующее нас время в южных районах (Закавказье). В памятниках Дагестана 1-й половины II тысячелетия до н. э. катакомбы неизвестны. Их нет и в могильниках I тысячелетия до н. э. Несколько катакомб в приморском Дагестане исследовано в курганах III—V вв. н. э., но их наличие в это время не является результатом возрождения старых форм погребальных сооружений, а связано с проникновением сюда новых племен, в частности сарматов.

Бесспорно, что катакомбы — не местная форма погребальных сооружений. На это указывает хотя бы тот факт, что их здесь нет в предшествующее время и мы не знаем здесь простых катакомб, из которых могли развиться катакомбы, представленные в Манасских курганах. Обычай сооружать для погребальных целей катакомбы был занесен в Дагестан извне. Весьма важно поэтому выяснить вопрос о том, откуда и каким образом катакомбы появились в Дагестане.

Погребальные сооружения в виде катакомб были широко распространены в эпоху ранней бронзы по всему Средиземноморью, на Апеннинском и Пиренейском полуостровах, в Англии и Франции.

На территории нашей страны катакомбы возникли еще в конце III тысячелетия до н. э. В. А. Городцов связывал появление катакомбного обряда захоронения в степях Северного Причерноморья с проникновением его из Средиземноморья[1]. Исследования последних лет в Северном Приазовье и на Днепре опровергают утверждение В. А. Городцова. Т. Б. Попова, исследовавшая катакомбную культуру в свете новейших данных, считает, что «обнаруженные в Северном Приазовье погребения в ямах неправильной формы, в ямах с небольшими нишами и подбоями и, наконец, разнообразные типы катакомб позволяют сделать вывод о постепенном самостоятельном развитии этого обряда захоронения в степях Северного Причерноморья еще в конце III тысячелетия до н. э. Повидимому, именно из Приазовья катакомбный обряд захоронения распространился и на другие степные районы»[2]. Катакомбы возникли самостоятельно в южнорусских степях путем постепенной эволюции простых ям. Катакомбам развитого типа (с входной ямой, имевшей 2—3 ступеньки, и погребальными камерами со сводчатыми стенами), появившимся еще в 1-й половине II тысячелетия

[1] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г. М., 1916.

[2] Т. Б. Попова. «Катакомбная культура». Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953, стр. 7.

до н. э., предшествовали, как показывают исследования, сначала ямы с небольшими нишами, а затем — с подбойчиками.

Расцвет катакомбной культуры относится ко 2 и 3-й четвертям II тысячелетия до н. э. В этот период в связи с усиленным развитием скотоводства и металлургии происходил бурный рост производительных сил общества. У племен катакомбной культуры установились широкие связи со своими соседями, главным образом с различными племенами Северного Кавказа. Последние снабжали племена степных районов металлом и металлическими изделиями. Многие типы металлических вещей (клиновидные и проушные топоры, желобчатые долота, привески, кованые бляхи, височные кольца и др.), обнаруженные в памятниках катакомбной культуры, представляют, как это показал А. А. Иессен[1], специфически кавказские формы. Кроме металлических предметов, на территории катакомбной культуры найдены изделия из кавказских пород камней (обсидиановые асимметричные стрелы, сверленые полированные топоры из змеевика, каменные булавы и др.). О тесных связях племен катакомбной культуры с племенами Северного Кавказа свидетельствуют и находки в степях керамики северокавказских типов.

Племена катакомбной культуры, находившиеся под сильным влиянием Северного Кавказа, сами, в свою очередь, оказывали определенное влияние на северокавказскую культуру. Так, например, появление на Северном Кавказе бронзовых булавок с молоткообразным навершием справедливо связывается с развитием аналогичных костяных булавок катакомбной культуры[2]. Еще более убедительно это доказывается находками на Кавказе керамики со шнуровой орнаментацией, характерной для катакомбной культуры.

Приведенные сведения указывают не только на тесное и оживленное общение между носителями катакомбной культуры и племенами Северного Кавказа. Становится весьма реальным предположение о проникновении на север, в степи, отдельных групп северокавказского населения[3], и наоборот.

Повидимому, отдельные группы племен катакомбной культуры в поисках металла устремлялись на Кавказ, с которым они поддерживали тесные связи. Там, вероятно, некоторые из них оседали, растворяясь в местной этнической среде и внося в ее материальную культуру черты своей культуры.

Археологические исследования, проведенные в послевоенные годы Северокавказской экспедицией под руководством Е. И. Крупнова в северных районах Грозненской области, позволяют четко наметить один из наиболее вероятных путей, через который проникли в Дагестан отдельные группы катакомбных племен. В этих, ныне полупустынных, районах Северо-Западного Прикаспия собран значительный материал, позволяющий наметить более определенно южные границы и пути продвижения на юг племен катакомбной культуры. Там богато представлена керамика с веревочным орнаментом, найдены каменные полированные сверленые топоры с каннелюрами, кремневые стрелки и другие предметы, характерные исключительно для катакомбной культуры. Нам представляется, что в древности там проходили основные пути, связывавшие Переднюю Азию и Закавказье с нашими степными районами (рис. 12).

---

[1] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 22—24.

[2] Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. Сб. по истории Кабарды, вып. 1, Нальчик, 1951, стр. 61.

[3] Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 10.

Исследованная область Северо-Западного Прикаспия соприкасается с астраханскими степями и через них — с Волго-Донским междуречьем, где в эпоху бронзы, как известно, процветал так называемый волго-манычский вариант катакомбной культуры. На связь памятников Маныча и астраханских степей уже указывал М. И. Артамонов[1]. Эта область вплотную подходит к приморской части Дагестана, где находится один из важнейших караванных путей древности — Дербентский проход, известный еще в эпоху энеолита. Неудивительно поэтому, что катакомбы обнаруживаются не в горном или предгорном Дагестане, а именно в его приморской части.

Другой путь проникновения в Дагестан элементов катакомбной культуры вместе с ее носителями едва ли мыслим, так как ни в Закавказье, ни в центральных районах Северного Кавказа неизвестны во II тысячелетии до н. э. погребальные сооружения типа катакомб. Правда, катакомбы неизвестны и в Северо-Западном Прикаспии. Здесь многие памятники уничтожены в результате продвижения песков, в выдувах которых и обнаруживаются теперь самые характерные предметы катакомбной культуры. Исследованные в районе сел. Ачикулак (Грозненская область) курганы содержали типичные для катакомбной культуры погребения в ямах[2]. Наконец, наличие катакомбных погребений в Моздоке[3], составляющем как бы западную окраину полупесчаных районов Северо-Западного Прикаспия, не оставляет сомнения в том, что они были и там.

Проникновение степного населения в Дагестан во 2-й половине II тысячелетия до н. э. объясняется, как нам кажется, не только стремлением добыть здесь металл, в чем степное население в первую очередь нуждалось, т. е. не только экономическими причинами, но, возможно, и политическими событиями, происходившими в это время в степях Юго-Восточной Европы. Как доказано советскими исследователями, примерно с середины II тысячелетия до н. э. началось продвижение племен срубной культуры в область расселения племен катакомбной культуры. Вероятно, теснимые с востока племенами срубной культуры отдельные группы катакомбных племен хлынули в степи Северо-Западного Прикаспия, откуда часть их попала в Дагестан. Другими словами, военно-политические события в степных районах нашей страны во 2-й половине II тысячелетия до н. э. привели к значительным передвижениям племен катакомбной культуры, отдельные группы которых устремились в сторону знакомого им Кавказа, что вызвало в конечном итоге скрещение различных культурных и этнических элементов, местных и степных.

В результате победила местная струя. Катакомбный обряд погребения очень скоро исчез, уступив место обряду погребения в каменных гробницах. Каменные гробницы уже в последней четверти II тысячелетия до н. э. стали основным типом погребальных сооружений в Дагестане.

Центральная часть Манасских курганов была опоясана каменным кольцом. Эта черта характерна для большинства курганов Кавказа эпохи бронзы; она, повидимому, связана с космическими представлениями первобытного общества.

Погребения в грунтовых ямах и каменной гробнице, исследованные в курганах №№ 1 и 3, содержавшие скорченные костяки, галечную подстилку и т. д., свидетельствуют о местной погребальной традиции. Погребения

---

[1] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 336.

[2] Е. И. Крупнов. Отчет о результатах Северокавказской экспедиции 1947 г. Архив ИИМК, д. № 163, стр. 81.

[3] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 244.

совершались уже и в каменных гробницах, т. е. в погребальных сооружениях, неизвестных до 2-й половины II тысячелетия до н. э.

В основном погребении кургана № 1 находился костяк женщины с искусственно деформированным черепом. Этот факт представляет значительный интерес. Такой обычай, конечно, не является местным; его наличие

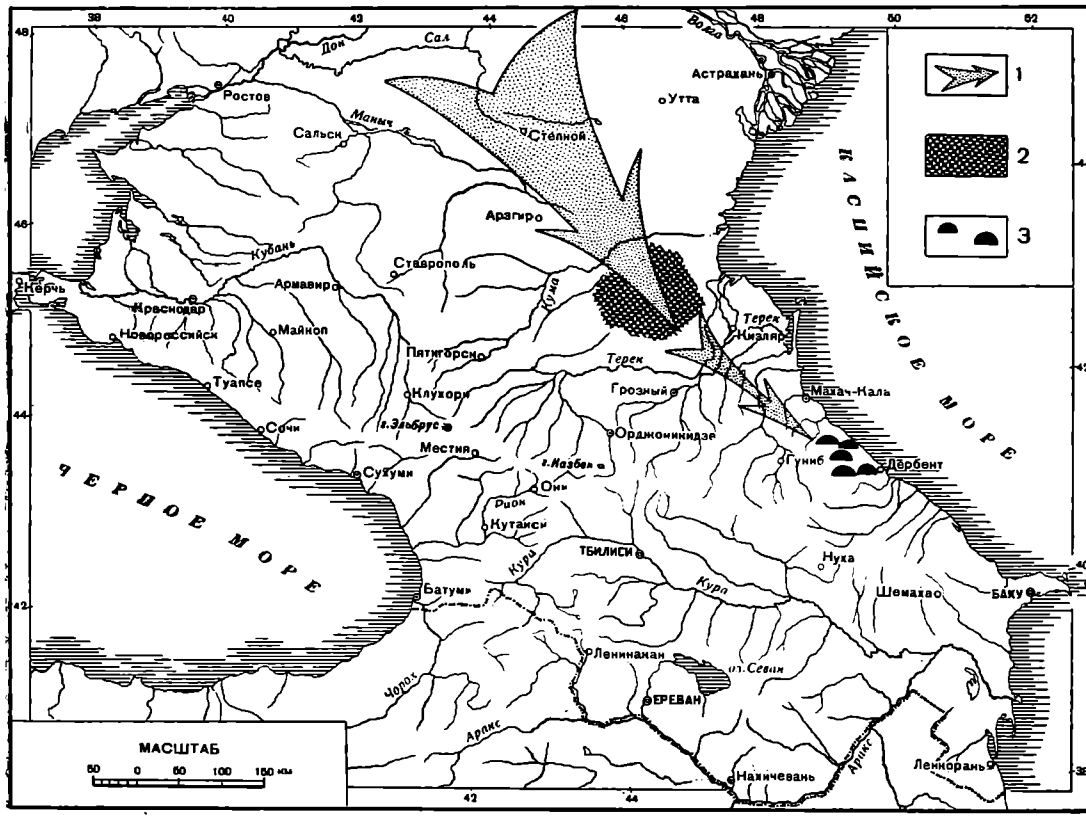


Рис. 12. Пути проникновения в Дагестан племен катакомбной культуры во 2-й половине II тысячелетия до н. э.

1 — пути племен; *2* — находки керамики и других предметов катакомбной культуры в степях Северо-Западного Прикаспия; *3* — курганы с катакомбами в Дагестане.

здесь также связано с проникновением сюда из Волго-Донского междуречья степных племен катакомбной культуры, у которых он, как известно, практиковался[1]. Деформированные черепа встречены также в районе Ворошиловграда на Донце и на Киевщине[2]. Искусственную деформацию черепов следует признать явлением довольно распространенным уже в катакомбное время, особенно в Волго-Донском междуречье[3].

Катакомбы представляли собой семейно-родовые усыпальницы. Мы наблюдаем в них явные признаки повторных захоронений. Например, в катакомбе 1 (курган № 3) скелеты 2, 3 и 4 были частично нарушены при занесении в катакомбу очередного покойника, скелет которого (№ 1) почти не нарушен.

В центре катакомбной могилы погребали обычно мужчину — главу семьи с жезлом, увенчанным каменным навершием булавы, а рядом—

[1] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныч в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 93; его же. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г., стр 327; П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, I, 1936, стр. 119 и 124.

[2] Тр. XI АС, т. I, 1890, стр. 179, 161.

[3] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г., стр. 335.

женщин и детей. Погребения совершались в вытянутом положении на спине и в скорченном состоянии, головой почти исключительно ко входу, на юго-запад.

Новой чертой являются здесь вытянутое положение погребенных и более устойчивая ориентировка. Важно отметить, что вытянутое положение покойников изредка наблюдается и в погребениях каякентско-хорочоевской культуры, для которых также более характерна ориентировка на юго-запад[1]. Не только эти, но и ряд других, более существенных признаков, как увидим, свидетельствуют о тесной связи каякентско-хорочоевской культуры с предшествующей культурой.

Почти все костяки в катакомбах лежали на древесной подстилке (из досок), которая прослежена и под погребальным инвентарем, в особенности под керамикой. В катакомбах также обнаружены обломки деревянных палочек или хвороста.

Древесная подстилка в погребениях — тоже новая черта в погребальном обряде, принесенная сюда, вероятно, пришлым населением. Этот обычай был известен степным племенам. Подстилка из крупных стеблей прослежена во многих подкурганных погребениях в урочище «Три брата» в астраханских степях. Все эти погребения относятся к эпохе бронзы (II тысячелетие до н. э.)[2].

Погребения обильно снабжены инвентарем, в первую очередь посудой. В сосудах обнаружены кости домашних животных (почти исключительно мелкого рогатого скота) и отпечатки зерен пшеницы. В мужских погребениях надо отметить прежде всего каменную булаву, лежавшую у черепа, в женских — украшения, в детских — игральные предметы — бараньи астрагалы. Красная краска (охра) встречается почти во всех погребениях исследуемых курганов в виде негустой подсыпки на подстилке или отдельных пятен и кусочков в различных частях могилы и даже в некоторых сосудах.

Наряду с красной охрой изредка встречается желтая охра. Сопровождение погребений красной краской — обычай, мало известный в Закавказье и широко распространенный в ранних курганных погребениях всего степного Юга и Северного Кавказа. Возникнув в эпоху неолита, рассматриваемый обычай исчез на Северном Кавказе как характерный признак погребального обряда в основном около середины II тысячелетия до н. э., сохранившись в отдельных местах в виде пережитка до середины I тысячелетия до н. э.[3]

Рассмотрение северокавказских погребений с краской позволяет установить следующую характерную деталь. Все погребения, относящиеся к более раннему времени, как правило, густо посыпаны красной охрой, например подавляющее большинство погребений Нальчикского могильника и затем Майкопского, т. е. раннего этапа раннекубанской культуры (2-я половина III тысячелетия до н. э.)[4]. В погребениях следующего, так называемого новосвободненского, этапа раннекубанской культуры (около 2000 г. до н. э.) окрашивание наблюдается неизменно на всех костяках, но преимущественно не сплошное, а лишь местами или в виде

---

[1] Мы имеем в виду прежде всего восточную группу могильников каякентско-хорочоевской культуры. См., например, в МИА, № 23, 1951, статьи Е. И. Крупнова и К. Ф. Смирнова о раскопках Таркинского могильника в 1947—1950 гг.

[2] П. С. Рыков. Указ. соч., стр. 116—132.

[3] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940; ОАК за 1898 г., стр. 137; Е. Хакуашев. Новые археологические находки. УЗ КНИИ, VII, Нальчик, 1952, стр. 195—199.

[4] А. А. Иессен. К хронологии больших кубанских курганов. СА, XII, 1950, стр. 157 и сл.

отдельных комков красной охры, как, например, в погребениях курганов в «Садках» (Нальчик)[1].

Обилие красной охры в Манасских курганах, датируемых 3-й четвертью II тысячелетия до н. э., т. е. временем, когда рассматриваемый обычай почти исчезает на Кавказе, объясняется, повидимому, возрождением этого обычая в связи с проникновением сюда степного населения.

Итак, в Манасских курганах мы видим местную погребальную традицию, сильно усложненную в результате несомненного проникновения сюда степных этнических элементов. Прежде чем перейти к анализу погребального инвентаря, попытаемся обосновать наш вывод о проникновении в Дагестан степного населения данными других памятников Дагестана рассматриваемой эпохи; это важно и для осмысления последних, и для определения их хронологического положения.

Мы имеем в виду курганы № 9 в группе А. С. Уварова[2] и № 4 у Дешлагара (Сергокала), раскопанные А. А. Русовым, и курган Ярти-тюбе, исследованный Дагестанской экспедицией ИИМК в 1950 г. Все эти памятники находятся в приморской части Дагестана.

Курган № 9 в группе А. С. Уварова содержал одну катакомбу и два грунтовых погребения в насыпи. А. А. Русов не оставил никакого описания катакомбы, ограничившись указанием на то, что она имела форму склепа[3]. На полу катакомбы лежал костяк в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Возле черепа найдены булава из мергеля («продырявленный шарик мела») и обломки височного кольца. В могиле прослежено «красное органическое вещество» (несомненно,— красная охра), перемешанное в ногах погребенного с пеплом.

Первая грунтовая могила в насыпи кургана № 9 содержала скорченный костяк пожилого человека с подогнутыми руками и ногами, на правом боку, головой на северо-запад. При нем найдены остатки бронзовых украшений, очевидно, «дутой серьги», по мнению А. А. Русова.

Вторая грунтовая могила также была вырыта в насыпи кургана. Дно могилы устилал слой галечника. Костяк лежал в том же положении, но головой на восток. В погребении найдены лишь обломки керамики, совершенно аналогичной той, которая была обнаружена в катакомбе и первой грунтовой могиле. На это обратил внимание еще сам А. А. Русов[4].

Мы имели возможность ознакомиться с хранящимися в Государственном музее Грузии имени С. Н. Джанашиа вещами, добытыми А. А. Русовым при раскопках кургана № 9. Эти вещи — булава из мергеля, обломки височной подвески и спиральной пронизки и фрагменты сосудов со сглаженной черной поверхностью — исключительно близки предметам из Манасских курганов[5]. Этот факт, а также наличие в кургане № 9 погребальных сооружений, аналогичных обнаруженным в курганах у станции Манас, не оставляют сомнений в их культурно-историческом единстве. Здесь мы наблюдаем, так же как в курганах у станции Манас, сосуществование местной погребальной традиции (грунтовая могила) с привнесенной — степной (катакомба).

То же самое мы можем наблюдать в кургане № 4 у Дешлагара (Серго-

[1] МИА, № 3, 1941, стр. 220, 232.

[2] Курганная группа А. С. Уварова находится в 15 км на северо-запад от г. Дербента. Называется она так потому, что обнаружена и раскопана по указанию А. С. Уварова.

[3] А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане. Труды предварительного комитета V АС, т. I, М., 1882, стр. 582—584.

[4] А. А. Русов. Указ. соч., стр. 584.

[5] П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея, вып. V, Тифлис, 1902, стр. 178, №№ 3588 и 3597—3599.

кала, Сергокалинский район ДАССР). Там обнаружены одно грунтовое погребение в насыпи кургана и разграбленная катакомба, содержавшая остатки, по крайней мере, двух скелетов. Никаких вещей не найдено, кроме «кругленького шарика из мела с дырочкой», подобного, как отмечает А. А. Русов, «продырявленному шарику мела» из кургана № 9 в группе А. С. Уварова, т. е. навершия булавы из мергеля[1]. В катакомбе встречены «куски дерева», по всей вероятности, от подстилки и слой пепла.

В грунтовой могиле в насыпи кургана лежал скелет на спине, головой на юго-запад[2].

Следовательно, здесь мы видим и ту новую черту погребального обряда, которая установлена в курганах у станции Манас,— вытянутое положение покойника на спине, головой на юго-запад. Последнее, как уже указано, становится характерной чертой погребального обряда в дальнейшем, особенно в период бытования каякентско-хорочоевской культуры.

Наконец, самый значительный интерес представляет курган Ярти-тюбе[3]. Он находится в 0,5 км к югу от урочища Коркама-хола, слева у дороги, идущей от Карабудахкентского шоссе на Ачи-Су и Буйнакск.

Курган Ярти-тюбе, диаметром приблизительно 40 м и высотой 4,5 м, был воздвигнут на естественном холме из галечника. Здесь исследована одна каменная гробница, оказавшаяся, к сожалению, ограбленной. Тем не менее собранные в каменной гробнице обломки сосудов позволяют отнести курган Ярти-тюбе к кругу рассматриваемых памятников и обосновать один из наших основных выводов. Каменная гробница находилась на глубине 4,5 м от вершины кургана. Она имела прямоугольную форму и была ориентирована с юго-запада на северо-восток. Ее длина —3,4 м, ширина—1,7 м, высота — 0,8 м. Продольные стены гробницы были сложены из 6 рядов плит и камней песчаника, мергеля и сланца, а поперечные — из 3 рядов камней.

Обломки керамики, собранные в гробнице, принадлежат нескольким сосудам, один из которых восстановлен (рис. 10, *8*). Он представляет собой большой горшок с сильно раздутыми краями, украшенный по плечикам оттисками веревочки, т. е. орнаментом, широко распространенным в степных районах и на Северном Кавказе в рассматриваемую эпоху. Обломки других сосудов по характеру орнамента и по глине оказались совершенно тождественны керамике Манасских курганов.

Таким образом, наличие не только катакомб, но и характерной для Волго-Донского междуречья и степных районов Восточного Предкавказья формы сосудов со шнуровой орнаментацией в Дагестане во 2-й половине II тысячелетия до н. э. делает абсолютно несомненным факт проникновения сюда отдельных групп населения с севера. Проникновение было довольно широким. Пришлые племена, как показывает топография рассмотренных памятников, расселились не в одном районе, а почти по всей приморской равнинной части Дагестана.

Сосуществование местных и инородных элементов, наблюдаемое в столь разнообразной форме в исследуемых памятниках, свидетельствует о том сложном процессе скрещения, который здесь происходил. Он завершился, как показывают памятники последующего периода, победой местных этнических элементов.

Таким образом, анализ погребального обряда Манасских курганов дает возможность сделать следующие выводы.

---

[1] Наконечник булавы из кургана № 4 у Дешлагара не сохранился.
[2] А. А. Русов. Указ. соч., стр. 619—620.
[3] «Ярти-тюбе» означает по-кумыкски «полукурган».

Во 2-й половине II тысячелетия до н. э. в Дагестане (во всяком случае, в его приморской равнинной части) существовала местная погребальная традиция. Об этом свидетельствуют простые грунтовые ямы, галечная подстилка, скорченное положение погребенных с произвольной ориентировкой и т. д.

В погребальном обряде местных племен установился и ряд новых черт: каменные гробницы, вытянутое положение погребенных, ориентированных головой на юго-запад, и др. Эти новые черты получили дальнейшее развитие и стали характерными в последующую эпоху, что служит ярким свидетельством преемственности в развитии местных племен.

Совершенно новым является катакомбный обряд погребения. Наличие катакомб в Дагестане связано с проникновением сюда отдельных групп населения из степей Волго-Донского междуречья и Астраханщины через Северо-Западный Прикаспий. Это подтверждается также находкой сосуда типичной для этих районов формы с характерным орнаментом.

Вполне возможно, что местные племена восприняли и использовали в определенное время для погребения своих сородичей катакомбы. Этот тип погребальных сооружений, однако, не привился здесь и относительно скоро был вытеснен погребальными сооружениями типа каменных гробниц.

С этими выводами в определенной степени согласуется развитие погребального обряда северокавказской культуры во 2-й половине II тысячелетия до н. э. Обычным и самым распространенным типом погребальных сооружений оказываются здесь курганы. Подкурганные погребения известны и в насыпи, и в грунтовых, и даже подбойных ямах-катакомбах. Обычное содержание этих курганов — скорченные, иногда еще окрашенные костяки, но особенно типичным становится вытянутое положение совершенно не окрашенных костяков[1].

Погребальный инвентарь полностью подтверждает сделанные на основании изучения погребального обряда выводы. Больше того, он помогает установить довольно точное хронологическое положение рассматриваемых памятников.

Погребальный инвентарь курганов у станции Манас отличается значительным разнообразием. Здесь представлены посуда, орудия, оружие, украшения и «игральные» предметы. Они изготовлены из глины, металла, камня, кости и дерева.

П о с у д а — почти исключительно глиняная, лишь в катакомбе 2 (курган № 3) обнаружено деревянное блюдо (рис. 9).

Сосуды отличаются многообразием и богатством форм и орнамента. Все они вылеплены от руки, без применения гончарного круга. Глина в изломе, как правило, черная, содержит примеси шамота, дресвы и белых известковых частиц. Преобладают примеси шамота. Обжиг неравномерный. По степени обработки поверхности манасские сосуды подразделяются на сосуды с лощеной поверхностью различного цвета — от серого до красно-бурого (рис. 4, *1—6*, *8*; рис. 6, *1—3*, *6—12*; рис. 7, *1—5*; рис. 8, *1*, *2*; рис. 10, *1—4*) и сосуды со сглаженной или обмазанной глиной поверхностью (рис. *4*, *7*; рис. 7, *6—8*; рис. 10, *5—7*). Обработка поверхности в значительной степени связана с формой посуды.

Учитывая специфичность формы, наличие ручек и другие признаки, мы выделяем 6 основных групп керамики. Одной из наиболее характерных форм оказываются миски.

I. К первой группе относятся миски. Они заметно выделяются из всей

[1] Е. И. К р у п н о в. Древнейший период истории Кабарды, стр. 55—57.

керамики Манасских курганов (рис. 4, *1*, *4*; рис. 7, *1—4*; рис. 10, *1*, *4*), лучше изготовлены, отличаются исключительной выдержанностью и симметричностью форм, часто орнаментированы и имеют прекрасное двустороннее лощение. Поверхность мисок — темнобурого цвета. Они имеют у устья слабо выраженный желобок (на некоторых он выделяется четко), до 1,5 см шириной (рис. 4, *1*; рис. 7, *2*). Обычно миски имеют по 2 ручки. Орнамент на мисках находится у ручек и между ними в виде симметрично расположенных налепов-выступов или конусообразной выпуклости, по сторонам которой сделаны 2 круглых вдавления (рис. 7, *1*, *3*, *4*).

В кургане № 4 найдена миска, значительно отличающаяся по форме от остальной группы манасских мисок (рис. 4, *4*). По размерам она подходит к описанным выше мискам, но, в отличие от них, имеет одну лентовидную ручку, отходящую от самого края прямого бортика, край которого срезан наклонно наружу. Под бортиком возвышаются 3 выступа, как на мисках Карабудахкентского могильника. Внутри бортик имеет ребрышко шириной 1,6 см, по которому с обеих сторон выступов сделано по 3 вертикальных желобка. Поверхность с обеих сторон лощеная, бурого цвета с темными пятнами. Эта миска очень близка по форме, характеру обработки поверхности, наличию темнобурого лощения, лентовидной ручки и внутреннего уступа по бортику к мискам Карабудахкентского могильника, датируемого 1-й половиной II тысячелетия до н. э.[1]

Новым для мисок Манасских курганов являются наличие орнамента, совершенство формы, желобчатый поясок по прямому бортику и др.

Сходство и чрезвычайная близость мисок Карабудахкентского могильника и Манасских курганов указывают на то, что посуда последних развивается на основе предшествующих форм. Как известно, темнобурое лощение, лентовидные и просверленные ручки типичны для предшествующих форм посуды, в частности для мисок, которые вообще представляют собой особенно характерную форму для Дагестана эпохи II тысячелетия до н. э.; они появились здесь еще в энеолитический период. В Манасских курганах, отделенных хронологически от Каякентского поселения целым тысячелетием, мы видим как бы высший этап развития этой формы в Дагестане, ибо ни до этого, ни после столь развитые и богатые формы мисок здесь не встречаются.

II. Вторую группу сосудов Манасских курганов составляют горшки. По некоторым конструктивным особенностям формы, характеру обработки поверхности, наличию ручек и специфичности орнамента они могут быть разбиты на 3 типа: 1) сосуды с двумя просверленными ручками и лощеной поверхностью (рис. 7, *5*; рис. 8, *1*, *2*); 2) горшки с 2 глухими ручками в виде выступов на широкой части тулова (рис. 4, *8*) и 3) горшки без ручек, с обмазанной глиной поверхностью (рис. 4, *7*; рис. 7, *6*, *7*).

Сосуды первого типа имеют яйцевидный корпус. Венчик слегка отогнут. Поверхность их темнобурая или красная с оранжевыми или красными пятнами лощения. Ручки прикреплены на наиболее выпуклой части сосуда. Орнамент располагается в строгой симметрии над ручками и между ними. В одном случае он представляет собой 3 вертикальных вдавления, повторяющихся 4 раза — над ручками и между ними(рис. 8, *2*), в другом — 4 выступа с круглыми вдавлениями по сторонам (рис. 7, *5*; рис. 8, *1*). В последнем случае орнамент размещен на ребре, опоясывающем сосуд. По форме эти сосуды сближаются с аналогичными сосудами из Карабудахкентского могильника. На это указывает и характер ручек, прикрепленных там и здесь на наиболее выпуклой части корпуса сосуда. Новым для этой формы сосудов Манасских курганов является орнамент, неизвестный в таком

[1] См. К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 85, рис. 35.

виде на керамике Карабудахкентского могильника. Следует отметить еще, что здесь мы уже не встретим темного лощения на розовой подкладке. Эта черта навсегда исчезла вместе с характерными для энеолитической керамики формами, которые мы находим в Карабудахкентском могильнике [1].

Второй тип представлен сравнительно большим горшком с коротким, слегка отогнутым венчиком (рис. 4, *8*). У горшка 2 глухие ручки-выступы на широкой части тулова. Поверхность — коричневато-серая с темными пятнами, хорошо заглажена (сохранились косые штрихи от сглаживания). Орнамент такой: под ручками — 2 коротких вертикальных желобка, между ручками с обеих сторон — по 3 таких же желобка.

Третий тип составляют сосуды с вытянутым яйцевидным корпусом, плоским дном и невысоким, слегка отогнутым венчиком (рис. 4, *7*; рис. 7, *6*, *7*). Ручек на них нет. Орнамент, расположенный в верхней части сосуда, представляет собой пояс из круглых вдавлений (рис. 7, *6*, *7*). От венчика до орнаментального пояса поверхность гладкая, лощеная; остальная поверхность шероховатая, грубо обмазанная глиной, черная. Внутренняя поверхность сглаженная, красная.

Рассмотренная группа сосудов представляет собой совершенно новую форму керамики. Она очень близка к таким же сосудам каякентско-хорочоевской культуры. Связывающим признаком является и характер обработки поверхности. Для каякентско-хорочоевской культуры обмазка поверхности сосудов глиной — характерный признак.

III. К третьей группе относятся небольшие сосуды с одной лентовидной (иногда слегка желобчатой) ручкой, начинающейся прямо от венчика. Внутри этой группы можно выделить 4 типа сосудов.

1. Глубокие мисочки или чашки с отогнутым венчиком и узким дном, без орнамента. Обе поверхности лощеные, темнобурого цвета (рис. 4, *5*; рис. 6, *7*, *8*).

2. Такие же сосудики со слегка отогнутым венчиком. Поверхность лощеная, темнобурого цвета. Орнамент представляет чередование 4 круглых лунок с 3 косыми желобками (рис. 10, *1*), пары лунок с 3 бороздками по бокам (рис. 6, *1*), пары лунок с наклонными овальными желобками (рис. 6, *6*), парных косых бороздок, направленных в разные стороны (рис. 6, *2*), или 3 сосцевидных выступов по ребру (рис. 6, *3*).

3. Горшочки с яйцевидным туловом и слегка отогнутым венчиком, красной и бурой лощеной поверхностью, с орнаментом. Орнаментальный пояс, замыкающийся у ручки, состоит из вертикальных и косых бороздок или вдавлений (рис. 7, *8*; рис. 10, *2*, *3*; рис. 6, *11*). Имеется также орнамент в виде 3 выступов, симметрично расположенных (рис. 6, *10*).

Поверхность некоторых горшков этой формы обмазана в нижней части глиной, а выше орнаментального пояса, состоящего из выступа напротив ручки и вертикальных вдавлений,— лощеная (рис. 7, *8*). Цвет поверхности — светлобурый, с темными пятнами.

4. Глубокая лощеная чаша темнокоричневого цвета с почти прямым высоким бортиком и широкой лентовидной ручкой с усами внизу; против ручки под ребром — желобчатый орнамент в виде тройных косых вдавлений (рис. 6, *9*).

В третьей группе сосудов мы видим новые формы и орнамент. С другой стороны, намечается довольно значительная близость некоторых из них с сосудами Карабудахкентского могильника не только по характеру обработки поверхности (лощение темнобурого цвета) и наличию лентовидных ручек, но и по общей профилировке некоторых из них и отдельным деталям

[1] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 85, рис. 35.

орнамента (сосцевидные выступы, лунки, лентовидные ручки с усами)[1]. Третья группа сосудов Манасских курганов развилась в значительной степени на основе форм посуды Карабудахкентского могильника.

IV. К четвертой группе относится горшок биконической формы с вертикальным, слегка отогнутым бортиком и легким ребрышком по его основанию, представляющий собой особый тип (рис. 4, *3*). Внешняя поверхность коричневато-серого цвета, лощеная, внутренняя — хорошо сглаженная. Орнамент, расположенный под ребрышком венчика, состоит из штампованных треугольников, образующих 9 треугольных фестонов вершинами вниз (из 6 треугольников каждый), между которыми находится по треугольнику.

Большой интерес представляет штампованный орнамент из треугольников, до сих пор не встреченный на глиняной посуде Дагестана. Сама форма горшка, на котором размещен этот орнамент, необычна для местной посуды; она близка к формам посуды более северных районов.

Такой орнамент известен на сосудах эпохи бронзы Кавказа, правда, в несколько иной форме; например, он имеется на сосудах из кумбултского могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии, датируемого 1-й половиной II тысячелетия до н. э.[2] Богато орнаментированы треугольным штампом и сосуды из Тбилиси. Они датируются по сопровождающему комплексу XIV—XII вв. до н. э.[3] Наибольший интерес в этом отношении представляют обломки сосудов, обнаруженные в степях Северо-Западного Прикаспия. На них наблюдается сочетание веревочного орнамента со штампованным (треугольники).

V. Пятую группу составляют небольшие лощеные сосуды бурого цвета без ручек, с невысоким прямым бортиком, с ребром под ним и округлым низким туловом, имеющим узкое плоское дно (рис. 4, *2*; рис. 10, *4*). Эти формы также находят себе аналогии на Северном Кавказе во 2-й половине II тысячелетия до н. э.

VI. К последней, шестой группе мы относим ряд сосудов грубой лепки (рис. 10, *5*—*7*). Все они найдены во впускных погребениях кургана № 3 у станции Манас. Эти сосуды весьма разнообразны по форме. Здесь мы находим миниатюрный плоскодонный сосудик со слегка отогнутым венчиком и выпуклыми боками (погребение 2, рис. 10, *5*). Поверхность сглаженная,темного цвета. В погребении 3 найден второй, близкий по форме сосудик с уплощенным дном (рис. 10,*7*). Плохо обожженная глина — сплошь светложелтого цвета, с темнокоричневыми жирными пятнами, окруженными круглыми крапинками. Поверхность неровная.

Сюда же относится и сосуд грубой лепки из погребения 3 (курган № 3) с 2 ручками, отходящими от венчика (рис. 10, *6*). Поверхность внутри и снаружи сглаженная, черная. Глина — с шамотом. Обломки сосудов из раскопанного А. А. Русовым кургана № 9 в группе А. С. Уварова имеют совершенно аналогичный характер. По форме, цвету глины, характеру ручек и другим чертам рассматриваемый сосуд очень близок к горшку из насыпи кургана № 2 в Кабардинском парке г. Нальчика[4].

В шестой группе сосуды Манасских курганов имеют формы, весьма близкие к формам сосудов из Талгинского могильника в Дагестане, датируемого концом II тысячелетия до н. э.; их можно считать безусловно прототипами некоторых форм последующей эпохи.

---

[1] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 84, 85, рис. 35.

[2] МИА, № 23, 1951, стр. 35—37, рис. 6, *1*.

[3] Д. Л. Коридзе. Памятники позднебронзовой эпохи из Тбилиси. ВГМГ, XVII-Б, 1953.

[4] МИА, № 3, 1941, табл. V, рис. 2.

Разобранными типами сосудов не исчерпывается весь керамический материал изучаемых памятников. Следует рассмотреть еще сосуд из каменной гробницы в кургане Ярти-тюбе и толстостенные чашки из необожженной глины, обнаруженные в катакомбе 2 (курган № 3).

У горшка из кургана Ярти-тюбе раздутое тулово, широкое устье, почти вертикальный бортик и плоское дно (рис. 10, *4*). Хорошо сглаженная поверхность горшка имеет красный цвет, с темными пятнами. Стенки горшка орнаментированы широким (до 3 см) пояском, состоящим по краям из 3 шнуровых линий и в средней части — из перекрещивающихся 3 шнуровых линий с элементами свастики.

Как форма горшка из кургана Ярти-тюбе, так и характер его орнамента совершенно не типичны для местной посуды. Такие формы сосудов и орнамент совсем не известны в Закавказье. Здесь мы видим характерную для более северных, степных районов форму сосудов с веревочным орнаментом. Она попала в Дагестан, как мы отмечали выше, в результате проникновения сюда степного населения. Нет надобности перечислять все пункты обнаружения сосудов подобной формы. Укажем лишь, что совершенно аналогичные ярти-тюбинскому горшки известны из степей Астраханщины[1], а также из кургана у сел. Ачикулак в Грозненской области[2]. Интересно, что они аналогичны не только по форме, но даже по размерам и некоторым деталям шнуровой орнаментации[3].

Чашки из необожженной глины находились в катакомбе 2 (курган №3) в количестве пяти; в других могилах их не было. Почти все они рассыпались. Глина содержит примеси мелкой мергелевой крошки. Поверхность неровная. Чашки отличаются чрезмерно толстыми стенками и сравнительно небольшой внутренней частью (толщина стенок — 2—4 см, диаметр внутренней части — 5—6 см). Форма чашек не совсем одинаковая; одна чашка имеет неправильную цилиндрическую форму (рис. 6, *4*) другие — конусообразную (рис. 6,*5*).

Нам неизвестны в археологии и этнографии Кавказа, а также и других областей, глиняные предметы, хотя бы отдаленно напоминающие рассмотренные чашки из кургана № 3 у станции Манас. Если таковые имеются, то к ним следует отнести прежде всего глиняные прямоугольные курильницы культового назначения из Карабудахкентского могильника[4], являющиеся также уникальными. Несомненно, что манасские чашки из необожженной глины имели исключительно культовое значение, ибо для других целей они абсолютно непригодны.

Сосуды из Манасских курганов развились, несомненно, на основе форм сосудов предшествующей эпохи (Карабудахкентский могильник). Черты преемственности устанавливаются не только по формам, но и по характеру обработки поверхности сосудов и наличию сходного орнамента и ручек.

Формы некоторых сосудов из Манасских курганов характерны для посуды последующей эпохи. Особо следует подчеркнуть, что у многих сосудов поверхность обмазана глиной. Этот признак типичен для посуды конца II тысячелетия и 1-й половины I тысячелетия до н. э. Следовательно, у сосудов Манасских курганов мы видим, кроме отдельных форм, и технический признак (обмазывание поверхности глиной), связывающий их с посудой последующей эпохи (Талгинский могильник — конец II тысячелетия до н. э. и памятники каякентско-хорочоевской культуры —1-я половина I тысячелетия до н. э.).

[1] П. С. Рыков. Указ. соч., стр. 125 (рис. 4), стр. 127(рис. 5 и 6) и стр. 129 (рис. 8).

[2] Раскопки Прикаспийской экспедиции ИИМК под руководством Е. И. Крупнова в 1952 г. Материал не опубликован, хранится в ИИМК.

[3] П. С. Рыков. Указ. соч., стр. 124, 125, рис. 4.

[4] К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 85, рис. 35 (второй ряд снизу).

Можно считать, что посуда Манасских курганов относится ко времени между 1-й половиной II тысячелетия до н. э. и концом II тысячелетия и 1-й половиной I тысячелетия до н. э. Следовательно, рассмотренные памятники должны быть датированы 2-й половиной II тысячелетия до н. э., точнее,— 3-й четвертью II тысячелетия до н. э. Этой датировке не противоречит характер погребального обряда, а также весь остальной погребальный инвентарь.

Деревянная посуда, как было указано, представлена лишь одним блюдом на 4 ножках (курган № 3, катакомба 2). Между двумя из них находится петля со сквозным отверстием для подвешивания. Размеры следующие: высота с ножками — около 5 см, диаметр — 24 см, глубина — 3 см, толщина — около 0,8 см (рис. 9).

Находка деревянной посуды в памятниках эпохи бронзы неудивительна. Дерево широко использовалось тогда в хозяйственных, бытовых и даже погребальных целях, но, как известно, оно плохо сохраняется в земле. На широкое употребление дерева в эпоху бронзы на Кавказе указывают хотя бы находки целой деревянной повозки в курганах Триалети[1], а также остатки досок от подстилки в курганах у станции Манас. Здесь важно отметить, что в курганах Триалети середины II тысячелетия до н. э. обнаружено совершенно аналогичное манасскому деревянное блюдо, но бóльших размеров. Оно имеет также 4 ножки и петлю для подвешивания[2]. Появившаяся в Дагестане в эпоху бронзы деревянная посуда получает более широкое развитие и применение в последующие эпохи. Об этом свидетельствует множество самых разнообразных форм деревянной посуды, известных в Дагестане[3].

К орудиям, найденным в Манасских курганах, относятся медное шило, костяное пряслице и костяные предметы в виде проколок.

1. Медное четырехгранное шило, от которого сохранился лишь обломок (курган № 4), имеет обычную простую форму, широко распространенную в памятниках медно-бронзовой эпохи (рис. 3а, 7). Такие шилья известны в большом количестве на Кавказе, особенно в памятниках раннеметаллической эпохи. Укажем, что они были найдены в Шенгавитском поселении[4], в культурном слое энеолитической эпохи в сел. Озни (Гуниа)[5], в инвентаре погребения ранней бронзы на холме Царцис-гора в Сачхере[6], в погребениях младшей группы Цалкинских курганов[7] и других памятниках. Несколько десятков медных четырехгранных шильев найдено в полупесчаных районах Северо-Западного Прикаспия[8]. В большом количестве они известны и в памятниках катакомбной культуры.

Возникнув на самой заре металлообработки, медные четырехгранные шилья являются первыми металлическими орудиями; они исчезают почти повсеместно к концу эпохи бронзы.

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 97, рис. 102.

[2] Хранится в Государственном музее Грузии имени академика С. Н. Джанашиа.

[3] А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 1, 1927.

[4] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 33.

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, табл. 41, *3—4*.

[6] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. 56.

[7] Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940, рис. 17,*б*.

[8] Хранятся в Грозненском областном краеведческом музее.

2. Костяное пряслице, обнаруженное в катакомбе 2 (курган № 3; рис. 5, *15*), сделано из головки бедра крупного животного. Внутри отверстия сохранились остатки деревянного веретена.

Аналогичное пряслице из бедренного эпифиза крупного животного, тщательно отшлифованное, в форме сферического сегмента, с просверленным в центре вертикальным отверстием, найдено в кургане близ Советской дачи в Нальчике в комплексе с просверленными зубами и псевдолитейной формой[1]. Такие же костяные пряслица встречены в погребениях Чми (Северная Осетия)[2]. Б. Е. Деген отмечает один неопубликованный экземпляр пряслица из бедренной головки, найденный в Човдаре и хранящийся в музее истории Азербайджана[3]. Другой аналогичный экземпляр, происходящий из сел. Кохб (Баранайский район, ДАССР), хранится в Государственном историческом музее Академии наук Армянской ССР[4].

Время бытования этих предметов на Кавказе, судя по находкам их в хорошо датируемых комплексах, какими являются комплексы Манасских и Нальчикских курганов, устанавливается теперь достаточно определенно: это 2-я половина II тысячелетия до н. э.

3. Костяные «проколки» (до 60 штук) найдены в катакомбе кургана № 4. Все они однотипны и изготовлены из костей мелкого рогатого скота (рис. 3б). Острый рабочий конец отполирован в результате употребления. Почти все «проколки» имеют в верхней части 2 глубокие нарезки. Размеры проколок в среднем одинаковые — около 6 см в длину.

Костяные «проколки» из кургана № 4 у станции Манас чрезвычайно близки аналогичным костяным предметам с Каякентского поселения; последние — тех же размеров и имеют, подобно манасским, 2 глубокие нарезки в верхней части. Назначение «проколок» выясняется по этнографическим материалам, в частности,— из Дагестана. По устным сообщениям покойного Е. М. Шиллинга, подобные предметы употреблялись при ткачестве для натягивания нитей основы, т. е. являлись частью примитивного ткацкого станка.

О р у ж и е в Манасских курганах представлено одним медным копьевидным клинком и каменными булавами.

1. Медный клинок (курган № 3, катакомба 2) имеет копьевидную форму. Черенок короткий, но широкий (рис. 5, *1*). По форме и, возможно, по назначению он отличается от обнаруженных в Карабудахкентском могильнике[5]. Малые размеры описываемого клинка, исключительная симметричность и малый черенок для насадки позволяют считать его наконечником копья. Наиболее близкие по форме кинжальные клинки или наконечники копий обнаружены Б. А. Куфтиным в сел. Згудери (Юго-Осетия) вместе с сосудами триалетского типа[6] и Е. И. Крупновым — в кумбултском могильнике Верхняя Рутха[7]. Очень близкую форму наконечника копья можно отметить и в памятниках 2-й половины II тысячелетия до н. э. в Повольжье[8].

---

[1] МИА, № 3, 1941, стр. 252, рис. 35, *10—12*.

[2] П. С. У в а р о в а. МАК, VIII, 1900, табл. 55, *4*, *5*; табл. 58, *3*, *4*.

[3] Б. Е. Д е г е н. Курганы в Кабардинском парке Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 264.

[4] Инв. № 404.

[5] К. Ф. С м и р н о в. Указ. соч., стр. 85, рис. 35.

[6] Хранятся в Государственном музее Грузии.

[7] МИА, № 23, 1951, стр. 45, рис. 9, *3—5*; стр. 51, рис. 14, *7*.

[8] П. Н. Т р е т ь я к о в. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, рис. 18 и 19.

2. Каменные булавы обнаружены во всех катакомбах Манасских курганов. Булава из катакомбы кургана № 4 изготовлена из змеевика (рис. 3а, *3*), остальные — из мергеля (рис. 3а, *2*; рис. 5, *2*). Из мергеля сделаны и булавы, найденные в кургане № 9 в группе А. С. Уварова и в кургане № 4 у Дешлагара.

Для Северо-Восточного Кавказа характерно изготовление каменных булав из мергеля. Булава из змеевика, как нам представляется,— не местного производства; она оказалась здесь, возможно, в результате межплеменных связей с Центральным Предкавказьем, где каменные орудия из змеевика были широко распространены в эпоху бронзы, особенно в середине и 2-й половине II тысячелетия до н. э. Можно думать также, что эта булава попала сюда вместе с пришлым степным населением. Булавы из змеевика, совершенно аналогичные манасским, известны в катакомбной культуре. Эту породу камня, как и другие, степняки получали из Центрального Предкавказья.

Каменные булавы из рассматриваемых курганов имеют шаровидную уплощенную или слегка грушевидную форму. Размеры их почти одинаковы: средний диаметр — 5 см, диаметр отверстия—1,5 см, высота — 4 см. Булава из змеевика имеет высоту 5 см, диаметр — 6 см и диаметр отверстия — 1,6 см.

В эпоху бронзы булава представляла собой один из видов оружия и являлась очень часто символом власти. Каменные шаровидные булавы были широко распространены еще в эпоху энеолита на Кавказе. Наиболее ранними и простыми являются каменные булавы шаровидной формы, а более поздними, относящимися к рубежу II—I тысячелетий до н. э.,— булавы с выпуклостями. Нередко эти формы булав встречаются вместе, как, например, в погребениях Юго-Осетии, раскопанных Е. Г. Пчелиной и А. П. Смирновым[1], а также в могильниках Фаскау и Рутха[2].

В позднебронзовую эпоху на Кавказе навершия булав делались из бронзы[3].

Большое количество каменных булав обнаружено в дигорских могильниках Фаскау и Рутха, датируемых 2-й половиной II тысячелетия до н. э. Здесь Е. И. Крупновым выделены 4 типа булав[4]. Они сделаны из гранита, мергеля, базальта, змеевика и других местных пород. Манасские булавы могут быть отнесены к первым 2 типам и датированы 3-й четвертью II тысячелетия до н. э., так как более совершенные формы булав 3 и 4-го типов датируются временем ближе к концу II тысячелетия до н. э.[5]

К у к р а ш е н и я м относятся бронзовые очковидные привески и медные височные кольца в 1,5 оборота, бронзовые, сердоликовые и разноцветные пастовые бусы, бронзовые трубочки-спиральки и фигурная пластинка, лигнитовые бусы и бусы из раковин, а также костяное колечко.

1. Очковидные привески встречены и в катакомбах, и во впускных погребениях (рис. 3а, *15*; рис. 5, *16*, *20*). Они совершенно аналогичны по форме и даже по размерам привескам, обнаруженным К. Ф. Смирновым в 1951 г. в Карабудахкентском могильнике (не опубликованы). Наличие их здесь является доказательством связи между курганами у станции Манас

---

[1] Е. Г. П ч е л и н а и А. П. С м и р н о в. Дневник археологических исследований, произведенных близ с. Нули. Изв. Юго-Осетинск. ин-та краеведения, вып. 1. Сталинири, 1933, стр. 295.

[2] МИА, № 23, 1951, стр. 44—46.

[3] П. С. У в а р о в а. МАК, VIII, 1900, табл. XCVII; Б. А. К у ф т и н. Археологические раскопки в Триалети, стр. 74, рис. 81.

[4] МИА, № 23, 1951, стр. 44, 45, рис. 9, *8—10*.

[5] Там же, стр. 46.

и памятниками предшествующего времени, в частности Карабудахкентским могильником № 2.

2. Медные спиральные височные подвески найдены в количестве 10 штук в катакомбных погребениях. Они представляют собой скрученные (обычно из круглой медной проволоки) кольца с заходящими друг на друга, часто расширяющимися и заостренными концами (рис. 3а, *1, 8, 9*; рис. 5, *8—12*). Есть кольца, у которых одна лопасть узкая, круглая, другая — плоская, широкая (рис. 5, *11*). Диаметр кольца не превышает обычно 1 см. Лишь у одного кольца с расширенными, расплющенными концами из кургана № 3 диаметр равен 1,8 см (рис. 3а, *9*).

Медные височные кольца в 1,5 оборота имеют довольно широкое распространение, особенно на Кавказе. Здесь мы обнаруживаем и самую раннюю, исходную форму височных колец. Это — височное колечко, найденное в погребении 86 в Нальчикском могильнике[1]. Такие кольца особенно характерны для погребений северокавказской культуры 2-й половины II тысячелетия до н. э.

Медные височные кольца известны в большом количестве в погребениях ямной и особенно катакомбной культуры. Считается, что они — северокавказского происхождения.

Следует указать, что в коллекции, собранной А. А. Бобринским в Дагестане и хранящейся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде, имеется до 35 височных подвесок рассматриваемого типа[2]. Точное место их находки неизвестно. Вероятно, они были найдены или приобретены А. А. Бобринским в горном Дагестане. Обнаружение в таком количестве височных подвесок в Дагестане свидетельствует об их местном производстве.

3. Бронзовые спиральные трубочки скручены из массивной, круглой в сечении проволоки. У одной из них — до 20 завитков. Есть обломки спиралек из более тонкой проволоки (рис. 3а, *10—13*). Аналогичные спирали-трубочки имеются в комплексе Карабудахкентского могильника № 2. Они, несомненно,— местного производства и относятся к 1-й половине II тысячелетия до н. э.

4. В катакомбе № 2 обнаружены обломки плоского костяного колечка (рис. 5,*14*). Как известно, костяные колечки весьма характерны для погребений катакомбной культуры. Наличие их на Кавказе объясняется связями с племенами этой культуры.

5. По материалу, из которого изготовлены бусы, их можно разделить на 4 группы: медные, пастовые, каменные и раковинные.

В погребениях обильно представлены медные бусы (рис. 3а, *4*; рис. 5, *4, 7, 17, 19*). Они были нанизаны на шерстяной шнур, остатки которого сохранились в одной из бусин. Большинство медных бус имеет бочонкообразную форму, есть и биконические. Они литые и кованые. Последние сделаны из сплюснутой медной проволоки. Медные бусы известны в большом количестве из памятников бронзовой эпохи Кавказа. Наиболее ранние и простые формы встречены в погребениях могильника Загли-Барзонд в Северной Осетии[3] и в Прикубанье[4]. Медные бусы из Манасских курганов находят прямые аналогии среди того же круга многочисленных памятников Кавказа. Достаточно указать на находки медных бус таких же форм в памятниках 2-й половины II тысячелетия до н. э. во многих

---

[1] МИА, № 3, 1941, стр. 114.

[2] Государственный Эрмитаж. Коллекции из собрания А. А. Бобринского в Дагестане, 1364/16-18.

[3] Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Сб. статей по археологии СССР. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 55.

[4] ОАК за 1897 г., стр. 17, 22; ОАК за 1909 гг. г., стр. 154.

курганах Кабардино-Пятигорья[1]. Медные бусы биконической и бочонкообразной формы встречены в большом количестве и в погребениях катакомбной культуры, особенно на Северном Донце[2].

Пастовые бусы (белые, голубые, розоватые и желтоватые), обнаруженные в Манасских курганах, представляют собою в большинстве случаев небольшие цилиндрики длиной 5—8 мм с диаметром не более 3 мм. Среди них имеются также плоские кольцевидные, с максимальным диаметром 8 мм (рис. 3а, *6*; рис. 5, *3, 6, 18, 24*). Значительный интерес представляет бусинка из голубой пасты с тремя шишечками (рис. 5, *24*), найденная в погребении 3 кургана № 3. Поверхность большинства пастовых бус блестящая, гладкая.

Пастовые бусы известны из многих погребений эпохи бронзы на Кавказе, особенно в Кабардино-Пятигорье. Они есть в Нальчикском могильнике[3], во многих курганах Кабардинского парка и других памятниках[4]. Во впускном погребении 31 Нальчикского могильника найдено 548 голубых и белых бус и 538 коричневато-красных, цилиндрической формы, 48 белых и голубых, также цилиндрической формы, имеющих по 3 выступа в виде конусов, опоясывающих бусину, и большое количество обломков тех и других[5]. Эти бусы были специально подвергнуты качественному анализу для определения способа их изготовления и выяснения состава массы, из которой они сделаны. Анализ показал, что состав этих бус близок к стеклу. Наиболее вероятный прием их изготовления — вытягивание тонких трубочек из стекловидной массы, от которых затем откалывались короткие цилиндрики[6]. В Нальчикском могильнике были найдены, как и в Манасских курганах, плоские кольцевидные бусы из пасты (рис. 3а, *6*)[7].

Для датировки наибольшее значение приобретают бусы из голубоватой пасты с тремя бородавчатыми выступами. Такие бусы встречены в могильнике Верхняя Рутха (могила 16) в Северной Осетии[8], во впускном погребении 31 Нальчикского могильника и в погребении 3 кургана № 3 у станции Манас. Комплексы, в которых они найдены, определенно датируются 2-й половиной II тысячелетия до н. э., точнее — 3-й четвертью II тысячелетия до н. э.

Каменные бусы изготовлены из светлокоричневого и прозрачного сердолика и лигнита. Бусы из лигнита найдены в катакомбе 2 кургана № 3. Они выпукло-цилиндрической формы или бочонковидные, в сечении круглые (рис. 5, *5*). Лигнитовые бусы встречены в Мариупольском могильнике[9], в погребении 41 Нальчикского могильника[10] и в кургане поселка Майского в Кабарде[11].

Сердоликовые бусы найдены преимущественно в катакомбе 3 кургана № 4. Они имеют плоскую кольцевидную форму, диаметр достигает 1 см. В середине — отверстие, сделанное с помощью двустороннего сверления (рис. 3а, *5*). Сердоликовые бусы были известны на Кавказе еще в эпоху энеолита. Они встречены в Майкопском кургане, в кургане № 2 у станицы

---

[1] МИА, № 3, 1941, стр. 260; рис. 28, 38, 39; табл. VII, *4*.
[2] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. Тр. XII АС, т. I, 1902, стр. 285, 294 и 300.
[3] МИА, № 3, 1941, стр. 76.
[4] Там же, стр. 262, 120; МИА, № 23, 1951, стр. 75, рис. 19, *9*.
[5] МИА, № 3, 1941, стр. 119.
[6] Там же, стр. 119, 120.
[7] Там же, стр. 120.
[8] МИА, № 23, 1951, стр. 58.
[9] М. Макаренко. Маріюпільський могильник. Київ, 1933, стор. 53.
[10] МИА, № 3, 1941, стр. 81.
[11] Там же, стр. 118.

Новосвободной и других памятниках Прикубанья и Кабарды[1]. В Закавказье сердоликовые бусы с наиболее архаичным способом сверления найдены в погребениях в Сачхере (Западная Грузия) и в одном из древнейших погребений Самтавро[2]. Разнообразные формы бус из различных видов сердолика встречаются в большом количестве на Кавказе в памятниках II тысячелетия и особенно I тысячелетия до н. э. Считается почти общепризнанным, что сердоликовые бусы, обнаруженные на Кавказе, — переднеазиатского происхождения. Лишь в последнее время, вопреки господствующему мнению, высказано предположение, что значительная часть раскопанных на осушенной территории Севанского озера сердоликовых бус имеет местное происхождение и изготовлена из местного сырья[3]. Центры производства сердоликовых бус находились в более южных районах, чем Дагестан и многие области Закавказья. Поэтому наличие сердоликовых бус в Дагестане надо признать ярким доказательством связей местных племен с племенами этих районов во 2-й половине II тысячелетия до н. э.

Бусы из раковин (5 штук) найдены в погребении 3 кургана № 3. Они плоские, белого цвета, в плане круглые. Диаметр их почти одинаковый— 9 мм, толщина — около 2 мм (рис. 5, *23*).

Аналогичные бусы типичны для погребений более раннего времени. Большое количество таких бус найдено в Мариупольском могильнике[4]. Они есть и в Нальчикском могильнике (погребение 83)[5]. Возникнув еще в эпоху неолита, бусы из раковин продолжали бытовать в эпоху бронзы.

Разнообразие погребального инвентаря Манасских курганов объясняется главным образом усилением и расширением культурно-хозяйственных связей местных племен с соседними племенами. Анализ погребального инвентаря позволяет сделать следующие выводы.

Курганы у станции Манас датируются 2-й половиной II тысячелетия до н. э., точнее — в пределах 3-й четверти II тысячелетия до н. э. Погребальный инвентарь подкрепляет утверждение о проникновении в Дагестан степного населения и позволяет выяснить время проникновения степных этнических и культурных элементов в приморские районы Дагестана. Многообразие погребального инвентаря и наличие в нем предметов, распространенных больше в степных районах, свидетельствуют о влиянии пришлых с севера отдельных групп племен на местную культуру.

Подводя общие итоги исследованию курганов у станции Манас и связанных с ними других памятников Дагестана, мы можем констатировать, что культура, представленная рассмотренными памятниками, имеет яркие черты преемственности по отношению к местной культуре как предшествующего, так и последующего времени.

Со 2-й половины II тысячелетия до н. э. историческое развитие Дагестана, как и всего Кавказа, еще теснее связывается с основными областями нашей отечественной истории.

---

[1] МИА, № 3, 1941, стр. 119.

[2] Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 23, 24.

[3] А. Мнацаканян. Археологические раскопки на осушенной территории Севанского озера. ИАН АрмССР, 1952, № 8, стр. 99—112.

[4] М. Макаренко. Указ. соч., стр. 49, 50.

[5] МИА, № 3, 1941, стр. 88.

С. А. СЕМЕНОВ

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА НА ДРЕВНЕМ АЛТАЕ

(По материалам Пазырыкских курганов)

1

В тех случаях, когда деревянные археологические материалы доступны для изучения, наблюдение следов от орудий, которыми эти материалы обрабатывались, большей частью производится без увеличительных средств. Обычно применяется световой анализ. Одностороннее (боковое) освещение вскрывает все особенности рельефа поверхности. Следы топора, тесла, долота, ножа, струга и других инструментов, в том числе и шилы, если она употреблялась, и в особенности следы сверла просматриваются невооруженным глазом. Текстура различных древесных пород не является специфической помехой для наблюдения, так как одностороннее освещение подчеркивает рельеф независимо от породы дерева.

Следы изнашивания на деревянных орудиях, рукоятках, различных приспособлениях технического и бытового порядка имеют пластическое выражение, очень близкое к тому, что мы наблюдаем и на кости.

Волокнистая структура дерева накладывает свой отпечаток на следы работы. Следы рубки, отески, долбления, строгания, сверления и других видов обработки нередко указывают, в сухом или влажном состоянии дерево поступило в производство. Работа по сырому дереву оставляет на поверхности изделий ворс из мелких стружек и даже волокон, бахрому по краю, так как влажная древесина обладает большой гибкостью, легко размочаливается и хуже срезается лезвием орудия, особенно затупленным, несмотря на то, что сырое дерево требует меньшей затраты физической силы и обладает большей относительной пластичностью.

Сюда следует отнести сминание, сдавленность или забитость от ударов, следы различных видов трения, по которым можно судить о форме и качестве предметов воздействия, о силе, направлении, а иногда даже о скорости движения.

2

При сравнительной скудости деревянных археологических материалов деревянные изделия из Пазырыкских курганов приобретают особое значение [1]. Погребальные сооружения, скованные льдом, сохранились почти в целости, если исключить те повреждения, которые были учинены грабителями могил. Все деревянные части могильных построек, а также дере-

[1] С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.

вянный инвентарь погребений представляют благодарный материал для исследования [1].

Орудий, с помощью которых производилась обработка дерева, в могилах не найдено. Наша задача состояла в том, чтобы по следам работы, сохранившимся на деревянных деталях построек и других изделиях, восстановить основные технологические приемы работы и состав тех орудий, которыми эта работа велась.

Деревянные предметы со следами работы представлены прежде всего бревнами лиственницы, которые покрывали камеры в несколько рядов, образуя мощный настил, а также могильными срубами, состоявшими из отесанных бревен, и самими гробами — колодами, выдолбленными из толстых стволов. Кроме того, в погребениях найдены деревянные столики, «подушки» и «сидения», посуда, лопаты, лестницы, колотушки, музыкальный инструмент и богатый набор художественных резных изделий, украшавших лошадиные сбруи. Лиственница являлась основным материалом для всех крупных изделий, затем использовались также береза (употреблялась и береста), ель и кедр.

Изучение комлевого конца лиственничных бревен показывает, что дерево срубали топорами типа кельтов, с шириной лезвия 55—60 мм. Следы лезвий дугообразной формы очень отчетливо видны на комле (рис. 1, *1*, *2*). Они располагаются один над другим в виде ступенек. Удары наносились под углом 40—50°. Если ствол срубленного дерева не был толстым, рубка велась с двух противоположных сторон. Стволы лиственниц, диаметр которых превышал 0,3 м, рубились с трех и даже с четырех сторон. Удары разделялись на верхние (рубящие) и нижние (подрубные), которыми удалялась щепа.

Для подсчета числа ударов, потребных для валки дерева, надо допустить, что число рубящих и подрубных ударов в среднем одинаково, так как каждый верхний удар, отделявший щепу от ствола, требовал нанесения соответствующего удара на 12—15 см ниже верхней линии для удаления этой щепы. Всего на комле ствола диаметром 0,33 м насчитывалось около 75—85 следов лезвий кельта; следовательно, для срубания дерева необходимо было около 150—170 ударов. В среднем, на рубку такого дерева требовалось 8—10 минут, если считать по 20—23 удара в минуту. Как видно по глубине надруба, дерево рубили на корню не на полный диаметр (рис. 1, *3*). Чтобы произвести валку в нужном направлении, дерево, вероятно, толкали шестами или тянули арканами, перекинутыми через сучья кроны.

Древние алтайцы имели телеги на массивных колесах, вырубленных из комлей больших лиственниц. Такие колеса, а также оси для них и другие части телег, были найдены в Пазырыкских курганах. Присутствие ярма свидетельствует о том, что основной тягловой силой при транспортировке больших тяжестей служили волы.

3

После рубки дерева в технике его обработки важное место занимает раскалывание. Отсутствие металлической пилы, позволяющей производить продольную разделку, заставляло древних алтайцев широко применять раскол дерева — способ, который очень долго являлся доминирующим для послойного членения материала в истории деревообрабатывающего производства. Даже после того, как пила уже прочно вошла в

[1] Исследованы материалы из всех 5 курганов Пазырыка, однако условия работы позволили уделить больше внимания предметам из курганов №№ 2 и 5.

технику обработки дерева, она употреблялась преимущественно для поперечного распила.

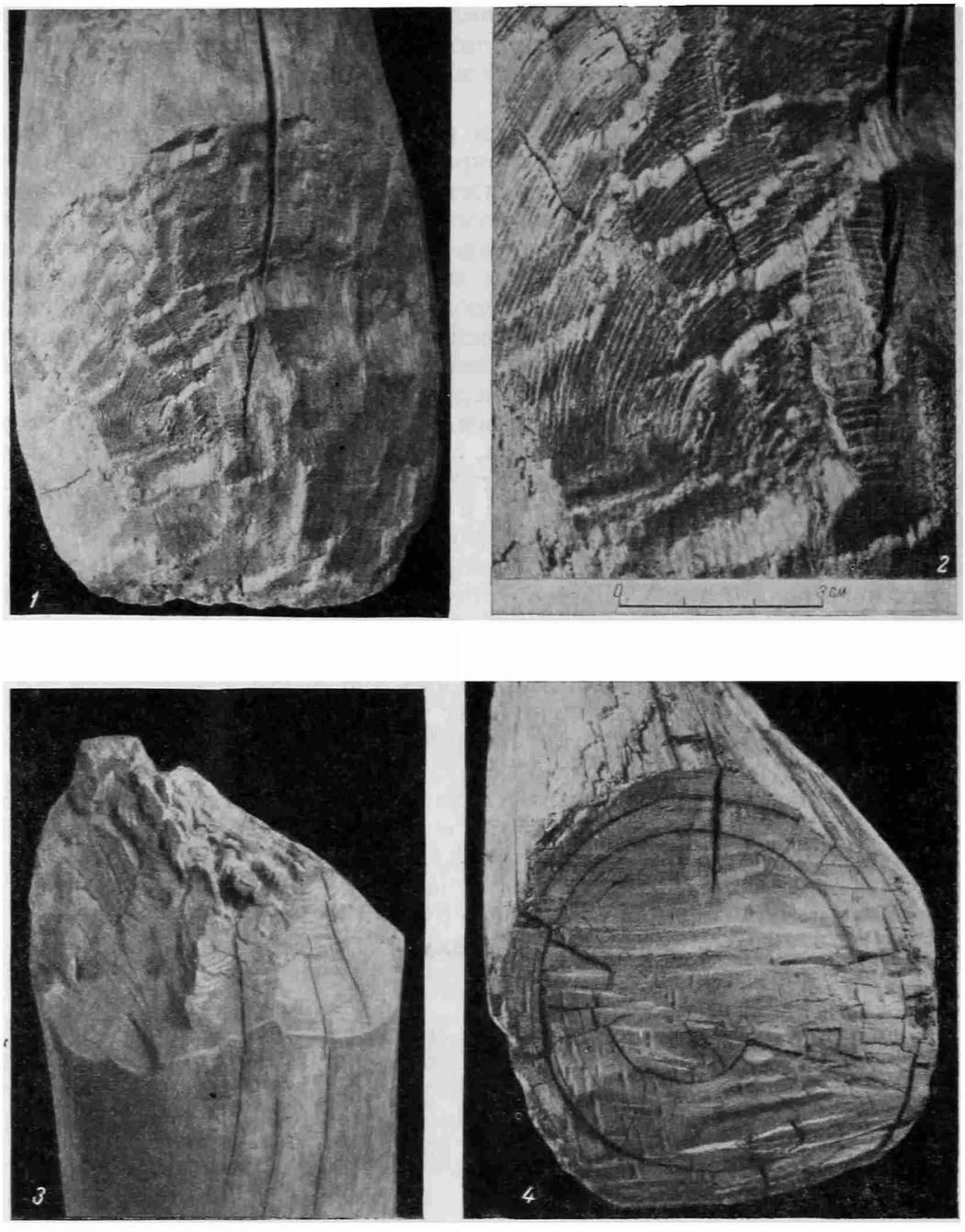


Рис. 1. Следы рубки металлическим топором на дереве.

1 — комель лиственницы со следами рубки топором-кельтом; *2* — то же, часть рубленой поверхности; *3* — комель лиственницы, подрубленной с 4 сторон; *4* — следы рубки лиственничного бревна из настила в кургане № 2 современным стальным топором.

Раскол дерева у древних алтайцев применялся при изготовлении плах, служивших для постройки погребальных камер, пластин, которыми настилался пол, досок, брусьев и т. д. Плахи изготовлялись из бревен отщеп-

лением горбылей с двух или четырех сторон; затем плоскости обрабатывались тёслами. Однако отеска не устраняет полностью всех следов раскола. В кривослойных участках древесины нередко остаются западины, которых не коснулось тесло; по ним можно с достоверностью судить, что горбыль был не стесан теслом от начала до конца, а сколот в интересах экономии труда.

Рис. 2. Следы отески доски, отколотой от сучковатого бревна в сыром виде.

Раскалывание дерева на доски было более трудной технической операцией. Исследование поверхности досок, составлявших покрышку повозки из Пазырыкского кургана № 5, показывает, что использовалось дерево не одинакового качества. Все доски изготовлены из лиственницы. Длина их достигает 1,2 м, ширина — 0,3 — 0,4 м, толщина—8—15 мм. Тонкие доски, полученные из сухих чураков, почти не имеют сучков. Толстые доски отщеплены от сырого дерева, крайне сучковатого. Приемы работы в каждом случае были разные. Сухие доски откалывались без большого труда при помощи деревянных клиньев. Первый и второй клинья вбивались в торец чурака по надрубу, сделанному топором, и надкалывали его. Третий клин, вбитый в боковую трещину с наклоном, мог сухое дерево небольшой длины расколоть полностью. Расколотые таким приемом доски затем лицевали с двух сторон тёслами. Удары, как отчетливо видно на плоскостях досок, наносились по диагонали, чтобы не задирать волокон.

Откалывание досок от сучковатого чурака было делом крайне трудным. В связи с этим возникает вопрос: почему было необходимо брать такой материал, качество которого совершенно не отвечало техническим требо-

ваниям? Между тем факт налицо — доски усеяны сучками, каждый из которых перерублен несколькими ударами топора (рис. 2).

По признакам,которые улавливаются на таких досках, техника производства рисуется следующим образом. В момент раскалывания сучковатого чурака на доски дерево, безусловно, было сырым. За это говорит поверхность досок, густо покрытая ворсом отодранных волокон, которые во время обработки теслом сохраняли много влаги. Откалывание досок производилось весьма терпеливо. После того как клинья надкалывали дерево, ударами топора, направленного лезвием точно в щель, перерубался ближайший сучок, служивший помехой, затем — следующий и т. д., пока доска не отделялась от основы. Только сырое дерево можно было раскалывать таким способом без опасности сломать доску на первом сучке.

Лицовка подобных досок была тоже нелегким делом. Ход волокон на сучковатой поверхности отличался беспорядочностью. Поэтому отеска, как можно заметить по направлению лезвия тесла, велась в разных направлениях — по диагонали, поперек и вдоль волокон. Поверхность досок, при всех попытках ее отлицевать, осталась ворсистой и шероховатой.

4

Отеска дерева у древних алтайских мастеров обращает на себя внимание своим разносторонним применением. Следы работы теслом с характерными полулунными засечками встречаются почти на всех предметах, за исключением очень мелких изделий. Тесло у ранних кочевников было универсальным орудием, что объясняется весьма бедным составом их инструментов; оно заменяло пилу, рубанок, а нередко и нож. Теслом выполнялись многие работы: 1) односторонняя отеска бревна (стесывание одного горбыля); 2) отеска плахи (двусторонняя); 3) отеска бруса (четырехсторонняя); 4) лицовка досок; 5) обработка шестов и мелких брусьев; 6) обработка деревянных «подушек», «сидений», крышек для столов и другие операции послойной тески; 7) различные виды поперечной слойной тески дерева (обработка торцов); 8) работа, связанная с художественной резьбой.

Весьма широкое использование тесла характерно и для неолита. В погребениях и на поселениях неолитического возраста тёсла, как правило, количественно преобладают даже над топорами. Этот факт находит объяснение в больших механических достоинствах тесла на известном уровне развития техники. Как ударное орудие тесло весьма эффективно в работе. Топор,— будь то каменный топор или металлический кельт,— обладая небольшой шириной лезвия, позволяет лишь производить рубку деревьев, срубать ветви и сучья, раскалывать древесину. Длинная рукоятка, увеличивающая рычаг, позволяет увеличить и силу удара. Все перечисленные виды отески дерева, по существу являющиеся актами отделочной работы, требуют укороченной рукоятки, а следовательно, и более слабых ударов. Обычная форма насадки топора на прямую рукоятку вызывает резкую отдачу на руку при ударе, если рукоятка коротка или рука перемещена ближе к топору. Только современный стальной топор, благодаря значительной тяжести, не требует длинной рукоятки и даже позволяет перемещать руку при слабых ударах.

Все древние тёсла, как каменные, так и бронзовые, насаживались на легкую коленчатую рукоять, длина которой едва ли была больше 0,4 м. Рукоятки тёсел, известные нам по Горбуновской торфяниковой стоянке, имели длину лишь от 0,22 до 0,35 м. Легкая коленчатая рукоятка позволяет наносить удары без отдачи на руку или же с минимальной отдачей,

так как ось тесла расположена по отношению к рукоятке под углом не 90°, а 50—60°, и, кроме того, эта ось удлинена дополнительно коленчатым отростком.

Особенно важно отметить, что работа теслом, поскольку обрабатываемая плоскость всегда обращена к лицу человека, позволяет зрительно контролировать каждый удар: степень углубления лезвия в материал, толщину снимаемой стружки, форму обрабатываемого участка на деревянном изделии. Отеска топором типа кельта возможна только по профилю, а это обеспечивает лишь самую грубую работу, так как рабочий эффект не находится целиком в поле зрения.

Отеска бревен при помощи тесла, а не топора, отражена в следах работы. Если бы отеска бревна велась по профилю, т. е. топором, как делают современные плотники, то в результате ударов на отесанной поверхности сохранились бы конечные отрезки траектории, описываемой топором в воздухе. Они шли бы не параллельно слоям древесины, а по диагонали, под углом 30—40° Следы от дуги лезвия имели бы наклонное положение по отношению к слоям древесины. Но таких признаков работы на отесанной поверхности пазырыкских изделий не наблюдается. Линейные следы, отражающие траекторию, лежат параллельно слоям древесины, а следы от дуги лезвия — перпендикулярно.

Древние алтайцы очень хорошо усвоили правило отески дерева от вершины к комлю, а не наоборот. Благодаря этому они избегали «задирания» древесины. Им известно было, кроме того, что отеска бревен идет более успешно, если на них предварительно нанесены поперечные надрубы. Благодаря надрубам щепа легко заламывается в момент ее отделения от ствола. Надрубы, расположенные на определенном расстоянии друг от друга, в то же время служат контрольными знаками, глубже которых тесло не должно погружаться в древесину.

Небольшие изделия — например брусья для повозки, лопаты, колесные спицы, крышки столиков, «подушки» — отесывались очень легкими ударами со слабым захватом древесины. Отходами такой работы были уже не щепки, а, скорее, стружки очень тонкого сечения. Подобным способом обрабатывались и торцовые части предметов. Однако торцовые стороны массивных колес для телеги, торцы бревен для срубов отесывались наскоро и весьма небрежно. Кедровые дощечки, из которых резались художественные изделия, тоже предварительно обрабатывались тёслами, следы которых сохранились на тыльной поверхности. Эти факты говорят о том, что у древних алтайцев не только рубанок, но и двуручный струг отсутствовали.

5

Долбление, если судить по материалам Пазырыка, древние алтайцы производили двумя инструментами. Большинство глухих и сквозных гнезд в дереве вырубалось топором, вертикальными ударами с двух сторон поперек слоя древесины. Топоры, служившие для этой цели, были узколезвийные, шириной от 35 до 40 мм. Гнезда, полученные вырубанием, отличались неправильными стенками (рис. 3, *1*, *2*). Впрочем, грубая долбежка топором производилась на мало ответственных предметах и деталях, например на стояках лестниц, на брусьях телег. Сюда следует отнести и проушины на бревнах и плахах срубов. Когда требовалось, долбление выполнялось сравнительно чисто. Так выглядят боковые гнезда в гробах-колодах, служившие для привязывания гроба канатами во время транспортировки и спуска в погребальную камеру.

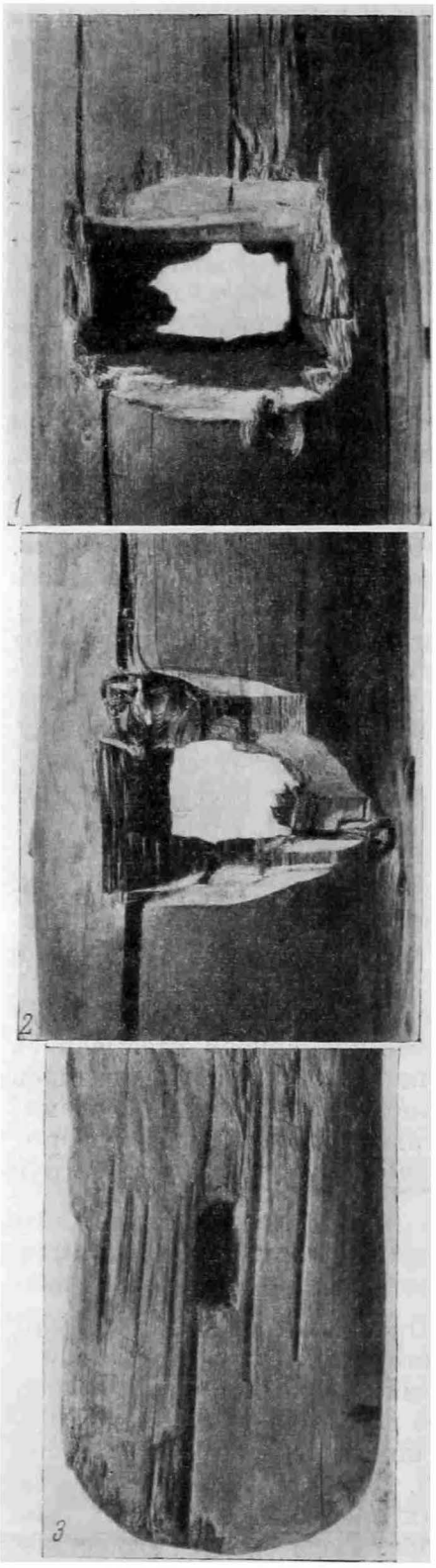


Рис. 3. Вырубка гнезд.

1, 2 — гнезда, вырубленные топором-нельтом; *3* — гнездо, вырубленное долотом (деталь повозки).

Для выдалбливания мелких гнезд и проушин существовало долото шириной от 8 до 11 мм[1], как показывают измерения следов его лезвия. С помощью долота производилось долбление гнезд на нижней стороне крышек столов для прикрепления к ним ножек, на брусьях рамы в повозке—для стоек, на ободьях и ступицах колес — для установки спиц и на других предметах (рис. 3,*3*). Долото, очевидно, насаживалось на роговую или деревянную рукоятку[2]. В процессе работы мастер бил по рукоятке долота деревянной киянкой. Металл, из которого изготовлялись долота, пока остается невыясненным.

6

В тесной связи с приемами долбления гнезд стоит техника шипового соединения деревянных деталей. Шипы на концах брусьев повозки, на стойках, на ножках столиков вырубались топором и подправлялись с помощью ножа. Шипы были круглые и четырехгранные. Шиповые соединения в Пазырыкских курганах представляют интерес потому, что они основаны не на клеевом креплении, а на ременной вязке. Хорошо известно, что шип, как бы он ни был тесно пригнан к гнезду, с усыханием дерева выпадает из гнезда. Только благодаря столярному клею шиповая вязка деревянных конструкций остается более или менее надежной. На шипах и в гнездах деревянных изделий из Пазырыка нет никаких следов клея. Последние, безусловно, сохранились бы при благоприятных условиях, в которых оказались могилы. Впрочем, большинство предметов, соединенных шипами, и не могло иметь клеевого крепления, поскольку это были подвижные конструкции. Даже столики в условиях кочевого быта удобнее было разбирать и собирать снова по мере надобности.

[1] По данным промеров, полученных М. П. Грязновым на материалах кургана № 1, долота имели более широкое лезвие — от 11,5 до 13 мм. См. М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 44.

[2] Литые (бронзовые) и кованые (железные) долота могли иметь втульчатую полость для насада деревянной рукоятки.

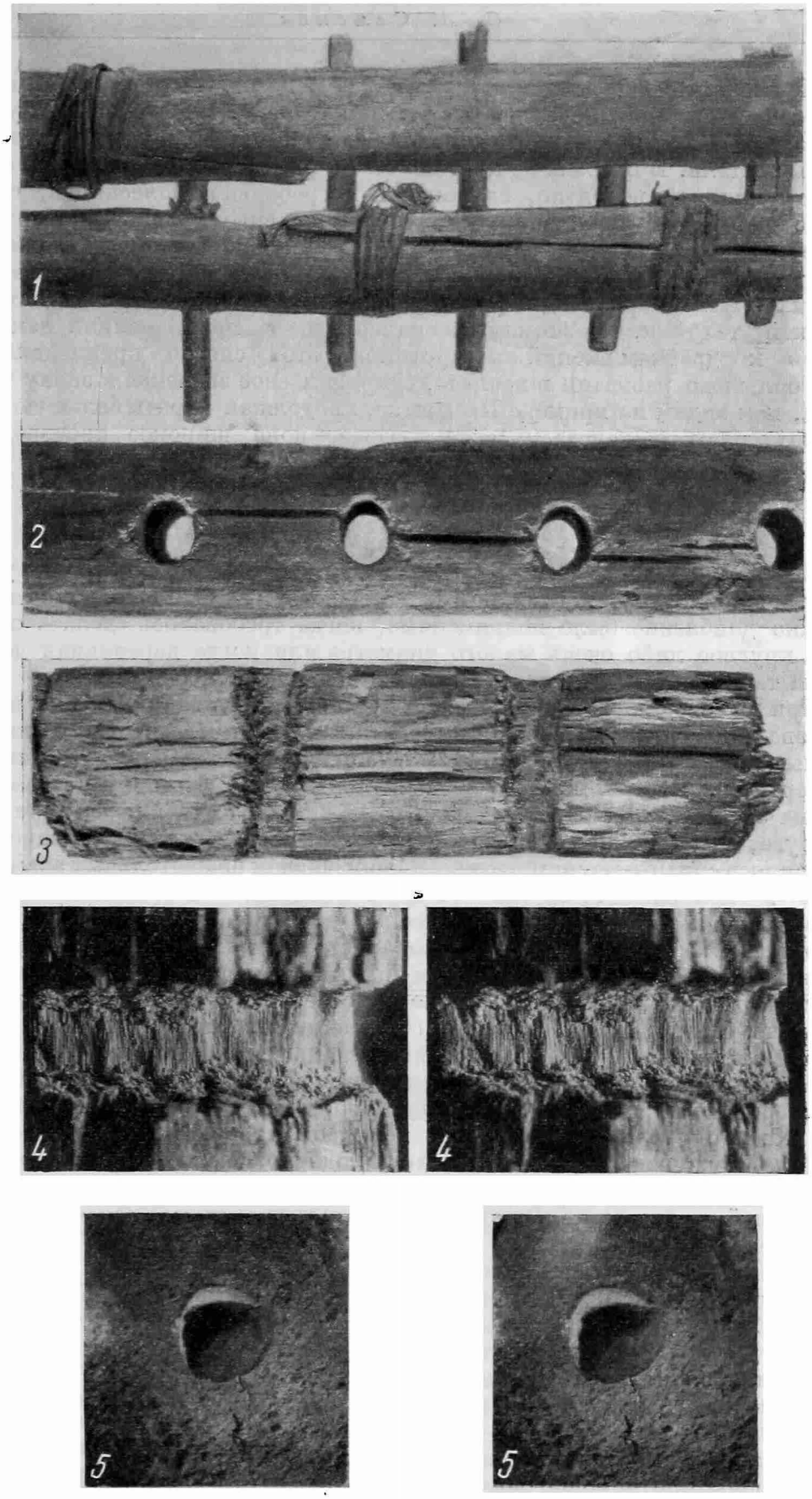


Рис. 4. Сверление дерева.

1 — фрагмент решетки; *2*, *3* — сверленые отверстия на шесте; *4* — стереофотография следов сверления коловоротом; *5* — стереофотография следов сверления на человеческой кости из Башадарского кургана.

Почти на всех деревянных предметах, в которых соединено хотя бы малое число частей, наблюдается ременная вязка. В некоторых случаях сохранились ремни, которые продолжают еще крепко удерживать связанные детали. В повозке из кургана № 5, чрезвычайно сложной по своей конструкции и, вероятно, служившей погребальной колесницей, общее число ременных креплений, вместе с мочальными вязками бортовой решетки, составляет не одну сотню. Соединение частей в различных конструкциях с помощью ремней, сухожилий, лыка, мочала, бечевок, гибких прутьев производилось в течение длительного периода истории древней техники. Возникнув в палеолите с привязывания наконечников к древкам копий и дротиков, этот способ крепления достиг большого развития в неолите, сохранил свое значение в эпоху бронзы и, как видим на примере Пазырыка, продолжал играть большую роль в эпоху раннего железа и даже позднее, пока широкое производство металлов не вытеснило эту старую систему.

7

Сверление дерева в пазырыкских изделиях имело сравнительно узкое применение потому, что во многих случаях оно заменялось долблением. Однако долбление было неприменимо, когда требовалось сделать отверстие круглое либо очень малого диаметра или когда деревянная деталь имела такой объем, что могла расколоться при долблении.

При угловой вязке досок, а также при сплачивании из них щитов требовались очень маленькие отверстия по краям, которые делались ручным сверлением, точнее, прокалыванием досок колизавром (шиломразверткой). Отверстия, полученные таким путем, отстояли от края доски на 3—5 см. Они располагались парами, на расстоянии 4—5 см друг от друга, а расстояние между парами составляло 20—25 см. Сверление производилось сильным нажимом с небольшим числом вращательных движений руки в половину или три четверти оборота, о чем свидетельствуют неправильная форма отверстия, рваная древесина по краям отверстий и крупные заусенцы. Доски связывались узкими ремешками, вырезанными из сыромятной шкуры лошади (на этих ремешках сохранился мех). Ремешки продевались крестообразно в 4 отверстия 2 сплачиваемых досок. Все узлы были завязаны на одной стороне щита. Сырые ремни после высыхания крепко схватывали и притягивали доски кромками друг к другу.

Исследование круглого сверления дерева в Пазырыке показывает, что сверление производилось каким-то простейшим станковым инструментом. Хотя оно представлено лишь на одном предмете — на деревянной решетке, служившей бортами колесницы, однако число отверстий на указанном предмете достигает нескольких сотен. Это дает основание говорить о большой производительности инструмента.

Решетка весьма сложна по своей конструкции и крайне любопытна по выполнению. Она собрана из круглых шестов толщиной 35 мм, соединенных между собой тонкими строгаными спицами, имеющими 6—7 мм в диаметре. Спицы продеты сквозь шесты через сверленые отверстия, расположенные друг от друга на расстоянии 40—45 мм. Сами шесты тоже составные; они собраны из более коротких палок, концы которых косо срезаны и соединены «в накладку», а в месте соединения обвязаны мочалом (рис. 4, *1*, *2*).

Отверстия, высверленные в шестах для спиц, были изучены с внутренней стороны при помощи бинокуляра и стереофотографии, что дало возможность установить следующее:

1. Поперечное сечение сверленых отверстий по форме приближается к овалу, большой диаметр которого направлен перпендикулярно слоям дерева. Размеры входной и выходной частей отверстия одинаковы.

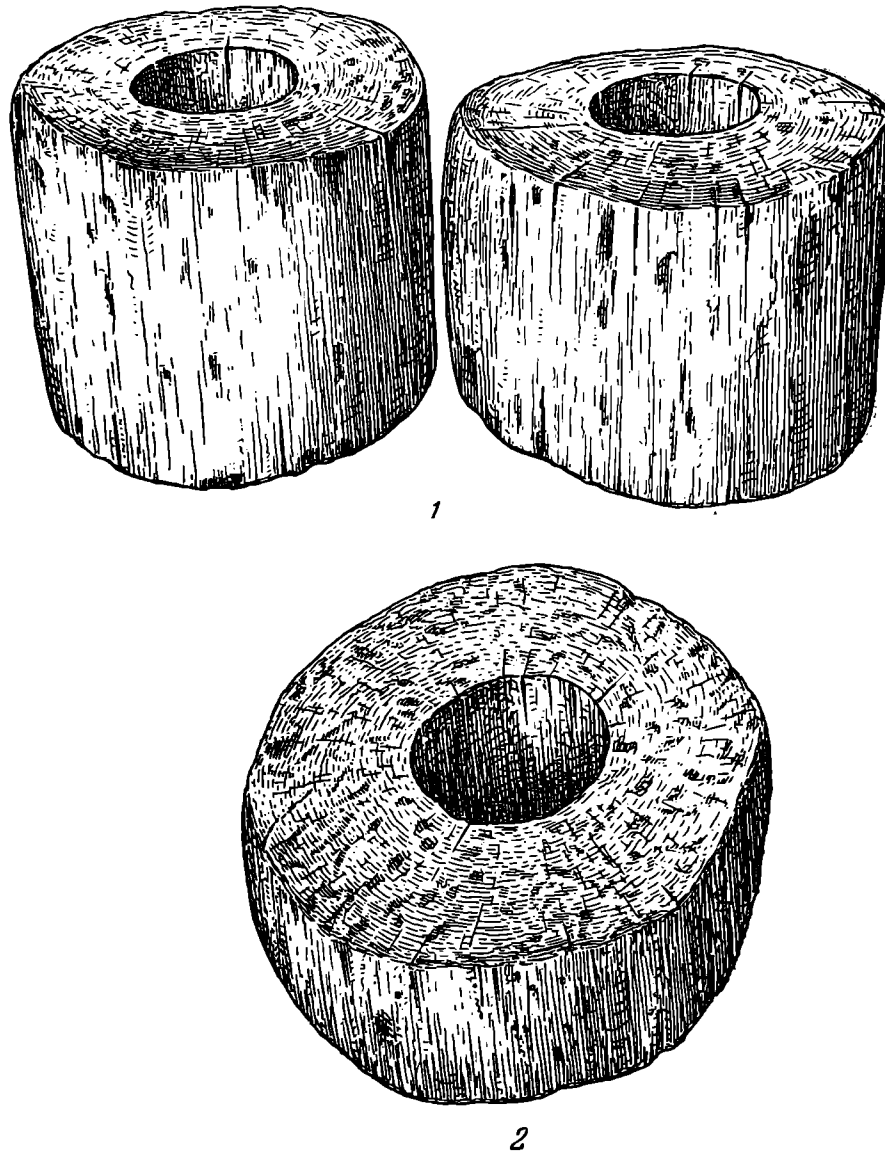


Рис. 5. Массивные тележные колеса, вырубленные из комлевой части старых лиственниц.

2. Ход сверла отличается относительно большим шагом и неравномерностью. Отмечены случаи, когда сверление вначале имело шаг крупнее а к концу — мельче.

3. Всего в отверстии длиной 35 мм насчитывается от 12 до 15 шагов, соответствующих числу оборотов сверла.

4. Волокна древесины на торцовой стороне отверстия имеют рваный и измятый вид, выступая на край бахромой.

5. Сверло имело одностороннее вращение, слева направо, и медленный

ход, соответствующий обороту руки по окружности радиусом 8—12 см (рис. 4, *3*, *4*).

Отсюда сделан вывод, что сверление производилось не разверткой или колизавром и не лучковой дрелью, как можно было бы предполагать, а более производительным в работе по дереву инструментом — коловоротом. Именно последний имеет медленный ход вращения сверла, в большей степени, чем, например, при работе лучковой дрелью, позволяет делать разные усилия при нажиме на сверло и тем самым по желанию ускорять или замедлять ход работы.

Следовательно, есть основания считать, что коловорот существовал у мастеров Алтая уже $2^1/_2$ тыс. лет тому назад. Тип сверла был нами установлен по сверленым отверстиям на костях покойника из Башадарского кургана, раскопанного С. И. Руденко в 1950 г. По всей вероятности, эти отверстия были связаны с бальзамированием покойника. Почти все они не сквозные и в длинных костях чаще всего сделаны на эпифизах. Отверстия имеются и на позвонках. Через них, очевидно, внутрь костей вводился раствор, предохранявший мозговое вещество от разложения.

Здесь отверстия представлены на разных стадиях сверления: от самых начальных, где отчетливо видна форма сверла, до глубоких, проникающих сквозь стенку трубчатой кости или позвонка (рис. 4, *5*). Сверление производилось конической пёркой, т. е. плоским сверлом, полученным в результате расклепывания конца железного стерженька, круглого или квадратного в сечении. Плоский конец затем был заточен с двух разных сторон на конус. Ширина пёрки, служившей для сверления костей скелета, составляла 6—7 мм, а ширина пёрки для работы по дереву в Пазырыке— 8—9 мм. Фактически ширина сверла была больше толщины деревянных спиц, которые продевались в отверстия шестов решетки. Следы использования коловорота отмечаются и на других предметах, входящих в состав деталей пазырыкской повозки. Все отверстия здесь имеют один диаметр.

Каким образом были получены осные отверстия в массивных колесах пазырыкских телег и ступицах колес повозки, имеющие большой диаметр,— остается невыясненным. Предположительно можно допустить, что осные отверстия в колесах выдалбливались долотом с двух сторон. Длина осного отверстия в ступицах равна 63 см, диаметр отверстия с внешнего конца— 10 см, с внутреннего — 7 см; таким образом, оно имеет коническую форму в продольном сечении. Длина осного отверстия в одном из малых тележных колес — 28 см, диаметр — 12,5 см. Длина осного отверстия большого тележного колеса — 27—28 см, диаметр — 14,5 см (рис. 5, *1*, *2*).

В современном кустарном производстве деревянных колес отверстие в ступице высверливается в два приема[1]: сначала делается узкое отверстие, которое затем увеличивается ложечным сверлом.

О способе изготовления пазырыкских колес можно было бы судить по следам работы внутри осных отверстий, но все эти следы уничтожены трением об оси. Осные отверстия весьма сильно разношены, а сами оси основательно стерты. На них, за исключением одного колеса, найденного особняком вместе с осью, отсутствуют какие-либо следы смазки. Без смазки эти телеги и повозки должны были издавать сильный скрип.

8

Мелкие деревянные изделия, особенно узкие, удлиненные, с круглым сечением, например палки, стержни, рукоятки для орудий, не могли быть

[1] Н. А. Филиппов. Кустарная промышленность России. Промыслы по обработке дерева. СПб., 1913, стр. 270—278.

полностью изготовлены при помощи топоров и тёсел. Применение строгального инструмента здесь совершенно необходимо для окончательной отделки предмета. Изучение деревянных изделий Пазырыка, однако, приводит к выводу, что специального орудия, предназначенного для этого,— орудия типа двуручного струга — здесь не существовало.

Работа стругом оставляет на изделиях следы в форме прямолинейных срезов в послойном направлении. Длина этих срезов бывает значительная, а граница между срезами отличается малой кривизной, причем имеет кривизну только в том случае, когда лезвие струга вогнутое или выпуклое. Струг с прямым лезвием дает прямой край среза. Здесь следы имеют иной характер. Многие срезы на дереве отличаются линейными признаками, типичными для тесла, с большой кривизной полулунного лезвия, что говорит об отеске. Наряду с последними, видны следы в форме узких срезов с диагональной волнистостью, что характерно для строгания ножом.

Пазырыкские мастера прекрасно владели топором и теслом. К ножу прибегали только для работы над мелкими изделиями, для подправки и отделки, а также для художественной резьбы, которая почти целиком выполнялась при помощи ножа.

На некоторых предметах следы строгания не прослеживаются вообще. Их поверхность заглажена в результате трения и изнашивания или специально обработана шлифованием после отески и строгания для удаления неровностей. Следы шлифования установлены на верхней поверхности столиков, на палках «шестиног» и на других вещах. Шлифование дерева достигалось, повидимому, посредством абразивного песка и куска кожи. Кварцевый песок во время работы вдавливается в пористую кожу и долго удерживается на ее поверхности. Благодаря этому кожа служит лучшим вспомогательным материалом при шлифовке абразивным песком. С глубокой древности человек шлифовал кость и дерево таким способом. В русском языке до настоящего времени удерживаются слова «шкурка», «шкурить», ведущие отсюда свое происхождение.

В столярном производстве пазырыкских племен существовала и окраска изделий. Следы малиновой и красной краски встречаются на разных предметах: на крышках столов, на спицах колесничной решетки, декоративных щитах, найденных в конских погребениях деревянных бляхах и т. п. Наилучшая сохранность краски отмечается на тех сторонах изделий, которые не подвергались внешнему воздействию. Несомненно, вся колесничная решетка была окрашена в малиновый цвет, но краска хорошо сохранилась только на поверхности спиц, продетых в сверленые отверстия шестов. Микроскопическое изучение окрашенных участков дерева позволяет заключить, что краска — минерального происхождения. Это охра, очень тонко растертая и затем разведенная на воде.

9

Техника производства гробов-колод для погребения пазырыкских племенных вождей состояла из ряда последовательных операций, требовавших затраты огромного труда. Все гробы сделаны из кряжей, отрубленных от комлевой части крупных лиственниц, диаметром около 1 м. Несомненно, деревья таких размеров очень внимательно отбирались в лесу. Дерево должно было удовлетворять мастеров не только своей величиной, но и другими качествами: отсутствием косослойности, закомлеватости и иных пороков, которыми обычно отличаются большие старые деревья. На изученных нами гробах нет таких недостатков, если не считать единичных отверстий на стенках, образовавшихся от выпадения сучков. Такие

отверстия заделаны «пробками». Состояние гробов показывает также, что они изготовлялись не из сырого материала. Надо думать, что кряж, отрубленный от лиственницы и доставленный на телеге, не сразу подвергался обработке. Его выдерживали некоторое время с таким расчетом, чтобы наружные слои древесины, содержащие много влаги, подсохли ровно настолько, насколько это требовалось.

Ствол дерева в поперечном сечении имеет 6 слоев, которые качественно отличаются друг от друга. Первый слой представляет собой наружный покров — кору; второй — луб, по которому проходят соки, насыщенные питательными веществами; третий — камбий, молодой слой древесины из живых клеток, размножение которых каждый год дает новое годичное кольцо; четвертый — заболонь, древесину из отмирающих клеток, по которой, однако, еще проходят соки; пятый — ядро, самую твердую часть древесины из омертвевших клеток; шестой — сердцевину, наиболее слабую часть древесины, хрупкую и загнивающую.

Если бы древние мастера начинали долбление сырого кряжа, то сочные наружные слои, состоящие из камбия и заболони, по усыхании покоробились бы, дав осадку внутрь полости гроба. При этом трудно было бы избежать трещин, которые возникли бы от неравномерного усыхания тонких боковых стенок, толстого дна и массивных стенок в торцах. С другой стороны, если бы кряж пересох, неизбежно появились бы трещины вследствие натяжения наружных слоев на более твердой и сухой основе ядра, заготовка стала бы негодной для дальнейшей работы. В пользу того факта, что кряж основательно подсох к моменту начала работы, говорит также отсутствие на всей отесанной поверхности как внутри, так и снаружи, ворсистости от задранных волокон и заломленной стружки, которую дает сырое дерево.

Выдалбливание полости гроба производилось в первую очередь, а наружная обработка и отделка — в последнюю. В таком порядке ведется работа почти во всех случаях выделки лодок, известных нам по этнографическим данным. Гроб из кургана № 1 имеет длину 3,7 м, ширину 0,8 м, высоту 0,7 м. Для производства полости этого гроба необходимо было теслом удалить около 1,8—2 кв. м древесины.

Крышка гроба-колоды делалась из отдельного кряжа почти того же диаметра. Но совершенно очевидно, что кряж для крышки не был обработан в целом виде, а предварительно расколот на две части путем расклинивания. Затем из одной части (вероятно, меньшей) вытесывалась крышка.

Наружная обработка, если судить по гробу из кургана № 1, велась теслом и топором по всей поверхности. Из внешних слоев здесь удалены не только кора и луб, но и бóльшая часть камбия, который сохранился только в виде отдельных пятен темного цвета, а между ними повсюду выступает светлый слой заболони. Лишь на массивной донной поверхности гроба камбий не затронут, сняты только кора и луб.

Торцовые стенки гроба и крышки очень толстые, намного толще боковых. Еще с неолитического времени человек, выдалбливая челны-однодеревки, на опыте убедился, что самыми непрочными стенками являются торцовые. Они легко растрескиваются после усыхания. Во избежание этого торцовые стенки крупных долбленых изделий всегда делаются массивными. Благодаря значительной толщине они медленнее отдают влагу и лучше сохраняются в целом виде.

Четыре проушины, служившие для транспортирования гроба, были вырублены на концах теслом и топором, а затем подправлены долотом. По направлению стесов на поверхности гроба и крышки видно, что удары чаще всего наносились косо по отношению к линиям слоев древесины.

10

Трудоемкой работой была также постройка двойной погребальной камеры, устанавливаемой в котловане глубиной до 4 м, с каменной вымосткой дна. В первую очередь ставилась внутренняя камера, собранная из плоско отесанных брусьев или плах, имевшая площадь 15—16 кв. м при высоте 1,5 м. Потолок этой камеры был настлан не плахами, а бревнами. Затем устанавливалась наружная камера, собранная целиком из бревен. Внутренняя камера состояла из пола, стен и потолка, а наружная — только из стен и потолка. Таким образом, внутренняя камера была как бы покрыта прямоугольным колпаком или футляром. Промежутки между стенами были заполнены камнями. Лесоматериал для постройки употреблялся в высушенном виде.

Бревенчатый потолок, даже двойной, не мог предохранить камеру от сырости. На бревна была настлана в несколько слоев береста, обладающая влагонепроницаемыми свойствами. Поверх бересты лежал настил из стеблей курильского чая (*Potentilla fruticosa*), а еще выше — настил из лиственничной коры. Эти прокладки должны были служить надежной промежуточной средой, над которой находился мощный накатник из нескольких рядов бревен. Назначение накатника заключалось в предохранении камеры от большой тяжести каменной насыпи кургана, имевшей вес в несколько сот тонн. Поэтому накатник лежал не на потолке камеры, а на 3 мощных балках, опиравшихся на 6 столбов диаметром около 50 см. Столбы стояли по три с двух сторон камеры.

Описанный тип погребального сооружения из дерева не является стандартным. В 5 курганах Пазырыка имелись некоторые частные особенности и отклонения, примером которых может служить курган № 4. Здесь камера была одинарная, а накатник состоял из одного ряда бревен, лежащих не на балках и столбах, а непосредственно на потолке камеры. Такое конструктивное упрощение объясняется, вероятно, меньшей знатностью погребенного, о чем говорят и более скромные размеры каменной насыпи кургана.

Техника возведения деревянных камер, судя по всем признакам, основана на большом опыте работы над жилыми постройками. Трудно допустить, чтобы в лесной области с низкими зимними температурами скотоводческое население обходилось легкими постройками наподобие современных алтайских аилов, которые ставятся в летнее время. Но, с другой стороны, следует иметь в виду, что в эпоху разложения первобытно-родового строя, возвышения племенных вождей и зарождения классов погребальным сооружениям придавалось особое значение. Можно привести немало примеров, когда даже в условиях сложившегося государства, и тем более на оседлой земледельческой основе, погребальные сооружения древних царей намного превосходили их жилища как размерами, так и пышностью.

Высказанные соображения, разумеется, не лишают значения тот факт, что в могильных постройках заложен в основном большой практический опыт возведения жилищ. Именно жизненные условия и требования, а не культовые, обогащают строительную технику разнообразными приемами. Наблюдения техники работы по следам на бревнах и брусьях срубов подтверждают это. Здесь обращают на себя внимание различные приемы угловых сопряжений. Можно выделить 8 типов обработки концов бревен и брусьев, предназначенных для такого соединения (рис. 6). Тип I представляет затеску конца бревна с двух сторон в форме шипа с пологими заплечиками. Для типа II характерна ступенчатая выемка у конца бревна на $^1/_3$ его толщины, выемка, в которой один край врезан под прямым углом,

а другой сходит на нет. Этот прием обработки конца служил для потолочного перекрытия внутреннего брусчатого сруба. Тип III отличается

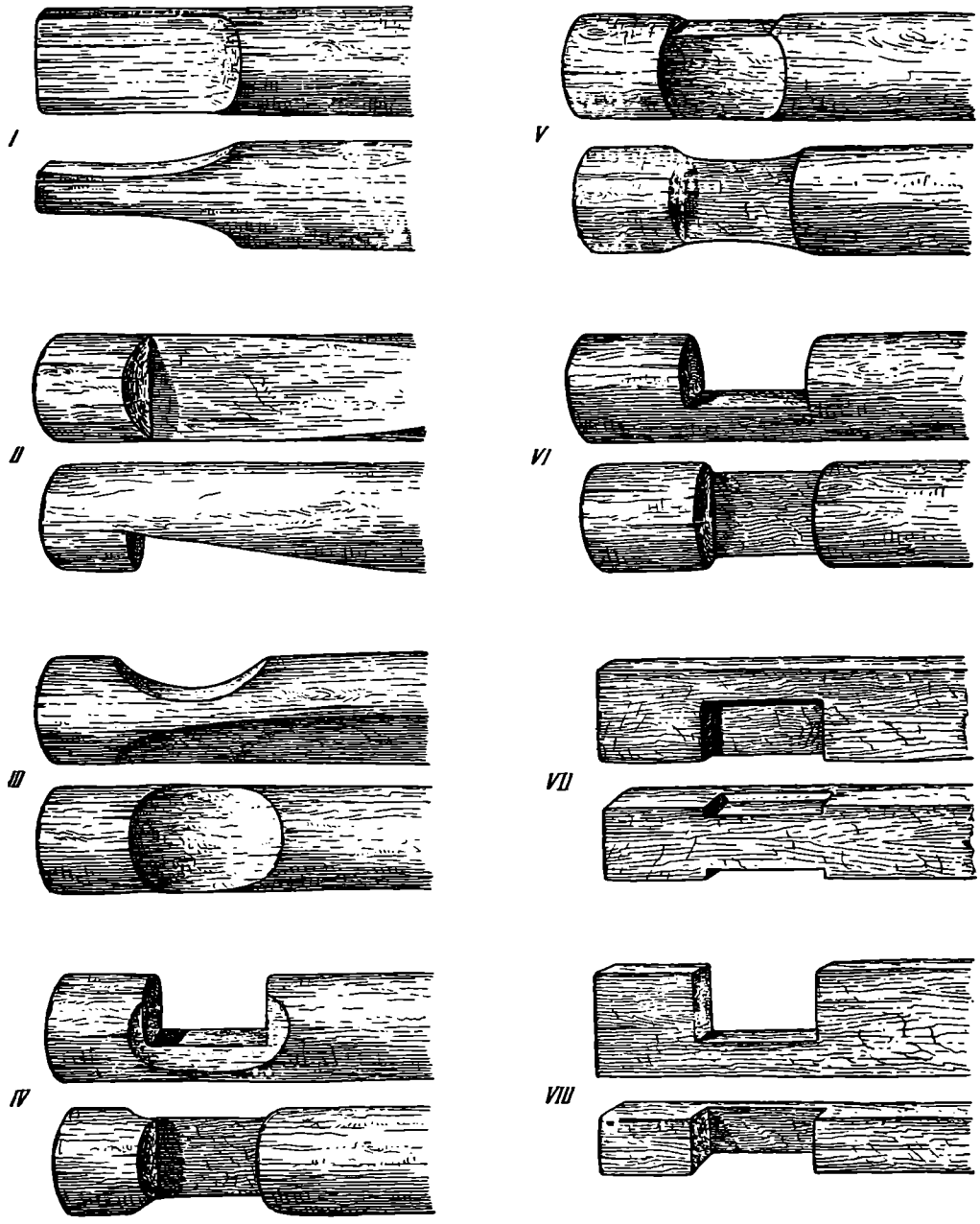


Рис. 6. Типы обработки концов бревен и брусьев для углового сопряжения.

поперечной желобчатой выемкой у конца бревна с двумя продольными затесами по бокам. Он служил для потолочного перекрытия наружного бревенчатого сруба. У типа IV — прямоугольная выемка на глубину $^2/_3$ толщины бревна и боковые фаски по краям выемки. Тип V представляет ту же прямоугольную выемку, но на глубину только $^1/_5$ бревна, с фасками по бокам. Для типа VI характерны одна прямоугольная выемка на $^3/_4$,

без фасок, для типа VII —две боковые прямоугольные выемки на $^3/_4$ в ширину и на $^1/_6$ в длину и для типа VIII — одна прямоугольная выемка на $^3/_4$.

Анализ следов работы показывает отсутствие геометрически правильной разметки и выборки углов, которыми обусловливается точная пригонка бревен в точках сопряжения. Работа по выборке выемок была кропотливой и в то же время крайне небрежной. Заметны большие допуски, просчеты, приблизительная укладка деталей. Участие измерительных приборов проследить трудно. Скорее всего, постройка возводилась по глазомеру в переходящих стандартах, диктуемых живой практикой. Очень

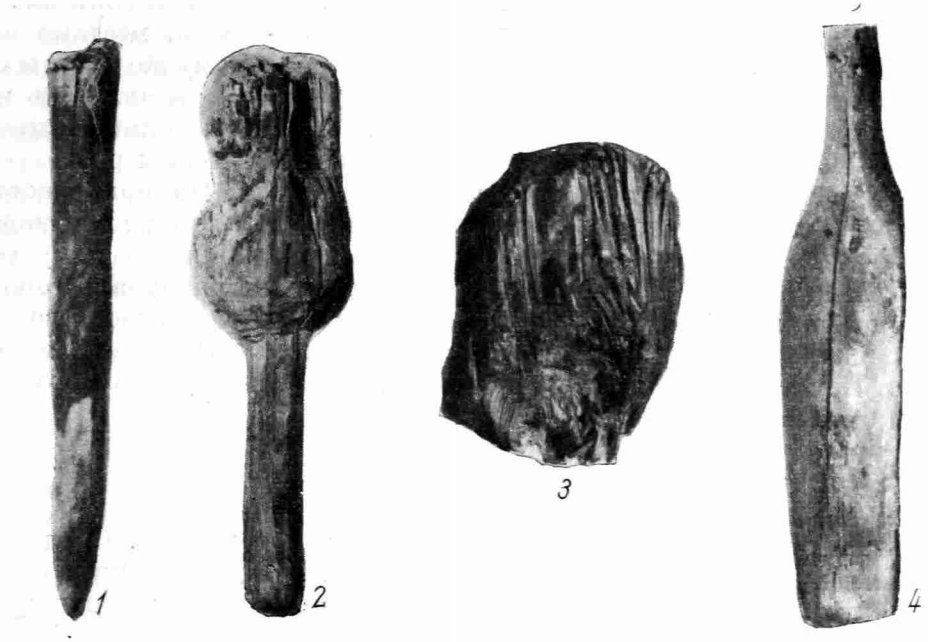


Рис. 7. Землекопные орудия.

1 — кол; *2* — киянка; *3* — рабочая часть киянки, измятая и сломанная в процессе работы; *4* — деревянная лопата.

частые просчеты, неизбежные при такой практике, исправлялись дополнительными подтесками и доделками.

Недостатком, с нашей точки зрения, можно считать и способ продольного сплачивания бревен сруба. Для устранения зазоров между бревнами древнеалтайские строители производили прямую отеску бревна с одной стороны, чем лишь частично достигалась цель. Такой способ не увеличивал сопротивление постройки на горизонтальные смещения. Срубная конструкция держалась только на угловой вязке «в замок с остатком», а отдельные венцы сруба имели слабую взаимную связь.

Строители погребальных сооружений Пазырыка не знали таких вспомогательных технических средств, как сплачивание венцов посредством нагелей (деревянных гвоздей, вставных шипов). Но они широко применяли деревянные колья и клинья. Эти колья вбивались в землю и служили креплением отдельных частей сооружения, поддерживали с боков бревенчатый накатник и т. д. Наряду с кольями, при раскопках Пазырыкских курганов встречены деревянные киянки (колотушки), утолщенная часть

которых имеет измятый, размочаленный вид, с глубокими выбоинами на поверхности, получившимися от забивания кольев (рис. 7, *2*, *3*). Колья тоже основательно избиты и даже расщеплены от многих ударов (рис. 7, *1*).

Сильная сработанность киянок и кольев свидетельствует о большом значении их в строительстве. Это обстоятельство позволяет предполагать, что кольями пользовались и при рытье котлована, разрыхляя твердый грунт, параллельно с применением кирок из оленьих рогов. Выброс земли производился с помощью деревянных лопат, которые тоже найдены в некоторых курганах. Лопаты сделаны из лиственницы, имеют длину 1,5 м и отличаются сравнительно узкой рабочей частью, напоминая весла. Края их забиты и затуплены от работы. Режущее лезвие очень толстое. Рыть котлованы без предварительного разрыхления твердого, местами щебенчатого грунта такими лопатами было невозможно. К тому же лопаты имеют очень пологие и узкие заплечики, на которые нельзя надавливать ногой, чтобы использовать тяжесть корпуса (рис. 7, *4*). Работа лопатами производилась лишь для сгребания земли с использованием силы рук.

О производстве лопат можно сказать немногое. На поверхности их видны следы работы теслом . Заготовка болванок для лопат производилась единственным возможным способом, который применяется в кустарном деле до сих пор, с тем различием, что бревна на чураки разрубали топорами, а не распиливали. Затем работа велась по способу производства досок. Чурак раскалывали клиньями на пластины, которые грубо оболванивали топором. После этого с помощью тесла придавалась круглая форма рукоятке и отесывалась плоская часть.

11

Пазырыкским племенам было известно и гнутарное дело. Ободья колес и колесничная решетка, изогнутая на углах, свидетельствуют об этом. Происхождение гнутья связано с очень древним опытом использования для различных целей криволинейных частей дерева. Неолитические тёсла и мотыги укреплялись на рукоятках коленчатого типа, в которых был использован древесный сук. При строительстве простейших деревянных жилищ, производстве орудий труда, примером которых может служить соха (рало) или древнерусская борона (суковатка), в отсталом хозяйстве сучья или части корневища имели широкое использование до самого позднего времени. Курган № 2 в Пазырыке дает нам пример использования ствола и корневища для устройства тележной рамы.

Но далеко не для всех технических нужд можно было получить необходимые криволинейные детали из дерева в его естественном изгибе. У древних алтайцев в гнутарное дело прежде всего входило производство колесных ободьев.

Колеса повозки, служившей погребальной колесницей, имеют около 1,6 м в диаметре; ширина обода достигает 7 см, толщина его (в изношенном виде) —5,5 см, заход концов обода один на другой — 30—40 см. Для изготовления одного обода требовался брус длиной около 5 м. Чтобы распарить и согнуть в кольцо брус такой длины, необходимо было преодолеть большие трудности. Для упрощения операции обод делался не из цельного бруска, а из двух, по 2,5 м длиной каждый, с двумя заходами концов.

Относительно гнутарного оборудования и приемов работы у древних алтайцев сказать что-либо очень трудно. Гнутье является таким видом производства, технические приемы которого едва ли могут найти отражение в изделиях. Гнезда для спиц продалбливались после гнутья, иначе

обод легко можно было бы сломать. Материалом служили лиственные породы, так как хвойная древесина содержит смолу, очень плохо пропитывается водой, а потому дает отщепы при сгибании. Это отрицательное свойство хвойных пород для гнутарного производства было известно на Алтае. Кроме того, сам процесс пропарки требовал опыта в дозировке. Если древесина пропитывалась влагой выше нормы (25—35%), сгибание могло вызвать местные гидравлические напряжения и привести к разрыву волокон. Распаривание превращало коллоидные вещества, содержащиеся в клетках, в состояние геля. Волокна древесины после этого становились пластичными, способными выдержать известное растяжение и сохранить новое состояние на сгибе после высыхания.

Помимо гнутья колесных ободьев, древнеалтайские мастера, вероятно, гнули деревянные детали для других изделий. Мы имеем в виду решетку колесницы, собранную из деревянных шестов и спиц. Углы этой решетки имеют изгиб ровно на четверть круга. Повидимому, монтаж этой весьма сложной решетки не мог обойтись без гнутья ребер (шестов), иначе она представляла бы собой очень зыбкое соединение, если принять во внимание большое число составляющих ее частей, скрепленных рогожной и ременной вязкой. Естественно полагать, что сгибание сегментов ребер решетки производилось до их сверления и косого срезания концов, которыми сегменты соединены.

12

Техника художественной резьбы по дереву — одно из наиболее выдающихся достижений древнеалтайских племен. Художники древнего Алтая обходились всего лишь одним-двумя инструментами, следы которых видны на всех изделиях.

Резные предметы весьма разнообразны и отражают приемы работы от наиболее простых до сложных композиционных построений. Круглые ножки столиков, стойки в корпусе повозки принадлежат к числу простейших работ. Ножки столиков в виде стилизованных фигур львов, уздечные украшения, состоящие из блях, подвесок и псалиев с мотивами из растительного и животного мира, являются уже сложными изделиями. Круглая скульптура, изображающая оленя, льва, грифона, по моделировке деталей и композиции сюжетов «звериного стиля» представляет собой образец высокого пластического мастерства.

Основным материалом для художественной резьбы была кедровая древесина, которая, безусловно, заготовлялась с особой тщательностью. Ствол дерева среднего возраста, без сучков и других пороков, разрубался на кругляки небольшой длины, которые после достаточного просыхания раскалывались на доски. Последние в свою очередь отесывались теслом среднего калибра и раскалывались пополам или даже на три части. Внутренняя часть с сердцевиной не употреблялась для работы, судя по текстуре (расположению годовых слоев) на изделиях. Полученные дощечки, повидимому, не расчленялись на сегменты для каждой отдельной бляхи, а резьба производилась одновременно по всей доске, которая лишь расчерчивалась на равные доли, соответственно размерам бляхи. Работа над каждой отдельной долевой заготовкой была затруднительна, ибо резание дерева, производство глубоких и сквозных выемок требовало приложения значительного физического усилия, а для этого необходима была опора.

Резьба велась без шаблона, о чем можно заключить по характеру блях, которые при одном и том же рисунке отличаются одна от другой пропорциями отдельных деталей, изменением и дополнением их по воле художника,

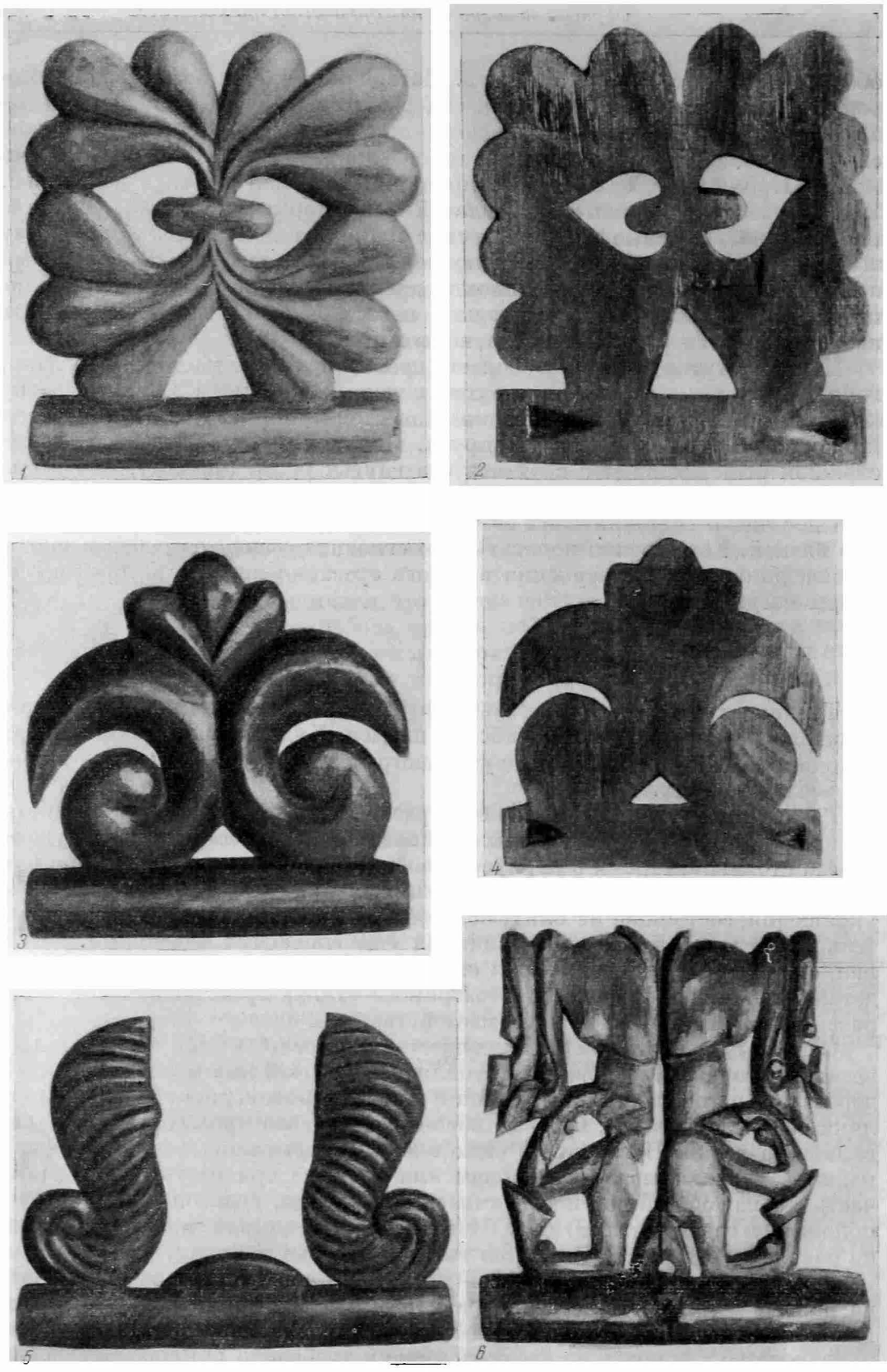


Рис. 8. Резьба по дереву.

1—6 — резные бляхи из кедра, служившие подвесками уздечек. На поверхности видны следы ножа (*1, 3, 5, 6*) и тесла (*2, 4*).

не находившего удовлетворения в простом копировании. Шаблон был заменен свободным рисунком, возможно, процарапанным на доске острием ножа (рис. 8, *1—6*).

Топор, тесло, долото, коловорот, шило (колизавр) и нож — вот весь набор инструментов, которыми обрабатывалось дерево. Весьма вероятно, что некоторые из них применялись для работы по кости, коже и другим материалам, которые не являются предметом нашего исследования.

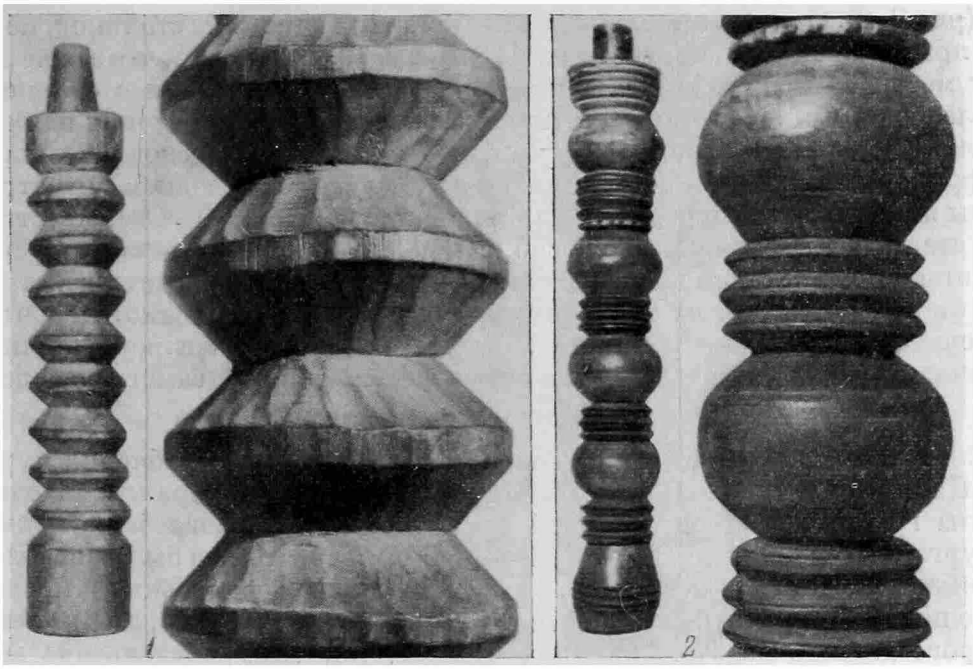


Рис. 9. Обработка ножек к столикам.
1 — ножка столика, вырубленная топором; *2* — ножка столика, точеная на станке.

Анализ следов резьбы показывает, что вся тонкая резная работа производилась однолезвийным ножом с острым концом и косым лезвием, которое имело слегка дугообразную форму. Следов каких-либо других режущих или долбящих инструментов нами не обнаружено. Нет следов пропиливания сквозных вырезов, нет шлифовки и полировки резной поверхности. Резная поверхность художественных изделий в Пазырыке обклеивалась тонким листовым золотом или оловом.

Изучение техники резьбы по следам инструмента на изделиях привело к одному неожиданному выводу, касающемуся обработки стоек корпуса повозки из кургана № 5 и круглых ножек столика из кургана № 2. С момента раскопок кургана № 2 в 1947 г. и до 1950 г., когда производились исследования дерева из Пазырыка, существовало мнение, что ножки одного из двух обнаруженных здесь столиков резные в прямом смысле этого слова, т. е. что они вырезаны ножом или другим режущим инструментом. Обманчивость этого впечатления была вскрыта фотоаналитическим путем. Фотографии были сделаны при помощи аппарата «Экзакта» и составного тубуса, позволяющего снимать мелкие детали работы. Следы работы показали, что гофрировка поверхности ножек производилась не резанием, а рубкой. Об этом говорили следующие признаки:

1) ножки оформлены грубо и наскоро;

2) срезы нередко имеют желобчатую форму и показывают дугообразную

линию лезвия кельта; они не везде достигают конца, т. е. полной глубины круговой выемки, что часто случается при ударной работе (рис. 9, *1*);

3) материал выбран из выемок не очень чисто, в глубине выемок сохранилась занозистость;

4) срезы, что весьма типично для рубки древесины, свидетельствуют о вертикальном падении лезвия, без горизонтальных сдвигов, характерных для работы ножом.

Большой интерес представляют найденные в кургане № 2 точеные изделия (рис. 9, *2*). Они представлены только ножками одного из столиков, но явные признаки станковой работы и материал указывают на то, что это не продукт местного производства, а предмет меновых отношений с соседними и более южными областями, где техника обработки дерева стояла на более высоком уровне. Рисунок фигурного точения дает чередование шаров и гофрированных шеек. Работа выполнена умело, с соблюдением симметрии. Следы показывают, что резец был заточен на угол около 50° Осевое устройство станкового механизма и способ крепления изделия отличались устойчивостью и отсутствием эксцентриситета. Конкретно изобразить конструкцию станка по следам на токарном изделии почти невозможно. Вероятно, это еще была несложная машина, без махового колеса и передаточного механизма, приводимая в движение физической силой самого человека.

13

В заключение следует коснуться вопроса о времени ограбления курганов Пазырыка, насколько об этом можно говорить, опираясь на следы работы грабителей, произведенной топором. Изучение погребальной камеры кургана № 1 привело М. П. Грязнова к выводу, что она была ограблена современниками и, возможно, по истечении нескольких месяцев после погребения. Это было важным заключением по вопросу, для решения которого до того не было никаких данных, так что грабительские акты в отношении многих курганов Южной Сибири можно было датировать любым временем в пределах двух с половиной тысячелетий. Мнение М. П. Грязнова опиралось на два факта. Во-первых, было выяснено, что камера в тот момент, когда грабители проникли внутрь через прорубленный лаз, еще не содержала льда. Во-вторых, в камере была обнаружена деревянная рукоятка топора-кельта, лежавшая на куче земли, насыпавшейся в могилу через грабительский ход. Рукоятка оказалась сломанной на месте насада топора, который унесли грабители[1].

Вывод М. П. Грязнова, сделанный на основании этих фактов, тем не менее, не решал других вопросов, возникающих в связи с ограблением. Оставалось неизвестным, когда и при каких обстоятельствах произошли ограбления других курганов Пазырыка; были ли они одновременным актом или происходили в разные периоды, и какое время их разделяло. Ведь это время могло выразиться в месяцах, годах и даже столетиях. Как известно, многие курганы Алтая ограблены кладоискателями-бугровщиками уже в XVIII в.

Пока мы не располагаем данными для решения поставленных вопросов. Сейчас мы в состоянии определить только самую общую дату ограбления, опираясь на следы, оставленные рубящими орудиями грабителей на дереве. Изучение актов ограбления по следам не только дополняет выводы, сделанные М. П. Грязновым; наблюдения такого рода имеют самостоятельное значение. Оледенение могил происходило неодинаково в разных курганах Пазырыка, и те факты, которые были отмечены в кургане № 1, не удалось выявить при раскопках других курганов. Что касается рукоятки

[1] М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 13—23.

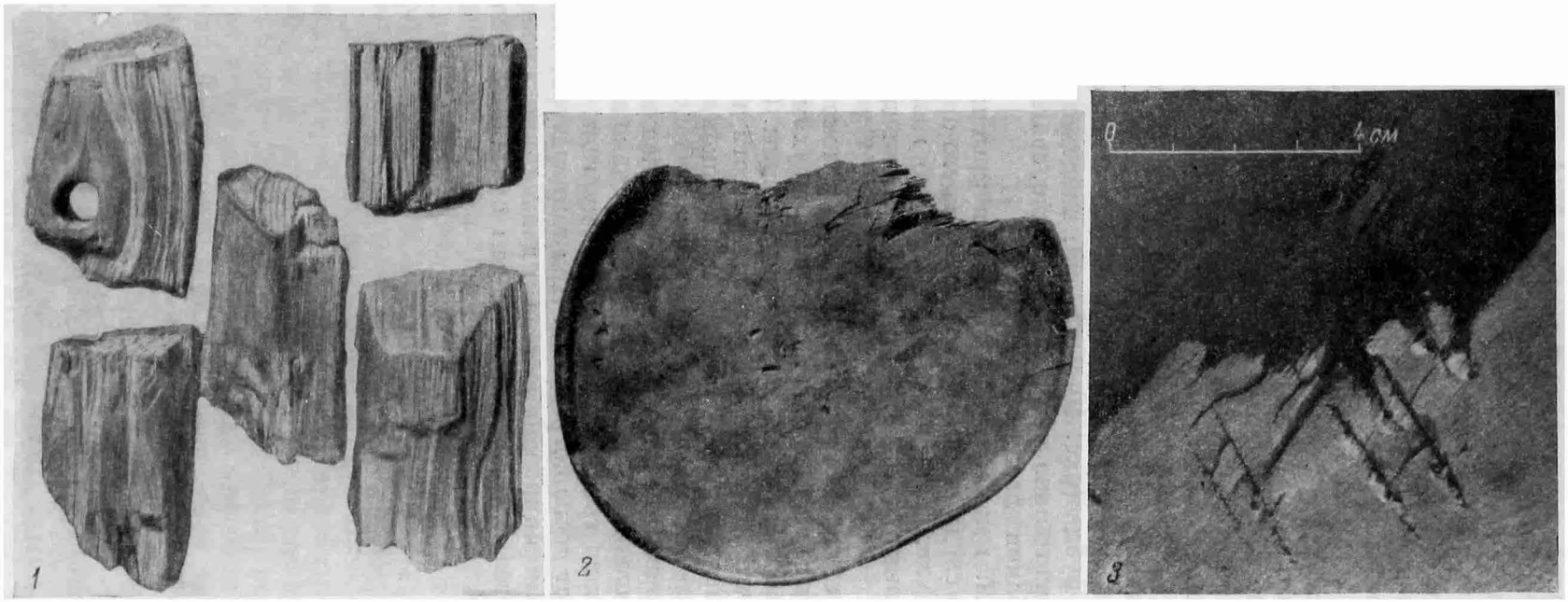


Рис. 10. Следы работы грабителей в кургане № 2.

1 — щепки, вынутые из грабительского хода; *2* — крышка столика со следами ударов топором-кельтом; *3* — следы топора-кельта на крышке столика.

от топора грабителей, найденного в кургане № 1, то это счастливый случай, которого могло не быть, а в остальных 4 могилах грабители не оставили датирующих предметов.

Следы от ударов грабительского топора были выявлены на материалах кургана № 2. Они сохранились прежде всего на торцах бревен мощного настила, прорубленного насквозь, на щепках, собранных в бреши, на столиках, резных ножках к ним, на «подушках», костях покойника и других предметах. Полулунные очертания следов топора на всех этих предметах идентичны следам работы на комлевых торцах бревен настила, срубленных строителями. Это следы топора-кельта. Способ работы топором-кельтом, сочетание вертикальных ударов с косыми подрубными ударами во многом напоминают приемы вырубания выемок и проушин в бревнах сруба. Длина щепок, собранных в бреши, невелика —10—11 см. Но найденные щепки, определяющие расстояние между ударами, вероятно, относятся не к начальным моментам прорубания бреши, а к последующим, когда брешь стала суживаться книзу и соответственно с этим ограничивались масштабы рубки (рис. 10, *1*). Щепа, найденная М. П. Грязновым в кургане № 1, значительно длиннее и, очевидно, соответствует начальным моментам прорубания лаза.

Удары топором, нанесенные по ножкам и крышкам столиков, очень четко выражают в следах ширину лезвия рубящего орудия и полулунную форму его. Ширина лезвия — всего 43—45 мм, что говорит о применении более легкого топора, чем те, которые служили для рубки деревьев (рис. 10, *2*, *3*).

Наблюдение над щепками показывает, что в момент прорубания лаза дерево погребального сооружения находилось в сухом состоянии. Изломы на щепках говорят о хрупкости, ломкости древесины. О том же свидетельствует и отсутствие на них признаков мочалистости и бахромы по краям. Поперечные изломы дают большие разрывы волокон, чего не бывает при рубке сырого дерева.

Отмеченные признаки подтверждают соображения о том, что ограбление могил производилось современниками. Однако пока затруднительно сказать, когда именно грабители проникли в курганы №№ 1, 2 и 5: спустя один год или 20 лет после погребения. При температуре, близкой к нулю, дерево, ткани, мумифицированные тела и даже трупы лошадей могли сохраняться относительно долго, прежде чем оказались скованными вечным льдом.

Э. О. БЕРЗИН

О ЛИНЕЙНЫХ МЕРАХ БОСПОРА

Вопрос о линейных мерах, применявшихся на Боспоре, до сих пор не поднимался. Между тем имеющиеся данные уже позволяют поставить его.

Наиболее часто встречающееся в литературе о Северном Причерноморье определение величины греческого фута в 30,8 см никак не подтверждается археологическим материалом Боспора. Фут данного размера был выведен Стюартом на основе обмеров зданий афинского акрополя[1]. Но уже в 1882 г. Дёрпфельд опровергает эту гипотезу, а в 1890 г. доказывает, что в Афинах применялся так называемый аттико-эгинский фут (32,8 см)[2].

Аттико-эгинский фут, наряду с аттико-эвбейским (29,5—29,6 см), был одним из наиболее распространенных в греческом мире. В некоторых городах, например в Олинфе, применялись оба эти фута, может быть, даже одновременно[3].

На Боспоре подобное явление не прослеживается. Напротив, измерения целого ряда археологических памятников Боспора самого различного характера утверждают нас в мысли о существовании здесь одного, а именно аттико-эвбейского размера фута (29,5 см). Доказательству этого положения и посвящена данная работа.

Прежде чем приступить к рассмотрению имеющегося материала, необходимо сделать одно предварительное замечание. Наиболее употребительной единицей из небольших линейных мер в греческой метрополии являлся фут (πούς), равный 16 дактилям, что подтверждается и письменными источниками, и археологическим материалом. Наряду с этим употреблялись также локоть (πῆχυς), равный 24 дактилям, пядь (σπιθαμή), равная 12 дактилям, и другие единицы. Особенностью Боспора является то, что бóльшая часть измерений самых различных археологических памятников здесь дает при переводе метрических мер в меры аттико-эвбейской системы целое число пядей (22,1 см) или локтей (44,2 см), но не футов. Поэтому мы везде, за небольшими исключениями, приводим размеры в пядях, хотя, конечно, на практике в ряде случаев могли применяться и другие единицы: фут, локоть, большой локоть (30 дактилей = 55,2 см), оргия (6 футов = 8 пядей = 177 см).

[1] J. Steuart and N. Rewett. The antiquities of Athens mensured and delineated. London, 1816, t. II, стр. 1—8.

[2] W. Dörpfeld. Beiträge zur antiken Metrologie. Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Athen, VII, 1882, стр. 277 и сл.; его же. Metrologische Beiträge. Там же, XV, 1890, стр. 167 и сл.

[3] D. M. Robinson. Excavations at Olynthus. London, 1941, v. VIII, стр. 45—48.

Основным источником для метрологических определений обычно являются памятники монументальной архитектуры. Поэтому начнем рассмотрение мер длины, применявшихся на Боспоре, с такого выдающегося памятника боспорской архитектуры, как Царский курган (рис. 1).

Длина камеры склепа в Царском кургане равняется 4,4 м, ширина — 4,285 м, высота — 8,73 м, длина потолка дромоса — 19,94 м, высота дромоса — 7,14 м, длина коридорчика, соединяющего дромос с камерой, — 1,16 м[1].

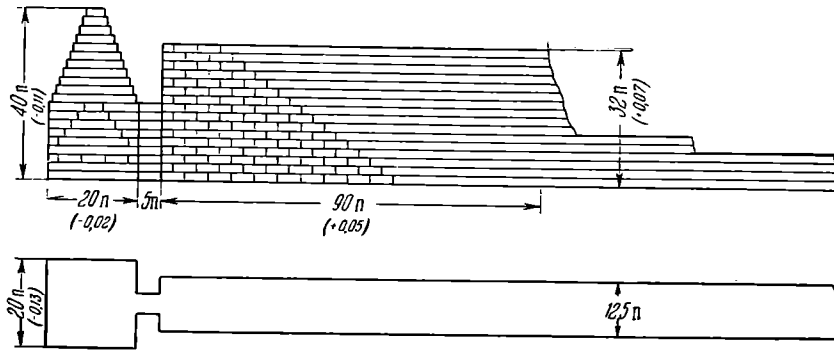


Рис. 1. План и разрез Царского кургана (п — боспорская пядь; цифры в скобках указывают разницу в метрах между действительными размерами склепа и предполагаемыми размерами плана, по которому он строился).

Попробуем представить теперь размеры склепа в предполагаемых боспорских пядях (см. рис. 1). Тогда мы получим размеры камеры — 20×20 пядей, высоту ее — 40 пядей, длину дромоса — 90 пядей, высоту его — 32 пяди, длину коридорчика между дромосом и камерой — 5 пядей и т. д. Незначительные отклонения реальных размеров склепа от его гипотетического плана (1 см на 1 м) следует, конечно, отнести за счет неизбежного небольшого искажения первоначального плана при строительстве.

Учитывая, что бóльшая часть измерений в пядях здесь делится на 2, можно предположить, что в данном случае размеры вычислялись в локтях. При переводе же в футы мы получим, например, вместо круглого числа 90 пядей (или 45 локтей) — $67^1/_2$ футов, вместо 5 пядей — $3^3/_4$ фута, что позволяет с большой долей вероятия считать, что в основе планировки лежали не фут, а пядь и локоть.

К сожалению, наземные архитектурные сооружения дают значительно меньше материала для метрологии. Остатки, дошедшие до нас от боспорских храмов и крупных общественных зданий, слишком ничтожны, чтобы делать по ним какие-либо выводы, а в жилых зданиях, за крайне редкими исключениями, правильная планировка с точно вычисленными размерами помещений не применялась. Боспорские оборонительные сооружения сохранились лучше, и здесь применение линейных мер аттико-эвбейской системы прослеживается отчетливо; например: толщина стены V в. до н. э. в Тиритаке — 1,7—1,8 м[2] (4 локтя = 1,768 м), толщина облицовки куртины I в Тиритаке — 0,85—0,9 м[3] (2 локтя = 0,884 м), ширина

[1] Размеры взяты из статьи С. А. Кауфман «Об уступчатых склепах Боспора». Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 6, 1947, стр. 3 и сл.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 18.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 21.

стратегической улицы в Мирмекии — 3,5 м[1] (8 локтей = 3,53 м), размеры башни I в Тиригаке — 8×5,2 м[2] (18×12 локтей), башни II—7,7×6,5 м[3] (35×30 пядей).

Богатый материал для метрологии дает изучение планировки боспорских виноделен. Раскопки показали исключительное единообразие пропорций и размеров в планировке виноделен одного и того же времени на всей территории Боспора (чего не наблюдается, например, в Херсонесе). Боспорские винодельни можно разбить на 2 большие группы: 1) винодельни, у которых ширина относится к длине, как 3 5, и 2) винодельни квадратного или почти квадратного плана. При этом в первой группе ширина более ранних виноделен (III —I вв. до н. э.) равняется 5,25—5,3 м (24 пяди), а в более поздних (I—IV вв. н. э.)— 5,5—5,6 м (25 пядей). Размеры давильных площадок и резервуаров, находящиеся между собой в строго определенных отношениях, также поддаются исчислению в боспорских пядях и локтях.

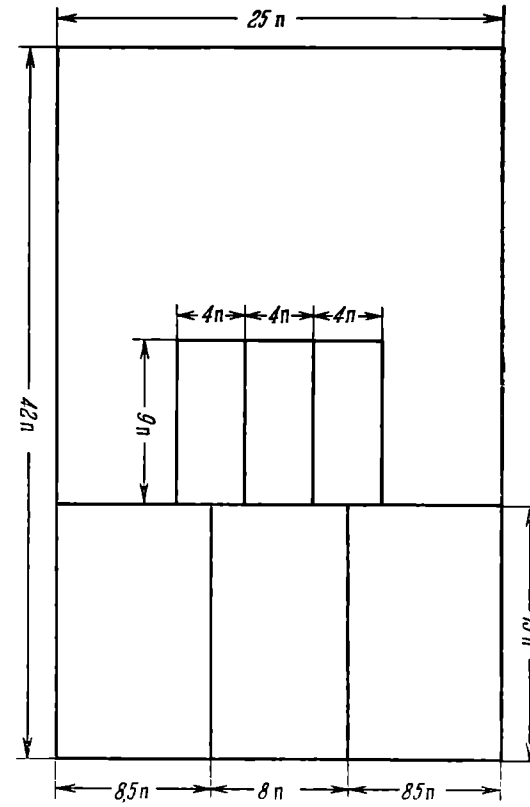


Рис. 2. Схематический план винодельни I на участке Е в Мирмекии (п — боспорская пядь).

Рассмотрим в качестве примера планировку винодельни, открытой в 1935 г. в Мирмекии на участке Е (рис. 2)[4]. Общая ширина ее — 5,5 м (25 пядей), при этом ширина средней давильной площадки — 1,76 м (8 пядей), а боковых —1,86 и 1,88 м (8,5 пядей). Длина давильных площадок —3,3 м (15 пядей). Размеры резервуаров — 1,93×0,88 м (т. е. явно 9×4 пяди). Наконец, общие размеры каменного слива—0,85×0,55 м (4×2,5 пяди).

Другие винодельни этой группы, значительно отличаясь пропорциями и размерами частей, опять-таки подтверждают применение именно пяди в их планировке.

Во второй группе планировка иная, однако и здесь размеры укладываются в целые числа боспорских пядей. Возможно, что на практике часть размеров высчитывалась в локтях или футах, но другой величины, которая была бы кратной размерам всех боспорских виноделен, кроме пяди, подобрать нельзя[5]. Планировка боспорских виноделен обоих типов, с переводом размеров в предполагаемые боспорские меры длины, представлена на рис. 3.

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 138.

[2] Ю. Ю. Марти. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн. МИА, № 4, 1941, стр. 13.

[3] Там же, стр. 16.

[4] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг., стр. 185—187.

[5] Исключение составляет только одна (наиболее ранняя) винодельня III в. до н. э. в Тиритаке (№ 4). МИА, № 25, 1952, стр. 28.

Боспорскую систему мер длины можно проследить отчасти даже в строительстве колодцев. Так, диаметр круглого колодца IV в. до н. э. в Мирмекии[1] — 0,66 м (3 пяди). В Фанагории открыт квадратный колодец из хорошо отесанных камней[2] с внутренними размерами 0,85×0,88 м (4×4 пяди). Колодец III в. до н. э. на Семибратнем городище[3] имел размеры 0,88×0,75 м (4×3,5 пяди) и т. д.

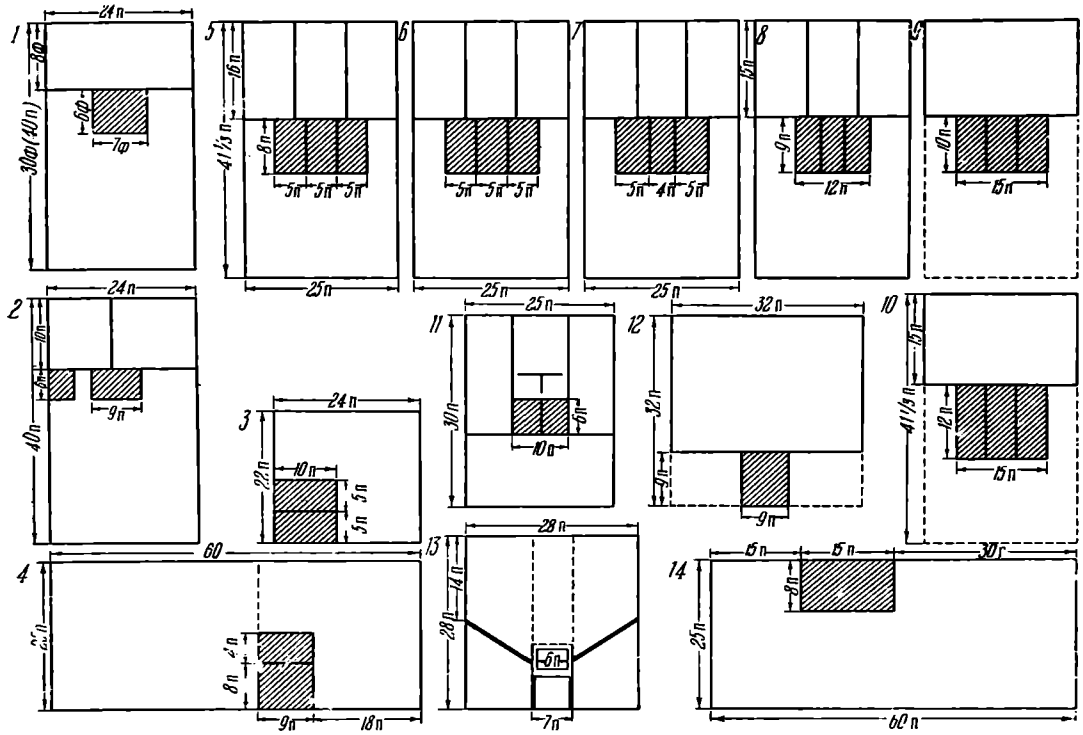


Рис. 3. Применение боспорских мер длины при планировке виноделен (п — пядь; ф — фут); цифры в скобках указывают номера виноделен на планах раскопок; сокращения: Пант.—Пантикапей, Тир.— Тиритака, Мир.— Мирмекий.

1 (4) — Тир., участки V—VI; III в. до н. э. (МИА, № 25, 1952, стр. 27—30); *2* (2)—Тир., участки V—VI; I в. до н. э. —I в. н. э. (там же, стр. 35—41); *3* — Темир-гора; I—II вв. н. э. (СА, VII, 1941, стр. 45—60); *4* — Мир., участок Б; I—II вв. н. э. (МИА, № 4, 1941, стр. 115—123); *5* (II) — Мир., участок Е; I—III вв. н. э. (МИА, № 25, 1952, стр. 190—193); *6* (5) — Тир., участок XVII; II—III вв. н. э. (ВДИ, 1947, № 3, стр. 193); *7* (3) — Тир., участок XIII; II—III вв. н. э. (МИА, № 25, 1952, стр. 63—67); *8* (I) — Мир., участок Е; I—II вв. н. э. (там же, стр. 185—190); *9* — близ Тамани; II—III вв. н. э. (не издана; раскопки В. Д. Блаватского, 1953 г.); *10* (1) — Тир., участок X; IV в. н. э. (МИА, № 25, 1952, стр. 53—55); *11* — Пант., участок Эспланадный; II в. н. э. (КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 34, 35); *12* — усадьба близ Мирмекия, 1952 г.; III в. до н. э. (не издана; по докладу В. Ф. Гайдукевича на сессии ИИМК); *13* — Патрей, 1948 г.; II в. н. э. (УЗМГПИ, т. XIII, вып. 2, стр. 149 — 155); *14* — Мир., участок Б.; III в. до н. э. (МИА, № 4, 1941, стр. 115—123).

Переходя к рассмотрению каменотесного дела Боспора, мы и здесь можем обнаружить применение этой системы. Больше половины сохранившихся боспорских надгробий и каменных плит, на которых высекались различные официальные документы и посвящения, поддается изме-

[1] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг., срт. 155.

[2] В. Д. Блаватский. О строительном деле Фанагории. Доклады и сообщения Ист. ф-та МГУ, кн. 9, 1950, стр. 38.

[3] Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 260.

Таблица 1

Боспорские меры длины в надгробных памятниках, пьедесталах и плитах для различных надписей

I

Издание	№ по изданию	Высота в метрах	Ширина в метрах	Толщина в метрах	Размеры	
					в дактилях	в пядях
IOSPE, II	69	0,44	0,22	—	24×12	2×1
ИАК, 23	29	0,66	0,44	—	36×24	3×2
IOSPE, IV	384	0,79	0,44	—	42×24×2	$3^1/_2 \times 2 \times {}^1/_6$
То же	332	0,78	0,435	0,175	42×24×8	$3^1/_2 \times 2 \times {}^2/_3$
» »	228	0,90	0,44	—	48×24	4×2
ЗОО, XXVIII	V	0,89	0,44	—	48×24	4×2
ИАК, 23	28	0,90	0,41—0,44	—	48×24	4×2
IOSPE, IV	380	1,10	0,44	0,175	60×24×9	$5 \times 2 \times {}^3/_4$
То же	392	1,10	0,43	—	60×24	5×2
» »	287	1,12	0,44	—	60×24	5×2
ЗОО, XXII	1	1,12	0,43—0,45	—	60×24	5×2
IOSPE, II	298	1,42	0,44	0,175	78×24×9	$6^1/_2 \times 2 \times {}^3/_4$
То же	174	1,42	0,44	—	78×24	$6^1/_2 \times 2$
ВДИ, 1941, № 1	24	0,66	0,55	0,43	36×30×24	$3 \times 2^1/_2 \times 2$
IOSPE, II	75	0,73	0,55	—	40×30	$3^1/_3 \times 2^1/_2$
То же	296	0,87	0,54	2,215	48×30	$4 \times 2^1/_2$
» »	214	0,99	0,54	—	54×30	$4^1/_2 \times 2^1/_2$
» »	248	0,98	0,55	0,22	54×30×12	$4^1/_2 \times 2^1/_2 \times 1$
» »	428	1,00	0,55	0,23	54×30×12	$4^1/_2 \times 2^1/_2 \times 1$
IOSPE, IV	285	0,99	0,51—0,55	—	54×30	$4^1/_2 \times 2^1/_2$
То же	476	1,07	0,55	—	60×30	$5 \times 2^1/_2$
» »	245	1,09	0,55	—	60×30	$5 \times 2^1/_2$
IOSPE, II	80	1,13	0,555	—	60×30	$5 \times 2^1/_2$
IOSPE, IV	232	1,20	0,54	—	66×30	$5^1/_2 \times 2^1/_2$
То же	347	1,23	0,545	—	66×30	$5^1/_2 \times 2^1/_2$
IOSPE, II	173	1,31	0,555	—	72×30	$6 \times 2^1/_2$
То же	65	1,78	0,54	—	96×30	$8 \times 2^1/_2$
ИГАИМК, 104	XXII	2,15	0,53—0,55	—	120×30	$10 \times 2^1/_2$

II

Издание	№ по изданию	Высота в метрах	Ширина в метрах	Размеры	
				в дактилях	в пядях (п) и футах (ф)
IOSPE, II	427	0,76	0,58	42×32	$3^1/_2$ п × 2 ф
IOSPE, IV	369	1,00	0,595	54×32	$4^1/_2$ п × 2 ф
То же	394	1,00	0,58	54×32	$4^1/_2$ п × 2 ф
ИАК, 14	52	1,23	0,57	66×32	$5^1/_2$ п × 2 ф
IOSPE, II	72	1,31	0,60	72×32	6 п × 2 ф
То же	301	1,29	0,58	72×32	6 п × 2 ф
ИАК, 63	5	1,29	0,60	72×32	6 п × 2 ф
ИГАИМК, 104	XVI	1,48	0,58	80×32	5 ф × 2 ф
IOSPE, II	85	1,73	0,59	96×32	5 ф × 2 ф
ИРАИМК, II	1	1,75	0,58	96×32	5 ф × 2 ф
IOSPE, II	382	2,26	0,58	120×32	10 п × 2 ф
ИАК, 54	5	2,99	0,58	160×32	10 ф × 2 ф
IOSPE, II	37	0,17	0,33	9×18	$^3/_4$ п × $1^1/_2$ п
ИГАИМК, 104	1	0,60	0,33	32×18	2 ф × $1^1/_2$ п
ИАК, 3	II	0,89	0,32	48×18	4 п × $1^1/_2$ п
IOSPE, IV	403	0,90	0,33	48×18	4 п × $1^1/_2$ п
ИГАИМК, 104	IX	0,99	0,32—0,34	54×18	$4^1/_2$ п × $1^1/_2$ п
ИАК, 3	6	1,21	0,33	66×18	$5^1/_2$ п × $1^1/_2$ п
IOSPE, II	238_1	1,23	0,34	66×18	$5^1/_2$ п × $1^1/_2$ п
То же	381	1,33	0,33	72×18	6 п × $1^1/_2$ п

рению в целых единицах боспорской системы. Особенно часто встречаются плиты шириной 2 пяди — 0,44 м и 2,5 пяди (большой локоть?) — 0,55 м.

Размеры ряда каменных стел приведены в табл. 1.

Основной мелкой линейной мерой на Боспоре, как и во всей Греции, был дактиль, равнявшийся здесь 1,84 см. Применение его можно наглядно проследить в черепичном производстве.

В качестве примера возьмем пантикапейскую черепицу IV—II вв. до н. э. (рис. 4). Она отличается исключительным единообразием размеров:

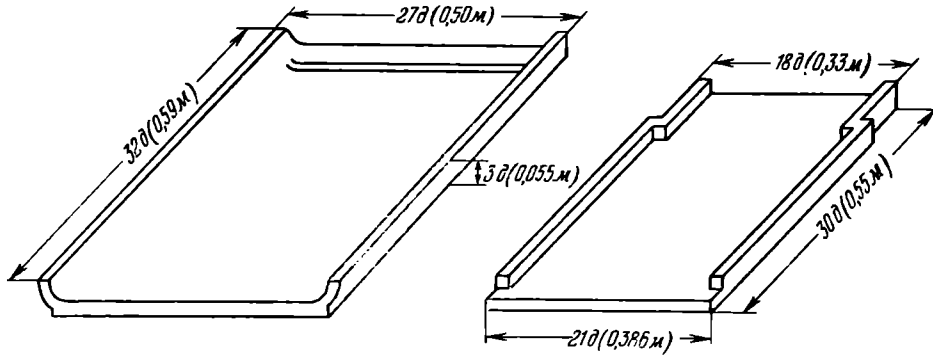


Рис. 4. Размеры боспорской черепицы в метрах и боспорских дактилях (д — дактиль).

1 — пантикапейская черепица IV—II вв. до н. э.; *2*—пантикапейская черепица I—II вв. н. э.

длина соленов и калиптеров — 59 см (32 дактиля = 2 фута), ширина соленов — 50 см (27 дактилей), высота бортов (включая толщину солена) — 5,5 см (3 дактиля) с очень незначительными отклонениями. Очень близко совпадают и размеры отдельных частей пантикапейской черепицы. Все это явно указывает на то, что в IV—II вв. до н. э. черепица в Пантикапее, а, может быть, и в ряде других городов Боспора изготовлялась по определенному эталону, установленному государством[1]. По мнению В. Ф. Гайдукевича, таким эталоном могла быть деревянная модель черепицы (τύπος ξύλινος κεραμίδων)[2], упоминания о которой встречаются в античных источниках.

Другие группы боспорской черепицы этого времени, отличаясь своими пропорциями и размерами от данной группы, также, однако, измеряются в дактилях: например, размеры солена из Гермонассы[3] — 52,5×52 см (28×28 дактилей), длина солена из Феодосии[4] — 77 см (42 дактиля = =3,5 пяди), ширина его — 47,8 см (26 дактилей) и т. д.

Переходя к черепице сарматского времени, мы и здесь можем проследить применение боспорских мер длины. У пантикапейских соленов этого времени длина составляла 55 см (30 дактилей), ширина на нижнем конце — 33 см (18 дактилей), а на верхнем — 38,4—40 см (21 дактиль). Солен IV в. н. э. из Фанагории[5] имел в длину 44 см (1 локоть).

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 244; Н. Я. Мерперт. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. МИА, № 19, 1951, стр. 233.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 232.

[3] Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 233.

[4] Там же, стр. 234.

[5] В. Д. Блаватский. Раскопки Фанагории в 1936—1937. гг. Тр. ГИМ, вып. XVI, стр. 9.

В некоторых случаях можно установить применение боспорских мер длины даже в производстве крупной керамической тары. И. Б. Зеест указывает на строгую стандартность формы и размеров одного типа амфор II—III вв. н. э.[1] Высота их — 1,1 м (т. е. 5 пядей). Характерно, что эти амфоры использовались в первую очередь в винодельческом хозяйстве[2], в котором, как мы уже видели, организация производства была весьма строго регламентирована.

Последняя большая область боспорского производства, в которой можно проследить применение аттико-эвбейской системы,—это оружейное дело. Н. И. Сокольский в своей работе «Боспорские мечи»[3] указывает размеры всех дошедших до нас боспорских мечей, полностью сохранивших длину.

Характерно, что те мечи (в основном с Тамани), которые Н. И. Сокольский и по их форме, и по обряду погребений, где они были найдены, считает синдскими, отличаются большим разнобоем в размерах (от 48 до 71 см) и не поддаются измерению в целых единицах боспорской системы. В то же время, у мечей, которые он признает типично греческими (ξίφος), отмечается исключительное единообразие размеров (66—67 см, т. е. 3 пяди).

Далее Н. И. Сокольский указывает на раннее освоение боспорцами такой типично скифской формы меча, как акинак. Интересно, что у части найденных на Боспоре акинаков, в том числе у акинака из Гермонассы (конец VI в. до н. э.)[4], длина составляет в точности 44 см, т. е. 1 локоть. Это, как мне кажется, может служить лишним доказательством производства на Боспоре акинаков уже в VI в. до н. э.

Мечи I в. до н. э. —IV в. н. э., отличаясь большим однообразием формы, в то же время сильно варьируют в размерах (от 71 до 117 см). Тем не менее длина этих мечей не распределяется равномерно по всей шкале от 71 до 117 см, а, за исключением 2—3 мечей (из 30), укладывается в 6 четко выраженных групп. Первая, наиболее многочисленная группа (8 экз.) включает мечи длиной 75—77 см, что соответствует 42 дактилям, или $3^1/_2$ пядям. Вторая группа (5 экз.)—мечи длиной 82 см, или 45 дактилей (3,75 пяди). Третья группа (6 экз.) включает мечи длиной 86—88 см, что соответствует 48 дактилям (4 пяди). Четвертая группа (5 экз.) — мечи длиной 93—95 см, т. е. 51 дактиль (4,25 пяди). К пятой группе (5 экз.) относятся мечи длиной 99 см, что составляет 54 дактиля (4,5 пяди), и к шестой группе (2 экз.)— мечи длиной 111—112 см, т. е. 60 дактилей (5 пядей).

Таким образом, перед нами — мечи, так сказать, шести «ростов» —42, 45, 48, 51, 54 и 60 дактилей (или от 3,5 до 5 пядей), с длиной, последовательно возрастающей на 3 дактиля (0,25 пяди).

Следовательно, бóльшая часть боспорских мечей (свыше 90%) и в сарматское время имела определенную, стандартную длину, что могло быть только при сравнительно крупных масштабах производства и было бы мало вероятно при изготовлении мечей ремесленниками на заказ для отдельных потребителей или же мелкими партиями.

Итак, мы рассмотрели применение аттико-эвбейской (боспорской) системы мер длины в различных отраслях строительного дела и ремесленного производства. Эта система появляется на Боспоре в VI в. до н. э.[5] вместе

---

[1] И. Б. Зеест. К вопросу о боспорских амфорах. Сб. «Археология и история Боспора», I, Симферополь, 1952, стр. 163.

[2] Там же, стр. 164.

[3] МИА, № 33, 1954, стр. 123—196.

[4] Там же, стр. 128.

[5] Она прослеживается в планировке дома VI в. до н. э., открытого в 1953 г. в Пантикапее.

Таблица 2

Применение аттико-эвбейских мер длины в зданиях и сооружениях Малой Азии

Город или район	Здание или другой объект	Время	Размеры в метрах	Размеры		Соответствующие им размеры в метрах	Размеры в футах	Соответствующие им размеры в метрах	№ стр. «Всеобщей истории архитектуры» (т. II, кн. 1)
				в локтях	в пядях				
Хора Милета	Храм Аполлона в Дидимах	VI в. до н. э.	109×59	—	500×270	110,50×59,60	370×200	109,15×59	81
Эфес	Храм Артемиды	» »	109,20×55,10	250×125	500×250	110,50×55,25	—	—	84
Самос	Храм Геры	» »	111,50×54,58	250×125	500×250	110,50×55,25	—	—	83
Галикарнас	Мавзолей	IV в. до н. э.	77,5×66	175×150	350×300	77,35×66,30	—	—	245
Приена	Храм Афины	» »	37,20×19,55	—	170×90	37,57×19,89	—	—	252
»	Ширина улиц	—	4,40	10	20	4,42	—	—	277
Пергам	Храм Афины Никефоры	IV в. до н. э.	22,52×13,02	50×30	100×60	22,10×13,26	—	—	291
»	Портики святилища Афины (ширина)	II в. до н. э.	1) 11,20 2) 5,50	25 —	50 25	11,05 5,52	— —	— —	291 291
»	Высота колонн	» »	3,32	—	15	3,315	—	—	291
Милет	Ширина главной улицы	—	7,70	—	35	7,73	—	—	195
»	Ширина стадиона	—	29,56	—	—	—	100	29,5	299

Примечание. Размеры указаны по «Всеобщей истории архитектуры», М., 1948, т. II, кн. 1.

с первыми греческими колонистами и продолжает существовать до IV в. н. э. (возможно, и позже). Вопрос о том, откуда пришла эта система на Боспор и следует ли считать преобладание среди мер длины локтя и пяди чисто местным явлением или нет,— менее ясен. Наиболее вероятно, что такая система принесена на Боспор первыми поселенцами из Малой Азии. Действительно, размеры целого ряда известнейших зданий Малой Азии переводятся в круглые числа аттико-эвбейских локтей (табл. 2). Однако с уверенностью утверждать этого, конечно, нельзя.

Что касается распространения этой системы в Северном Причерноморье, то несомненно, что она применялась также и в Ольвии (имевшей общую метрополию с Пантикапеем). В качестве примера можно привести каменную плиту, на которой высечен декрет о въезде в Борисфен[1]. Ее размеры— 67×32 см (3×1,5 пяди).

В Херсонесе же, повидимому, применялась какая-то другая система, так как нельзя найти сколько-нибудь значительное количество памятников, которые поддавались бы измерению в целых числах аттико-эвбейских футов, локтей или пядей (по крайней мере, до нашей эры). Но в первые века нашей эры эта система могла появиться в Херсонесе под влиянием Боспора или Рима [римский фут (29,5 см) равнялся аттико-эвбейскому]. Возможно, впрочем, что в Херсонесе с самого начала были 2 системы, как в Олинфе, или даже больше.

В заключение следует сказать, что если изучение самых различных археологических памятников той или иной области позволяет установить систему применявшихся в данной области линейных мер, то после того, как эта система стала нам известна, мы получаем возможность более углубленно исследовать те же археологические памятники, подтверждая при помощи данных метрологии уже установленные другим путем положения, а иногда открывая и новые факты из истории организации производства.

Т. М. МИНАЕВА

МОГИЛЬНИК БАЙТАЛ-ЧАПКАН В ЧЕРКЕСИИ

Могильник находится на территории Черкесской автономной области, расположен на южных склонах горы Эльбурган, на водоразделе между рр. Малым Зеленчуком и Кубанью; он занимает небольшой холм, с северной стороны примыкающий к высокому гребню, с южной переходящий в склон к глубокой балке, направленной с запада на восток, по которой протекает небольшая речка Байтал-Чапкан. Местность, где расположен могильник, у населения также носит название Байтал-Чапкан. Вся она изрезана глубокими долами и усеяна курганообразными холмами. К юго-западу от могильника, приблизительно на расстоянии четверти километра, лежат верховья глубокой балки, которая идет вплоть до поймы р. Малого Зеленчука, сливаясь с ней близ аула Инжи-Чукун. В сравнительно недалеком прошлом местность эта была заселена. На склоне к речке Байтал-Чапкан, на расстоянии полутора-двух километров от могильника раскинулась большая группа кабардино-черкесских курганов XIV—XVII вв. н. э. Несколько южнее этой группы, у самых верховьев речки, имеется ногайский могильник с погребениями, отмеченными на поверхности вертикально стоящими плоскими камнями.

Открытие могильника Байтал-Чапкан связано со строительством в 1941 г. шоссейной дороги между аулами Эльбурган на Малом Зеленчуке и Кубина на Кубани. Дорога разрезала южную часть холма, на котором находится могильник. В обрезах дороги на светлом известковом грунте рабочие заметили пятна погребальных камер и входов. Здесь же рабочие находили человеческие черепа, кости и различные вещи. О находках было сообщено Черкесскому областному музею, по поручению которого мной было обследовано место находок.

Весной 1941 г. нам удалось расчистить остатки некоторых могил в обрезе дороги и раскопать 2 погребальные камеры на полотне дороги. Колодцеобразные входы этих могил были уже срезаны при строительстве дороги. События Великой Отечественной войны помешали продолжить исследование вновь открытого памятника.

Вторично к обследованию могильника Байтал-Чапкан мы приступили в 1949 г. На этот раз было исследовано 15 могил, считая и погребения, открытые в 1941 г.[1]

В 1953 г. раскопки могильника были продолжены; они велись сплошным вскрытием площади холма к северу от дороги. На вскрытой площади

[1] О результатах исследований 1941 и 1949 гг. см. Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 2—3. Ставрополь, 1950.

обнаружено еще 15 могил. Четыре могилы оказались в раскопе по другую (южную) сторону дороги. В общей сложности в могильнике исследованы 34 могилы (рис. 1).

По данным раскопок можно с полной отчетливостью восстановить ритуал погребения. С поверхности почвы рылся узкий длинный вход в виде колодца. Длина его колебалась от 1,5 до 3 м, глубина—от 1,8 до 2,9 м. Конец входного колодца, обращенный к погребальной камере, как правило, оказывался на 0,2—0,3 м шире противоположного конца (рис. 2). Стенки входного колодца обреза́лись вертикально; лишь изредка они скашивались ко дну, расширяя его. Иногда одна из продольных стенок выступала дугообразно, что происходило, вероятнее всего, от небрежности обработки могилы. Ориентировка входного колодца строго не выдерживалась. Преобладала ориентировка с востока на запад, но встречались и частые отклонения, иногда весьма значительные. В некоторых случаях отклонения эти, повидимому, вызывались направлением склонов холма, но не всегда можно объяснить их условиями рельефа.

В западном конце входного колодца, на дне его, прорубалось отверстие круглой или арочной формы (рис. 3, *2*), через которое проникали в погребальную камеру. Диаметр этого отверстия колеблется от 0,4 до 0,7 м, толщина стенки отверстия — от 0,3 до 0,5 м. Отверстие во всех без исключения случаях закрывалось плитой из мергеля серо-голубого цвета (рис. 3, *1*)[1]. Плиты не имели определенной формы. Размеры их слегка превосходили размеры отверстия; остававшиеся щели добавочно закрывались небольшими кусками того же мергеля.

За отверстием, закрытым плитой, располагалась погребальная камера. Длинная ось ее должна была идти перпендикулярно направлению входа, хотя в действительности не всегда так бывало. Иногда камера размещалась под углом ко входу, что можно отнести за счет небрежности и неправильности ее устройства. Обычно камеры были овальной формы, со сводчатым потолком; но наиболее крупные по размерам камеры были в плане удлиненно-прямоугольные, с более или менее ярко выраженными углами и с куполообразно вырубленным потолком. Дно камеры всегда опускалось ниже дна входа, причем в крупных камерах порог достигал 1,2 м высоты. В детских камерах он был вдвое ниже. В передней стене камеры, примыкавшей ко входу, весьма часто выдалбливались ниши (одна или две) в виде полусферических углублений в стене. При наличии двух ниш одна из них всегда была больше размером. Вдоль задней стены камеры устраивались нары, часто продолжавшиеся и вдоль поперечных стен. В таких случаях дно получало вид прямоугольной выемки перед порогом камеры (см., например, план камеры на рис. 2). Нары были высотой от 0,2 до 0,3 м. Вырубалась камера в твердом известковом грунте теслом на короткой рукоятке.

Умерший помещался на нарах, головой всегда в южную сторону, на спине, вытянуто. Руки лежали вдоль туловища; голени ног у мужчин были скрещены, у женщин лежали прямо. Исключением является одно погребение старой женщины, костяк которой лежал в сильно скорченном положении. Во многих случаях под костяком оказывалась подстилка, быть может, кошма, судя по густому тлену темного, почти черного цвета. Иногда края этой подстилки прослеживались и по обрезу нар. Вещи личного убора клали рядом с умершим. Пища размещалась по углам камеры. В правом переднем углу, у ног костяка, ставили крупный кувшин типа, изображенного на рис. 4,*1* (см. ниже). Чаще он стоял на дне

[1] Выходы этой породы имеются в склонах гор неподалеку от могильника.

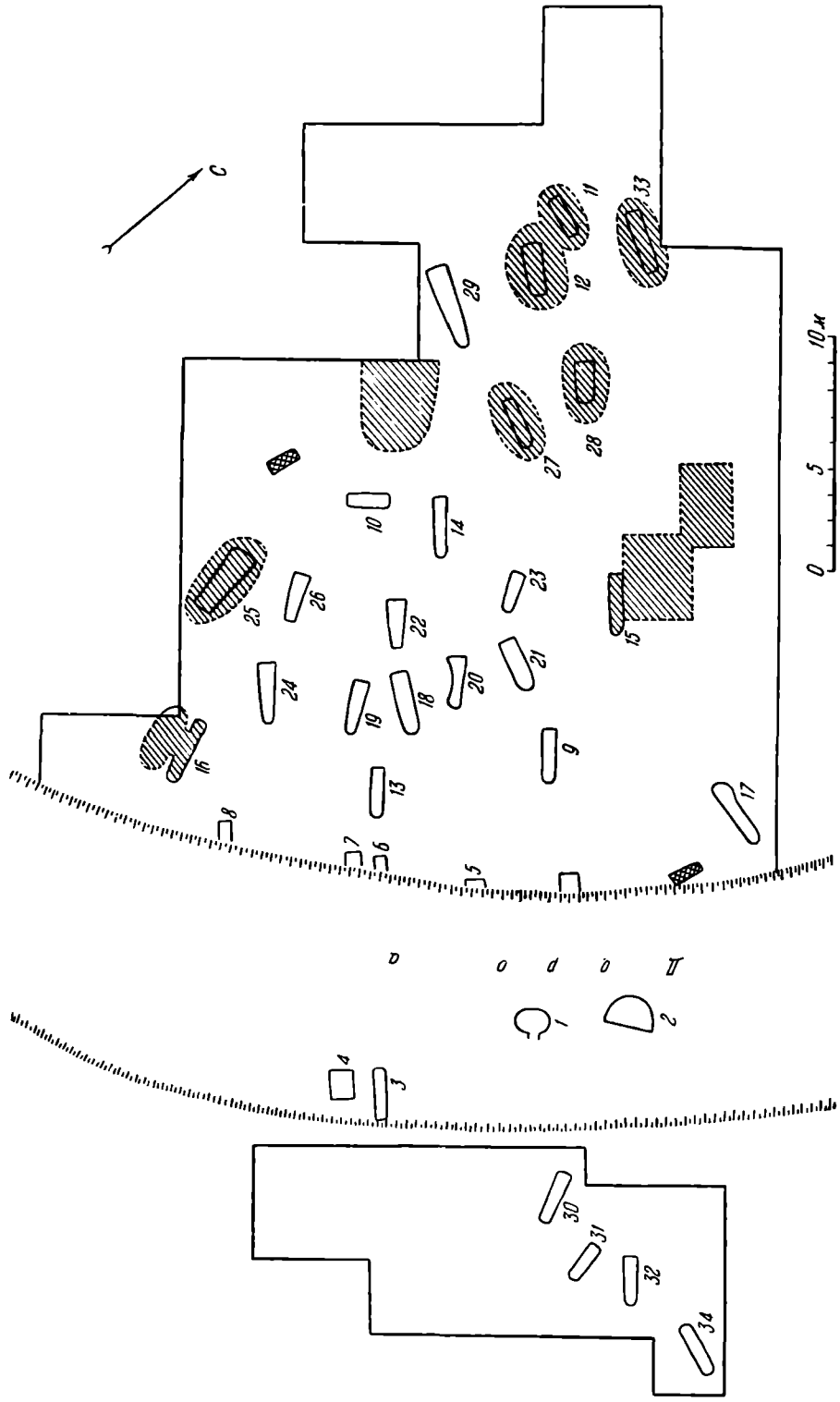


Рис. 1. План расположения могил в могильнике Байтал-Чапкан (заштрихованы ограбленные могилы и места кладоискательских раскопов; сеткой заштрихованы захоронения головы и ног коня).

камеры под нишей, реже лежал на боку, дном в нише. На одном из найденных кувшинов были ясно видны следы жидкости, вылившейся после того, как кувшин был положен в камеру. Очевидно, в подобных кувшинах ставили погребенному какие-то напитки или воду. Другие глиняные сосуды находились в противоположной стороне, у головы погребенного. Один из горшков иногда помещался в нише, но чаще ниша оказывалась пустой, а сосуды, числом до 4—5, ставились компактной группой на

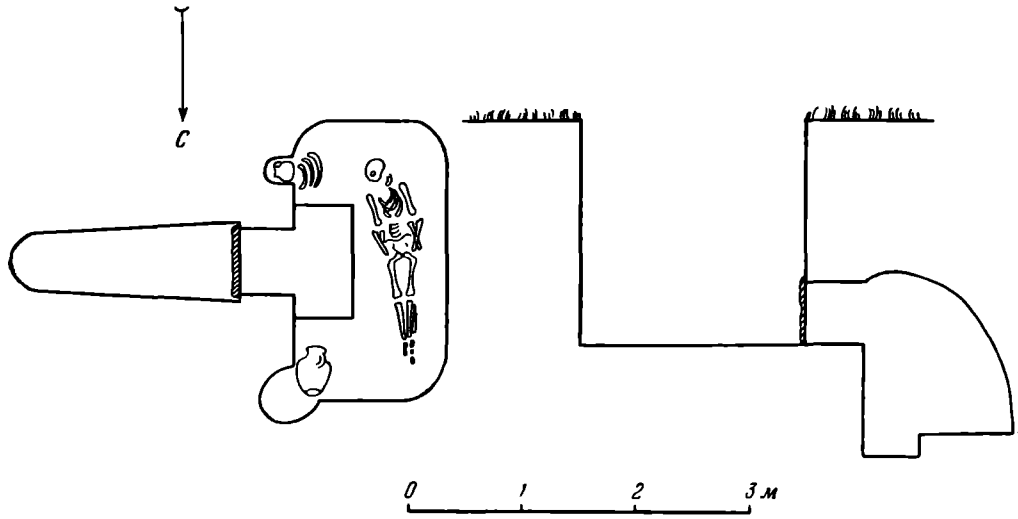


Рис. 2. План и разрез могилы 17.

нарах или на полу камеры. Тут же возле горшков клали кусок баранины (реберную часть молодого барана). В некоторых случаях небольшие горшочки стояли на полу камеры, у порога; они были разных размеров, высотой от 0,09 до 0,19 м. Среди них при некоторых погребениях находились и миски (см. ниже, рис. 6).

После того как умерший и вещи были размещены в камере, входное отверстие плотно закрывалось плитой. Обычай требовал, чтобы земля не заполняла погребальной камеры, где лежал умерший. В одной из камер мелкими камнями была забита даже нора грызуна, чтобы через нее не попадала земля. Входной же колодец засыпáлся землей. Однако, несмотря на тщательную закупорку камер, ко времени наших раскопок почти все они доверху были заполнены землей, проникшей сюда из многочисленных нор грызунов.

По захоронении умершего, повидимому, совершали тризну, так как под дерновым слоем над могилами и возле них находились черепки посуды, в большинстве своем иной формы по сравнению с той, которая находилась в погребениях. Это были крупные грубые горшки бурого цвета, иногда с горизонтально отогнутым краем. Ни разу не встретилось обломков чернолощеных сосудов. Один только раз найден фрагмент лощеного горшка бурого цвета с сосочком. Этот факт дает основание предполагать, что для погребения отбиралась посуда определенных ритуалом форм.

Размещались могилы на площади могильника в беспорядке, на значительном расстоянии друг от друга. Группового расположения могил не наблюдалось. Только в двух случаях камеры могил смыкались друг с другом посредством круглого отверстия в поперечной стене, причем в обоих случаях в одной из камер лежал женский костяк, в другой — костяк подростка.

Внешних признаков ко времени наших раскопок могилы не имели. По нашим наблюдениям, ограбление могил кладоискателями происходило в позднее время, может быть, во 2-й половине XIX в., когда на Северном Кавказе это приняло размеры «промысла».

Наши исследования показали, что погребальный ритуал могильника весьма устойчив и однообразен; это, несомненно, свидетельствует об

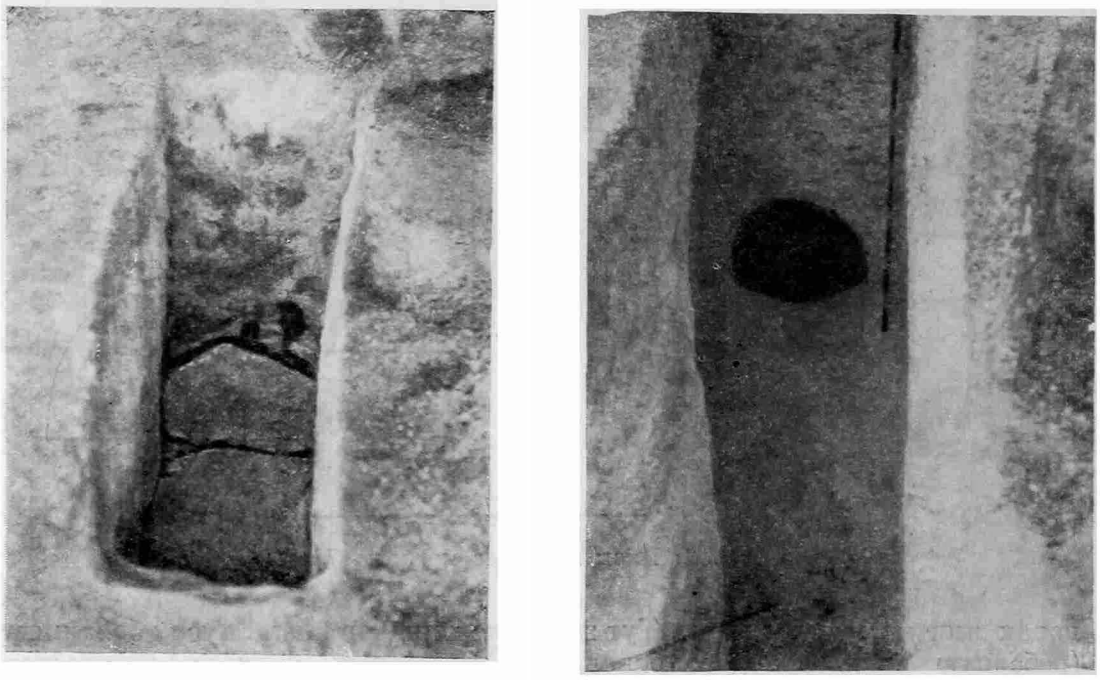


Рис. 3. Вход в могилу 24.

1 — плита, закрывающая отверстие погребальной камеры; *2* — отверстие погребальной камеры.

известном единстве населения данного района как в экономическом, так, вероятно, и в этническом отношениях.

В погребальном инвентаре исследованных могил самыми многочисленными находками были глиняные сосуды. Не оказалось ни одного погребения, при котором не стояло бы 2—3 горшков, но встречались могилы и с 5—6 горшками. Формы сосудов столь же устойчивы и единообразны, как и формы погребальных сооружений. Устойчивы и приемы размещения сосудов в камере, о чем говорилось выше.

С технической стороны керамика могильника Байтал-Чапкан однородна. Глина, из которой изготовлены сосуды,— местного происхождения, серого цвета, с крапинками слюды; она тщательно перемешана и образует плотное тесто. Глина с примесью слюды в виде блестящих, как бы серебряных чешуек характерна для горных ущелий и предгорных районов Северного Кавказа. В изломе черепок довольно гладкий. Вся посуда леплена от руки, без гончарного круга; почти вся она лощеная. По окраске большинство сосудов — черного цвета, реже встречаются красные. Лепились горшки на какой-то твердой основе, скорее всего, на доске, так как иногда на дне сосуда сохраняются отпечатки продольных трещин. На доску посыпали кварцевый, довольно крупный песок, чтобы легче было с нее снять сырой горшок. Стенки тулова, повидимому, выдавливались из куска глиняного теста, затем на них налеплялись сосочки.

Место, где прикреплялся сосочек, с внутренней стороны стенки поддерживалось пальцем и слегка выдавливалось наружу. На сформованное тулово налеплялось горло, следы налепа четко обозначаются на внутренней стороне горшка. Ручка прикреплялась способом прокалывания снаружи стенки сосуда. В образовавшееся отверстие втыкался стержень ручки и заглаживался на внутренней стороне горшка. Затем горшок подвергался лощению и сильному равномерному обжигу, отчего и в изломе стенки горшка одноцветные. Черный цвет поверхности достигался особыми приемами обжига, как было отмечено М. И. Артамоновым[1]. Для изготовления такой посуды требовались «закрытые» обжигательные горны. Подобный способ обжига применялся в керамическом производстве до самого последнего времени. Гончары сёл по левому берегу Нижней Волги практиковали его еще в 20-х годах нынешнего столетия. Благодаря такому обжигу посуда приобретала более высокую степень водонепроницаемости.

По формам сосуды могильника Байтал-Чапкан могут быть разделены на 4 основных типа.

К первому типу относятся крупные кувшины, высотой до 0,55 м. Тулово их яйцевидное, с узким дном и сильно раздутыми боками; горло узкое и низкое, у края имеет носик (трубочкой или желобком) или сильно оттянутую губу. Ручка, как правило, прикрепляется к середине горла и к плечу. На некоторых экземплярах по бокам с двух противоположных сторон имеются ушки. Кувшины этого типа встречаются как с орнаментом, так и без него. Орнамент обычно располагается каймой по плечикам кувшина. Состоит он из резных линий, кружков или точек, заштрихованных треугольников, ломаных линий, лощеных полосок в косую клетку, т. е. из чисто геометрических узоров. Иногда по тулову кувшина идут вертикальные налепные валики; в некоторых случаях тулово украшается налепными сосочками с лощеными полосками вокруг них. Наиболее характерными экземплярами этого типа являются кувшины из могилы 29 (рис. 4, *1*) и из могилы 17. Первый — высотой 0,47 м, без орнамента, нелощеный, с плоской ручкой шириной 4 см; второй — черный лощеный, высотой 0,38 м, у него плоская с желобком ручка, два боковых ушка, орнамент по плечикам в виде каймы из лощеных полосок, ограниченной вдавленными точками, по горлу — лощеные желобки, по тулову — налепные валики. Судя по форме этих кувшинов, можно предполагать, что они служили для хранения жидкой пищи, и прежде всего, воды. Это, вероятнее всего, были водоносы — далекие прототипы металлических кувшинов для носки воды, столь характерных для быта современных горских народностей. Кувшины эти всегда имеют тонкие стенки: быть может, это делалось для того, чтобы облегчить их.

Второй тип представлен горшками среднего размера (от 0,15 до 0,20 м высотой) с шаровидным туловом, широким, почти цилиндрическим горлом и ручкой, соединяющей край горла с расширенной частью тулова. По тулову сосуды украшены 3—5 сосочками, которые обычно обведены лощеными полосками, кругами из пятнышек или резными линиями. Иногда лощеные слегка вдавленные полоски покрывают все тулово горшка. Типичный экземпляр посуды этого рода изображен на рис. 5, *2*. Несколько подобных горшков оказались закопченными; повидимому, они употреблялись для варки пищи. К этому типу примыкают черные лощеные сосуды с вертикальным носиком трубочкой (рис. 5, *1*).

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северо-Кавказской экспедиции. Л., 1935, стр. 55.

К третьему типу можно отнести маленькие горшочки, высотой от 6 до 12 см, по форме весьма близкие горшкам второго типа, но без сосочков по тулову.

К четвертому типу относятся миски. Они представлены несколькими вариантами. У наиболее крупной — из могилы 10 (высота — 0,12 м, диаметр горла — 0,34 м) — прямой ребристый борт (рис. 6), у миски из могилы 24 — вогнутый борт с отогнутым венчиком.

1 *2*

Рис. 4. Сосуды из могилы 29.

1 — кувшин; *2* — медный котел.

Наиболее характерным приемом орнаментации посуды могильника являются налепные сосочки. Размещаются они по самой выпуклой части тулова в различном количестве, от двух до пяти, чаще всего по три. С ними неразрывно связаны лощеные круги по их основанию. Развились они из технического приема заглаживания места налепа сосочка. Прием украшения сосуда налепными сосочками или шишечками имеет параллели в керамике других областей.

На Семибратнем городище в раскопках 1939 г. Н. В. Анфимовым найдены 2 горшка грубой лепной работы. У одного из них, высотой 0,16 м, в виде высокой банки с отогнутым краем, по верхней части имеются 5 налепных шишечек; второй горшок, в виде банки со слегка стянутым внутрь краем, украшен 3 шишечками. Датируются горшки, по словам Н. В. Анфимова, I—II вв. н. э.

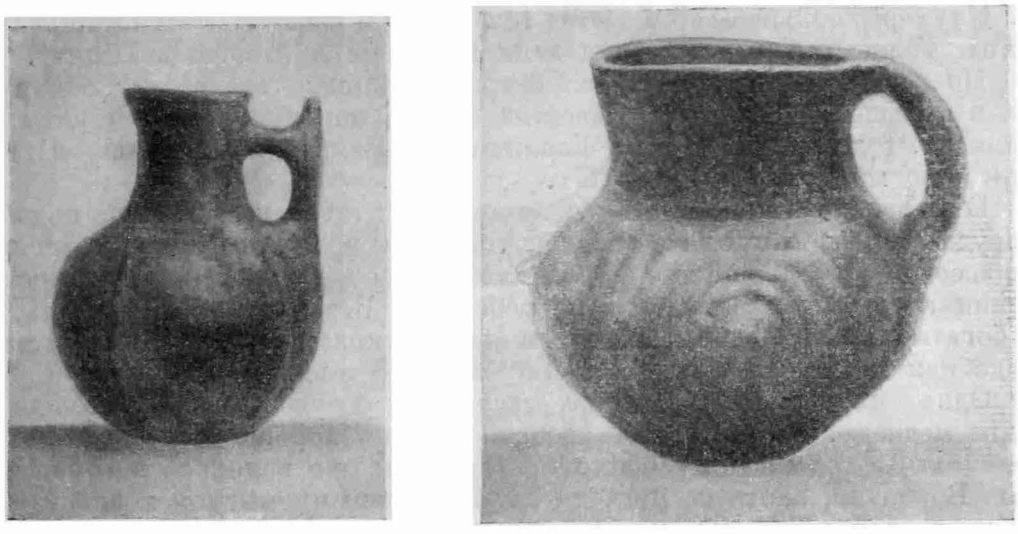
На левой стороне Волги близ с. Зеельман в 1925 г. П. Д. Рау в погребении первых веков нашей эры нашел глиняный горшок с полированной поверхностью, украшенный по верхней части корпуса 3 шишечками. Годом позже, близ того же села, в погребении с сожжением был найден грубый крупный горшок с шишечками по верхней части тулова.

Известны такие сосуды из Керчи, как, например, амфоровидный сосуд из красной глины с 4 шишечками по верхней части корпуса, хранящийся в ГИМ[1]. Этот орнаментальный мотив встречен и в Азербайджан-

[1] ГИМ, инв. № 17346.

ской ССР[1], в Алазанской долине близ с. Архилос-Кало[2], в Приуралье, в Средней Азии, также в памятниках первых веков нашей эры.

Но во всех указанных пунктах сосуды с шишечками не могут быть поставлены в один ряд с сосудами могильника Байтал-Чапкан. Эти



1 *2*

Рис. 5.

1 — черный лощеный сосуд из могилы 24; *2* — сосуд из могилы 18.

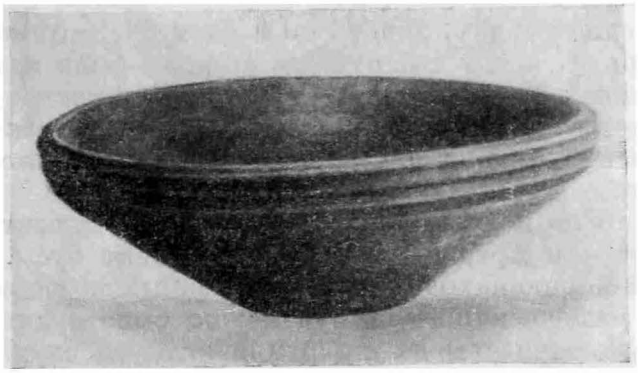


Рис. 6. Миска из могилы 10.

последние весьма своеобразны и закончены по стилю. Те же шишечки на них выглядят по-другому и иначе размещаются; здесь они имеют вид правильных высоких конусов, налепленных на самую выпуклую часть сосуда, тогда как в указанных выше находках шишечки не такие высокие и заостренные и занимают верхнюю часть тулова.

Посуда могильника Байтал-Чапкан — не единичное, случайное явление в северокавказских памятниках. Значение ее заключается именно в том, что она полностью совпадает с сосудами многих памятников центральной части Северного Кавказа. Ближайшие территориально аналогии

[1] Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 156, фиг. 6.
[2] Г. Ниорадзе. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940, рис. 35, 36, 69.

дают памятники верховьев Кубани. На правой стороне Кубани, примерно в 8 верстах ниже аула Карт-Джюрт, на верхних склонах горы Кльян-Кала в 1896 г. В. М. Сысоев раскопал гробницу, и в ней оказались 4 кувшина, тождественные сосудам из Байтал-Чапкана[1]. Из ущелья р. Мары (правый приток Кубани) местные жители доставляли в музей г. Клухори большое количество точно такой же посуды из «старых гробниц». Тождественные находки дали могильники городища Гиляч[2].

По всей центральной части Северного Кавказа эта посуда обнаружена в большом количестве. Известна она из могильников Кумбулты, Задалиска, Рутхи, Чми, в сел. Гиджгит на р. Баксане, в урочище «Песчанка» и во многих других местах.

В Североосетинском, Нальчикском и Пятигорском музеях подобная посуда занимает по количеству едва ли не первое место среди коллекций: но здесь она в большинстве случаев оторвана от других вещей, в сопровождении которых находилась в погребениях. Весьма важно отметить, что в богатых археологических собраниях Краснодарского музея отсутствует подобная посуда; в Нижнем Прикубанье ее также нет.

Одна из характерных черт изучаемых сосудов — ручка в виде фигуры медведя. Это животное, конечно, очень хорошо было знакомо населению благодаря тому обилию, в котором оно водилось в горных лесах. Вероятно, охота на медведя была важным промыслом хозяйственного значения; возможно, что с этим животным связывались и какие-либо религиозные представления.

Единственным экземпляром в погребальном инвентаре могильника представлена металлическая посуда. В могиле 29 найден медный котел, сильно окисленный и очень закопченный (рис. 4, *2*), высотой 19,5 см, склёпанный из 3 частей: двух боковых равного размера и третьей нижней, конически суженной ко дну. Дно (6 см в диаметре) штампованное, слегка вогнутое внутрь. К котлу с наружной стороны была приклёпана железная плоская дужка шириной 1 см. В котле лежали кости ноги молодой овцы. И форма котла, и закопченность его наружной поверхности говорят о том, что он использовался для варки пищи на открытом огне, быть может, на костре.

Второе место по количеству в погребальном инвентаре могильника занимают украшения. Среди них — многочисленные бусы. В женских погребениях бусы обычно находились возле шейных позвонков и на груди. По характеру размещения здесь бус можно было судить, что первоначально они были нанизаны на шнур или нитку и служили ожерельем. Кроме того, бусы весьма часто встречались с правой стороны костяка на линии таза или возле колена. Здесь они лежали всегда кучкой, в беспорядке. В одном случае бусы оказались под правым коленом. Эти бусы, повидимому, добавочно бросались в дар умершей. Неоднократно одна или две бусины находились и при мужском костяке. Здесь они лежали возле правой плечевой кости или на линии таза с правой стороны костяка. Назначение этих бусин для нас неясно.

Материалом для бус служило главным образом стекло разного качества и различной окраски. В общем количестве найденных бус преобладают шаровидные пестрые бусы. Основная масса таких бус сделана из темносинего слабо просвечивающего стекла. В стекло включены раз-

---

[1] В. М. Сысоев. Древности по верхнему течению р. Кубани. МАК, IX, 1904.

[2] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951.

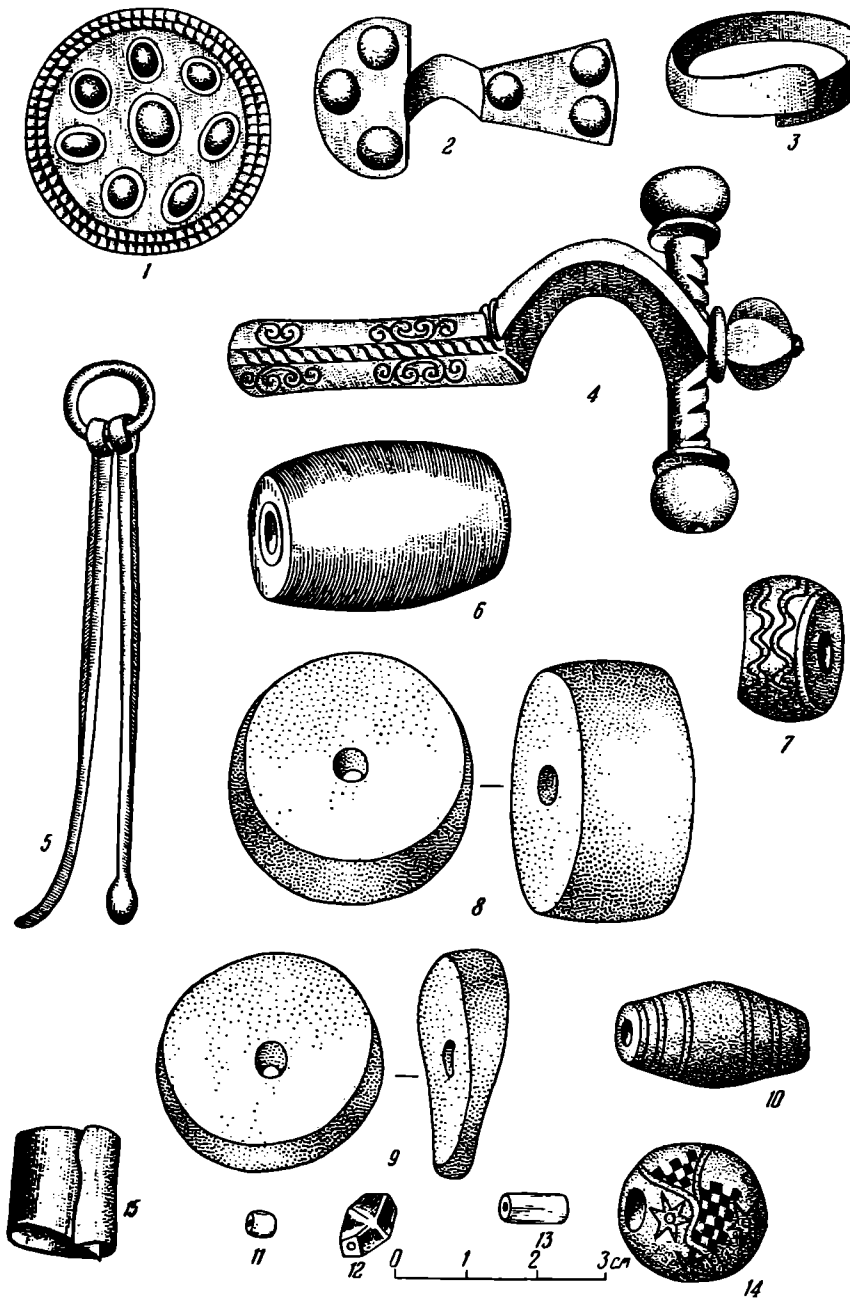


Рис. 7. Инвентарь могилы 24.

1 — бронзовая бляшка, покрытая золотым листом с сердоликами; *2*, *4* — бронзовые фибулы; *3* — бронзовый перстень; *5* — бронзовая копоушка и зубочистка; *6* — бусина из халцедона; *8*, *9* — янтарные бусы; *7*, *10*, *14* — пестрые бусы из пасты; *11*, *13* — бусы из стекла; *12* — граненая бусина из сердолика; *15* — бронзовая обойма от ножа.

ноцветные крапинки — красные, белые, зеленые, голубые, желтые. Крапинки разбросаны по поверхности бусины густо и в беспорядке. К этому типу примыкают бусы из черной стеклянной пасты с цветными зигзагами — красными, желтыми, белыми (рис. 7, *7*); к тому же типу относятся шаровидные бусы с шашечным узором и звездочками (рис. 7, *14*) и с белыми разводами и глазками (рис. 10, *2*). Все эти бусы изготовлены однородными техническими приемами. Сохранились они хуже других. Нередко они оказывались при костяке раскрошившимися. Кроме того, встречались стеклянные пастовые бусы различных форм: крупные ребристые из бесцветного стекла, граненые из синего стекла, шаровидные из синего и зеленого стекла, цилиндрические, мелкие нарезные из синего стекла, бочоночные из зеленого стекла (рис. 7, *10*) и пр. В нескольких экземплярах найдены мелкие бусы из позолоченного стекла.

Кроме стеклянных, в небольшом количестве встречались бусы из халцедона. Они всегда крупного размера, бочоночной (рис. 7, *6*) или шаровидной формы. Немногочисленны также янтарные бусы, которые тоже крупного размера и иногда неправильной формы (рис. 7, *8*, *9*). Имеются сердоликовые бусы граненые (рис. 7, *12*) и цилиндрические. В погребении 1 найдена плоская прямоугольная бусина из гешира. Неоднократно встречался мелкий разноцветный бисер.

Бусы, представленные в могильнике Байтал-Чапкан, широко распространены в памятниках Северного Кавказа. Огромное количество их из собраний старых исследователей Северного Кавказа хранится в ГИМ. Здесь мы встречаем все указанные выше виды и типы, но они не связаны с комплексами, что затрудняет их изучение.

Характерным для могильника видом женского украшения являются нагрудные инкрустированные бляшки. В погребальном инвентаре могильника они встречены в нескольких разновидностях. К первому типу относятся бляшки с плоскостной перегородчатой инкрустацией; они оказались в могилах 1, 14 и 23. В могиле 1 найдены 2 круглые бляшки. Одна из них (рис. 8, *1*) имеет в основе тонкий бронзовый листок, на котором образованы ячейки поставленными на ребро узкими тонкими бронзовыми пластинками. Ячейки заполнены алебастром, сверху окрашеным темно-лиловой краской и затем покрыты пластинками желтоватого стекла. Ячейки с пластинками стекла создают геометрический узор: в центре — кружок, разделенный 3 диаметрами на треугольники; по краю бляхи — широкая кайма из треугольников и трапеций. Окантована бляха ободком из рубчатой полукруглой проволоки. На оборотной стороне ее сохранилось плоское ушко для прикрепления к одежде. Вторая бляшка из могилы 1 — той же техники изготовления, что и предыдущая (рис. 8, *2*). Узор также геометрический: в центре — кружок, по краю —ячейки из полукружков. На оборотной стороне — плоское ушко. Ни одного стёклышка в ячейках не сохранилось.

Из могилы 14 происходит бляшка, изображенная на рис. 8, *3*. В центре ее — круглое крупное гнездо, заполненное плоским зеленоватым стеклом, подостланным золотой фольгой. С двух противоположных сторон бляшка имеет по три маленьких гнезда с бесцветными плоскими стеклами в них, тоже на золотой фольге. Все эти круглые гнезда снизу подстилает один сплошной бронзовый листок. На оборотной стороне к бляшке прикреплена игла. На ней держится кусочек тонкой кожи со следами прошивки. К этой же стороне бляшки прикреплены кусочки парчевой ткани. Бляшка, очевидно, застегивала ворот парчевой одежды, обшитый тонкой кожей, так как лежала она на шейных позвонках женского костяка под подбородком. Точно такая же бляшка найдена в могиле 23, но здесь она

лежала у поясничных позвонков с правой стороны костяка вместе с серьгами и бусами.

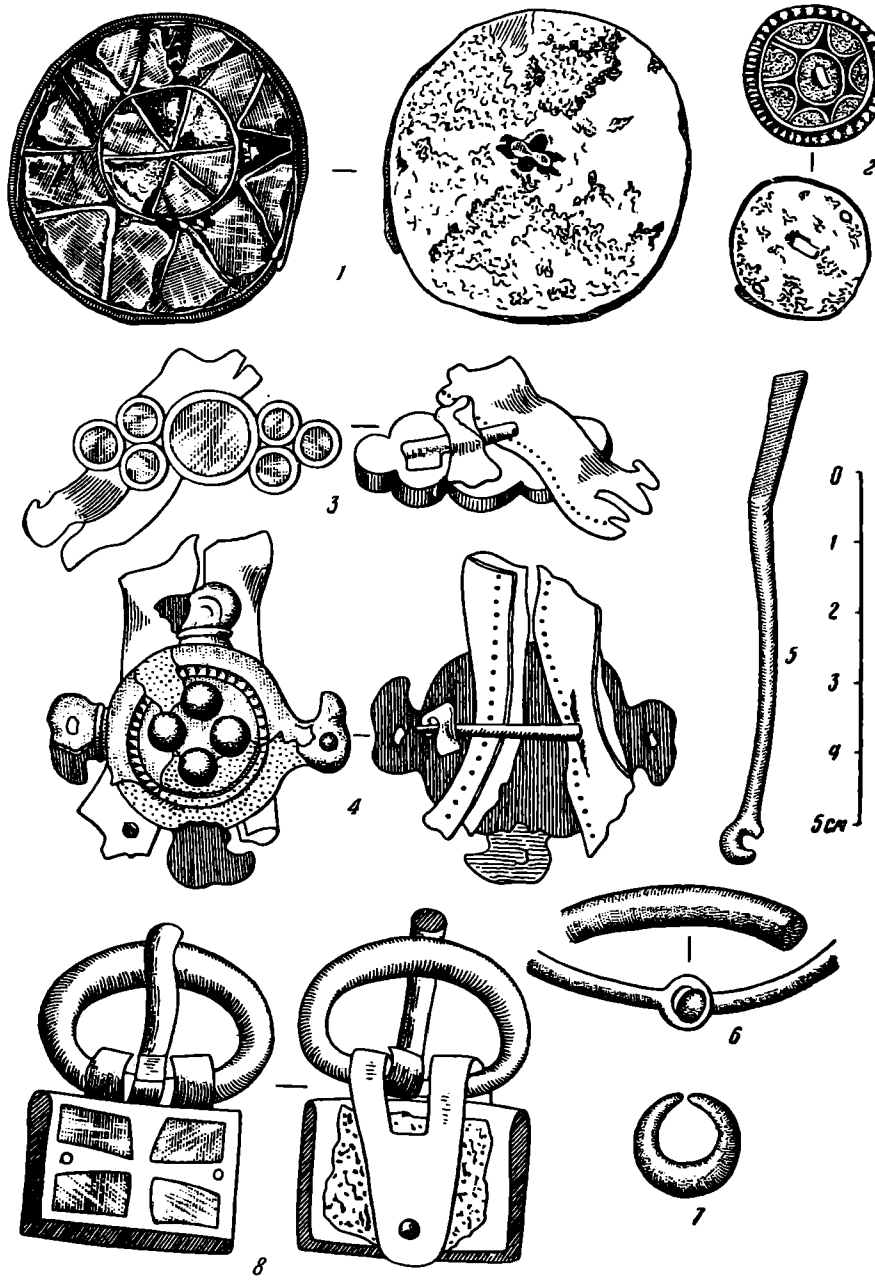


Рис. 8.

1, 2 — бляшки, инкрустированные стеклом, из могилы 1; *3* — инкрустированная бляшка из могилы 14; *4* — бронзовая бляшка с остатками кожаного ворота одежды из могилы 9; *5* — часть бронзовой гривны (?); *6* — бронзовая гривна из могилы 23; *7*—бронзовая серьга из могилы 23; *8* — пряжка, инкрустированная стеклом. из могилы 20.

Второй тип представлен бляшками, украшенными выпуклыми стеклами или камнями в отдельно посаженных гнездах. Такая бляшка обнаружена в могиле 24 (рис. 7, *1*). Основу ее составляет бронзовая пластинка, обтянутая тонким золотым листом. На поверхности в золотых гнездах

размещены сердолики полусферической формы: в центре—крупный, вокруг него—более мелкие. Гнезда не вполне правильной круглой формы и не совсем правильно размещены. Окантована бляшка двумя рубчатыми ободками из полукруглой бронзовой проволоки, также обтянутой золотым листком. Бляшка лежала на груди погребенной.

К третьему типу относятся бляшки с птичьими (соколиными?) головками. Подобная бляшка найдена в могиле 9 (рис. 8, *4*). Изготовлена она из двух бронзовых листков. На круглый листок, служащий основанием предмета, надет верхний, слегка выпуклый, штампованный листок. Пространство между ними заполнено алебастром. В верхнем листке, посередине его, сделаны 4 круглые прорези; в них вставлены бесцветные полусферические стекла; по краю бляшки выступают 4 птичьих головки, глаза их переданы бронзовыми шпеньками. Бляшка лежала на шейных позвонках женского костяка; она, как видно, скрепляла обшитый тонкой кожей ворот одежды. Обшивка частично сохранилась. На ней хорошо видны следы шва, скреплявшего обшивку с основным материалом одежды.

Ближайшими пунктами, где встречены инкрустированные бляшки, являются могильники городища Гиляч в верховьях Кубани[1].

Того же характера вещи хранятся в музее г. Нальчика «из хищнической раскопки погребений в окрестностях села Гиджгит летом 1930 г.». Инкрустированные украшения были найдены и в могильнике Верхней Рутхи[2]. В 1897 г. Археологической комиссией была приобретена у Д. А. Вырубова коллекция предметов, найденных на земле «Чегемского общества» б. Нальчикского округа. В состав ее также входили вещи с инкрустацией. Близ аулов Зилги и Чегема В. Ф. Миллер в 1886 г. обнаружил «золотую подвеску в виде креста, украшенную пятью гранатами», «пуговицу из черного камня, украшенную с поверхности эмалью в золотой перегородке»[3]. Тем же исследователем в Озоруковских могильниках найдены круглые бляшки с птичьими головками по краю и выпуклым прозрачным стеклом в центре[4]. В 1887 г. близ с. Кудинетова б. Терской области в кургане были обнаружены инкрустированные вещи[5]. Золотые вещи с инкрустацией находил А. А. Бобринский в кургане близ с. Ермоловского на р. Сунже в катакомбном погребении[6]. Здесь кстати отметим, что погребальные сооружения 4 курганов, раскопанных А. А. Бобринским у с. Ермоловского, весьма близки по своей конструкции погребальным сооружениям могильника Байтал-Чапкан. Бляшки, инкрустированные стеклом, были и в могильнике 1 станицы Пашковской близ Краснодара[7]. Бляшки Пашковского могильника по технике и общему виду настолько подобны описываемым нами, что кажется, будто те и другие выработаны рукой одного мастера. Несомненно, что они вышли из одного производственного центра.

Приведенные примеры свидетельствуют о широком распространении предметов этого вида в археологических памятниках Северного Кавказа. Все упомянутые изделия характерны и своеобразны не только по своему виду, но и по тем техническим приемам, с помощью которых они изготовлялись, что весьма облегчает их датировку.

[1] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, рис. 5 и др.

[2] МАК, VIII, 1900, стр. 245 и сл.

[3] МАК, I, 1888, табл. XXVI, *102*, *120*.

[4] МАК, I, 1888, табл. XXIV, *21*, *24*.

[5] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III. СПб., 1890, рис. 149—172.

[6] ОАК за 1888 г.

[7] М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, I, 1936, стр. 159—169.

В значительном количестве в инвентаре могильника встретились пряжки, которые, являясь украшением, служили в то же время и конструктивной частью одежды. Найдены они на тазу, возле поясничных позвонков, так что, без сомнения, предназначались для застегивания пояса. В двух случаях пряжки лежали возле ножен кинжала; они, очевидно, использовались для прикрепления ножен к поясу. Иногда пряжки меньших размеров находились у ступней ног; в этих случаях они употреблялись как застежки ремней обуви. Можно предполагать, что обувь была мягкая, без твердой подошвы, закреплявшаяся ремнями на голени около ступни.

По материалу пряжки различны: бронзовые, серебряные, серебряные с позолотой, железные. По форме они все однотипны. Основными чертами типа являются кольцо, утолщенное в середине, хоботообразная игла и надетая двумя петлями на кольцо обойма (рис. 8, *8*). Но, будучи однотипными, пряжки не повторяют друг друга точно. Так, например, у серебряной с позолотой пряжки из могилы 17 граненое кольцо, такая же граненая хоботообразная игла и прямоугольная гладкая обойма, скрепленная гвоздиком с круглой головкой. В обойме сохранились кусочки сыромятного ремня. Две маленькие бронзовые пряжки от обуви из этой же могилы имеют слегка вогнутое кольцо и обойму сердечком. Бронзовая позолоченная пряжка из могилы 20 отличается от других обоймой, инкрустированной лилово-красным стеклом (рис. 8, *8*). Круглая обойма серебряной пряжки из могилы 29 украшена крупным выпуклым сердоликом (рис. 10, *1*). У железных пряжек обоймы нет; кольцо их овальное или прямоугольное (рис. 10, *3*). Частой находкой в инвентаре могильника были фибулы. Их местоположение на костяках различно, что затрудняет наши представления о способе ношения этого предмета. Фибулы лежали между правым локтевым сочленением и позвонками, на тазу, на левой плечевой кости и с правой стороны костяка, на линии таза вместе с бусами; здесь они были брошены добавочно в дар умершей.

Фибулы могильника представлены несколькими типами. К первому типу можно отнести фибулы с подвязанной ножкой. Такая фибула встретилась в могиле 13. Дужка и игла ее бронзовые, головка железная. Быть может, этого же типа была железная фибула, дужка которой найдена в могиле 19. Ко второму типу относятся фибулы с плоской широкой дужкой. Таких оказалось три; одна из них бронзовая, две другие — железные. К третьему типу следует отнести фибулы с полукруглым щитком и плоской ножкой. Подобная фибула встречена в могиле 24. Изготовлена она из довольно тонкого бронзового листа. На щитке и на ножке штампом вытиснено по 3 шишечки. Дужка, как обычно бывает у фибул этого типа, плоская, круто изогнутая (рис. 7, *2*). К четвертому типу относятся так называемые Т-образные фибулы; их найдено две (в могилах 20 и 24), различаются они между собой лишь размером. В могиле 24 оказалась фибула большего размера (рис. 7, *4*); у нее длинная плоская ножка с чеканным растительным орнаментом и круто изогнутая на два ската дужка. Поперечный стержень с нарезками заканчивается шариками.

Первые два типа фибул представлены в инвентаре могильников городища Гиляч. Здесь также неоднократно встречались бронзовые и железные фибулы с подвязанной ножкой и бронзовые фибулы с плоской дужкой. Попадались подобные фибулы и в других, более отдаленных местах Северного Кавказа. Например, их находили В. И. Долбежев в 1897 г. в б. Терской области, близ сел Корца [1] и Балта [2], Д. Я. Самоквасов —

[1] ГИМ, инв. № 28554.
[2] ГИМ, инв. №№ 39541, 39544.

в Пятигорском округе, у колонии Константиновки; обнаружены они в могильниках Камунты, Кумбулты, Чми и других местах. Фибулы третьего и четвертого типов, встречаясь в памятниках Северного Кавказа, особенно широко распространены в могильниках Крыма и, в частности, в нижнем слое могильника Суук-Су[1]. Здесь фибулы имеют и бóльшие размеры, и более сложное оформление.

В могиле 23 в погребении девочки-подростка под обломками черепа и шейными позвонками находилась гривна 12 см в диаметре из бронзового круглого в сечении прута, утолщенного посредине. Застегивалась гривна при помощи плоской петельки на одном конце и пуговички на другом (рис. 8, *6*). Второй случай находки гривны до некоторой степени сомнителен. В могиле 20 на левой ключице костяка найден кусок бронзовой пластинки с круглой петелькой на конце; суженный конец пластинки украшен насечками в елочку (рис. 8, *5*). Возможно, что это остаток второй гривны в могильнике.

В памятниках верховьев Кубани, близких по инвентарю изучаемому могильнику (городище Гиляч, гробницы на горе Кльян-Кала, могильник близ с. Коста-Хетагурова и др.), гривны не встречались. Повидимому, это украшение было чуждо населению горных ущелий соответствующего периода. В памятниках низовьев Кубани и Восточного Причерноморья гривны встречаются; известны они, например, в Пашковском могильнике, причем гривны из этого могильника застегивались с помощью крючка и плоской петельки[2].

Возможно, что в распространении украшений этого вида сыграли роль сношения населения кавказских предгорий с населением лесостепной полосы Восточной Европы, для которого гривны весьма характерны.

Серьги довольно часто встречались при женских костяках могильника. Обычное их местонахождение — возле черепа или шейных позвонков под черепом, но бывали случаи, когда серьги лежали вместе с бусами у кисти правой руки. Серьги могильника однотипны и имеют вид калачика (рис. 8, *7*). Подобные серьги характерны не только для памятников Северного Кавказа соответствующего времени, но и для упоминавшихся уже нами памятников Восточного Причерноморья и Крыма: могильников Пашковского, Борисовского, Агойского, Суук-Су, Бал-Гота и др. Серьги в виде калачика — неизменные спутники вещей с инкрустацией. Эта же форма серег встречается в инвентаре керченских склепов 1904 г.

При женском костяке могилы 21 найден бронзовый браслет с плоской внутренней и выпуклой наружной сторонами (рис. 9, *1*). На слегка расширенных концах браслета нанесены мелкие насечки в два ряда. Это единственный браслет в инвентаре могильника.

Перстень, подобно браслету, также найден в одном только экземпляре, в могиле 24 при женском погребении (рис. 7, *3*). Он представляет собой бронзовое позолоченное кольцо с плоской внутренней и слегка выпуклой наружной сторонами. Один его конец срезан, другой закруглен.

Зеркала оказались в 3 женских могилах. Все 3 зеркала отлиты из светлого металлического сплава и представляют собой диски от 6 до 8 см в диаметре, с маленьким ушком в центре оборотной стороны. Сторона эта украшена геометрическим орнаментом из выпуклых линий (рис. 9, *2*). В 2 случаях зеркала найдены с остатками кожаных футляров. В могиле 13 футляр сохранился довольно хорошо; он представляет собой невысокую

[1] ИАК, вып. 19, 1906.
[2] М. В. Покровский. Указ. соч., стр. 159 и сл.

кожаную коробочку с пунктирным орнаментом на крышке[1]. От второго футляра из могилы 24 сохранились только кусочки кожи со следами прошивки и обрывки ремешков, перевитых бронзовой проволокой, на которых футляр подвешивался.

В могиле 10 с мужским погребением найден наконечник ремня, сделанный из бронзовой пластинки, согнутой вдвое. Внутри наконечника сохранились кусочки кожи.

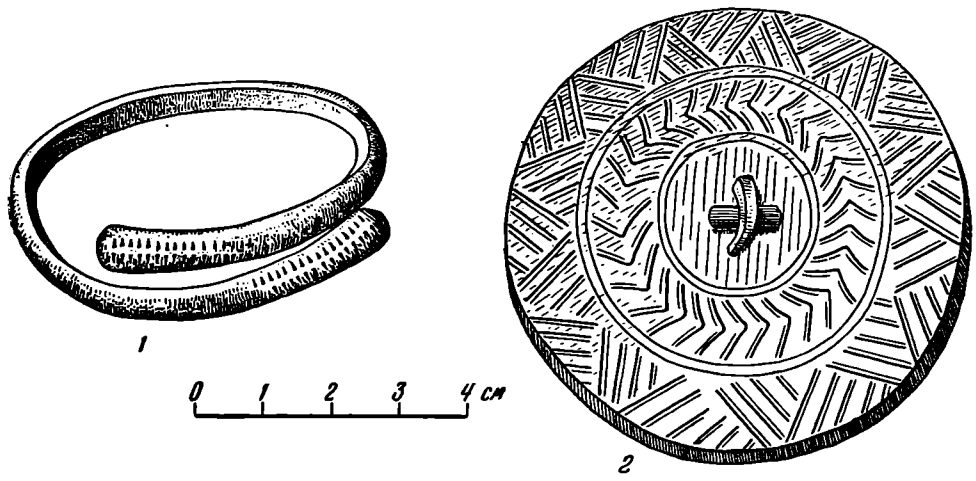


Рис. 9.

1 —бронзовый браслет из могилы 21; *2* — бронзовое зеркало из могилы 18.

К орудиям труда в инвентаре могильника можно отнести ножи и шилья. Ножи встречались и в мужских, и в женских погребениях, почти в каждой могиле. Все они железные и обычно сильно разрушены, поэтому не всегда можно было выяснить их точные размеры. По экземпляру из могилы 22 можно судить, что ножи имели толстую спинку, сильно заостренный конец и плоский стержень для насадки рукояти. Рукоять была деревянная.

Шилья встречены только в мужских погребениях, по одному в могилах 10 и 29. Они представляли собой железный круглый стержень с деревянной рукоятью (рис. 10, *4*). Ни размеров и формы рукояти, ни длины стержня выяснить не удалось.

К предметам вооружения условно можно отнести 2 железных кинжала, обнаруженных при мужских костяках в могилах 10 и 17. Однолезвийный кинжал (в деревянных ножнах) из могилы 10 был длиной 30 см, шириной 4 см. Кинжал из могилы 17, также однолезвийный, длиной 37,5 см, шириной 2,5 см, лежал в деревянных ножнах, обтянутых бронзовым листом с пунктирным чешуйчатым орнаментом. Закругленный конец ножен окантован бронзовой пластинкой с зубчатым краем.

При одном мужском погребении (могила 29; рис. 11) обнаружены железные удила, сильно окисленные, и возле них — крупная железная пряжка от узды. В ограбленной могиле 33 оказались удила с псалиями в виде прямого стержня с утолщенными концами. Других предметов конского убора в могильнике не найдено.

Для полноты характеристики могильника необходимо указать на меловые статуэтки, найденные в могиле, разрытой строителями дороги. Одна из них представляет собой круглый в поперечном разрезе стержень

[1] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан, рис. 17.

длиной 10 см, суживающийся к одному концу (рис. 12, *1*). На противоположном конце округлым выступом подчеркнуты плечи, а выступающая над ними короткая часть, видимо, передает шею. На конце мел подрезан небольшим уступчиком. Эта, хотя и очень слабая, моделировка имеется только с одной стороны статуэтки, оборотная же ее сторона гладкая. Второй экземпляр еще более примитивен (рис. 12, *2*). Это просто конус с расширенной и несколько уплощенной верхней частью. Он был доставлен в Черкесский музей в виде 3 обломков, несомненно, принадлежащих одному предмету[1].

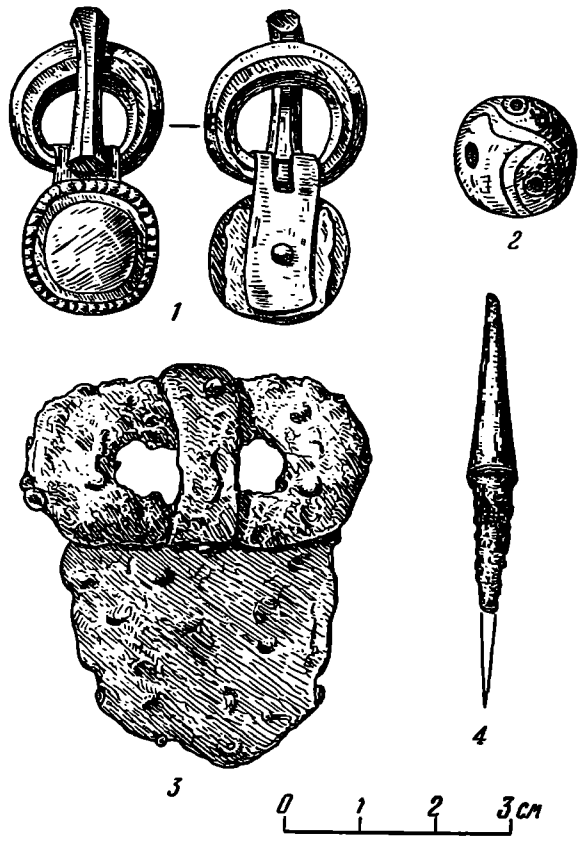


Рис. 10. Инвентарь могилы 29.

1 — серебряная пряжка с сердоликом на обойме; *2* — стеклянная черная бусина с пестрыми глазками и разводами; *3* — железная пряжка от узды; *4*—железное шило.

Ближайшей аналогией к статуэтке могильника Байтал-Чапкан является статуэтка «из мелового камня», найденная В. А. Городцовым в 1903 г. в кургане близ дер. Переездной б. Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (ныне — Артемовский район Сталинской области)[2]. Статуэтка обнаружена в кургане с типичным инвентарем сарматских погребений первых веков нашей эры. В. А. Городцов датирует погребение II—III вв. н. э. Размеры, материал и общие очертания бахмутской статуэтки и описываемой нами весьма близки, с той только разницей, что первая тоньше моделирована. Аналогиями второму экземпляру являются крупные куски мела в инвентаре сарматских погребений Нижнего Поволжья. При раскопках 1924 г. по среднему течению р. Торгуна[3] в кургане № 8, при женском костяке с деформированным черепом, оказался кусок мела конусообразной формы, весьма близкий по очертаниям куску мела из могильника Байтал-Чапкан. Крупный кусок мела менее правильной конической формы найден в сарматском погребении кургана № 2 близ с. Абганерово на р. Аксае[4]. В Сусловском курганном могильнике крупные

---

[1] Зарисовки и описания статуэток сделаны нами в мае 1941 г. Во время Великой Отечественной войны статуэтки утеряны в Черкесском музее.

[2] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. Труды XIII АС, т. I, 1905, стр. 98; его же. Бахмутская «миниатюрная каменная баба». ИАК, вып. 37, 1910, стр. 89—97.

[3] Т. Минаева и П. Рау. Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 г. Труды Нижневолжского областного научного об-ва краеведения, вып. 35, ч. 1, Саратов, 1926, стр. 14.

[4] Раскопки Т. М. Минаевой в 1930 г. Материал не издан.

куски мела были в курганах №№ 35, 39, 47 и 54[1]. Число этих примеров можно было бы увеличить.

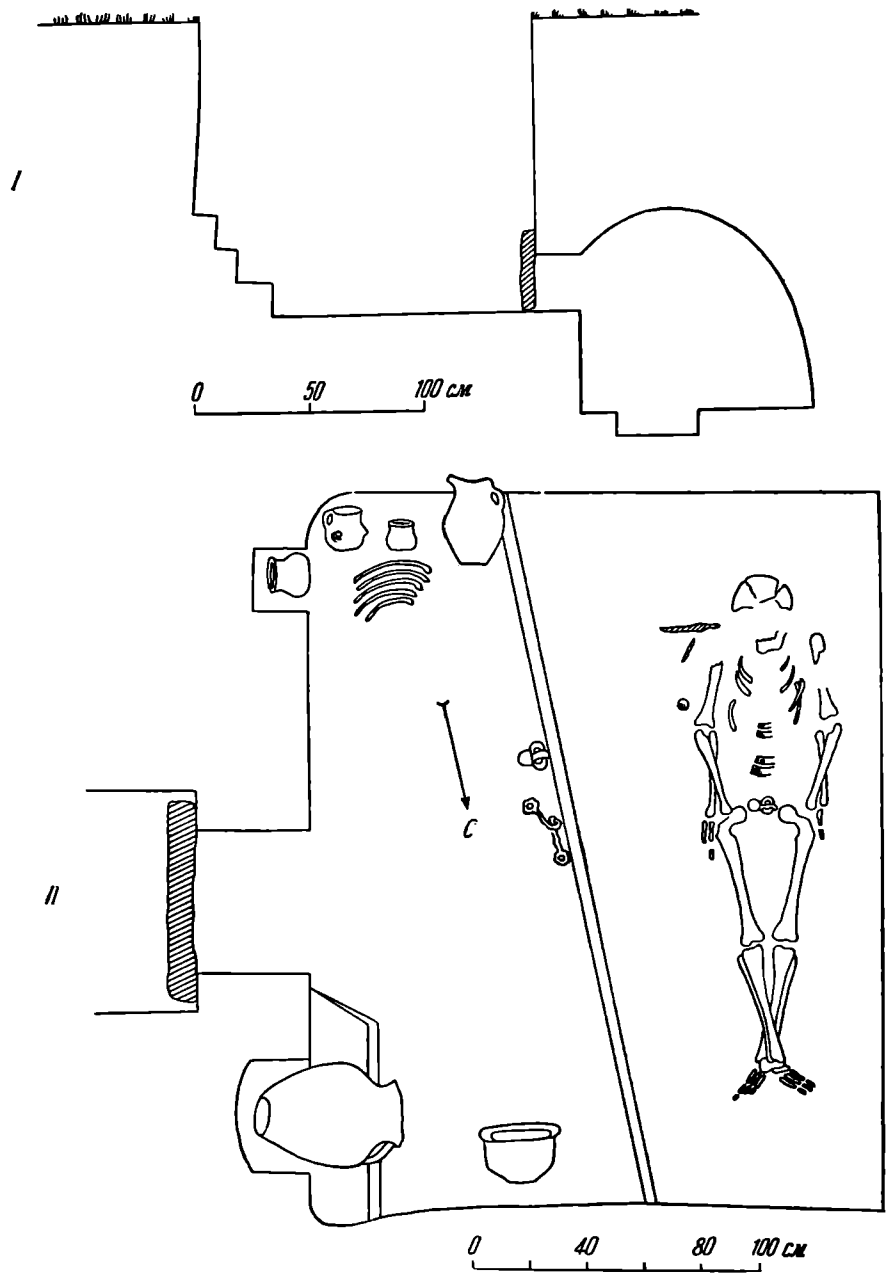


Рис. 11. Разрез (*I*) и план (*II*) могилы 29.

Общие стилистические черты со статуэткой из могильника Байтал-Чапкан наблюдаются и на каменном истукане с городища Гиляч[2]. Этот истукан тоже имеет выступающую над несколько расширенными плечами толстую шею, гладкую спину и также слегка сужен книзу.

[1] П. С. Рыков. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, стр. 39, 41, 44, 47.

[2] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, стр. 276, рис. 4.

Характерной особенностью могильника является искусственная деформация черепов погребенных. Типичная деформация представлена черепом из могилы 12 (рис.13). Характер деформации всех черепов одинаков. Подобная деформация, по классификации Е. В. Жирова, относится к типу кольцевой, или циркулярной, деформации [1]. Деформировались как мужские, так и женские черепа.

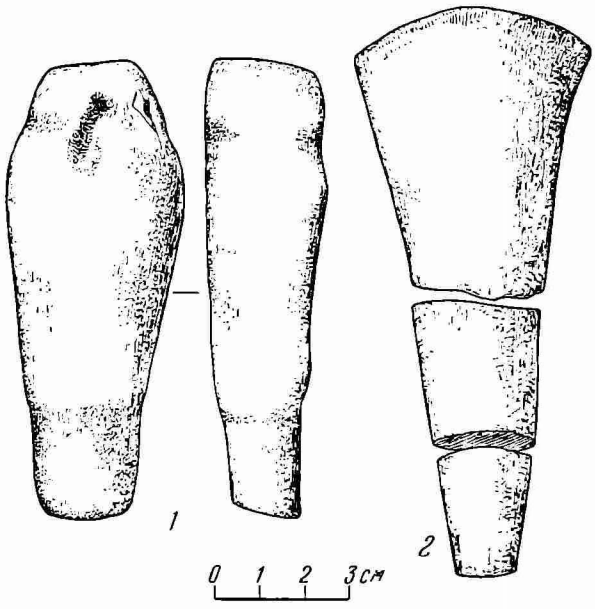


Рис. 12. Статуэтки из мела из могилы, раскопанной строителями дороги.

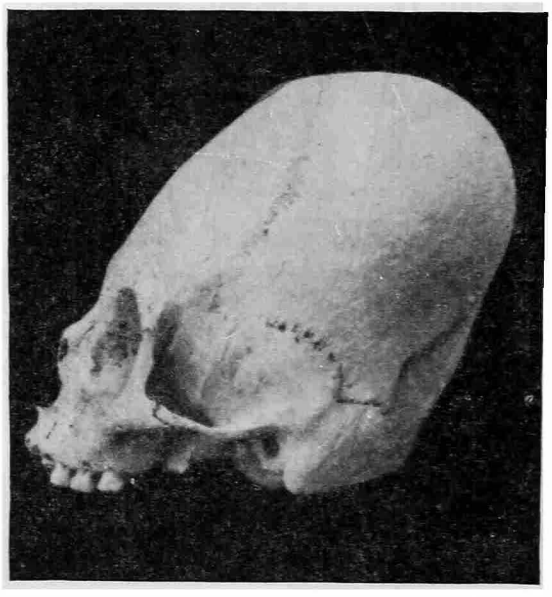


Рис. 13. Череп из могилы 12.

Точно такая же деформация наблюдается и на черепах из Гилячского городища. Находились такие же черепа в случайно раскопанных гробницах по ущелью р. Мары, правого притока Кубани, по левому берегу Кубани, на расстоянии 1—2 км к югу от поселка Георгиевского (в настоящее время — Коста-Хетагурова) и в некоторых других местах. Эти факты свидетельствуют о том, что деформация черепа в верховьях Кубани была широко распространенным, почти обязательным обычаем. Распространение черепов с подобного рода деформацией не ограничивается верховьями Кубани; они известны по всей центральной части Северного Кавказа.

За пределами Северного Кавказа деформация черепов как массовое явление известна в Нижнем Поволжье — в области, где мы находим и другие параллели описываемому нами памятнику. Деформированные черепа Нижнего Поволжья этой эпохи составляют 70% всех найденных; следовательно, и здесь этот обычай можно считать твердо укоренившимся, хотя и не столь широко применявшимся, как на Северном Кавказе. Приемы деформации те же, что и на северокавказских черепах, но степень деформации значительно меньше.

[1] Е. В. Жиров. Об искусственной деформации головы. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 81—88.

Погребения могильника Байтал-Чапкан одновременны. Ни в конструкции погребальных сооружений, ни в погребальном ритуале, ни в типах и составе инвентаря не наблюдается существенных различий, которые могли бы служить критерием для хронологического расслоения могильника. Формы камер, ритуал и инвентарь всех исследованных могил носят один и тот же характер. Если и имеются некоторые вариации в деталях, то они объясняются не разновременностью погребений.

Определение времени могильника не представляет больших затруднений. Среди вещей его инвентаря имеются такие, которые встречались в достаточно изученных комплексах, определенных монетными находками. Сюда относятся прежде всего вещи с инкрустацией. Для датировки вещей с инкрустацией наиболее показательный материал дают склепы и катакомбы Керчи, вещи из которых, имея общий стиль с северокавказскими находками, превосходят их качеством материала. Это главным образом изделия из литого золота, причем вставками в них служат гранаты, янтарь или другие ценные материалы.

Хронологические рамки для комплекса вещей из керченских склепов 1904 г. дают следующие предметы: чаша Констанция II, относящаяся ко времени около 343 г.; золотая монета последней трети царствования Констанция II (337—361 гг.); золотая монета приблизительно тех же годов — Констанция Галла (351—354 гг.); индикация монеты Савромата II (174—210 гг.); индикация монеты Валентиниана I (364—375 гг.); две индикации монет Валентиниана II (375—392 гг.). Таким образом, эти данные указывают на конец IV в. и начало V в. н. э. как на дату керченских склепов 1904 г.[1]

Изделия с инкрустацией из инвентаря могильника Байтал-Чапкан едва ли могут рассматриваться как совершенно одновременные вещам из керченских склепов 1904 г. В могильнике Байтал-Чапкан, как мы видели, вещи с инкрустацией сопровождаются вещами более поздними, например Т-образными фибулами, фибулами с плоским щитком и пр. Вместе с тем инвентарь изучаемого могильника имеет много общих черт с Пашковским могильником, с первой частью Борисовского могильника, с могильником Агойского аула близ Туапсе, с некоторыми из крымских могильников. Борисовский могильник (первую его часть), на основании близости его к крымским могильникам, В. В. Саханев датирует V—VII вв. н. э.[2], считая VI в. наиболее точной его датой. Могильник Суук-Су, как известно, датируется монетными находками V—VII вв.[3]

Принимая во внимание общность некоторых вещей описываемого нами могильника с инвентарем могильника Суук-Су, мы должны датировать могильник Байтал-Чапкан временем не ранее V в. н. э. Снижать эту дату нет оснований ввиду того, что некоторые элементы погребального комплекса могильника сохраняют еще более древний облик, связаны с предшествующей эпохой. Например, пряжки из могильника Байтал-Чапкан однотипны с пряжками более ранними (утолщенное кольцо, хоботообразная игла, надетая на кольцо прямоугольная обойма), тогда как пряжки из могильников Борисовского и Суук-Су — уже другого, более позднего типа (с пластинчатым, изогнутым посередине кольцом, неотделенной от кольца обоймой).

То же можно заметить и относительно фибул. Часть их сохраняет форму,

---

[1] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Изд. Государственного Эрмитажа, Л., 1926, стр. 20.

[2] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. ИАК, вып. 56, 1916, стр. 159.

[3] ИАК, вып. 19, 1906.

свойственную фибулам первых веков нашей эры (фибула с подвязанной ножкой). Фибулы с плоским щитком носят здесь не совсем развитый характер; они не получили еще той вычурной формы, какая свойственна им в могильнике Суук-Су.

На основании высказанных соображений мы считаем, что могильник Байтал-Чапкан в хронологическом отношении может быть помещен между керченскими склепами 1904 г. и могильником Суук-Су. Датой его, как сказано выше, повидимому, является V в. н. э.

Могильник Байтал-Чапкан, как неоднократно отмечалось при обзоре его инвентаря, сближается с целым рядом памятников центральной части Северного Кавказа, Прикубанья, Восточного Причерноморья и Крыма. Заслуживает особого внимания то, что связи описываемого нами памятника с памятниками столь обширной территории неравноценны. Близость могильника Байтал-Чапкан с могильниками Причерноморья и Крыма основывается на схожести, а иногда и тождестве некоторых предметов украшений — инкрустированных бляшек, бус, фибул. Все эти вещи в указанных памятниках — не местного происхождения. Распространялись они в рассматриваемое время из определенных производственных центров по весьма широкой территории. Подобные предметы облегчают датировку памятника, но не решают вопроса о местной культуре и тем более об этнической принадлежности памятника; однако весьма важно отметить не только однородность, но иногда и тождество некоторых элементов погребального инвентаря рассматриваемого нами могильника с инвентарем могильников Восточного Причерноморья и Крыма. Таким образом, выясняется направление торговых сношений и связей населения верховьев Кубани с внешним миром.

Вещи местного происхождения, и прежде всего керамика, не только не сближают могильник Байтал-Чапкан с могильниками низовьев Кубани и Восточного Причерноморья, но резко разъединяют их. Этот факт, наряду с различиями погребального обряда и некоторыми другими чертами, свидетельствует о том, что создавались указанные памятники в явно различной этнической среде.

Другого характера связи наблюдаются с погребальными памятниками центральной части Северного Кавказа и в том числе верховьев Кубани. В погребальных комплексах этих памятников аналогичными оказываются не только привозные вещи, но и вещи местного происхождения. Наиболее показательна в этом отношении керамика. Технические приемы выработки посуды, состав и формы ее, орнаментация — совершенно одинаковы во всех указанных памятниках. Если, например, поставить в ряд керамику городища Гиляч и могильника Байтал-Чапкан, то различить ее будет трудно. Здесь мы имеем дело с памятниками не только близкими по некоторым отдельным элементам инвентаря, но родственными в целом. Эти данные говорят о том, что упомянутые памятники возникли в этнически родственной среде, объединенной общими, в основном, формами быта, общей культурой.

Этническая общность населения центральной части Северного Кавказа, в том числе и верховьев Кубани, засвидетельствована не только археологическими, но и историческими источниками. Население этой области у древних и средневековых писателей именовалось, как известно, аланами. Характер изучаемого нами могильника не оставляет сомнения в том, что он входит в круг памятников культуры аланов, как и другие упоминавшиеся выше памятники верховьев Кубани.

Несмотря на чрезвычайную близость могильника Байтал-Чапкан памятникам соответствующего времени верховьев Кубани, все же меж-

ду ними нет тождества. Некоторые элементы отличают рассматриваемый нами могильник от других могильников Верхней Кубани. Могильные сооружения, например, в них различные; обычай класть с погребенным баранье мясо также характеризует только могильник Байтал-Чапкан. Некоторые элементы инвентаря, типичные для могильников верховьев Кубани, отсутствуют в могильнике Байтал-Чапкан. В данной связи необходимо указать на находки бронзовых «ложечек» с дырочками, столь частых на городище Гиляч и в могильниках горных ущелий центральной части Северного Кавказа[1]. Ни одной такой «ложечки» в могильнике Байтал-Чапкан не оказалось. Предмет этот, повидимому, характеризует какую-то пока неясную для нас черту быта населения только горных ущелий, чуждую населению предгорий. Некоторые предметы украшений, например перстни, гривна, представленные в могильнике Байтал-Чапкан, хотя и единичными экземплярами, совершенно неизвестны в других могильниках верховьев Кубани. Бронзовые браслеты, обильные в женских погребениях городища Гиляч, не характерны для могильника Байтал-Чапкан. Находка металлической посуды известна пока только в могильнике Байтал-Чапкан. Приведенные примеры показывают, что при большой близости названные памятники имеют и свои специфические черты. Эти наблюдения дают основание предполагать, что горные ущелья и предгорья в эпоху раннего средневековья были заселены различными племенами, хотя и родственными и весьма близкими по своей культуре.

Могильник Байтал-Чапкан ярче, чем другие памятники верховьев Кубани, отражает скотоводческий характер хозяйства населения. Овцеводство, как видно, играло виднейшую роль; оно доставляло основную пищу населению. Поэтому, вероятно, кости (ребра) овцы являются почти непременной находкой в погребальной камере могильника. Овцеводство же доставляло и основной материал для одежды, а, возможно, частично и для оборудования жилища. Подстилки на нарах из кошмы столь же обязательны для погребальной камеры, как и ребра овцы.

На развитие коневодства указывают два случая захоронения головы и ног лошади и находка зуба лошади в могиле 14. О том же свидетельствуют и железные удила, обнаруженные в двух могилах.

О скотоводческом характере хозяйства можно судить и по многочисленным остаткам одежды и некоторым предметам инвентаря. Ворот женского платья, скреплявшийся инкрустированными бляшками, обшивался тонкой кожей (рис. 8, *3*, *4*). В обойме поясных пряжек, как правило, сохраняется обрывок ремня от пояса; такие же обрывки ремня остаются в обоймах пряжек от обуви. Кусок толстого сыромятного ремня находился в пряжке, с помощью которой подвешивались ножны кинжала к поясу (могила 17); кроме того, обнаружены кожаные футляры для зеркал (могилы 13 и 24).

Находка бронзового котла, приспособленного для варки пищи на открытом огне, косвенно также, быть может, свидетельствует о пастушеском, подвижном образе жизни населения.

Скотоводческому хозяйству способствовали и географические условия местности. Трудно допустить, что они были тогда существенно другими. Весьма вероятно, что и тогда, как в настоящее время, эта часть водораздела Кубани и Малого Зеленчука изобиловала богатыми пастбищными угодьями и источниками с хорошей питьевой водой.

---

[1] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, стр. 287, рис. 14, *6*.

На существование других отраслей хозяйства материал могильника указаний не дает. Для освещения этого вопроса важно было бы выяснить, какого рода пища ставилась погребенному в могилу. Если в больших кувшинах мы с достаточной долей вероятия можем предполагать напитки из молока или просто воду, то совершенно неясно, чем наполнялись другие сосуды. Самые маленькие из них, может быть, предназначались для принятия пищи и ставились в могилу пустыми. Неизвестно также, чем заполнялись ниши в передней стене камеры. Только в нескольких из них стояли сосуды, в большинстве же ниш ничего не оказалось; возможно, что в последние клали какую-либо хлебную пищу. Несколькими столетиями позже памятники аланов того же района дают совершенно определенные указания на развитие земледелия наряду со скотоводством. Допустимо поэтому, что и в рассматриваемое время это занятие в какой-то мере могло практиковаться.

Все могилы, кроме одной, содержали одиночные захоронения. Только в могиле 14 были погребены мужчина и женщина. Положение костяка и обстановка погребальной камеры во всех исследованных могилах однородны. Получается впечатление, что в могильнике погребены лица более или менее равного общественного положения. Погребений неравноценных членов общества — рабов — среди раскопанных могил не оказалось. В этом отношении недостаточно ясным остается погребение старой женщины в сильно скорченном положении в могиле 18. Но и это погребение выделялось из ряда других только скорченностью костяка. По инвентарю оно было совершенно аналогично прочим погребениям могильника.

Необходимо отметить некоторые различия в положении женских и мужских костяков. Мужские костяки лежали со скрещенными у ступней ногами (рис. 11), тогда как в положении женских костяков этого ни в одном случае не наблюдалось. Неравноправное положение женщины по отношению к мужчине ярко подчеркнуто в могиле 14. Мужской костяк лежал здесь, как обычно, на спине со скрещенными у ступней ногами, рядом с ним женский костяк — на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Характерно, что и пища (3 сосуда и ребра овцы) в этой могиле была размещена у задней стены камеры, вдоль мужского костяка; она явно предназначалась в первую очередь для мужчины. Эти факты с достаточной убедительностью говорят о подчиненном положении женщины по отношению к мужчине.

Резких имущественных различий в погребениях могильника не наблюдалось. Все они носили в общем рядовой характер, но при всем том полного равенства между ними не было.

В этом отношении следует отметить прежде всего могилу 29 (рис. 11). Могила превосходила другие могилы своими размерами и некоторыми деталями устройства. Могильный вход, например, имел длину 3 м, высота погребальной камеры достигала 2 м; вдоль передней стены камеры, справа от входа, была вырублена лежанка, которой не было в других могилах; своды и стены камеры были обработаны более тщательно по сравнению с камерами других могил. Камера содержала погребение мужчины, личные украшения которого числом не превосходили украшения в других мужских погребениях, но поясная пряжка оказалась наряднее, чем в прочих могилах; она была из серебра с крупным выпуклым сердоликом на обойме (рис. 10,*1*). Посуда этой камеры по формам ничем не отличалась от посуды других погребений, но она была многочисленнее, и крупный кувшин был больше других таких же кувшинов по своим размерам (рис. 4,*1*). Особенностью погребального инвентаря дан-

ной могилы были остатки узды (железные удила и крупная железная пряжка) и бронзовый (или медный) котел с железной дужкой (рис. 4,2). Весьма возможно, что здесь был погребен человек, несколько выделявшийся своим положением из общей среды.

Наличие узды, разумеется, символизирует коня. Конь в данном случае, при полном отсутствии предметов вооружения в инвентаре могилы, не может свидетельствовать о погребении воина-конника. В инвентаре могильника в целом предметы вооружения, как мы видели, отсутствуют, если не принимать во внимание двух кинжалов из могил 10 и 17. Отсутствуют предметы вооружения и в могильниках городища Гиляч.

Рис. 14. Захоронение головы и ног лошади.

Здесь уместно отметить, что, кроме могил, на раскопанной нами в 1953 г. площади могильника оказалось погребение головы и нижних частей ног лошади. Погребение было произведено в узкой неглубокой яме, ориентированной с севера на юг. Длина ямы — 1,1 м, ширина в северном конце—0,3 м, в южном—0,4 м, глубина ямы от современной поверхности — 0,5 м. Вдоль головы лошади, обращенной к югу, лежали кости передних ног, в противоположном к конце ямы — кости задних ног. Ни передние, ни задние ноги не имели копыт. Располагалось это захоронение на самой высокой части холма и своим местоположением не было связано ни с одной из раскопанных могил (рис. 14). Второе точно такое же захоронение было обнаружено в 1949 г. в обрезе дороги. Поблизости от него могил не было (рис. 1).

Двукратное повторение захоронений указывает, что они не могли быть случайными. О том, что подобные захоронения не имели прямого отношения к погребениям могильника, говорит и третий случай, открытый нами в 1952 г. на городище Адиюх[1]. Здесь такое же захоронение головы и ног лошади располагалось в верхних горизонтах материка среди жилых строений. Никаких могил в этой части городища не было.

Понять смысл этих захоронений помогают этнографические параллели. У черневых татар (бассейн р. Бии, притока р. Оби) в начале текущего

[1] Городище Адиюх расположено на правом берегу р. Малый Зеленчук, приблизительно на той же географической широте, что и могильник Байтал-Чапкан. Оно является одним из крупнейших памятников культуры аланов эпохи раннего средневековья.

столетия бытовало жертвоприношение коня. Родовое жертвоприношение коня знали и качинцы — саянская группа тюркских племен. Жертвоприношение у черневых татар в основном состояло в следующем. В известных, важных в их жизни случаях (например отправление на охоту за белками) в стороне от поселка, в глухой тайге, убивали трехлетнего коня, на котором еще никто не ездил. Сдирали с коня шкуру, оставляя в ней только череп и нижние части ног, и затем шкуру, надетую на жердь, прислоняли к высокой березе. Тушу коня, не ломая костей, варили и поедали все собравшиеся родичи, а кости тщательно собирали и выставляли в плетенке из прутьев на высокой подставке, чтобы их не растащили собаки[1]. В этом ритуальном обычае нас интересует прежде всего тот факт, что шкура коня вывешивалась с головой и нижними частями ног. Это весьма близко к тому, что мы наблюдаем в описываемых нами захоронениях, и дает основание считать их также остатками жертвоприношения коня. Если указанные этнографические параллели правильно освещают значение захоронений могильника Байтал-Чапкан, то ясно, что конь издавна почитался у аланов Северного Кавказа.

Все приведенные доводы позволяют заключить, что общественная организация населения, оставившего могильник, находилась на стадии патриархально-родового строя. К такому выводу приводят нас и другие соображения. Количество погребений в могильнике, по всей вероятности, невелико; однородность инвентаря и погребальных сооружений говорит о сравнительно коротком периоде существования могильника. Все это весьма характерно для родовых кладбищ. При смене местожительства родового коллектива менялось и место могильника. Сильные родовые традиции сказываются, быть может, и в том, что изучаемый могильник не дает семейных могил. Все могилы, кроме одной, содержали одиночные погребения. Повидимому, роль индивидуальной семьи была еще слабой, она затушевывалась осознанием общеродовых связей. В этом отношении другую картину дают могильники городища Гиляч, где одиночные захоронения являлись исключением, преобладали же семейные склепы с костяками мужчины, женщины и детей.

Таким образом, показания могильника об общественном строе аланов согласуются до некоторой степени с показаниями исторических источников более раннего времени. Яркая характеристика общественной организации аланов дана, как известно, Аммианом Марцеллином (IV в. н. э.): «Все аланы считают себя благородными и не знают рабства в своей среде». Обычно считают, что описание Аммиана Марцеллина обусловлено древней литературной традицией, связанной со скифами, и могло быть не вполне точным[2]. Однако описание Аммиана Марцеллина совпадает с показаниями изучаемого могильника, если мы правильно их понимаем; следовательно, для какой-то части аланов оно может быть довольно точным.

Имущественная дифференциация общества не сказывалась резко, но уже намечалась. В материале могильника имеются указания и на те данные, которые, видимо, содействовали развитию этой дифференциации. По инвентарю могильника определенно можно судить о довольно широком обмене с соседними областями. Такие украшения, как инкрустированные бляшки, фибулы, бусы, появились в верховьях Кубани в результате этого обмена. Торговые сношения с соседними областями, по

[1] А. Н. Глухов. Тайэлга. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1927. Издание Государственного Русского музея.

[2] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, стр. 26.

всей вероятности, ускоряли и усиливали развитие имущественного неравенства среди населения.

Наряду с привозными вещами в инвентаре могильника имеются и вещи местного происхождения. Они свидетельствуют о довольно развитой технике обработки кожи, о местном металлургическом производстве, об обработке дерева, о гончарном ремесле. Выработка чернолощеной посуды требовала и значительных технических навыков, и довольно сложных в техническом отношении обжигательных горнов, а потому была недоступна любому из членов общества.

Таким образом, все указанные факты, устанавливаемые показанием раскопок и исследованием инвентаря могильника, приводят нас к следующим основным положениям.

1. Могильник Байтал-Чапкан принадлежит к числу памятников культуры аланов Северного Кавказа V в. н. э.

2. Наблюдаются теснейшие связи могильника с памятниками верховьев Кубани, но, несмотря на близкое родство с этими памятниками, он имеет и свои специфические черты, которые характеризуют отличия культуры населения предгорий от культуры населения горных ущелий.

3. Могильник Байтал-Чапкан ближайшим образом связан с обширной группой памятников соответствующего времени всей центральной части Северного Кавказа, причем общность их наблюдается не только в привозных вещах, но и в вещах местного происхождения. Этот факт свидетельствует об этнической близости населения, оставившего эти памятники.

4. Характер погребального комплекса могильника дает основание утверждать, что здесь мы имеем дело со скотоводами, общественная организация которых находилась на стадии патриархально-родового строя.

5. Некоторые элементы (меловые статуэтки, деформация черепа) сближают могильник Байтал-Чапкан с сарматскими памятниками Нижнего Поволжья первых веков нашей эры, указывая на общие корни культуры сарматских и аланских племен.

Значение могильника Байтал-Чапкан состоит в том, что он дает нам в строго определенных комплексах сочетание отдельных элементов материальной культуры аланов в эпоху раннего средневековья. Показания раскопок могильника помогают объединить в хронологически единую группу те многочисленные разрозненные находки, которые заполняют северокавказские музеи, и таким образом позволяют шире поставить изучение материальной культуры аланов.

Данные могильника намечают некоторые различия в культуре племен, населявших предкавказскую степь и горный Кавказ в эпоху раннего средневековья. Это наблюдение вызывает необходимость дальнейшего исследования одновременных памятников степной полосы Северного Кавказа для более глубокого изучения исторического развития северокавказских аланов.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ГЛИНЯНАЯ ТАРА ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЗАПАСОВ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

При изучении земледелия на землях Украины в I тысячелетии н. э. возникает вопрос о способах хранения сельскохозяйственных продуктов.

По классификации специалистов-технологов, существуют два способа хранения: при доступе воздуха и без доступа воздуха[1]. Конечно, первый способ хранения запасов практиковался с древнейших времен у разных народов, хотя проследить путем археологических исследований это почти невозможно. Обычно не удается обнаружить следы непрочной, пропускающей воздух тары, например ящиков, корзин и пр.

О существовании первого способа хранения, например, у славян в VII в., как нам кажется, можно заключить по следующему отрывку из «Стратегикона» Псевдо-Маврикия: «У них (у славян.— *Э. С.*) большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы»[2].

Второй способ хранения продуктов сельского хозяйства в ямах или закупоренных глиняных сосудах более доступен для изучения археологическим путем.

Большие запасы зерна жители поселений степной и лесостепной Украины первых веков нашей эры хранили в расширяющихся книзу ямах. Такие ямы найдены, например, на поселениях в Поднепровье (Кут, Осокоровка), в Побужье (Кринички) и других местах. Как сейчас установлено, зерно выдерживает ямное хранение от 7 до 15 лет при отсутствии влаги. Способ хранения зерна в ямах хорошо известен по этнографическим параллелям. Еще в XVIII в. в Причерноморье, в Молдавии и на Украине широко применялось хранение зерна в ямах[3]. Этот способ хранения общеизвестен, и мы не будем на нем останавливаться.

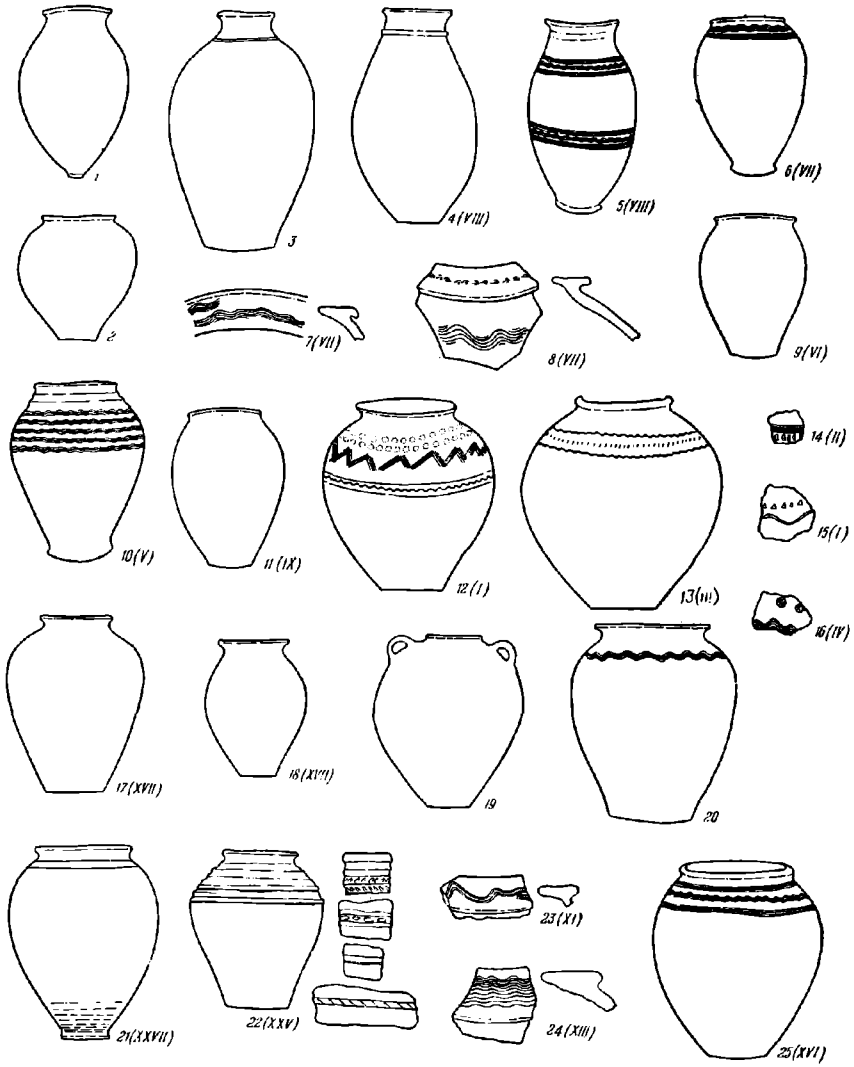
В I тысячелетии н. э. для хранения зерна и других запасов продовольствия широко использовали также глиняную тару. Этот способ хранения запасов для 1-й половины I тысячелетия н. э. почти не изучен. Рассмотрение и классификация глиняной тары подобного назначения и оп-

---

[1] В. Н. Ручкин. Хранение и основы технологии сельскохозяйственных продуктов. М., 1949, стр. 77.

[2] А. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках писателей VII в. ВДИ, 1941, № 1, стр. 253.

[3] П. Б. Некрасов. Влажность зерна как основной фактор долгосрочного хранения. Из истории технологии хранения зерна. Сб. «Опыт хранения зерна, крупы и муки». М., 1946, стр. 15.



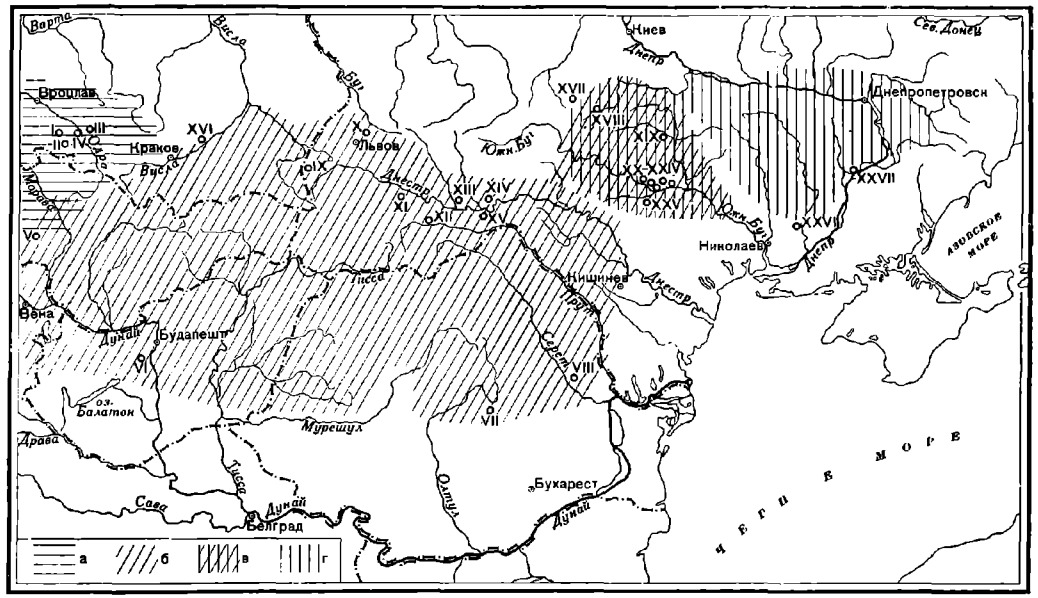


Рис. 1. Основные типы сосудов-хранилищ и примерные границы распространения некоторых их вариантов первых веков нашей эры (арабские цифры обозначают сосуды и фрагменты их, римские цифры указывают на карте места находок сосудов данного типа).

1 — пифос из Ольвии (ПГАИМК, 108, 1935, стр. 166, рис. 16); *2* — римский dolium (Daramberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités, стр. 332); *3* — Страдоницкое городище (J. L. Pic. Le Hradischt de Stradonitz. 1906, рис. 11); *4 (VIII)* — Пояна (Dacia, III—IV, 1927—1932, стр. 289, рис. 42); *5 (VIII)* — Пояна (там же, стр. 299, рис. 63); *6 (VII)* — Мартонфальва (Archeol. Értesitő, XLV, стр. 259, рис. 143); *7 (VII)* — Мартонфальва (там же, стр. 259, рис. 144); *8) VII)*— Мартонфальва (там же, стр. 258, рис. 142); *9 (VI)*— Пуштадобос (там же, стр. 261, рис. 145); *10 (V)* — Чвртеу Брно (Zt. d. Mährischen Landsmuseums, N. Folge, II, 1943, табл. II, *1*); *11 (IX)* — Добромил (Wiadomosci archeol., XVI, 1948, табл. XXX, *4*); *12 (I)*, район Глогува (б. Эльгут; Mannus, 6, Ergänzungband, стр. 85, рис. 6—*a*); *13 (III)* — Тарнув (там же, стр. 85, рис. 6—*c*); *14 (II)* — район Глогува (б. Эльгут 2; там же, стр. 76, рис. 2—*d*); *15 (I)* — район Глогува (б. Эльгут; там же, стр. 80, рис. 3—*a*); *16 (IV)*—район Ополья(б. Каниц; там же, стр. 80, рис. 3—*i*); *17, 18 (XVII)*— Ягнятин (Археол. пам'ятки УРСР, III, 1952, стр. 161, табл. I, *5*); *19* — Киев (КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 9, рис. 3); *20* — Цымлянское городище (МИА, № 6, 1941, стр. 204, табл. II, *3*); *21 (XXVII)*—Кут (раскопки Э. А. Сымоновича, 1951 г.); *22 (XXV)* — Кринички (раскопки С. С. Гамченко, 1909 г., Архив ЛОИИМК, 85-а/1909); *23 (XI)* — Незвиска (M. Smiszko. Osady kultury lipieckiej, 1934, стр. 25, фиг. IX, *1*); *24 (XIII)* — Голиграды (Археол. пам'ятки УРСР, III, 1952, стр. 405, табл. I, *12*); *25 (XVI)* — Даловицы (МИА, № 6, 1941, стр. 265, рис. 11, *4*; Wiadomosci archeol., XIV, 1936, табл. XXIV; *3*); *X* — Неслухов (Teka konserwatorska, R. II, 1900, стр. 95 и сл.); *XII* — Осовцы (Wiadomosci archeol., XVI, 1948, табл. XXX, *1, 5*); *XIV* — Луна-Врублевецкая (КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 72 и сл.; Археол. пам'ятки УРСР, I, 1949, стр. 117 и сл.; «Археологія», V, 1951, стр. 105, табл. I, *8, 12, 13*); *XV* — Вороновицы («Археологія», IV, 1950, стр. 129, табл. III, *4*); *XVIII* — Ольшаница (Археол. пам'ятки УРСР, III, 1952, стр. 61, табл. I, *3*); *XIX* — Глибочек (разведки Э. А. Сымоновича, 1949); *XX* —Крупское (напротив Саломыи; разведки Э. А. Сымоновича, 1949 г.); *XXI* — Березовка (разведки Э. А. Сымоновича, 1949 г.); *XXII*—Чимерполь (разведки Э. А. Сымоновича, 1949 г.); *XXIII* — Синицивка — Сабатиновка («Археологія», VI, 1951, стр. 97 и сл.); *XXIV* — Данилова Балка (КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 69); *XXVI* — район Снигиревки (КСИА, 3, 1954, стр. 49). *а* — область распространения сосудов из Силезии, украшенных применением штампа (*12* — *16*); *б* — область распространения сосудов, украшенных многорядными врезанными прямыми и волнистыми линиями (*5—11, 23—25*); *в* — область распространения побужских типов сосудов, украшенных валиками со вдавлениями и наколами в виде елочки (*22*); *г* — область распространения поднепровских сосудов-хранилищ (*17, 18, 21*).

ределение места такого способа хранения в хозяйстве жителей поселений черняховской культуры является темой настоящей статьи.

На поселениях черняховской культуры часто находят обломки крупных глиняных сосудов[1], изготовленных на гончарном круге. Их отличают большая высота (до 0,6—1 м), яйцевидная форма тулова и широкий горизонтально срезанный или округлый утолщенный край. Дно плоское, нередко с подставочной плиткой. Некоторые сосуды орнаментированы по плечикам или по краю.

Сосуды подобного рода связаны не только с памятниками черняховской культуры и распространены достаточно широко. Однако их особенности, присущие определенной культуре или территории, до сих пор недостаточно выявлены. Мы приводим основные типы и специфическую орнаментацию подобных сосудов, а также примерные границы распространения этих сосудов на рубеже и в начале I тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Европе, исключая Причерноморье (рис. 1).

В русской археологической литературе такие сосуды не подвергались специальному изучению. До настоящего времени нет даже общепринятого термина для их обозначения[2]. О сосудах с широким горизонтальным краем[3], происходящих из Южной Польши, Венгрии, Румынии и Галичины, в какой-то мере напоминающих находки в Поднепровье и Побужье, писали М. Ян, Б. Рихтхофен, К. Такенберг, Е. Беннингер и полемизировавший с ними М. Ю. Смишко.

Б. Рихтхофен, например, посвятил сосудам-хранилищам указанного типа две статьи[4]. В итоге он выделяет три группы сосудов: восточногерманскую, провинциально-римскую и дакийскую. При этом находки в Силезии, Малопольше и Галичине признаются им вандальскими или частично готскими.

М. Ю. Смишко, собрав все находки сосудов подобного рода с территории Западной Украины и распределив их по типологическим признакам во времени, пришел к выводу об их фракийском происхождении[5]. Выводы М. Ю. Смишко основываются только на данных типологического анализа, так как другой путь рассмотрения сосудов-хранилищ, по замечанию автора, для него и для других исследователей был закрыт из-за отсутствия точной послойной фиксации находок.

Находки аналогичных сосудов в Луке-Врублевецкой в Поднестровье, между селами Синицивка и Сабатиновка на р. Синице, притоке Южного Буга, и на поселении Ягнятин на притоке р. Роставица в Поднепровье

[1] В работе использованы материалы раскопок и разведок последних лет, главным образом, в Поднепровье и Побужье.

[2] Немецкое название «Krausengefässe», т. е. «сосуды с воротником», введенное для подобных сосудов М. Яном, представляется нам отражающим формальный вещеведческий подход, свойственный буржуазной науке, когда рассматривается не вся группа сосудов одного бытового назначения, а какая-то своеобразная, произвольно выделенная по случайному признаку часть сосудов. Термин «зерновики», употребляемый некоторыми археологами, нельзя признать удачным.

[3] Следует обратить внимание, что типичные для черняховской культуры трехручные миски обычно тоже имеют широкий горизонтальный край, который всегда менее массивен, чем у сосудов-хранилищ, и часто орнаментирован по краям выступающими валиками, а также лощением и иногда штампом.

[4] B. v. Richtchofen. Germanische Krausengefässe des 4. Jahrhundert p. Ch. aus Provinz Oberschlesien und ihre weitere Verbreitung. Mannus, 6 (Ergänzungband), 1928, стр. 73—95; его же. Zur Zeitstellung und Verbreitung der Tonkrausen mit Wellenlinienverzierung. Archeologia Értesitõ, XLV, 1931, стр. 348—357.

[5] M. Śmiszko, T. Sulimirski, K. Myczkowski. Przycrinki do poznania epoki cesarstwa rzymskiego. Lwów, 1934, стр. 25; M. Śmiszko. Duże naczyna baniaste okresu rzymskiego w Małopolsce wschodniej. Wiadomości Archeologiczne, XVI, 1939 (переиздание 1948), стр. 211—231.

помогают решить прежде всего вопрос о бытовом назначении этих сосудов как хранилищ запасов. Кроме того, те же памятники в совокупности с находками в с. Кринички в Побужье и в с. Кут в Поднепровье позволяют уточнить время появления и существования сосудов данного типа.

В первых двух случаях — в Луке-Врублевецкой и в Синицивке — Сабатиновке — сравнительно многочисленные обломки сосудов такого типа обнаружены в помещениях без печи, которые, повидимому, служили кладовыми. В Луке-Врублевецкой обломки толстостенных сероглиняных гончарных сосудов найдены в заполнении небольшого, слегка углубленного в землю помещения с навесом на столбах у входа. Постройка эта датируется III в. — 1-й половиной IV в. н. э.[1] В Синицивке — Сабатиновке обломки не менее 17 разных сосудов-хранилищ связаны с наземной постройкой, расположенной возле мельницы (рис. 2,*1—4, 6*). Часть обломков сосудов заполняла пространство между камнями вымостки, окружавшей жернов-лежняк, и часть составляла субструкцию этого сооружения. Обломки принадлежали сосудам серого и желтоватого цвета с горизонтальным, уплощенным сверху венчиком. Некоторые сосуды имели орнамент в виде налепного валика, двух параллельных валиков с косыми вдавлениями (елочка), прямых и волнистых врезанных линий. Дата поселения — III—IV вв. н. э.

В Ягнятине, памятнике, где отмечены находки V в., а может быть, VI в. н. э., в большой наземной постройке нашли, кроме разнообразных вещей, 2 сосуда, профиль которых восстанавливается полностью. Один из них — с максимальным расширением в средней части тулова, с уплощенным сверху нешироким венчиком, другой — с крутыми плечиками и отогнутым, немного утолщенным венчиком, имеющим выступ по верхнему краю (рис. 3, *12*). Высота этих сосудов меньше, чем у толстостенных сосудов-хранилищ более раннего времени,— III—IV вв. н. э.[2]

Эти сосуды, по предположению исследователя памятника Е. В. Махно, связаны с развалом керамической печи в раскопе III. Они не предназначались для варки пищи, так как наряду с ними имеются горшки меньших размеров и другого профиля, использовавшиеся в качестве кухонной посуды.

Интересно обратить внимание на то, что сосуды-хранилища были найдены только на поселениях и никогда не встречались в погребениях черняховской культуры. В могилах культуры «полей погребений», несмотря на разнообразие форм сосудов, сопровождавших покойника, сосуды-хранилища ни разу не были обнаружены. Повидимому, считали нужным снабжать умершего члена рода запасом пищи в сосудах[3] на непродолжительный отрезок времени, может быть, только на время пути в предполагаемый загробный мир, и потому не ставили в могилу сосудов большой емкости.

На вопрос, когда появились сосуды-хранилища в Поднепровье, помогают наиболее точно ответить раскопки 1951 г. в 30 км от Никополя. В с. Кут на поселении черняховской культуры III—IV вв. н. э. найдены выразительные обломки гончарных сосудов-хранилищ с округло утолщен-

[1] Е. А. Симонович. Про культуру полів поховань на Поділлі. «Археологія», V, 1951, стр. 111.

[2] Є. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі (розкопки 1945—1946 рр.). Археологічні пам'ятки УРСР, I, 1949, стр. 167, табл. II; е е ж е. Ягнятинська археологічна експедиція. Археологічні пам'ятки УРСР, III, 1952, стр. 161, табл. I, 5.

[3] В заполнении сосудов из могил установлены в ряде случаев остатки органических веществ. В с. Данилова Балка, по заключению В. Н. Кононова, в сосудах, сопровождавших погребенного, найдены остатки мучной пищи.

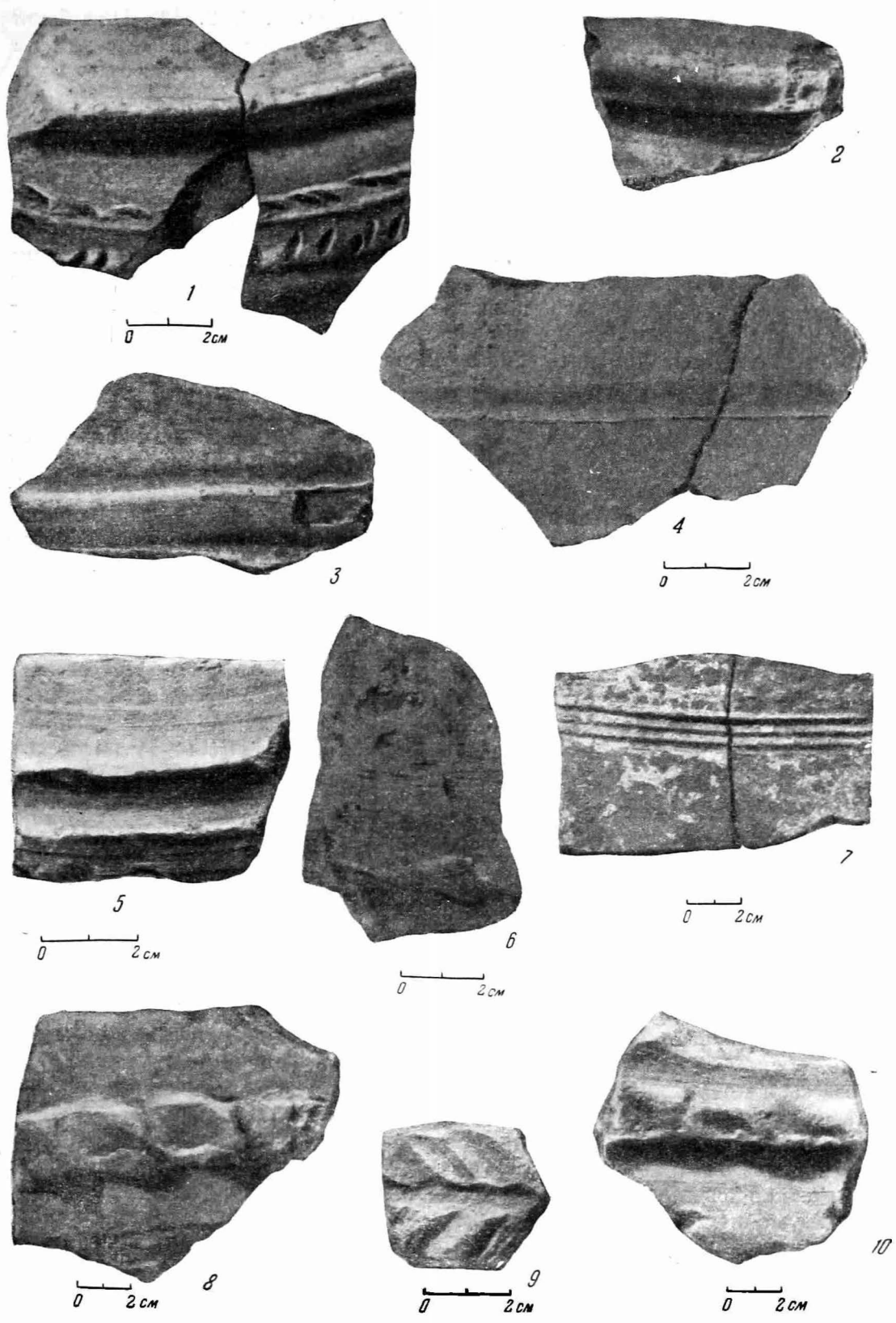


Рис. 2. Обломки сосудов.

1—4, 6 —Синицивка — Сабатиновка; *5* — Первомайск; *7, 10*—Крупское; *8* — Березовка; *9* — Завалье.

ным и широким, уплощенным сверху краем (рис. 3, *1*, *2*, *13*). Они были обнаружены в кольцевой канаве, окружавшей жилище. Вместе с тем на более раннем черняховском поселении II—III вв. н. э. в 2 км от с. Кут, у с. Грушевка не найдено ни одного обломка сосудов-хранилищ. Это говорит о том, что на Нижнем Днепре они появляются не ранее III в. н. э.

Обломки лепных горшков, найденные в значительном количестве на поселении в с. Грушевка, вряд ли могли использоваться как сосуды для хранения запасов вследствие их небольшой емкости. Недостаток крупных сосудов местного производства в какой-то мере мог возмещаться импортной посудой. В частности, амфорные обломки встречаются и на ранних и на поздних поселениях черняховской культуры. Однако уже в III—IV вв. н. э. преобладала местная гончарная керамика, предназначенная для сохранения запасов. Судя по количеству обломков грубоглиняных сосудов большого диаметра на каждом поселении III—IV вв. н. э., ее изготовляли в достаточных количествах для удовлетворения спроса населения.

Еще одна датированная находка сосудов-хранилищ в комплексах была сделана С. С. Гамченко в 1909 г. возле с. Кринички, на склонах балки Лабушна Посад (на притоке р. Кодымы; см. реконструкцию формы подобных сосудов у С. С. Гамченко — рис. 3,*11*)[1]. Находки эти представляют существенный интерес для освещения вопроса о производстве сосудов-хранилищ, и мы на них остановимся.

С. С. Гамченко обнаружил культурные остатки на поселениях III—IV вв. н. э. в расширяющихся книзу своеобразных сооружениях. Их он счел за могилы особого устройства и назвал «грушевидностями» («культура грушевидностей»). В сооружении № 1 на поселении в балке Лабушна Посад, например, были найдены фрагменты сосудов, в том числе «с толстым широким краем» (рис. 3, *3,5—10*) и часть маленькой амфоры с рифлеными стенками и обломанным горлом и ножкой (III—IV вв. н. э.), а также кости животных и древесные угли. Примерно такое же заполнение, исключая импортную керамику, было в сооружениях № 2 и особенно № 3 в с. Кринички (рис. 3, *3*).

Обломков сосудов-хранилищ на этих поселениях на редкость много. Некоторые из них выделяются характерной профилировкой и орнаментацией. Имеются сосуды с просто отогнутым широким краем, сосуды с уплощенным сверху венчиком, с «карнизиком», свисающим с нижнего края венчика, более или менее массивные. Украшены сосуды толстым валиком, иногда покрытым овальными вдавлениями, косыми врезами или косыми ямками на двух параллельных валиках в виде елочки[2].

Сводчатые сооружения, содержавшие культурные остатки, не могли быть могилами. Не использовались они также, повидимому, и в качестве зернохранилищ. Некоторые детали описания С. С. Гамченко позволяют предполагать, что это были гончарные печи. За то, что это были гончарные печи, говорят следующие данные.

Прежде всего, — устройство сооружений. Все они имели округлые конические своды, верхняя часть которых была разрушена вспашкой[3]. В сооружениях №№ 1 и 2 прослежены остатки перегородок, характерные для гончарных печей этого времени. В первом случае это остатки перегородки,

[1] С. С. Гамченко. Археологические исследования 1909 г. в Подолье по трипольской культуре. Архив ЛОИИМК, д. № 85-а/1909.

[2] Коллекция № 4087 Государственного музея этнографии (ныне передана в Государственный Эрмитаж).

[3] Места расположения «грушевидностей» С. С. Гамченко отличал по цвету грунта на пашне.

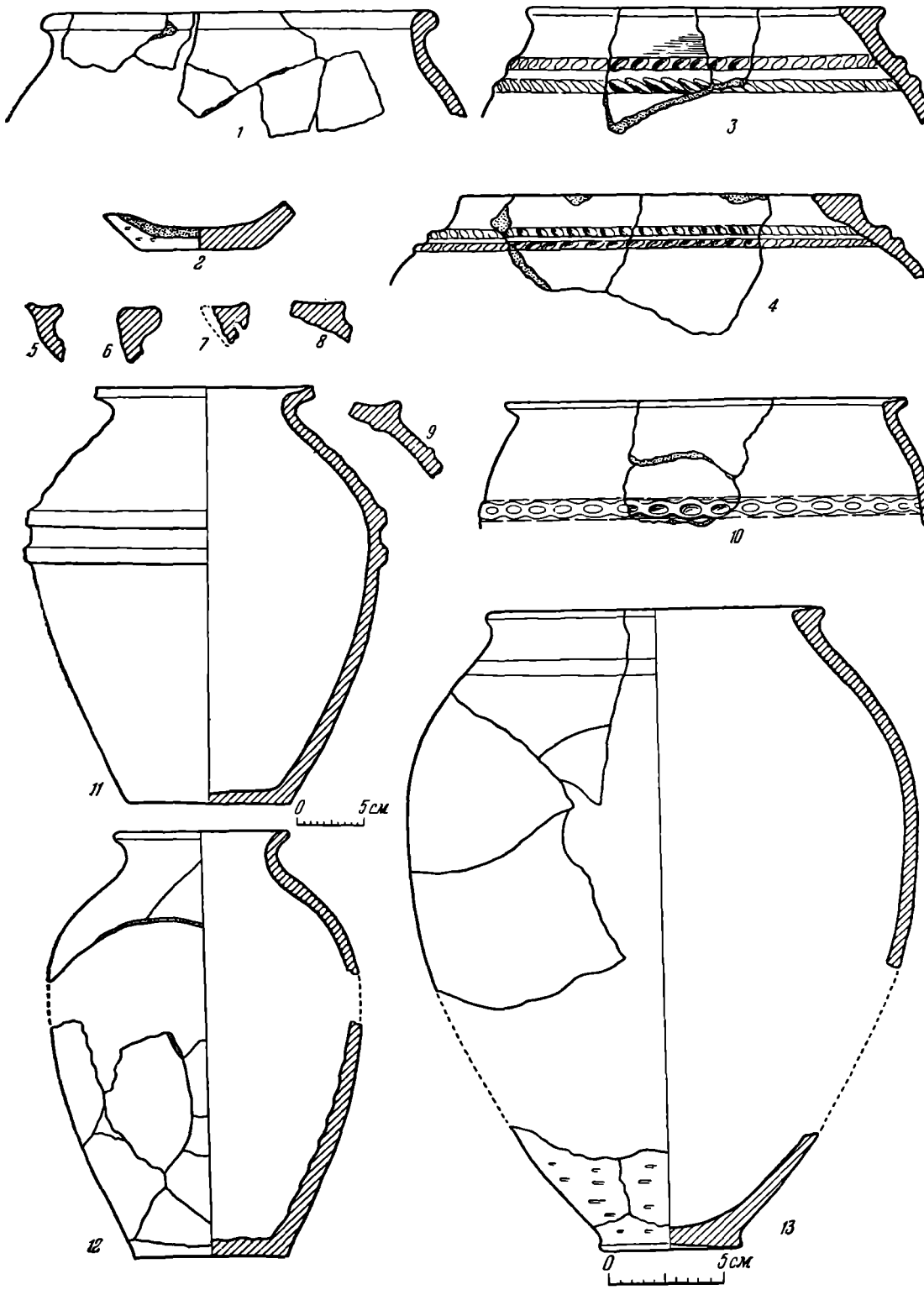


Рис. 3. Сосуды-хранилища из Поднепровья и Подунавья.

1,2,13 — с. Кут; *3,5—11*—с. Кричики, балка Лабушна Посад (*11* — реконструкция С. С. Гамченко); *4* — с. Глибочек; *12* — Ягнятин.

отходящей изнутри от стенки, в другом — завал фрагментов обмазки внутри сооружения. Были в печах и топочные устья, которые С. С. Гамченко счел за разрушившуюся часть свода с боку «гробницы».

Во-вторых, показательны размеры сооружений, для удобства перечисленные из саженей в метры: сооружение № 1 имеет в основании 2,84 × × 2,26 м; сооружение № 2 — в основании 2,4 × 2,26 м, при высоте 1,15 м; сооружение № 3 — в верхней части диаметр 2,35 × 1,91 м с расширением книзу на 0,4—0,55 м, при высоте 2,53 м. Зерновых ям таких размеров на поселениях черняховской культуры пока не найдено. В то же время, если сравнить данные, опубликованные для гончарных печей этого времени, указанные размеры не покажутся необычайными[1].

В-третьих, также обычным для гончарных печей черняховского времени является расположение их на склоне (см., например, раскопки в Неслухове), что было отмечено и в Криничках, в балке Лабушна Посад, где крутизна склона достигала 20—25°. Интересно, что аналогичные, по словам С. С. Гамченко, «грушевидностям» остатки сводов в срезе оврагов крестьяне называли «печами».

Сравнительно большие размеры гончарных печей в с. Кринички (балка Лабушна Посад) позволяют предполагать, что в них обжигали также сосуды для хранения запасов; обломки таких сосудов в большом количестве найдены в печах и возле них. При вторичном пересмотре коллекции выявлены фрагменты, подвергшиеся дополнительному обжигу и, может быть, являющиеся браком производства. Поскольку на поселениях культуры «полей погребений» черняховского времени не часто находят остатки гончарного производства, которое в это время, видимо, уже было сосредоточено в каких-то определенных центрах, надо пожелать возобновления работ в Криничках. Не исключено, что здесь мы будем иметь дело с гончарным центром типа Неслухова или Иголоми.

Говоря о производстве сосудов-хранилищ в черняховское время, отметим, что все они сделаны из особо приготовленной глины. Тесто отличается большей или меньшей примесью песка, часто с включениями крупных зерен кварца. При формовке на гончарном круге такие включения оставляют выщербины на тулове, которые в нижней части сосуда иногда не заглаживаются. Вся поверхность этих сосудов обычно шероховатая. Обжиг сосудов достаточно сильный и равномерный. Цвет их серый или желтоватый.

Трудности изготовления больших пифосов породили в Греции поговорку: «Трудно сделать так же, как пифос»[2]. Хотя сосуды со степной и лесостепной Украины гораздо меньше, чем бочонкообразные пифосы античных городов, все же для их изготовления тоже требовалось высокое развитие гончарного ремесла. Пробное измерение емкости восстановленного сосуда из с. Кут показало, что он вмещает около 42 литров жидкости[3]. Не ранее III в. н. э. уровень развития производительных сил позволил приступить к изготовлению на круге и обжигу больших сосудов-хранилищ. В это время гончарное производство в основном переходит в руки специалистов-ремесленников. Все наиболее распространенные формы сосудов, видимо, начинают изготовляться в массовом количестве. О серийности и

[1] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934.

[2] Paulys — Wissowa Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. V, Stuttgart, 1905, стр. 1286.

[3] Однако по этой цифре преждевременно делать какие-либо метрологические выводы о средней емкости сосудов-хранилищ вследствие недостаточного числа целых экземпляров.

стандартизации форм и орнаментации сосудов-хранилищ говорит сходство многих их деталей на значительных территориях.

Например, в Побужье специфическая орнаментация двумя параллельными валиками с косыми вдавлениями в виде елочки встречена в селах Глибочек, Завалье (№ 1), Синицивка — Сабатиновка, Кринички (рис. 3, *3*, *4*, *11*; рис. 2, *1*, *9*). Распространена в этих же районах и орнаментация валиками с овальными вдавлениями. Она известна в селах Кринички, Березовка и Крупское (напротив Саломыи; рис. 3, *10*; рис. 2, *8*, *10*). В то же время на территории от верхнего до нижнего течения Днестра (находки от Западной Украины[1] до Молдавии[2]) встречается орнаментация однорядными и многорядными волнистыми линиями на сосудах-хранилищах. Все до сих пор найденные в Поднепровье сосуды, как правило, не были орнаментированы. Единственный здесь случай орнаментации сосудов-хранилищ известен мне на поселении в с. Кут. Орнаментирован этот сосуд расположенными под венчиком уступами, образующими как бы два валика (рис. 3, *13*).

Между тем, как показывают подсчеты, число обломков сосудов-хранилищ на каждом поселении и в каждом доме весьма ограничено, в особенности в южных районах, и обычно не превышает количества обломков амфор. Это говорит о том, что в подобных сосудах хранили только повседневный запас пищи. Ни разу не встречено кладовых, сплошь заполненных сосудами-хранилищами. Сосуды-хранилища с мукой, зерном или крупой стояли в особом помещении—в кладовой или в жилище на земляном полу. В землю их не зарывали, как это делали с пифосами в античных городах или с карасами в Урарту (в Кармир-Блуре), или с хумами в Средней Азии.

Итак, до недавнего времени, как указывалось выше, некоторые западноевропейские ученые областью распространения больших сосудов-хранилищ считали Поднестровье и более западные территории. Находки этого рода сосудов далеко на восток от Днестра, вплоть до Левобережья Днепра, полностью опровергают мнение о принадлежности этих сосудов готам.

Для решения вопроса о происхождении гончарных сосудов-хранилищ на землях Украины сейчас еще слишком мало данных. Объясняется ли их появление переработкой гончарами форм местных лепных горшков или античными и дако-готскими влияниями — сказать трудно.

Можно говорить только о некоторых особенностях этих сосудов. В частности, массивный горизонтальный венчик у сосудов-хранилищ, по всей вероятности, появляется в лесостепи на Украине в результате знакомства с гончарными сосудами для запасов из Причерноморья. Поражает сходство некоторых типов орнаментации подобных сосудов с орнаментацией находок в Причерноморье. Например, обломки сосудов-хранилищ в с. Викторовка, на Сасицко-Березанском лимане, украшены массивными валиками с наколами «в елочку» или валиками с овальными вдавлениями, как на поселениях в Побужье. Это — еще одно из доказательств очень тесных связей и общения черняховского населения с населением Причерноморья.

Глиняная тара прочно вошла в быт оседлого населения степи и лесостепи в I тысячелетии н. э. На это указывают находки сосудов-хранилищ на позднечерняховских поселениях в Ягнятине и Даниловой Балке.

---

[1] M. Śmiszko. Duże naczyna baniaste..., см. таблицу.

[2] Г. Б. Федоров. Работы Славяно-Днестровской экспедиции. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 83.

Может быть, описанные сосуды были прототипами «жбанов» или «дзбанов» эпохи Киевской Руси. Последние в какой-то мере напоминают своих возможных предшественников первых веков нашей эры. Так же как и в черняховское время, в них в XII—XIII вв. хранили только часть запасов продуктов, предназначенную для повседневного употребления. Например, в землянке художника в Киеве найден только один «жбан» и т. д. [1] Однако пока говорить о преемственности приходится очень осторожно из-за отсутствия промежуточных, соединительных звеньев.

Здесь следует указать на большое сходство в целом, если пренебречь деталями, сосудов-хранилищ разных эпох и народов. Совпадения прослеживаются и в формах сосудов (яйцевидная форма пифосов, карасов и хумов; маленькое дно или заостренный низ и пр.), и в характере оформления венчиков (расширяющийся уплощенный сверху край), и особенно в орнаментации сосудов валиками по плечикам. Объяснения этому надо искать не в технической обусловленности. К. Маркс относит сосуды-хранилища к средствам труда и в отличие от механических средств труда называет их «сосудистой системой производства». При этом он отмечает, что механические средства труда «...составляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства гораздо больше, чем такие средства труда, которые служат только для хранения предметов труда и совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства, как, например, трубы, бочки, корзины, сосуды и т. д.»[2]

Чтобы использовать сосуды-хранилища в качестве исторического источника, невозможно основываться на типологическом сходстве их между собой в общих чертах, но следует рассматривать находки в комплексах, анализируя детально их форму и орнаментацию.

Для истории развития сельскохозяйственного производства первых веков нашей эры и более позднего времени изучение способов сохранения запасов является весьма важной темой.

---

[1] М. К. Каргер. Археологическое исследование древнего Киева. Киев, 1951, стр. 21 и сл.

[2] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 187.

Н. В. ХОЛОСТЕНКО

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЯТНИЦКОЙ ЦЕРКВИ В г. ЧЕРНИГОВЕ (1953—1954 гг.)[1]

Работы по исследованию Пятницкой церкви, проведенные при разборке руин осенью 1953 г.[2] и весной 1954 г.[3], явились продолжением изучения этого замечательного памятника древнерусского зодчества, начатого архитектором П. Д. Барановским в связи с консервацией и частичной разборкой руин в 1943 г.[4] В своей статье П. Д. Барановский показал выдающееся значение Пятницкой церкви в истории древнерусского зодчества и дал впервые научную реконструкцию памятника. Наши работы вносят ряд новых наблюдений к его характеристике и оценке.

В 1945 г. бригадой аспирантов Академии архитектуры УССР был сделан архитектурно-археологический обмер сохранившихся и находившихся поверх руин частей здания[5]. Работы 1953—1954 гг. были связаны с подготовкой к реставрации. После разборки руин и выявления сохранившихся под ними частей сооружения обмеры 1945 г. были откорректированы и дополнены.

В 1953 г. были изучены остатки обрушившихся пилонов и сохранившиеся части южной и западной стен, а также и встретившиеся при разборке фрагменты здания, остатки уничтоженных при позднейшем ремонте древних элементов здания, полов и фундаментов. Эти новые данные позволяют значительно уточнить наши представления об архитектуре памятника.

От западной стены сохранились под пристройками XIX в. оба ее угла.

В северо-западном углу выявлена помещенная в толще стены лестница на хоры (рис. 1). Ее средняя часть была уничтожена при позднейшей пробивке большого проема в центре стены (на месте портала). Лестница, при ширине 70 см, имела крутой подъем (при проступях 20—25 см

---

[1] Статья Н. В. Холостенко переработана и дополнена Н. Н. Ворониным. (*Ред.*)

[2] Работы выполнены Черниговской реставрационной мастерской под руководством архитектора Н. В. Холостенко при участии архитектора М. А. Александровой.

[3] Работы проводились институтом «Киевпроект», архитектором Н. В. Холостенко при участии архитектора В. Н. Иванченко.

[4] Материалы исследований П. Д. Барановского опубликованы в его статье «Собор Пятницкого монастыря в Чернигове» — в книге «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР», М.—Л., 1948, стр. 13—35.

[5] Обмеры выполнены бригадой под руководством архитектора И. И. Игнаткина в составе аспирантов Академии архитектуры УССР Н. Коломиец, К. Вайнштейн и С. Мигая.

высота подступенков—до 30 см); кирпичные ступени были покрыты досками толщиной 7—8 см; они закладывались одновременно с кладкой и углублялись в нее на 8—10 см. Лестничный ход был перекрыт уступчатым коробовым сводом. Выход с лестницы на хорах, симметричный входу с хор во внутристенный ход северной стены, служил входом во внутристенный ход южной стены.

С наружной стороны выявлены нижние части двух пилястров сложного несимметричного профиля, исполненные из специальных лекальных кирпичей (ширина пилястра —103 см, высота —37 см); они сохранились под полом XVII в., а выше были сбиты при пристройке западного притвора (рис. 2 и 5). Пилястры опираются на консольный выступ фундамента, сделанный по обобщающей профилировку кривой[1].

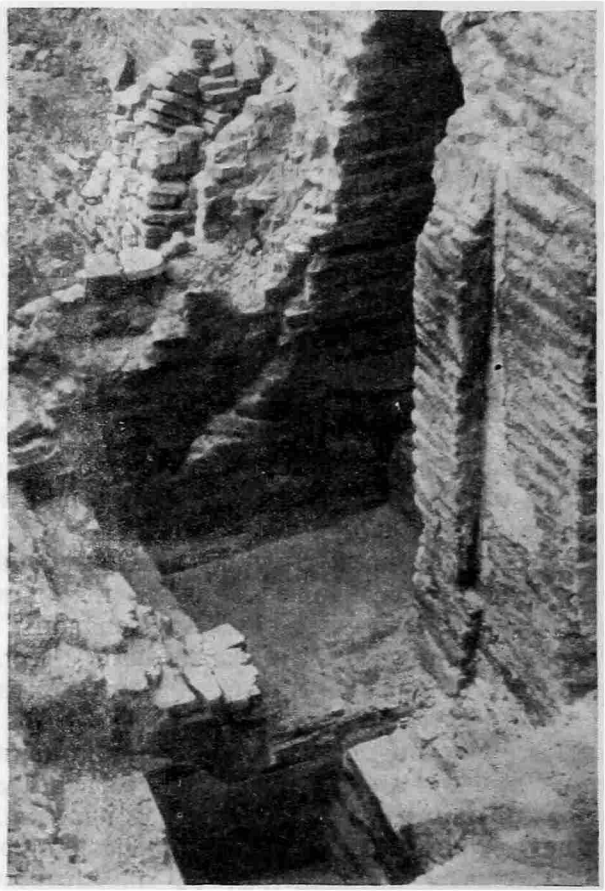


Рис. 1. Вход на лестницу хор.

Западные углы здания имели охватывающие угол пилястры (шириной с каждой стороны 160 см и выносом 15 см), срезанные под углом 45° (ширина среза — 40 см). В основании юго-западного пилястра, с каждой его стороны, помещено по узкой и стройной двухуступчатой нише, завершенной четвертной аркой, обращенной замковым камнем к углу (рис. 16). На северо-западном пилястре таких ниш нет (здесь шла лестница на хоры).

Южная стена сохранила лишь углы и участки с пилястрами, уцелевшие между большими проемами, пробитыми при сооружении в XIX в. южного придела, под полом которого сохранились нижние части древней стены. Здесь выявлен на высоту 60—70 см от уровня древнего порога южный перспективный портал с обрамлением сложного профиля (рис. 3 и 13). На уровне цоколя под косяки портала заложены куски шиферных плит[2]. Портал был оштукатурен; сохранились следы фресковой росписи. Ширина арочного проема портала —157 см, проем двери — 117 см. Порог портала лежал на три ступеньки выше уровня древнего пола (рис. 4). Дверная притолока, видимая на рис. 4, выложена из кирпича XVII в.

[1] Дальнейшие исследования в 1955—56 гг. (П. Д. Барановского и Н. В. Холостенко) установили, что это был промежуточный вариант профиля, замененный в дальнейшей кладке профилем, аналогичным профилю пилястров южного и северного фасадов. Кроме того, ниже выявлен первоначальный вариант из трех спаренных полуколонок.

[2] Здесь найден обломок стеклянного витого браслета.

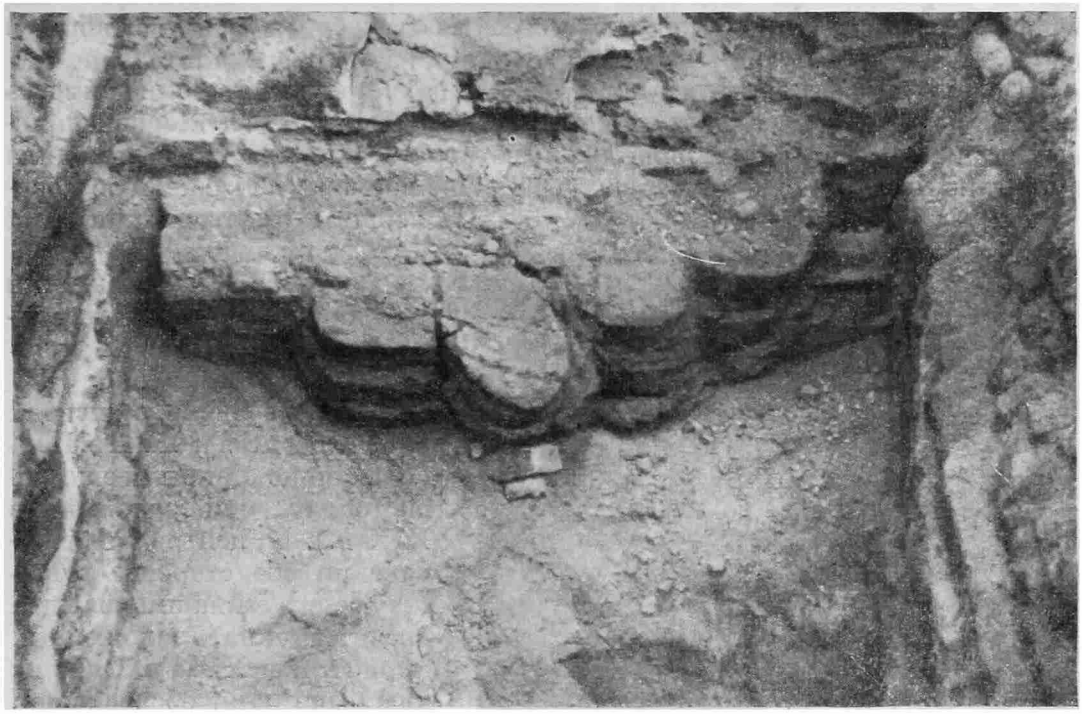


Рис. 2. Пилястр западного фасада.

Рис. 3. Остатки южного портала.

По сторонам портала сохранились следы срубленных пилястров симметричного профиля, аналогичного профилю северных, сохранившихся лучше и на бо́льшую высоту (рис. 5).

В восточном делении южного фасада сохранился низ бывшей здесь двери, пробитой в древней стене и дважды растесывавшейся. Первоначальный ее порог лежит на уровне древнего пола,— очевидно, она выходила в пристройку, уже существовавшую в раннее время и уничтоженную позднейшими пристройками XVII и XIX вв.

Рис. 4. Ступени южного портала. Вид изнутри. А — уровень пола XVII в.; Б — уровень древнего пола.

Восточная часть здания сохранилась лучше остальных: уцелели апсиды и закомары над ними (рис. 6).

Существующие в апсидах окна относятся к XVII в. Первоначально они были еще выше (снизу они заложены в XIX в.). В центральной апсиде по обе стороны существующего окна имелись два древних окна, заложенных кирпичом в XVII в. Одно из них было нами обследовано. По форме оно отличается от окон других черниговских памятников XI—XII вв.: арочная перемычка внутри имеет несколько возвышенную кривую, а снаружи — несколько стрельчатую; по центру перемычки приходится шов. Сужающиеся внутрь косяки проема сложены из специальных лекальных кирпичей. Размеры окна: высота — 142 см, ширина снаружи — 69 см, в свету — 20 см, внутри — 48 см.

Косяки окна сохранили древнюю штукатурку. На ней внутри была орнаментальная фресковая роспись с глубокой графьей (круги наносились циркулем). На рис. 7 изображена реконструкция окна на основе обмера и найденных фрагментов. Ромбы орнамента окрашены попеременно в красный и синий цвета. Круги — охристые, боковые полуромбы — зеленые. Внутри ромбов и полуромбов помещены белые пальметты. Диагональные полосы — белые, оконтуренные красной линией. Арку украшает круг с узорчатой пальметтой внутри. Весь узор обрамлен с обеих сторон красными рамками. Подоконник окрашен серой краской. Своей цветистостью эта роспись перекликается с народными росписями на берестяных коробах и других подобных предметах.

Полуколонки выполнены в нижней части из полукруглых лекальных кирпичей, а выше, не доходя 2—3 рядов кладки до орнаментального пояса, они приобретают прямоугольное сечение (рис. 8).

Решетчатый орнаментальный пояс проходил по всем трем апсидам, но не во всех панелях был одинаковой высоты. Поэтому над ним шло 4—5 рядов горизонтальной кладки, выравнивавшей поле. Выше в каждой панели помещается арочная ниша (шириной в среднем 85 см и вышиной до плиты арки 36—40 см); там, где панели были шире, ниши ставились

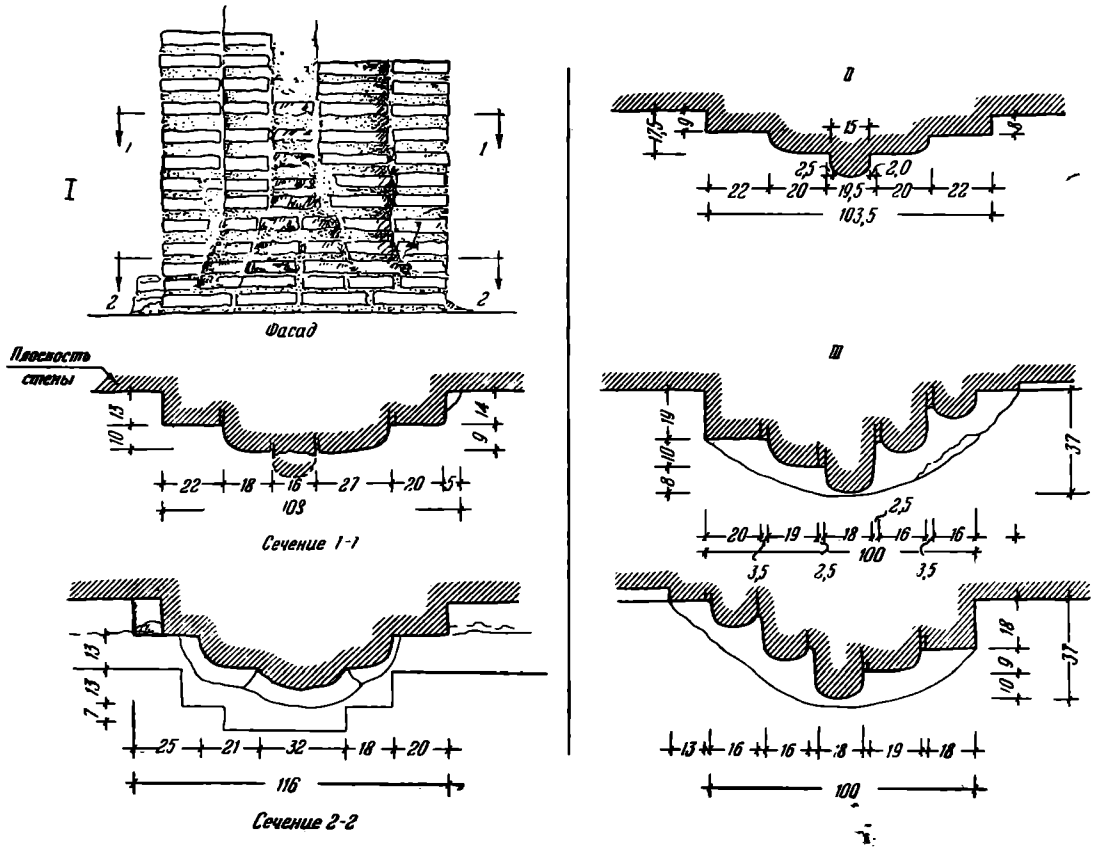


Рис. 5. Пилястры (обмер).

I — низ пилястра северного фасада (к востоку от северного портала) и промежуточные варианты профиля; *II* — пилястр южной стены (к востоку от южного портала); *III* — пилястры западной стены (вверху — северный, внизу — южный).

с отступами от полуколонок. Выше пояса арочек фасад облицован древним белым кирпичом; из него сделан и карниз (два нижних ряда на белом растворе), выше, на высоте 35 см, надложенный снова красным кирпичом размером 27 × 17 × 7 см. Уровень карниза из белого кирпича соответствует уровню стыка конхи со стеной; очевидно, после какого-то раннего разрушения памятника, во время которого пострадали и верхи апсид, они были отремонтированы древним белым кирпичом, и карнизы их восстановлены на прежних уровнях, но в упрощенном виде.

Следов сбитых частей арочного карниза не обнаружено, но в раскопе у апсид найдены зубчатые кирпичи. Карнизы апсид, возможно, были сделаны с помощью зубчатой поддерживающей части. Прямоугольные полуколонки, проходя до карниза, объединяли в своеобразный широкий пояс решетчатый орнамент, ряд ниш над ними и сам карниз. Этот пояс-фриз в какой-то степени по своему характеру перекликается с чисто консольными поясами владимиро-суздальской архитектуры.

Для выяснения деталей северной стены нами проведено ее исследова-

ние в центральном членении фасада, на уровне окон первого яруса и в закомаре.

Между нижней парой больших окон XVII в. имелась прямоугольная нишка с обрамлением из кирпича, положенного плашмя. Зондаж, устранивший часть кладки XVII в., показал, что здесь была двухуступчатая

Рис. 6. Восточный фасад.

ниша с треугольным завершением, по высоте равная древним окнам, остатки которых сохранились по сторонам (рис. 9). Низ ниши лежит на уровне орнаментального кирпичного пояса, выполненного в виде своеобразного меандра, проходившего под окнами по всем трем членениям фасада. Окна помещались в нишках с перемычкой из двух рядов кирпичей (ложка́ми). По краю центральной ниши сохранились фрагменты фресковой плетенки с глубокой графьей; она двух тонов — белого и красного (рис. 10). Характерна свобода в применении орнамента: слева это крупная плетенка, справа — более мелкая плетенка с пояском треугольников. Последняя «перекрывает» первую в месте стыка, напоминая деревянный фронтончик из двух резных досок «в нахлестку». Уступ ниши и ее плоскость сохранили следы штукатурного слоя с росписью. Уступ был расписан красными и белыми полосами в виде клинчатой перемычки с широко расставленными кирпи-

чами. Обмер сохранившихся частей и остатки росписи позволяют предложить реконструкцию этого своеобразного и красочного «пятна» на фасаде, говорящего о связи данного архитектурного мотива с традициями народного зодчества (рис. 11).

Над этими окнами и нишей располагалось 5 декоративных нишек, от которых сохранились лишь половинки крайних. Над ними на уровне пят закомары, где в других памятниках Чернигова обычно проходит аркатурный пояс, помещена лента рельефного зигзагообразного кирпичного орнамента. Поле закомары лежит в плоскости стены; в ее центре было, как установлено зондажем, узкое окно с прямоугольными притолоками и трехлопастной, рельефной, ныне сколотой бровкой. Размеры этой трехлопастной бровки и характер древней кладки по сторонам центрального окна, ниже обрамления, указывают на то, что здесь была группа из трех окон: центрального, более высокого, со слегка стрельчатой перемычкой, и двух меньших боковых, с перемычками в виде полуарки.

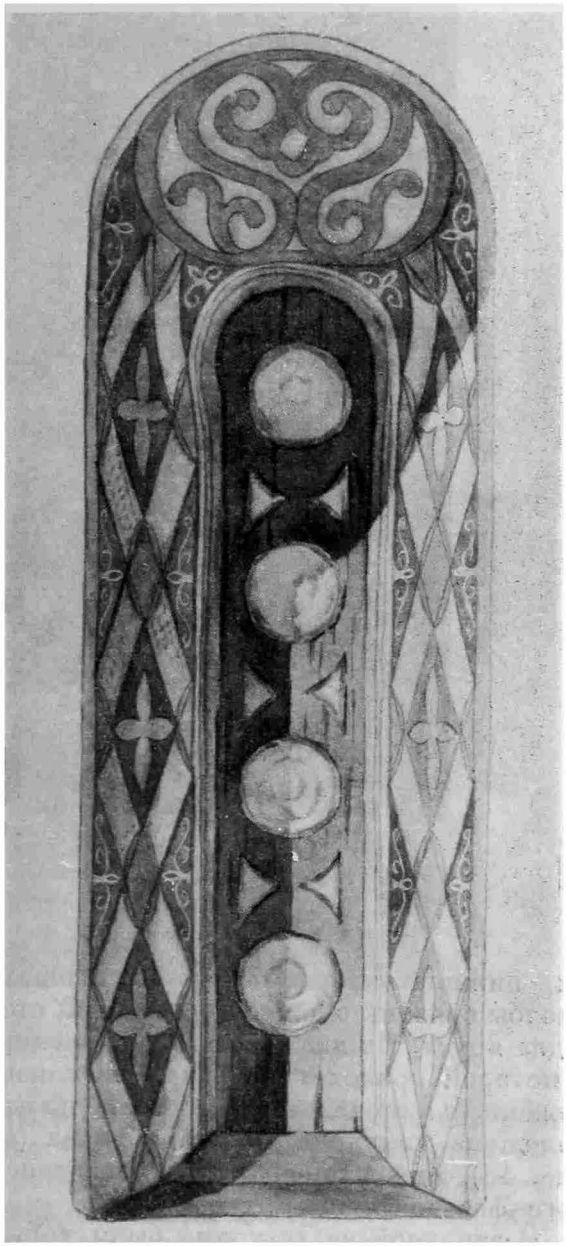


Рис. 7. Окно апсиды (реконструкция).

От северного портала, как и от южного, сохранился его низ; портал имел всего два уступа и был более прост, чем южный и, очевидно, чем западный (рис. 13).

Над аркой позднего проема, на месте портала, сохранился фрагмент выступавшего из поля стены обрамления арки — остаток, видимо, ниши или портала.

Расчистка руин над западными столбами показала, что столбы были почти квадратными в плане (со стороной 152 — 154 см, но со срезанными под 45° углами); фундамент такого столба имел прямоугольное сечение и был шире столба на 5 — 7 см с каждой стороны (рис. 12 и 13). На северо-восточном столбе под пятами подпружных арок сохранился древний шиферный карниз, также со срезанным углом[1].

Восточная пара столбов отделялась от простенков апсид проемами;

[1] Пилоны были стесаны на 15 — 18 см с каждой стороны в XVII в.

Рис. 8. Деталь восточного фасада — кирпичный узор и полуколонка.

их нижние части были выявлены нами под полом XVII в.[1] Столбы связаны с южной и северной стенами своеобразной системой арок в два яруса. Из них нижняя — полуциркулярная, с прямой перемычкой, в которой проходила деревянная связь от столба к поясу связей, проложенных в стенах на этом уровне по всему периметру здания. Выше расположена полуарка типа аркбутана (см. ниже поперечный разрез на рис. 15), определяющая трехлопастное завершение восточного и западного фасадов здания.

В западной части храма были хоры, располагавшиеся между западной парой столбов и западной стеной, уничтоженные при одной из ранних перестроек (рис. 15). В южном членении западной стены сохранился остаток срубленного коробового свода хор с шалыгой, параллельной южной стене. Сохранились и концы досок опалубки этого свода, опертые на выложенную по контуру свода опорную штрабу. Несколько ниже пят свода заложены два больших голосника такого же типа, как найденный

[1] Существующий большой проем вырубки относится к XIX в.

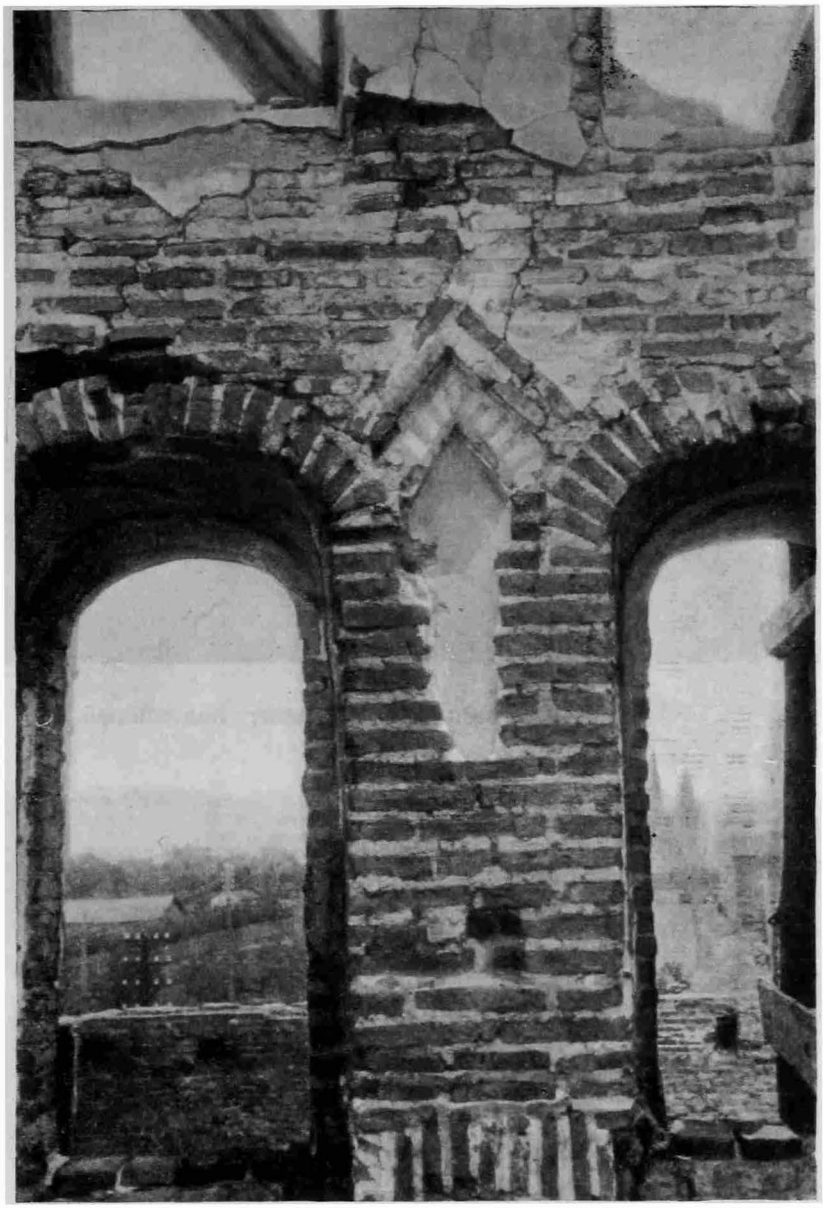


Рис. 9. Ниша между окнами северного фасада.

Б. А. Рыбаковым в одном из парусов[1]. В западном членении северной стены также сохранилась срубленная пята свода хор. На западной стене против южного столба уцелел остаток пяты срубленной арки, связывавшей столб со стеной и служившей опорой пяты углового свода хор. С северной стороны от названной арки была прослежена часть пяты среднего свода хор.

В толще северной и южной стен храма на уровне хор идут, возможно, вплоть до алтарной части, внутристенные ходы (рис. 13 и 15). Их назначение неясно. Можно думать, что они служили как бы продолжением хор и играли ту же роль—около оконных проемов можно было слушать богослужение. В этом смысле ходы Пятницкого храма могут быть сопоставлены

[1] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 77.

Рис. 10. Фресковый орнамент над нишей.

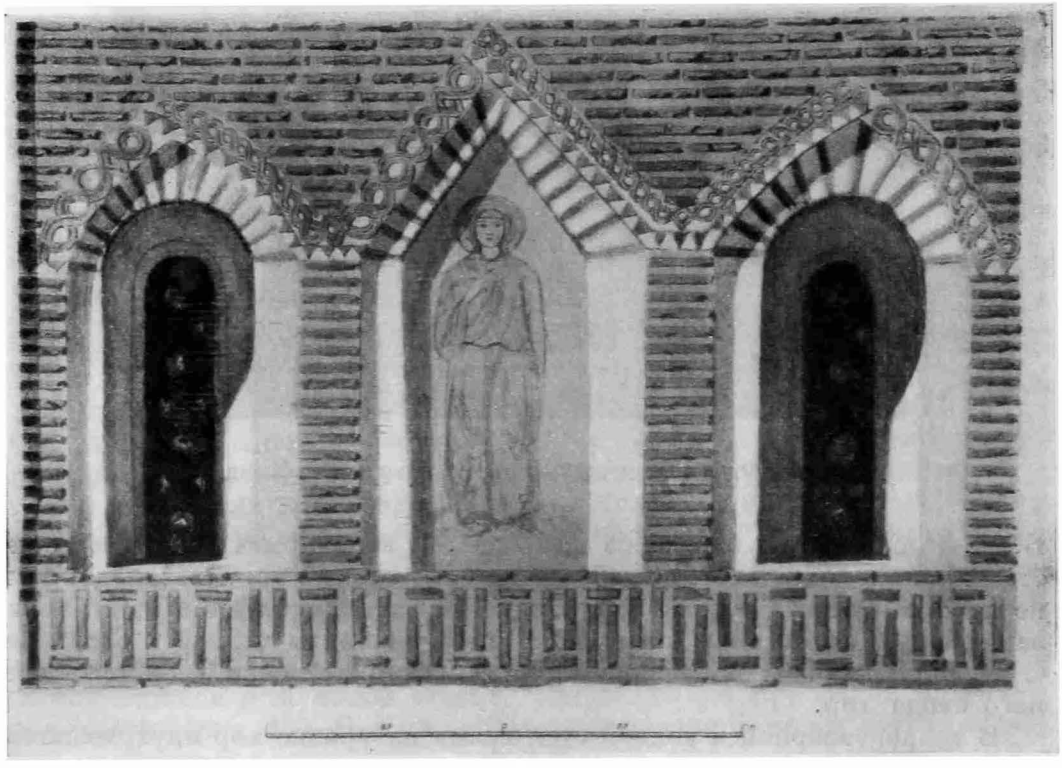


Рис. 11. Ниша и окна северного фасада (реконструкция).

Рис. 12. Основание юго-восточного столба.

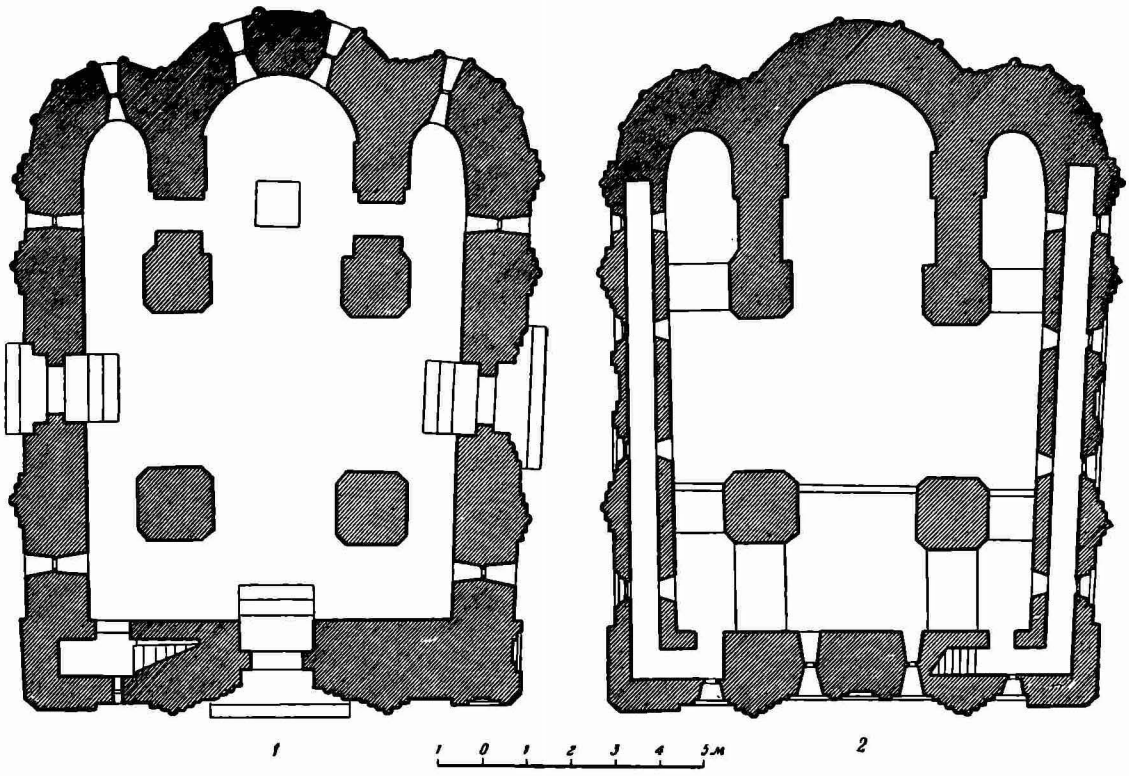


Рис. 13. План церкви Пятницы.

1 — на уровне 1 м от древнего пола; *2* — на уровне хор.

с внутренними балконами церкви Василия в г. Овруче и Борисоглебской церкви на Коложе в Гродно, с которой черниговский памятник имеет ряд общих черт[1]. Возможно также, что в случае необходимости эти ходы могли использоваться и для обороны, когда окна храма превращались в бойницы.

Как показали исследования при разборке завалов, центральная закомара западного фасада сохранялась до разрушения 1943 г. в древнем виде и была в общем аналогична сохранившейся восточной и северной. Первоначальные же своды западной части храма не уцелели: они, види-

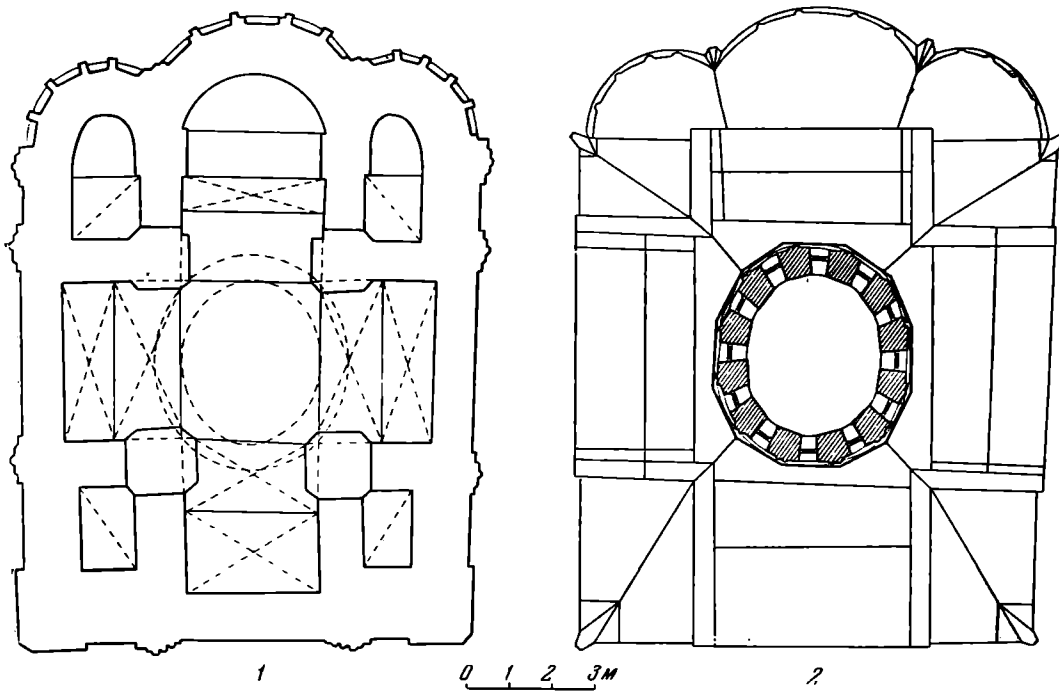


Рис. 14. Планы сводов (*1*) и барабана (*2*).

мо, обрушились или были разбиты в раннее время и восстановлены на старых местах и в прежней форме, но уже из светложелтого кирпича и на ином растворе — белом, с небольшой добавкой цемянки. Однако наружные карнизы в боковых членениях сделаны не на уровне пят, как это было первоначально, а на уровне шалыг сводов, получившиеся же пазухи забучены. Для этих докладок стен и карнизов, так же как и для сводов, использован древний светложелтый кирпич, но, очевидно, он был употреблен вторично.

Система ступенчатых сводов и эффектное динамическое решение верха памятника прекрасно изучены и реконструированы П. Д. Барановским. Поэтому ограничимся лишь дополнениями к сделанному им.

Точная фиксация расположения, формы и размеров столбов, сохранившийся угол сочетания восточной и северной подпружных арок с парусом и частью подбарабанного кольца, а также найденные в развалах его фрагменты показали, что подпружные арки образуют в плане не квадрат, а прямоугольник. В связи с этим и барабан в плане образует не круг, а овал, вписанный в этот прямоугольник (рис. 14). Такая форма барабана обычна для памятников Чернигова (Успенский собор Елецкого монастыря, Борисоглебский собор). Разбивка окон из одного центра

[1] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 89.

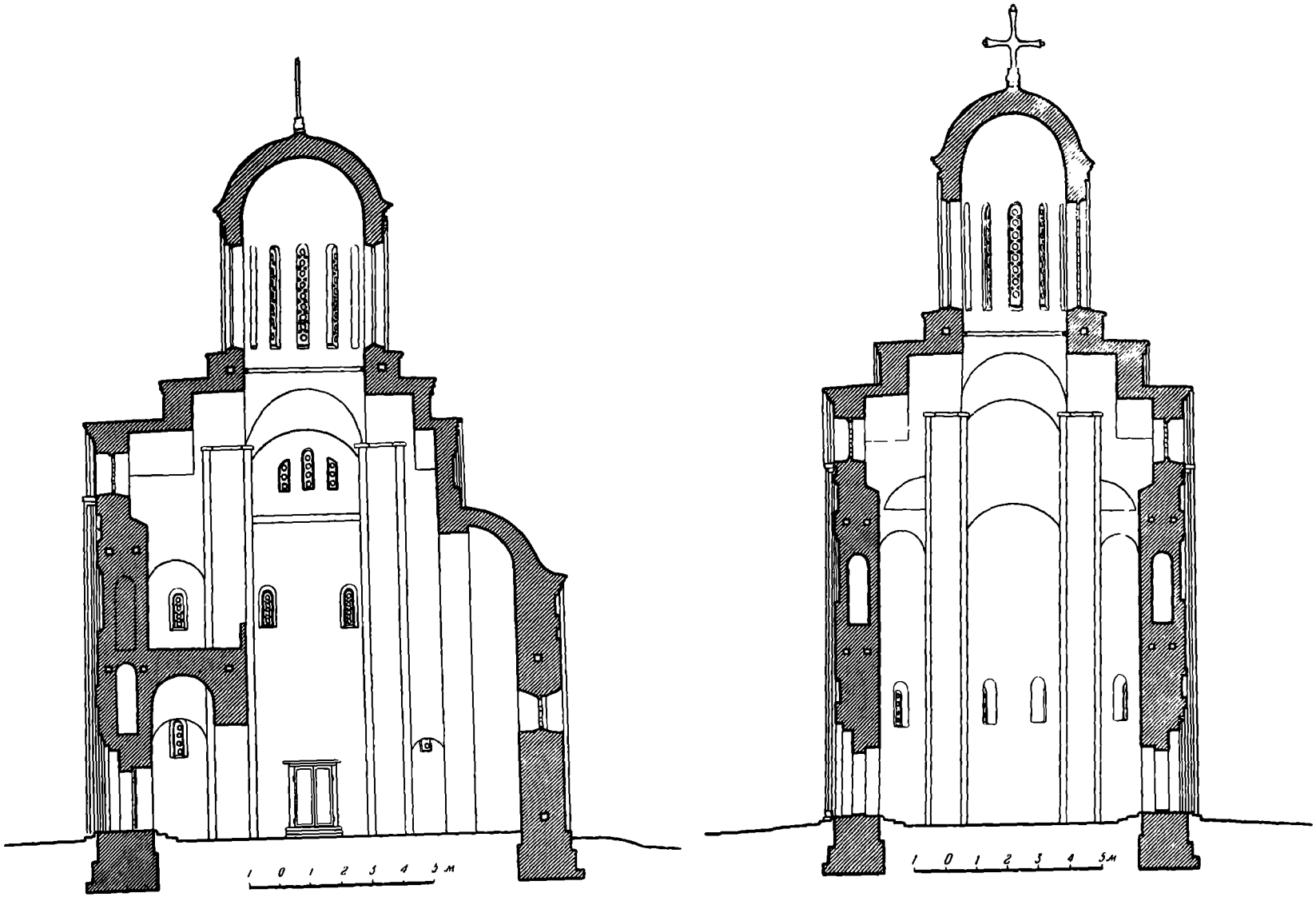


Рис. 15. Продольный (слева) и поперечный (справа) разрезы.

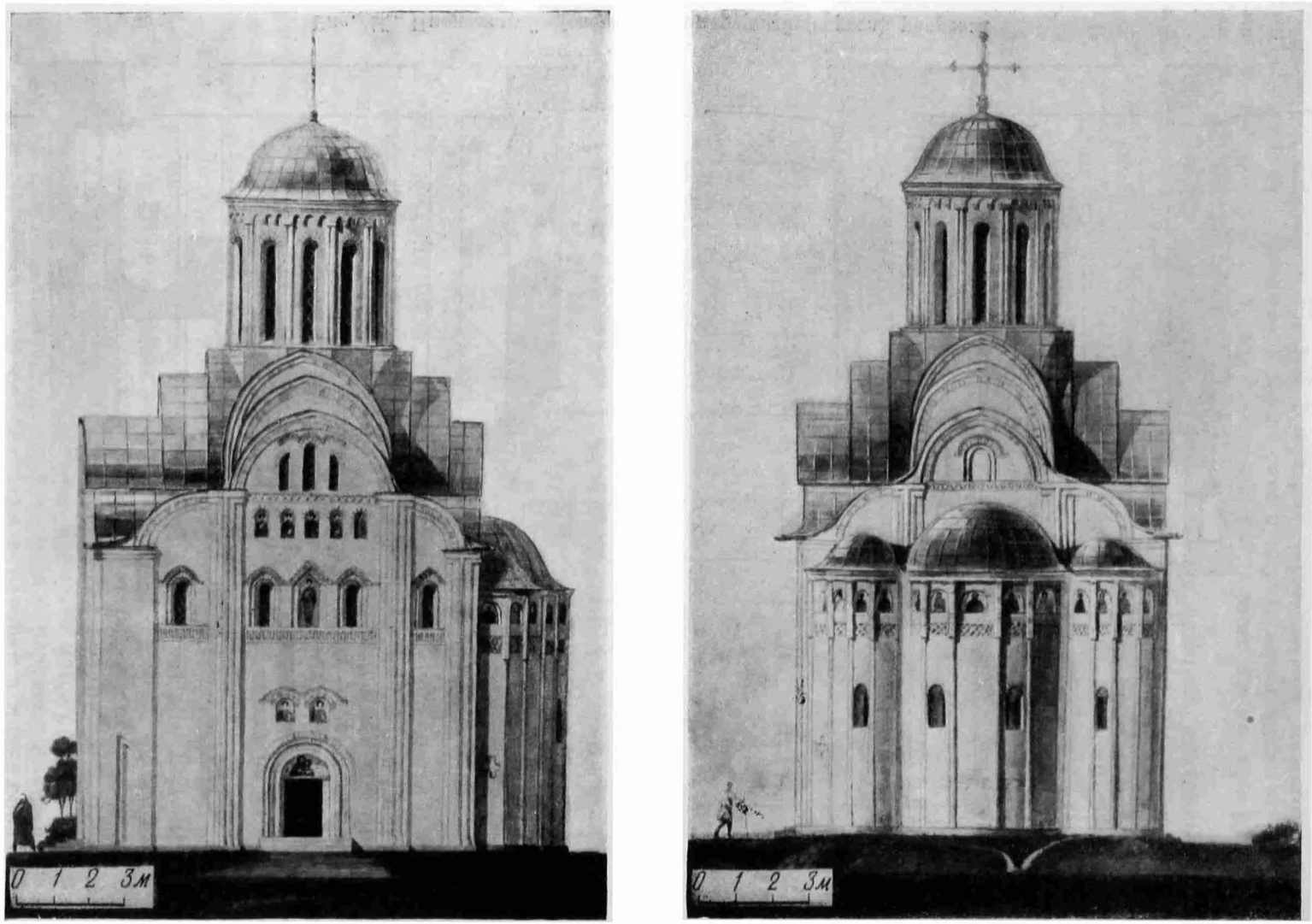


Рис. 16. Южный (слева) и восточный (справа) фасады (реконструкция П. Д. Барановского и П. В. Холостенко).

обусловила несколько неправильные в плане формы междуоконных проемов барабана, что подтверждается найденными при разборке руин их фрагментами. Форма последних в плане совпадает с построением барабана по указанным выше данным (рис. 14). Вычисление же кривой барабана по хордам этих столбов также дает размеры, близкие к кривой, получаемой построением на основе плана.

Своеобразной была и наружная обработка барабана. Тщательное изучение обломков межоконных столбов установило, что по оси столба в кладке находятся два кирпича, поставленных торцами. По размерам кирпича и остаткам несбитых частей несомненно, что это кирпичи кладки полуколонок, или пилястров, над которыми шел арочный поясок. Этот прием хорошо согласуется со сложным профилем пилястров храма, являющихся его особенностью (рис. 14 и 16).

Все изложенные выше наблюдения позволили наметить первоначальный облик здания и предложить разработанный нами совместно с П. Д. Барановским (при участии архитектора В. Н. Иванченко) проект его реставрации (рис. 13—16), являющийся рабочим материалом для дальнейших исследований.

2

Остановимся на некоторых вопросах техники постройки и определения места Пятницкой церкви в жизни древнего Чернигова.

Раскопки внутри и снаружи памятника позволили установить конструкцию фундаментов, стратиграфию наслоений и определить уровень и характер древнего пола.

При постройке здания, так же как это установлено нами и для других черниговских памятников XI—XII вв., по всей внутренней площади храма была сделана общая выемка глубиной 40—45 см от уровня древней дневной поверхности; затем копались рвы для фундаментов. Ленточные фундаменты выложены из такого же боя кирпича, как и стены, и идут по всему периметру здания, соединяя со стенами и восточные столбы (здесь фундаменты выведены лишь до уровня общей выемки). Фундаменты под западные пилоны сделаны самостоятельными. Фундаменты заложены на материковом лёссе на глубине 1,4 м от древней дневной поверхности. Нижняя часть кладки фундамента шире стен по наружной стороне до 40 см и на 4—6 см — по внутренней; она выполнена по пролитому слою раствора из бутобетона на кирпичном щебне и на крепком цемяночном растворе. Выше идет регулярная равнослойная кирпичная кладка.

Стены сложены в системе «облегченной» кладки (или, по древнерусской терминологии,— «в ящик») в виде облицовок, выполненных чередованием 5—7 рядов кладки в один кирпич с 2—3 рядами кладки, пропущенной сквозь всю толщину стены. Заполнение «ящиков» сделано из кирпичного боя, остатков от гашения извести и мелких кусков камней, залитых плохо схватившимся раствором. При толщине кирпичей 5—5,5 см толщина швов — до 4см. Сплошной кладкой выполнены лишь частично пилоны, подбарабанное кольцо и своды.

Массовый замер кирпичей позволил установить наборы кирпича, изготовлявшегося для постройки. Он делался из различных местных глин и разнообразен по выделке и степени обжига. Отдельные партии кирпича отличаются по набору типов, а также по размерам и качеству глин. Очевидно, кирпич поступал на постройку небольшими партиями от разных по квалификации групп мастеров; местоположение их мастер-

ских также, наверное, было различным. Установленные наборы кирпичей показаны на рис. 17. Преобладают наборы с размерами (по длине) 27, 28 и 25 см. Наборы, как видно на этом рисунке, включают 7—8 типоразмеров кирпичей. Они состоят, кроме основных, прямоугольных типов для стен и сводов, еще и из лекальных. Последние — двух размеров: для прямоугольных и полукруглых полуколонок; четвертные — для полуколонок сложного профиля; прямоугольные с одной скошенной стороной — для кладки откосов окон; трапецоидальные — для окон

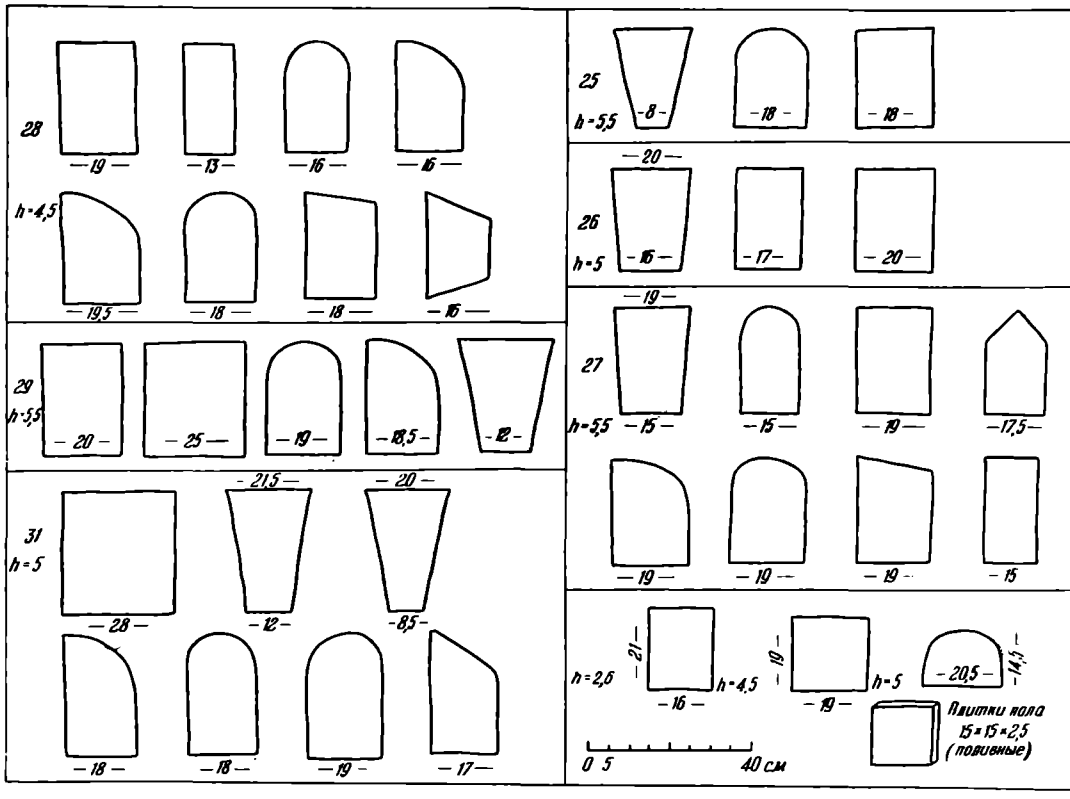
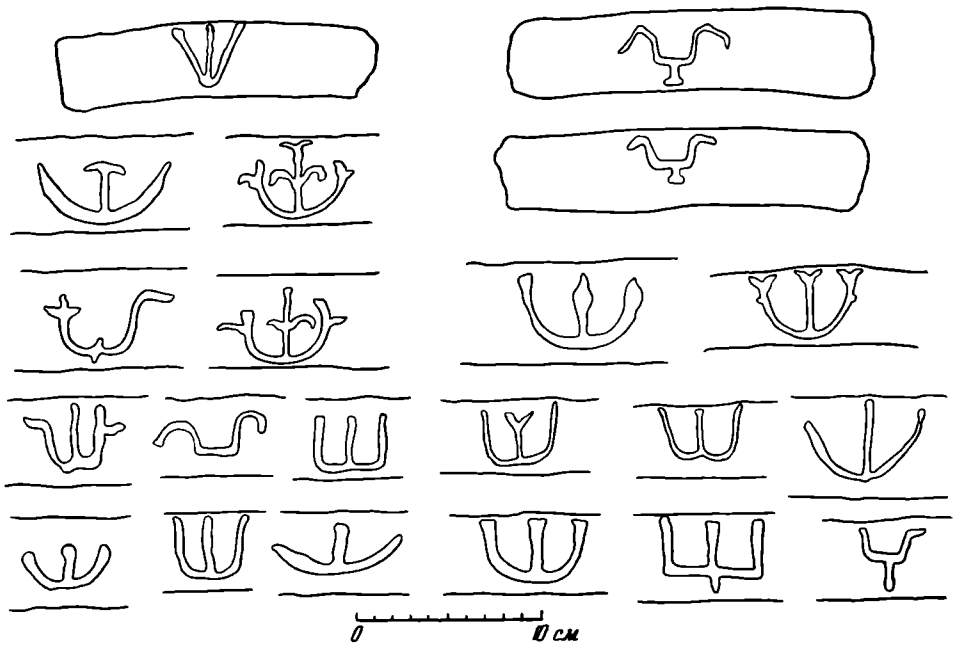


Рис. 17. Наборы кирпичей.

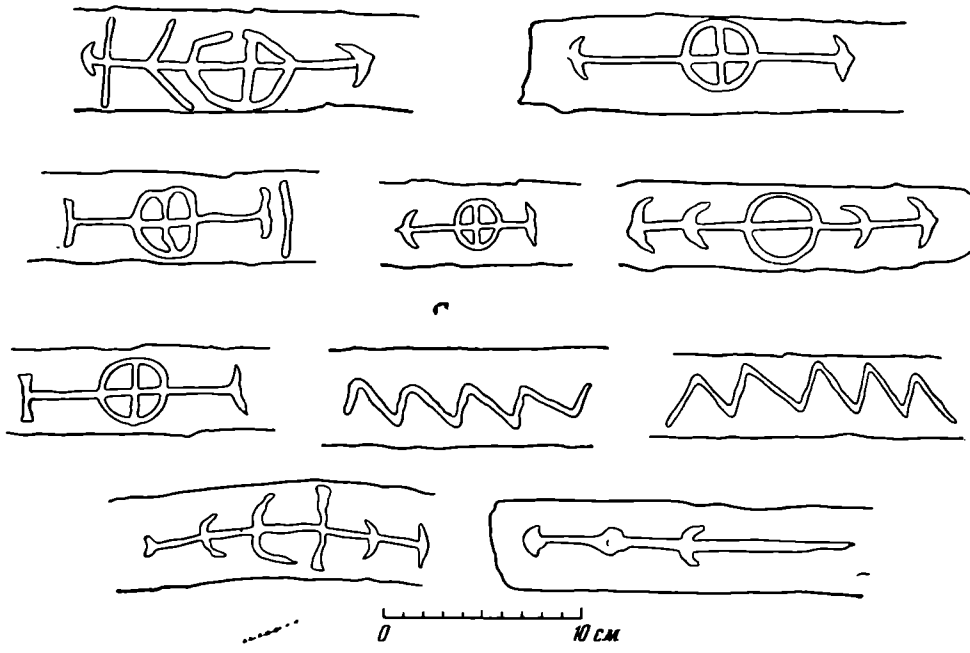
и скошенных под 45° углов столбов и стен; зубчатые (треугольником с торца) — для «городков»; «донышки» (полукруглые) — для кладки арочных карнизов.

Большой интерес представляют многочисленные знаки на кирпичах (рис. 18). Большинство их — это рельефные знаки на торцах кирпичей; лишь на некоторых кирпичах из кладок парусов и барабана найдены «писанные» знаки. Какой-либо закономерности в распределении кирпичей со знаками по отдельным частям сооружения не наблюдается. Найденные метки можно отнести к трем основным группам: 1) метки в виде букв и близких им по характеру знаков; 2) метки орнаментальные; 3) метки типа княжеских тамг.

В группе 1 довольно много (больше, чем в других памятниках Чернигова) меток в виде букв глаголического алфавита (встречены буквы «веди», «иже», «о», «ша»). Для букв кирилловского алфавита (особенно таких, как «н», «и», «к») характерны начертания, типичные для 2-й половины XII в. Кроме того, имеются метки в виде сочетаний прямых и наклонных черт, иногда связанных со сложными знаками типа букв.



1



2

Рис. 18. Образцы знаков на кирпиче.

1 — знаки типа княжеских тамг; *2* — знаки орнаментальные.

Метки группы 3 многочисленны и различны по начертанию (рис. 18,1). Среди них имеются метки в виде обобщенного «знака Рюриковичей», метки с развилкой средней мачты (встречающиеся и в Елецком соборе) и, что особенно характерно, несколько вариантов без средней мачты, подобных знакам, опубликованным Б. А. Рыбаковым[1] и относящимся к середине и концу XII в. Разнообразие княжеских знаков на кирпиче не дает оснований по этому признаку приписывать постройку определенному князю[2].

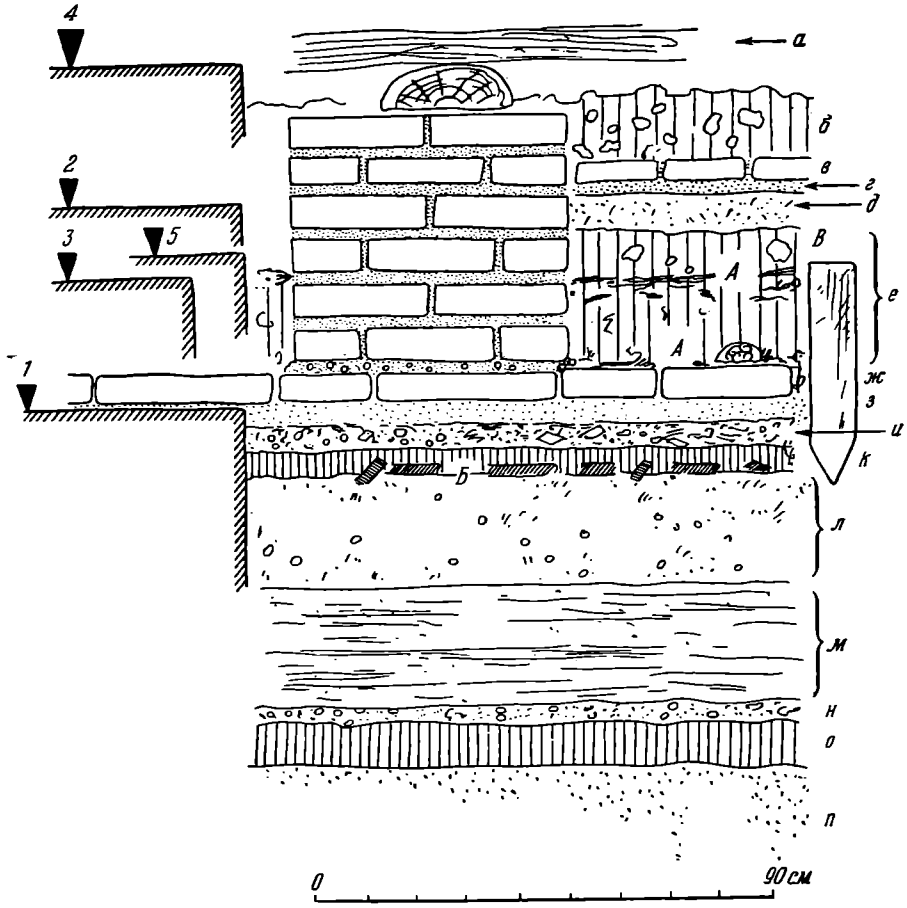


Рис. 19а. Схема стратиграфии внутри здания.

Уровни порогов: *1* — проема в западной стене; *2* — входа на хоры; *3* — южного портала; *4* — придела XIX в.; *5* — западного притвора XVII в.

Орнаментальные знаки группы 2 (рис. 18,*2*) определяются обычно как знаки свободных городских ремесленников-гончаров. Здесь есть группы знаков с одинаковой, но усложняемой основой. Учитывая сделанный Б. А. Рыбаковым анализ гончарных меток деревенских и городских мастеров[3], можно полагать, что для постройки Пятницкой церкви кирпич поставляли многочисленные, может быть, связанные родством, мелкие мастера; они доставляли сравнительно небольшие партии кирпича.

[1] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940, стр. 246—249.

[2] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 89 и сл.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 175 и сл.

В технике кладки Пятницкой церкви, особенно ее деталей, можно отметить некоторую небрежность или недостаточность технических навыков. Так, например, кладка полуколонок велась без правильной перевязки с кладкой стены; грубовато и неаккуратно выполнен набор орнаментов, недостаточно аккуратно и не по отвесу велась кладка полуколонок и углов здания и т. д. Подобных дефектов нет в других черниговских памятниках (например в соборе Елецкого монастыря, Борисоглебском и др.), техника и качество выполнения которых весьма высоки.

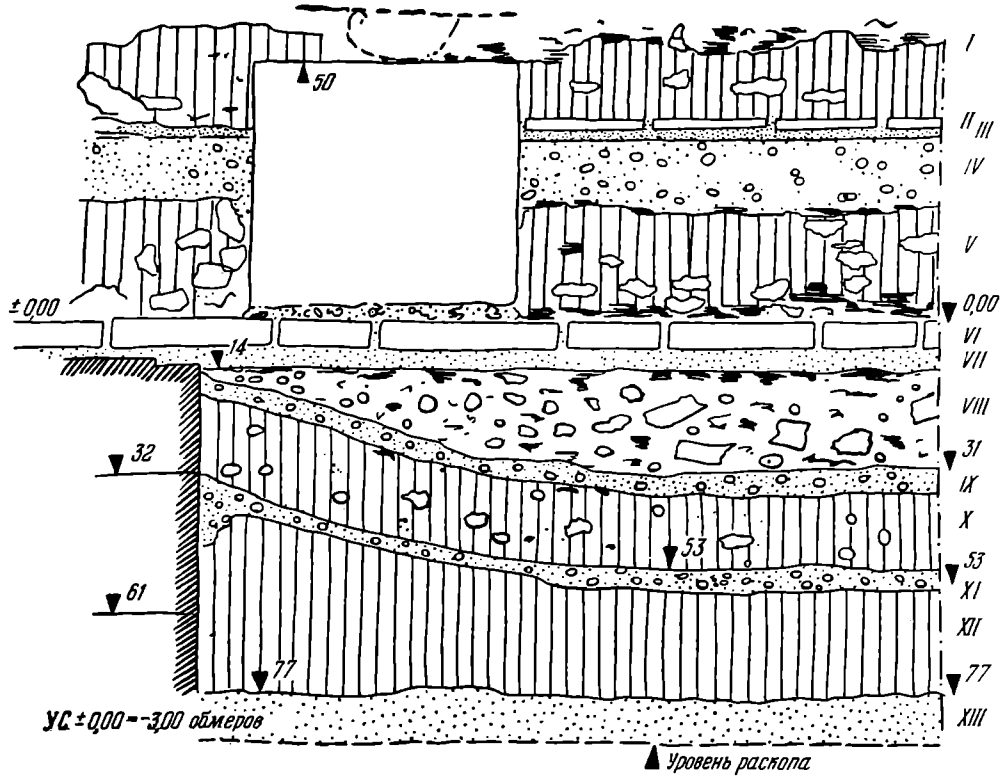


Рис. 19б. Схема стратиграфии снаружи здания (в западном притворе).

I — слой завала 1941—1943 гг.; *II* — пол из шестигранных плиток; *III* — известковая подготовка; *IV* — тюк с кирпичным щебнем и кусками раствора; *V* — слой со строительным мусором XVIII в.; *VI* — пол из кирпича (35 × 18,5 × 5,5 см); *VII* — песчаная подсыпка; *VIII* — слой земли со строительным мусором и керамикой XVI — XVII вв.; *IX* — уплотненный слой белого раствора с мелким кирпичным щебнем; *X* — слой земли с кирпичным щебнем и керамикой XII—XIII вв. и обломками поливных плиток; *XI* — слой уплотненного розового раствора; *XII*—культурный слой до постройки здания с керамикой XI—XII вв.; *XIII* — материковый лёсс.

Стратиграфия напластований внутри здания позволяет проследить всю его историю (рис. 19а). На уровне дна общего котлована, состоящего из культурного слоя *о* на лёссе *п*, лежит уплотненный слой розового раствора от строительных работ—*н*. Затем выемка была засыпана слоем земли *м*, а под полы сделана подсыпка слоем песка — *л*. По нему на тонком слое раствора был уложен пол из поливных керамических разноцветных плиток размером 15 × 15 × 2,5 см — *Б*. В первоначальном целом виде пол нигде не встречен, но найдено много плиток и их фрагментов. После разрушения и пожара храм стоял некоторое время в запустении, когда образовался слой черной земли — *к*. В этом слое среди углей и строительного мусора найдены фрагменты плиток пола, посуды XII—XIII вв., деревянных «оконниц» и т. п. Поверх этого слоя лежит слой уплотненного

раствора с фрагментами фресок и мелкого кирпичного боя — *и*. По нему была сделана песчаная подсыпка *з*, по которой уложен пол XVII в. из кирпичей размером 35 × 18,5 × 5(6) см — *ж*. Затем, очевидно, последовало опять разорение храма, после которого щебень и остатки пожара не убирались, а был сделан деревянный пол на вертикально вбитых деревянных столбиках *А* и *В*. Этот пол опять сгорел, и через некоторое время по слою *е*, образовавшемуся после этого пожара, был насыпан слой песка *д* и по известково-алебастровой подготовке *г* выложен пол конца XVII — начала XVIII вв. из шестигранных керамических плиток — *в*. После очередного пожара (очевидно, в 1862 г.) сделан новый пол на кирпичных столбиках *а*, сохранявшийся до 1941 г. (кирпич сходен с кирпичом приделов XIX в.).

Напластования снаружи памятника и дневной уровень земли XII в. показаны на разрезе раскопа в западной пристройке (рис. 19б).

3

Для оценки исторического значения Пятницкой церкви, обстоятельно освещенного в работе П. Д. Барановского, немаловажное значение имеет вопрос о том, была ли она монастырским или городским храмом. П. Д. Барановский высказал гипотезу, что это была церковь княжеского монастыря[1]. Б. А. Рыбаков считал, что храм Пятницы стоял на Торгу[2]. В системе древней топографии Чернигова Пятницкая церковь находится на территории «предгородья» — ремесленных посадов, — сравнительно слабо укрепленной и больше страдавшей во время военных действий[3].

Археологические наблюдения на смежном с церковью Пятницы участке строительства театра показали следующее.

По всей площади котлована театра залегал довольно мощный культурный слой XI—XIII вв., насыщенный вещевым материалом, остатками ремесленного производства, особенно железоделательного, а также гончарного и стекольного. В этом слое, ближе к церкви Пятницы, прослеживались остатки деревянных жилых и хозяйственных построек, много пережжённой глины от печей и полов, кирпичный щебень и особенно много железных криц, битых тиглей, глиняной посуды и т. п. В северо-западной части площадки строительства было заметно некоторое понижение уровня древнего культурного слоя; здесь он был насыщен следами железоделательного производства, углем, шлаками т. п. и включал тонкие прослойки рыхлого серого песка. Очевидно, здесь был овражек или балочка внутри квартала поселения, куда сбрасывали остатки производства. В наиболее пониженной части слой перегара и шлаков с прослойками песка достигал 100—110 см.

В юго-западной части площадки слой XI—XIII вв. был менее насыщен остатками железоделательного производства, но зато здесь были в изобилии встречены стеклянные шлаки. Наблюдения к северо-востоку и северу от территории церкви показали, что здесь слой XI—XIII вв. был также довольно мощным и уходил по направлению к р. Стрижню. Однако здесь он был обычным городским слоем, без ярко выраженных признаков преобладания определенного ремесла.

Характер наслоений на площадке представлен на рис. 20. Над материковым песком *11* идет зона слабо насыщенного культурного слоя *10*,

[1] П. Д. Барановский. Указ. соч., стр. 31, 32.
[2] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 89.
[3] Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 79.

подстилающего мощный слой *9*, изобилующий культурными остатками XI — XIII вв.; здесь много следов строений, угля, криц и остатков железоделательного производства, перегорелой глины, плитяного щебня, обломков стеклянных браслетов и посуды XI—XIII вв., стеклянного шлака и пр. Выше следует слой плотного углистого грунт, связанный, видимо, с монгольским нашествием и пожаром города,— *8*. Далее идут маловыразительные слои мелкого серого песка *7* и рыхлой земли *6* и, наконец, слой строительных остатков XVI—XVII вв. —*5*, перекрытый прослойкой песка *4*. Выше идут слои рыхлой земли *3*, дерна *2* и пожара 1941—1943 гг. —*1*. Таким образом, можно думать, что к церкви Пятницы очень близко подходили жилища ремесленников, в основном связанных с обработкой железа, обрамлявшие, очевидно, торговую площадь, на которой и стояла церковь.

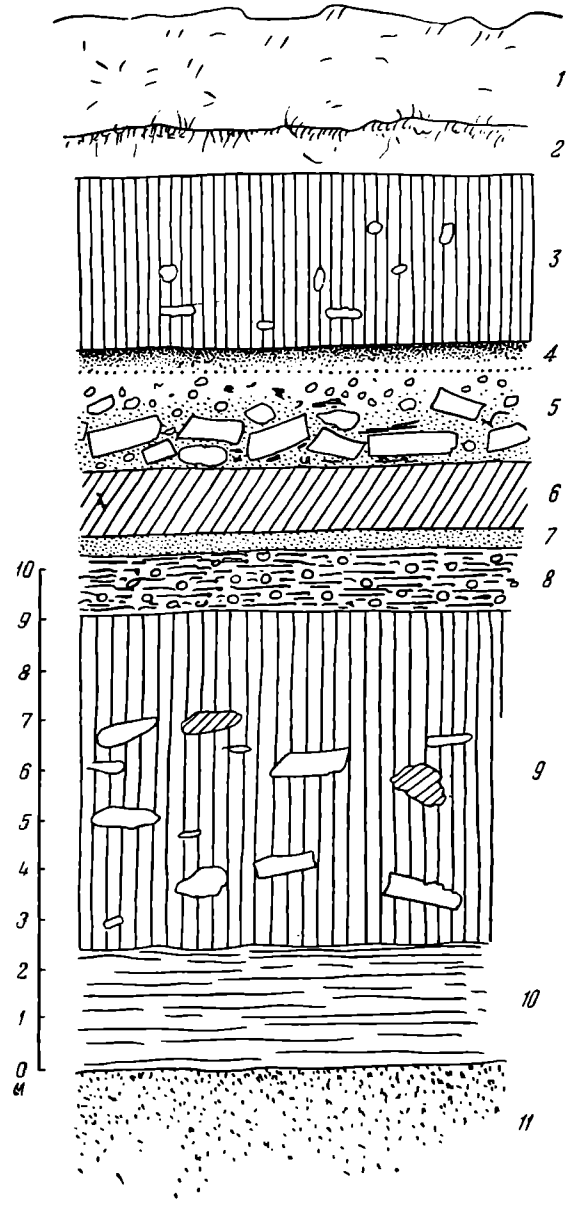


Рис. 20. Схема стратиграфии на участке строительства театра около церкви Пятницы.

Следовательно, церковь Пятницы была центром ремесленного района. Предположение о наличии здесь в XIII в. княжеского монастыря едва ли правдоподобно. Церковь Пятницы была, скорее всего, приходским храмом, сооруженным на средства торгово-ремесленного населения, и обслуживала нужды городского люда стольного Чернигова. Здание и принадлежит к типу небольших четырехстолпных храмов, широко распространяющихся во 2-й половине XII в. в городском и вотчинном строительстве. В частности, церковь Пятницы по размерам, формам и решению интерьера (без внутренних лопаток) близка церкви на Вознесенском спуске в Киеве[1]. Возможно, что храм с его внутристенным ходом играл в «предгородье» и роль крепости-убежища в пору военной тревоги. При данном понимании памятника становятся особенно ясными и его выдающееся национальное своеобразие, и смелость конструктивного и архитектурного решения образа храма-башни, и явно сказывающиеся в его внешнем простом и красочном декоре народные

[1] М. К. Каргер. Археологическое исследование древнего Киева. Киев, 1950, стр. 200.

черты, и общий жизнерадостный строй образа храма. Как справедливо предположил П. Д. Барановский, зодчим церкви Пятницы был мастер князя Рюрика Ростиславича — Петр Милони[1]. Здесь он работал не по княжескому заказу, а по заказу горожан. Может быть, именно по этой причине зодчий и смог развернуть здесь со всей смелостью новые художественные идеи рождавшегося и крепнувшего национального общерусского течени ре[2]. Имея общие черты с такими выдающимися его памятниками конца XII в., как псковский собор Троицы[3] или церковь Михаила-архангела в Смоленске[4], Пятницкая церковь является произведением, превосходящим названные здания смелостью и заостренностью композиционного решения[5]. В то же время в нем с большой силой сказываются влияние народного искусства и использованный зодчим опыт мастеров смежных областей. Нельзя не указать, например, на глубокую связь ступенчатой композиции верха храма с архитектурой деревянных языческих храмов восточных славян и, вероятно, деревянных зданий XII в.[6] Орнаментация оконной «тройки» плетенкой и зубчиками, напоминая по своему характеру резные «причелины» деревянных изб, в то же время перекликается с любовью к полихромии гродненских зодчих XII в. Плетенка и треугольники, исполненные фреской с глубокой графьей, как бы имитируют наборный из майоликовых плиток узор, напоминающий орнамент пола Нижней церкви в Гродно[7]. Мы уже упоминали, что и другие детали церкви Пятницы находят аналогию в памятниках Гродно. Петр Милони прекрасно знал современную ему русскую архитектуру и, используя ее достижения, сделал огромный шаг вперед в разработке передовых художественных идей своего времени, рождавшихся в центрах русской культуры — городах, в обстановке борьбы горожан за свои права и развитие общерусских экономических и культурных связей.

---

[1] П. Д. Барановский. Указ. соч., стр. 33.

[2] Н. Н. Воронин. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв. Серия «Литературные памятники». М.—Л., 1950, стр. 334—339.

[3] Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Ежегодник Института истории искусств. М.—Л., 1952, стр. 292—296.

[4] Реконструкции П. Д. Барановского. История русской архитектуры. М., 1951, стр. 23.

[5] Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси. История русского искусства, т. I. М., 1953, стр. 152.

[6] Н. Н. Воронин. К характеристике древнейшего зодчества восточных славян. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 102, рис. 33.

[7] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 148 и рис. 60.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук
АрмФАН — Армянский филиал Академии наук СССР
АС — Археологический съезд
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВАН — Вестник Академии наук
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
ВС — Вокруг света
ВФ — Вопросы философии
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДАК — Дело Археологической комиссии
ДАН — Доклады Академии наук
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАОМК — Записки Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения
ЗБМИК — Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры
ЗЖ — Зоологический журнал
ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗС — Знание — сила
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИГрозОКМ — Известия Грозненского областного краеведческого музея
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИКрымОГО — Известия Крымского отделения Географического общества.
ИМолдФАН СССР — Известия Молдавского филиала Академии наук СССР
ИООН АН — Известия Отделения общественных наук Академии наук.
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИЭ — Институт этнографии Академии наук СССР
КирФАН — Киргизский филиал Академии наук СССР
КНИИ — Кабардинский научно-исследовательский институт
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НЗІСН — Наукові записки Інституту суспільних наук (Львівський філіал Академії наук УРСР)
НиЖ — Наука и жизнь
НМ — Новый мир
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПИШ — Преподавание истории в школе
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
САН ГрузССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
СИИИ — Сообщения Института истории искусств Академии наук СССР
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ — Советская этнография
ТАН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
ТИИФ — Труды Института истории и философии
ТМ — Техника молодежи
ТрГИМ — Труды Государственного Исторического музея
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УЗИВ — Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР
УЗМарИЯЛИ — Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
УЗМГПИ — Ученые записки Московского государственного педагогического института
УЗМолотУ — Ученые записки Молотовского государственного университета
УЗСГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета
УЗТГПИ — Ученые записки Томского государственного педагогического института
УЗТувИЯЛИ — Ученые записки Тувинского института языка, литературы и истории
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР
ЭВ — Эпиграфика Востока
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. Я Брюсов (Москва). Археологические культуры и этнические общности 5
П. П. Ефименко (Ленинград). К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. (О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа) 28
А. П. Окладников (Ленинград). Приморье в I тысячелетии до нашей эры. (По материалам поселений с раковинными кучами) 54
С. С. Сорокин (Ленинград). Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения. 97
Б. Н. Аракелян (Ереван). Развитие ремёсел и товарного производства в Армении в IX—XIII веках 118
Д. М. Гурвич (Ленинград). В. Н. Татищев и русская археологическая наука. 153

Материалы

Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов (Москва). Памятники эпохи бронзы в Дагестане. (Курганная группа у станции Манас) 167
С. А. Семенов (Ленинград). Обработка дерева на древнем Алтае. (По материалам Пазырыкских курганов). 204
Э. О. Берзин (Москва). О линейных мерах Боспора 227
Т. М. Минаева (Ставрополь). Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии 236
Э. А. Сымонович (Москва). Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры. 262
Н. В. Холостенко (Киев). Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954 гг.) 271
Список сокращений 293

Советская археология, в. 26

*

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР

*

Редактор издательства *О. Д. Дашевская*
Технический редактор *Т. А. Землякова*

*

РИСО АН СССР № 126—83 В Сдано в набор 22/VII 1956 г.
Подп. в печать 26/XI 1956 г. Т-11098 Формат бум. 70×108¼₁₆
Печ. л. 18,5+1 вкл. = 25,34+1 вкл. Уч.-изд. лист. 25,1+0,2 вкл.
Тираж 1500. Изд. № 1658 Тип. зак. 849
Цена 16 р. 65 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
5	11 сн.	Б. Б. Горнунга	Б. В. Горнунга
39	6 св.	голка	головка
140	13 сн.	у достань	и достань
178	1 сн.	рис. 6, 7	рпс. 7, *6*
Вклейка к стр. 262:			
слева	23 сн.	J. L. Pic	J. L. Pič
справа	22 сн.	стр. 95	стр. 85
292	7 св.	течении ре[2].	течения в архитектуре [2].

В XXV сб. «Советская археология» была допущена опечатка в заглавии и в оглавлении статьи П. И. Борисковского. Напечатано: «Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II в 1952 году»; нужно: «Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II в 1953 году»